

ВЕСТНИК
ЕВРЕЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В МОСКВЕ

№ 2 (18)

МОСКВА ИЕРУСАЛИМ
1998 5759

**Издание журнала осуществляется
благодаря поддержке
Российского Еврейского Конгресса
Американского Распределительного Комитета
«Джойнт»
Корет Фаундейшн (Сан-Франциско)**

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ

№ 2(18), 1998

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Социология

- Л. ГУДКОВ. Антисемитизм в России. 1990—1997 гг. 4

История

- Л. ЭЛЬЯШЕВИЧ (С.-Петербург). Еврейские цензоры в России. 1797—1917 гг. 35
- С. КОЛИНЧУК (С.-Петербург). Павел Аксельрод, Лев Дейч и другие... (Еврей-народники и погромы 80-х гг. XIX в.) 43
- С. БРИМАН (Хайфа). Еврейский вопрос в общем контексте парламентских дискуссий I Государственной думы 63
- М. ГОН (Ровно). Сионистское движение Западной Украины (конец XIX в.—1929 г.) 72
- Д. РОМАНОВСКИЙ (Иерусалим). Отношения между евреями и неевреями на оккупированных советских территориях глазами евреев: на примере Северо-Восточной Белоруссии и Западной России 89

Культура

- Г. АГРАНОВСКИЙ (Вильнюс). Первые еврейские светские школы в Литве 123
- М. ГОНЧАРОВ (Иерусалим). Из истории прессы еврейского анархистского движения 135
- Б. ФРЕЗИНСКИЙ (С.-Петербург). Еврейская тема мемуаров И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» — в почте «Нового мира» за 1961 г. 157

ОЧЕРКИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Р. ГЕНЗЕЛЕВА (Иерусалим). Руфь Зернова. Пути еврейского самосознания 166
-

МОСКВА
1998

ИЕРУСАЛИМ
5759

АРХИВ

Публикации

- Письма Л. Б. Яффе к М. О. Гершензону. Публикация Б. Горю-
вица 210
- А. ПЕРЕЛЬМАН. «Еврейский Мир» (Глава из воспоминаний).
Публикация Е. Рабинович, комментарий В. Кельнера 226
- Н. АРОНСОН. Автобиография (по материалам семейного ар-
хива Аронсонов в Нью-Йорке). Публикация М. Гланц 278

РЕЦЕНЗИИ

- А. ЛОКШИН. Рецензия на книгу: Первый Сионистский кон-
гресс в 1897 г.: Причины, значение, актуальность. Базель,
1997 304
- А. Л. Рецензия на книгу: Евреи в духовной жизни Молдовы:
Страницы истории и современность. Кишинев, 1997 308

ХРОНИКА

- Й. ПОРАТ. Пятая Международная ежегодная конференция по
нудайке в Москве 312

Редакционная коллегия:

Р. КАПЛАНОВ — <i>председатель</i>	А. ЛОКШИН
М. КУПОВЕЦКИЙ — <i>главный редактор</i>	А. МИЛИТАРЕВ
М. ГРИНБЕРГ — <i>зам. главного редактора</i>	В. ПЕТРУХИН
А. ЛИБЕРМАН — <i>зав. редакцией</i>	В. СОБКИН
Г. КАЗОВСКИЙ	М. ЧЛЕНОВ
В. КЕЛЬНЕР	Ш. ШТАМПФЕР
А. КОВЕЛЬМАН	

ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

Л. Гудков

АНТИСЕМИТИЗМ В РОССИИ. 1990—1997 гг.

Массовое отношение к евреям в России, как свидетельствуют результаты проведенных ВЦИОМ исследований¹, характеризуется двумя противоположно направленными тенденциями. С одной стороны, прекращение политики государственного антисемитизма с конца 80-х гг. лишило проблему отношения к евреям (а вместе с тем и вопросы антисемитизма) напряженности и акцентированности в общественном мнении, в средствах массовой информации, в публичных сферах. С другой стороны, риторика антисемитизма не исчезла, а оказалась одной из составляющих идеологической пропаганды небольших, но агрессивных групп политических маргиналов, призывающих к реставрации старого порядка, к новой мобилизации против нынешней власти и тем самым к резкой дестабилизации социального порядка и всего нынешнего состояния относительного благополучия. Последнее в свою очередь вызывает стойкое неприятие основной части населения и слабую эффективность антисемитской демагогии.

Антисемитизм (в широком смысле — как совокупность различных типов негативного отношения к евреям) не является выраженной идеологией или самостоятельной составляющей умонастроений в обществе, изолированной и независимой от других антипатий, предрассудков и фобий. Антисемитизм — компонент общей ксенофобии, аморфного комплекса этнического негативизма, представлений об этнических «других», которые обеспечивают различные уровни и элементы этнонациональной идентификации русских и других народов. Сюда входят и проекции желаемых «у себя» и вытесняемых из образа «себя» ценностных качеств и способностей, мотивов действия, особенностей понимания человеческой природы, склонностей, приписываемых соответственно «себе» и «другим», фиксация психологиче-

ских комплексов — неполноценности и превосходства, зависти, несостоятельности, подозрительности, в том числе и отсутствия должного уважения и т. п. элементов самоидентичности, которые все в целом поддерживают разграничения и барьеры между разными воображаемыми этническими общностями².

Аналитики давно показали, как с этими представлениями о «себе» и о «других» у различных групп соединяются особые социально-групповые интересы (например, в сохранении собственных статусных или экономических позиций, в отстранении других от доступа к ресурсам или возможностям профессиональных занятий), каким образом происходит негативная стигматизация конкурентов или их дискредитация, то есть как те или иные этнические или культурные представления превращаются в идеологические составляющие. Этот набор ксенофобических определений меняется в разных социально-исторических ситуациях (соответственно, он различается в разных социальных группах, которые мы можем условно характеризовать как находящиеся в разных фазах развития или соотносить с ними), дополняется или изменяется за счет ухода одних признаков или, напротив, появления других, более значимых объектов этнического сопотнесения.

При этом, как показали материалы наших исследований, совершенно неважны фактически составляющие этих этнических представлений, их «достоверность» или социальная, психологическая, историческая «адекватность». Каким бы ни был по смыслу тот или иной предрассудок или негативистское предубеждение, чем бы они ни объяснялись в момент своего возникновения, дальнейшее их существование, воспроизводящееся значение, действительность связаны не с их семантикой, а с их функциональной ролью — быть ресурсом для использующих их (для негативной идентификации, дискриминации, защитной компенсации и т. п. у слабых в социальном и культурном плане групп).

Действенность стереотипа заключается вовсе не в том, верят ли люди тем или иным наветам или разделяют те или иные представления о евреях, грузинах, русских или чукчах, а в том, что они могут использовать подобные представления в своих интересах в тех или иных ситуациях. Еще несколько лет назад фраза: «Но он еврей, вы же сами понимаете» — в кадровом отношении звучала вполне осмысленно, поскольку апеллировала к негласному консенсусу управляющих и подчиненных: «адми-

нистрация особо относится к евреям», положения которого готово было разделять большинство без всякой связи с кровавым наветом, обвинениями в распятии Христа или мировым сионизмом, представлениями о том, что евреи чуждаются физического труда и т. п. (Примерно так же сегодня осмыслено словообразование «лица кавказской национальности» в самых разных контекстах — от милицейских сводок до политических заявлений; негативный денотат сохраняется, даже если он непосредственно не обозначен в таком виде, например, в уличных объявлениях: «Семья приличных русских снимет квартиру» или «Сдаю комнату. Кавказ не предлагать».) Иначе говоря, какова бы ни была история образования стереотипа, логика его использования непосредственно не связана с ней. Такое понимание структуры предрассудков объясняет крайнюю неэффективность и неумность рационалистической критики антисемитизма, полемики с его носителями, убеждений их в том, что «они не правы», что «Протоколы сионских мудрецов» — фальшивка и проч. Непонимание социального смысла функционирования негативного предубеждения заставляло интерпретаторов искать в подсознании тайные, иррациональные причины поведения ксенофобов и антисемитов, мотивы страха, регрессии, фиксации и т. п., связывая их, например, с кастрационным комплексом или отыскивая их корни в скрытых архетипах культуры, в метафизических обстоятельствах русской культуры и проч. При этом оставалась без внимания ситуация в других странах, например в Польше («антисемитизм без евреев») или в Австрии, в которой антиеврейские настроения питаются из совершенно иных культурных источников. Единственно социально действенные меры в этой связи могут заключаться в формировании такой ситуации в обществе (социальной, моральной, политической, цеховой, корпоративной, экономической, аристократической, правовой и проч.), в которой оказывается невозможным, неэффективным или имеющим обратный эффект использование для каких-либо целей ресурсов этнического негативизма (соответственно, обращение к таким основаниям групповой солидарности).

В этом плане сегодня нельзя найти ни одной группы в российском обществе, которая была бы совершенно свободна от тех или иных этнических фобий или антипатий. Дело заключается лишь в их наборе, мере распространенности, интенсивности и

факторах, ограничивающих их действие. Различные виды ксенофобии пересекаются (вероятность обнаружить другие виды ксенофобии у респондентов, высказывающих те или иные этнонациональные антипатии, составляет 75—80%), образуя сложные наборы негативных реакций на «воображаемых других».

Таблица 1

Отношение россиян к людям различных национальностей*

В о п р о с: Как вы чаще всего относитесь к людям других национальностей?
Например, к... (в % к числу опрошенных)

	Позитивное				Негативное			
	1990	1993	1995	1997	1990	1993	1995	1997
украинцам	—	81	83	88	—	7	7	7
татарам	—	71	74	72	—	13	12	14
евреям	57	68	64	72	13	17	17	16
эстонцам	—	64	—	61	—	16	—	21
узбекам	59	61	59	66	11	20	18	19
армянам	—	—	41	—	—	—	35	—
азербайджанцам	—	43	42	49	—	43	39	35
цыганам	—	39	36	43	—	48	48	44
чеченцам	—	35	30	38	—	48	51	50
неграм	50	—	—	60	9	—	—	19
немцам	86**	—	—	—	7	—	—	—
американцам	74	—	—	78	2	—	—	11

* Прочерк означает, что в этом году вопрос об отношении к людям данной национальности или этнической группы не задавался. Приводятся интегральные позитивные ответы («в целом отношусь положительно») или сумма позитивных ответов («с полным доверием», «спокойно, без тревоги») и интегральные негативные ответы («в целом отрицательно») или их сумма («со страхом», «с раздражением или недоверием»).

** Сумма ответов «хорошо» (40%) и «нейтрально» (46%).

Основную массу этнического негативизма в России сегодня образуют антикавказские установки (плюс неприязнь к цыганам),

развившиеся сравнительно недавно, не ранее 20—25 лет назад. В сумме они составляют примерно $\frac{2}{3}$ всех ответов респондентов, в которых выражены те или иные неприязненные или фобийные реакции в отношении людей других национальностей. Другие разновидности рутинной или традиционной ксенофобии (по отношению к евреям, татарам, узбекам и др.) имеют гораздо более длительные циклы изменений, которые слабо связаны непосредственно с актуальными социальными изменениями. В противоположность им отношение к эстонцам и чеченцам отражает колебания в установках идеологических институтов, в первую очередь — властей и средств массовой коммуникации.

Смена тональности государственной политики в отношении Прибалтийских стран, происходящая под воздействием национал-патриотических сил и номенклатурного национализма, постепенно принимается населением, по крайней мере его частью (среди этих респондентов заметно выделяются социально-периферийные группы, сохраняющие традиционно советский образ мысли, — пожилые люди, неквалифицированные рабочие, жители малых городов и регионов, входящих в «красный пояс» областей, голосовавших за коммунистов и прежнее начальство, или, напротив, немолодые люди с высшим образованием). Огрубляя, можно сказать, что сохраняется общий уровень симпатий или благожелательного отношения к «обычным» людям этих национальностей и усиливается негативное идеологизированное отношение к государствам, государственной политике этих стран.

В общем и целом массовое отношение к евреям может определяться как преобладание позитивных или по меньшей мере толерантных установок, нейтральным отношением подавляющей части российского, и прежде всего русского, населения к евреям, в принципе не отличающимся от отношения к любым другим этническим группам в России. Вместе с тем наблюдается известный рост антиеврейских настроений и своего рода сплочение наиболее идеологизированных антисемитов, а также «размывание» прежде пассивных и не включенных в эти публичные коллизии групп и слоев под влиянием средств массовой информации, тиражирующих взгляды и оценки консервативных социально-политических сил. Отмечаемый нами рост неприязненных, или негативных, представлений о евреях (сам по себе не столь значительный, как увеличение толерантных мнений и позиций)

связан с «подъемом», «растормашиванием» низового или периферийного массива носителей наиболее ругинных этнических стереотипов и представлений, характеризующегося инертностью, политической и социальной неподвижностью, зависимостью от других социальных сил и инстанций, а не с активизацией агрессивной части юдофобов. Подавляющее большинство населения России в целом оказалось настроенным довольно определенно против любых групп и сил, способных дестабилизировать нынешнее состояние общества, спровоцировать столкновение или конфликты любого характера — социального, этнического, политического, экономического рода. Социологические исследования зафиксировали крайне низкую массовую мобилизационную готовность отстаивать какие бы то ни было идеологические ценности и символы («спасение или возрождение великой России», «отстаивание ее территориальной целостности», «возвращение роли великой державы», «идеалов социализма», «православной монархии», «восстановление социальной справедливости», «равенства» и проч.), хотя декларативно их признание может быть сравнительно широким (но опять-таки чаще в негативном ключе: как сожаление об утрате, ностальгия по прежнему величию, уверенности в завтрашнем дне и проч.).

На этом фоне социально-политическая деятельность крайних русских националистов, широко использовавших антисемитские и антиссионистские лозунги и риторику, не находила достаточного отклика в массовом сознании. Точно так же негативно воспринимались стороны, участвовавшие в локальных этнических конфликтах или — в глазах общественного мнения — поддерживавшие их, политические элиты тех наций, которые инициировали процесс распада СССР, а также те национальные бюрократии, которые позволяли себе антироссийский тон (вне зависимости от того, насколько этот тон был оправдан или обоснован). Негативизм поэтому усилился в отношении к прибалтам, жителям среднеазиатских республик (узбекам, таджикам, киргизам, в меньшей степени — казахам) или северокавказских республик, украинцам и др.

Примерно две трети общей массы всех антиеврейских высказываний в данном опросе сделаны менее одной пятой всех опрошенных (18%), причем ядро наиболее юдофобских реакций охватывает от 6 до 10% всех опрошенных. Эти данные практиче-

ски полностью повторяют результаты предыдущих исследований 1990 и 1992 гг.

Выраженные юдофильские настроения составляют примерно такую же долю всех ответов, что и агрессивно-негативные установки: от 10 до 22% респондентов высказывают подчеркнутую симпатию к евреям, последовательную готовность защищать их права (включая право на образование собственных политических партий) и иметь еврея в качестве «отца нации» — президента страны.

Подавляющая же часть опрошенных, не допуская возможности дискриминации евреев в повседневных сферах социальной жизни (то есть считая неприемлемыми какие-либо ограничения в получении образования, в профессиональном плане, праве на юридическую защиту и проч.), возражает против занятия евреями символических и представительских позиций в политике, руководстве государством (не желает иметь еврея в качестве президента, считает нежелательным занятие евреем ключевых должностей в высшем командовании армией, органах госбезопасности и т. п.).

Кто те люди, которые неприязненно или враждебно относятся к евреям? Рассмотрим распределение ответов (см. табл. 2) на самый общий вопрос в данном исследовании: «Как вы чаще всего относитесь к... евреям?» (приведены характеристики респондентов, выбравших вариант «в целом отрицательно» в приводимой выше батарее из 10 вопросов (табл. 1) об отношении к людям разных национальностей; первый столбец табл. 2 характеризует доли этих ответов в разных категориях опрошенных, второй столбец данных показывает, как распределяется основная масса негативных установок в отношении к евреям по разным категориям опрошенных):

Таблица 2

Распределение негативных установок по отношению к евреям (в %)

	По отношению ко всем опрошенным	Среди всех давших негативные ответы
П о л		
мужской	20	58
женский	12	42

В о з р а с т		
до 24 лет	20	21
25—39 лет	14	27
40—54 года	13	19
55 лет и старше	17	33
О б р а з о в а н и е		
высшее	12	11
среднее	13	38
ниже среднего	20	51
М е с т о ж и т е л ь с т в а		
Москва + СПб.	16	10
большие города	20	31
малые города	12	32
село	16	27
Д о х о д		
высокий	16	19
средний	16	56
низкий	15	17
не указан	18	8

Исходя из этих данных, доминантная разновидность антисемитски настроенных респондентов может быть описана следующим образом: это преимущественно мужчины, пожилые и низкообразованные, жители небольшого или среднего по размеру города, со средними доходами и не имеющие евреев среди близких родственников и знакомых, коллег по работе или соседей (количество тех, кто вообще не сталкивается ни с одним евреем в своем социальном окружении, составляет 60% данной группы!) или знакомые с ними очень слабо, имеющие случайные или непродолжительные контакты с ними (еще 23%). По своим политическим ориентациям, симпатиям и предпочтениям больше всего среди этих респондентов жириновцев (удельный вес последних в 1,8 раза выше, чем голосовавших за Ельцина на последних выборах) и сторонников КПРФ (последних в 1,5 раза больше, а активных членов КПРФ — в 2,5 раза больше, чем

избирателей Ельцина; существенно выше среднего и число верных сторонников Сталина и Ленина), а также вообще политически некомпетентных, не разбирающихся в сегодняшних политических хитросплетениях, вообще не участвовавших в выборах. Понятно, что среди этой группы респондентов весьма распространены расистские предрассудки, они противники любых межнациональных браков. Эти люди — сторонники национальной дискриминации при приеме на работу — особенно при назначении на ключевые посты в правительстве, силовых министерствах, СМИ, — ограничения приема нерусских в вузы (в 3 раза выше среднего) и, наконец, для полноты и завершения картины, в 3 раза чаще, чем в среднем (44% и 15%), винящие евреев в трудностях, которые сегодня переживает страна, и в бедах, которые принесла с собой революция.

Вообще говоря, связь между политическими ориентациями и отношением к евреям носит несколько односторонний характер: прослеживается зависимость между «теплым» отношением к коммунистам и патриотам и неприязненным отношением к евреям, но обратная зависимость — между хорошим или, скажем, толерантным отношением к евреям и выраженной ориентацией на либеральных или демократических политических лидеров или партий (либеральных в европейском смысле, а не ЛДПР) — не видна или она слишком слаба, хотя корреляции этого рода прослеживались еще в 1992 г. После 1994 г. такой зависимости не устанавливается. Можно, впрочем, говорить о взаимосвязях между толерантными, спокойно-нейтральными установками в отношении к евреям (а также к другим этнонациональным группам) и прозападными взглядами и представлениями, ориентациями на опыт западных стран, по крайней мере отсутствием фобий в отношении Запада.

Так, например, те, кто дает самую низкую оценку деятельности лидера РНЕ А. Баркашова, обнаруживают более низкий уровень антисемитских настроений (на 3—5 процентных пунктов (пп.) ниже средних); те же, кто оценивает его очень высоко, демонстрируют антисемитские реакции в 3—4 раза чаще среднего. Такие же связи устанавливаются и между антиеврейским негативизмом и оценками Г. Зюганова, А. Лукашенко; между низкими оценками Б. Немцова или А. Чубайса и антиеврейскими настроениями (у тех, кто дает самые низкие оценки последним, пока-

затель антиеврейских установок удваивается в сравнении со средними значениями). Правда, все эти зависимости довольно слабые, поскольку полярные группы одобряющих и осуждающих этих политиков по своим размерам малы и статистические связи здесь носят не очень устойчивый характер (особенно это проявляется в отношении Б. Березовского). Но тем не менее общий вывод в данном случае может быть сделан такой: мы можем говорить лишь об определенной связи между антисемитскими представлениями наиболее агрессивной части населения, его юдофобского ядра, и поддержкой лидеров шовинистического, нацистского или коммунистического толка, а также — негативным отношением этой сравнительно небольшой группы опрошенных (составляющей от 2 до 5—6% по выборке) к политикам реформационного и демократического плана. Для основной же части населения таких связей не устанавливается.

Подобной разновидностью человеческого материала антисемитски настроенный массив респондентов, разумеется, не исчерпывается, хотя он и представляет наиболее распространенные его формы. Характерный всплеск ксенофобии у молодых (в большинстве своем — низкообразованных, живущих в малых городах, испытывающих из-за хронической социально-экономической депрессии все особенности социальных напряжений и социальной дезорганизации) носит фазовый, социализационный и ситуативно-локальный характер, то есть позднее, с возрастом, интенсивность этих антиеврейских установок слабеет, хотя полностью они не исчезают; тем не менее в данном возрасте они наиболее агрессивны. Этим негативизм молодых отличается от гораздо более общего, устойчивого и опасного корпоративного антисемитизма директоров, бюрократии, политиков.

Среди нерусского населения (кроме татар и немцев, живущих в России) показатель общих, диффузных негативных установок в отношении евреев в среднем на 20—25% выше, чем у русского населения (особенно он повышается у респондентов, принадлежащих к титульному населению бывших национально-автономных образований, что, впрочем, известно по другим исследованиям, описывающим процессы национальной консолидации и сопутствующие им феномены роста ксенофобии). Однако среди тех, кто обнаруживает отчетливо юдофобские, агрессивные установки (например, отвечает утвердительно на

вопрос: было бы лучше, если бы в России вообще не было евреев), русских чуть больше (на 1 пп.), чем представителей каких-либо иных этнических групп. Нет прямой связи между антисемитизмом и конфессиональной принадлежностью (в частности, православием), однако фиксируется прямая зависимость между рутинной ксенофобией и церковным традиционализмом (частотой посещения церковных служб: у тех, кто посещает церковь каждую неделю, показатели рутинной ксенофобии, неприязненного отношения к евреям вдвое выше средних значений). Это и понятно, если учесть то обстоятельство, что чаще всего посещают церковь пожилые и низкообразованные люди.

Сопоставление данных трех опросов показывает, что антиеврейские настроения за семь лет слабеют или как минимум не усиливаются (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

**Как изменились антиеврейские настроения в России за последние два-три года?
(в % к числу опрошенных)**

	1990	1992	1997
увеличились	19	10	9
остались на прежнем уровне	17	25	28
уменьшились	6	7	21
их не было и нет*	—	—	10
не могу сказать определенно	58	58	32

* В 1990 и 1992 гг. этот вариант ответа в анкетах отсутствовал.

Таблица 4

**Как вы считаете, много ли людей в России настроено против евреев?
(в % к числу опрошенных)**

	1990	1992	1997
почти все	4	4	2
больше половины	15	16	20

меньше половины	15	13	25
очень мало	21	16	30
не могу сказать определенно	45	52	24

Отметим, что среди тех, кто полагает, что «почти все» или «больше половины» населения России настроены против евреев или что антиеврейские настроения выросли за последние два-три года, удельный вес антисемитов в 2,5 раза выше среднего; в такой же пропорции растет среди них и число тех, кто имел личные столкновения, ссоры или конфликты с евреями. Из этих данных вытекает, во-первых, склонность меньшинства к «самоподкреплению» своих мнений через апелляцию к «мнению большинства», а во-вторых, тривиальная зависимость — наличие негативных установок провоцирует конфликты и в свою очередь является фактором, подкрепляющим антисемитские стереотипы.

Т а б л и ц а 5

Были ли у вас лично за последнее время столкновения, конфликты, ссоры с евреями? (в % к числу опрошенных)

	1990	1992	1997
были	10	10	9
не было	89	90	91

У более половины из тех, кто сказал, что им «приходилось в последнее время быть свидетелем враждебности или несправедливости евреев по отношению к России и русским», были ссоры или конфликты с евреями. (Всего среди всех опрошенных на это обстоятельство указало 8%; 92% — таких случаев не приходилось наблюдать. Средой, в которой возникают подобного рода напряжения и конфликты, как нетрудно догадаться, являются отношения между соседями и сослуживцами, когда частные склоки и ссоры быстро приобретают этническую окраску).

За последние пять лет в два с лишним раза уменьшилось и число тех, кто отмечал проявления враждебности к евреям или оскорбления их в общественных местах и государственных учреждениях (табл. 6 и 7).

Таблица 6

**Приходилось ли вам в последнее время быть свидетелем враждебности или несправедливости в отношении евреев на улице, в очереди, в транспорте?
(в % к числу опрошенных)**

	1990	1992	1997
да, приходилось	19	19	8
нет, не приходилось	81	81	92

Таблица 7

**Приходилось ли вам в последнее время быть свидетелем враждебности или несправедливости в отношении евреев на работе, в государственных учреждениях?
(в % к числу опрошенных)**

	1990	1992	1997
да, приходилось	13	10	5
нет, не приходилось	86	90	95

Вопреки довольно распространенному мнению, евреи не рассматриваются как сколько-нибудь влиятельная группа в обществе, а потому и не представляют опасности для дестабилизации социального порядка. На шкале групп и институтов, вызывающих опасения своей влиятельностью (из 13 позиций), евреи занимают 7-е место с невысоким, отрицательным значением (табл. 8).

Таблица 8

Какое влияние имеют в нашем обществе такие группы, как... (взяты соотношения только двух вариантов ответа — «слишком большое» и «слишком малое» — в % к числу опрошенных)

средства массовой информации	3,20
иностранцы предприниматели	2,75
приезжие с Кавказа	2,71
российские предприниматели	1,91
чиновники, госслужащие	1,56
депутаты Госдумы	0,71

евреи	0,69
мусульмане	0,56
органы госбезопасности	0,53
коммунисты	0,31
армия, военные	0,19
интеллигенция	0,08
рабочие	0,05

Влиятельность евреев в обществе с этой точки зрения оценивается очень по-разному: выше всего у тех, кто сохраняет наиболее архаичные негативные стереотипы (неквалифицированные рабочие, особенно в селе) или опасается профессиональной конкуренции со стороны евреев (бюрократия); у руководителей соотношение этих реакций — 1,0, у специалистов — 0,9, у служащих — 0,7, у квалифицированных рабочих — 0,6, у неквалифицированных рабочих — 1,4, у учащихся — 0,4.

«Угроза» со стороны евреев ощущается главным образом партиями, которые привлекают симпатии либо уходящего поколения (КПРФ), либо дезориентированного и люмпенизированного электората депрессивных регионов (РНП, ЛДПР): у сторонников НДР — 0,6, симпатизантов ДВР + «Яблоко» — 0,9, у жириновцев, сторонников Лебеда — 1,0, поддерживающих КПРФ — 1,1, нацистов, сторонников РНЕ Баркашова — 1,3.

По мнению опрошенных, в разжигании вражды к евреям заинтересованы прежде всего «русские националисты» (29%) и «темные, необразованные люди» (26%). Таков преобладающий тон оценок и подходов к обсуждению самой проблемы, отчасти блокирующих последующее ее понимание. Сравнительно небольшие категории респондентов добавляют к этому списку указания на различные «группы интересов» — «коммунисты» (4%; мнение, примыкающее к варианту «русские националисты»), «предприниматели, боящиеся конкуренции» (6%), а также «сионисты» и «демократы» (соответственно — 12 и 1% опрошенных) либо нынешние «власти» (10%). В этих последних ответах проступает характерная логика «заговора заинтересованных», знакомая еще со сталинских времен. Доли ответов твердых антисемитов примерно те же, что и пять—семь лет назад.

Образ евреев в массовом сознании весьма неоднозначен и

противоречив. Как показали исследования предыдущих лет, его негативные составляющие практически не предполагают опыт реального взаимодействия респондентов с евреями или знакомства с ними, не опираются на него. Установки в отношении евреев усваиваются до личного общения с ними, поскольку обусловлены давними и мало изменяющимися предрассудками о евреях и представлениями об их образе жизни или культуре. Структура негативного стереотипа сохраняется в принципе без особых изменений в различных социальных группах, регионах проживания, у людей разного возраста или образования — меняется лишь удельный вес отдельных элементов и соответствующих представлений. В определенном смысле «чистота» выражения негативных установок выше в той среде, которая вообще не имеет опыта взаимодействия с евреями, поскольку последние там не живут, а именно: в селе или в малых городах (согласно переписи 1989 г., подавляющая часть евреев в России — примерно 85% — сосредоточена в больших и сверхкрупных городах с численностью жителей свыше 500 тысяч).

Основу негативного стереотипа в отношении евреев составляют представления, характерные для так называемого «аграрного антисемитизма», получившего распространение в период начальной модернизации (1860—1890 гг.). В этот именно период стала распадаться прежняя этносословная структура Российской империи, общество потеряло патриархальную косную статичность, начало массовизироваться, интенсивно формировалась идеология русской национальной культуры и вырабатывались (впервые!) как правительственной бюрократией, так и образованной, книжной публикой, настроенной отчасти народнически — журналистами, профессурой, учителями и т. п., — экзотические представления не просто о «мужиках», но о «русском характере» в сравнении с людьми других этнических общностей. Сегодня в тех рассуждениях очень заметен этот патерналистский, «представительский» тон речений о национальных особенностях, национальных интересах и перспективах. Но важно, что именно эти оценки, например антиеврейские клише, предрассудки, будучи тиражируемыми и распространяемыми тогдашним образованным слоем, стали затем базовыми в этнических определениях.

«Чистая публика» универсализировала и рационализировала слепую традиционно-племенную чуждость и настороженность,

идеологически санкционировав трайбалистскую неприязнь в социальную и национально-культурную. Понятно, что обобщающие негативные характеристики евреев появились не в крестьянской среде (которая в массе своей практически не имела контактов с инородцами), но они были внесены статусно более высокими группами полуобразованных в едва затронутую начальной грамотой среду городских низов, типическую среду неоурбанистов (в самых разных контекстах выступавших горячим материалом для погромов как первых российских, так и недавних — в Андижане, Оше или Сумгаите), вначале главным образом в Черте оседлости и лишь позднее, после революции, в ходе резкой урбанизации, миграции и общего перемешивания населения, стали действительно массовыми, потеряв при этом свой специфический интеллигентско-слоевой характер.

Иначе говоря, даже наиболее стертые и старые по времени клише, определяющие еврея как мелкого торговца, городского жителя, «чужого» в культурном и социальном плане для малогородской или деревенской общины, точнее — «лишнего», с точки зрения носителя национально-органических попечительских взглядов, а потому — вызывающего недоверие и подозрительность, уже содержали специфический идеологический момент: неприятия чужих, новых, динамично поднимающихся групп, сильных по своему социальному потенциалу, — иначе говоря, носили защитно-компенсаторный характер. Отсюда — акцентирование в образе евреев таких черт и свойств, как стремление избегать грубой физической работы, склонность к рациональности, расчету взамен «открытости» и «душевности», нелояльность доминирующим коллективам и общностям, своекорыстие и солидарность только со своими «единоверцами» и «единокровниками», убежденность в том, что «евреи живут богаче других», «живут за чужой счет». Но эти традиционалистские пласты негативного отношения часто (особенно для нынешних малограмотных и деревенских, изолированных в социальном смысле от городской жизни групп) соединяются с рутинной ксенофобией ко всем представителям других этнических общностей.

В этом плане негативизм к евреям мало отличается от дистанцирования и настороженности, чужести ко всем, кто не принадлежит к той же группе, к той национальности, к которой относится опрашиваемый. Последний момент объясняет повышенный негативизм к евреям (выше среднего), фиксируемый в

национальных автономиях, а теперь — республиках, входящих в состав Российской Федерации.

Т а б л и ц а 9

Согласны ли вы с тем, что евреи, как правило...

	Согласны			Не согласны		
	1990	1992	1997	1990	1992	1997
воспитанные, культурные люди	62	65	75	7	7	9
избегают физического труда	61	60	66	12	14	17
живут богаче других людей	58	55	62	13	14	16
живут за чужой счет*	18	23	—	35	33	—
для евреев выгода важнее человеческих отношений	40	40	50	18	17	24
среди евреев много талантливых людей	68	66	80	3	7	6

* В 1997 г. этот вариант ответа отсутствовал в анкете.

Максимум негативизма такого рода приходится на пожилых, низкообразованных респондентов, живущих в селе или малых городах, где и оседают остатки прежних идеологических построений, чем, собственно, и заканчивается процесс социокультурной динамики, ретрансляции культурных образцов. Рассмотрим подробнее один из вариантов тестовых вопросов (табл. 10). Обратим внимание читателя на то, что пики значений падают на самые консервативные группы: женщины (особенно пожилые), низкое образование, малый город и село, консервативно-репродуктивная провинция или периферия в собственно социологическом смысле.

Таблица 10

Согласны ли вы с тем, что для евреев деньги, выгода важнее человеческих отношений? (100% по строке)

	Согласны	Не согласны	Затруднились ответить
мужчины	49	22	29
женщины	52	25	23
В о з р а с т			
до 24 лет	38	29	33
25—39 лет	49	25	26
40—54 года	51	25	24
55 лет и старше	58	19	23
О б р а з о в а н и е			
высшее	38	39	23
среднее	50	25	25
ниже среднего	56	17	27
О б р а з о в а н и е / в о з р а с т			
до 39 лет высшее	36	40	24
до 39 лет среднее и ниже	47	24	29
старше 40 лет высшее	41	36	23
старше 40 лет среднее и ниже	57	20	23
М е с т о ж и т е л ь с т в а			
Москва и С.-Петербург	40	45	14
большие города	46	25	29
малые города	50	25	25
село	54	17	29

К уже сказанному добавляется отношение отсталой и нецивилизованной провинции к представителям городской и рафинированной культуры, людям интеллектуального, книжного труда и соответствующих профессиональных занятий. Над подо-

бными представлениями надстраиваются характерные, известные уже и в конце прошлого — начале нынешнего века обвинения евреев в недостатке патриотизма, в нелояльности к носителям русских идей и ценностей, в том, что они агенты чужой, иностранной культуры, западного, меркантильного или буржуазного духа (что, кстати говоря, указывает на те слои или группы, которые порождают эти представления: смесь дегенерирующего дворянства, чиновничества, земства, уездной или губернской бюрократии, «народничающей» интеллигенции и т. п., то есть носители амбивалентных сантиментов в отношении характера русской модернизации). Те же самые установки проявляются и в ответах респондентов из других республик бывшего СССР, особенно переживавших фазу национальной мобилизации («национального возрождения»).

Этот комплекс представлений вполне жив и в нынешнее время, однако он составляет лишь основу стереотипа, над которым надстраиваются другие (по времени и по характеру) слои представлений, выработанные уже другими группами. Эти наслоения не подавляют, не вытесняют прежние схемы понимания, а только их реорганизуют, позволяя в меняющихся ситуациях соединять их с новыми негативными интерпретациями, которые легко — в силу негативной предрасположенности — склеиваются со старыми. Логическая непротиворечивость здесь не обязательна.

То, что добавляется к негативным клише уже в советское время, связывается с комплексом неполноценности, завистью, ущемленностью новых поднимающихся социальных слоев, вызванными тем, что в результате высокой социальной мобильности евреи стали одной из самых образованных групп в СССР, заняв, соответственно, влиятельные позиции в различных областях науки, медицины, юриспруденции, в журналистике, литературе, искусстве и т. п. В этом плане к обычному антиинтеллектуализму социальных низов добавляется комплекс агрессивной зависти, специфический для образованных слоев и групп, особенно — среди периферийной бюрократии и интеллигенции, служащих. Совершенно очевидно, что он вызван условиями профессиональной или статусной конкуренции, в которой эти слои и группы, выходцы из статусно низких групп, то есть первого поколения делающих социальную карьеру, обладают меньшими ресурсами компетенции, культуры, мотивации достижения, чем евреи в целом.

Таблица 11

В какой сфере евреи проявили себя наиболее активно... (в % к числу опрошенных; ранжировано по ответам 1997 г.)

	1990	1997
искусство, литература, музыка	8	36
наука	21	33
финансы, торговля	22	—
финансы, бизнес	—	30
торговля	—	22
медицина	5	29
политика	5	21
право	—	12
журналистика	1	11
дипломатия	2	7
промышленность, техника	2	4
затруднились ответить	34	15

Изменение общего климата в отношении к евреям сказалось и на мнениях о том, где наиболее активно и успешно проявили себя евреи. Заметно повысились доли ответов «в литературе и искусстве» (на 28 пп., или более чем в 4 раза), «в науке» (в 1,5 раза, или на 12 пп.), «в медицине» (почти в 6 раз), «в политике, журналистике» и т. п. Напротив, отмеченные двойственностью массового отношения (зависти и уважения) варианты — «в торговле, финансах и бизнесе» — изменились несущественно (особенно учитывая методические изменения формулировок отдельных позиций и вариантов ответа: вместо одной позиции в 1997 г. были сделаны две, что более соответствует нынешней хозяйственно-экономической реальности).

За рамками идеологических или политических моментов, с которыми идентифицируются советский и постсоветский человек, то есть обстоятельств, символически значимых для русской национальной идентичности (декларативной солидарности с властью, готовности к самопожертвованию, отстаиванию в

случае необходимости ее интересов, ее величия и проч.), а также за пределами зон столкновения интересов отношение к евреям теряет свою определенность и негативизм. Подавляющее большинство опрошенных полагает, что, безусловно, должны быть обеспечены равные права евреев на работу, на полную социальную и юридическую защиту от дискриминации, оскорблений (68% — в 1990 г., 64% — в 1997 г., доля антисемитских ответов в этих случаях составляет 8 и 13%), на получение образования (соответственно — 80 и 76%, ответы антисемитов — 5 и 10%), право свободы выезда и т. п. Другими словами, соотношение различных позиций в этих вопросах практически не меняется или меняется настолько незначительно, что объяснения этих сдвигов могут покрываться изменениями в методике опроса (переходом в 1997 г. от самозаполнения анкеты респондентом к его интервьюированию). Нет никаких особых возражений против обычных повседневных связей и отношений с евреями (по крайней мере барьеры — расовые, этнические, социальные и т. п. — ниже, чем во взаимодействии с представителями других этнических групп).

Т а б л и ц а 12

Согласны ли вы с тем, что евреи, как правило... (в % к числу опрошенных)

	Согласны			Не согласны		
	1990	1992	1997	1990	1992	1997
хорошие, заботливые мужа и жены, родители	52	52	71	4	7	4
хорошие работники	43	53	59	17	16	18
большинство из них — по натуре добрые, миролюбивые люди	37	41	48	13	14	19
честные, порядочные люди	37	38	42	15	16	22
всегда помогают друг другу устроиться*	—	—	84	—	—	3

* В 1990 и 1992 гг. этот вариант ответа отсутствовал в анкете.

Таблица 13

Как бы вы отнеслись к тому, чтобы... (в % к числу опрошенных)

По соседству с вами жила семья евреев

	1990	1992	1997
положительно	76	70	88
отрицательно	11	17	8
затрудняюсь ответить	12	13	4

Еврей стал мужем вашей сестры, дочери, близкой родственницы

	1990	1992	1997
ничего не имел бы против	48	45	55
мне бы этого не хотелось	28	29	30
не могу сказать определенно	24	26	15

Точно такие же подвижки наблюдаются и в отношении к евреям в качестве коллег по работе, руководителей или деловых партнеров. В первых двух случаях отмечается рост как позитивных, так и негативных установок и снижение «затруднившихся с ответом» (соответственно — в 1990, 1992 и 1997 гг. положительное отношение к «еврею-начальнику» — 57, 54 и 62%; отрицательное — 22, 28, 28%; в 1992 и 1997 гг. к «еврею как деловому партнеру» положительное — 58 и 64%; отрицательное — 19 и 24%; ничего не имели бы против евреев в качестве «коллег по работе» — 75 и 84%, не хотели бы этого — 13 и 11% и т. п.).

В массовом восприятии евреи оказываются слабо связанными с наиболее важными моментами национальной самоидентификации русских — восприятием себя в качестве «государственных людей», а соответственно декларирующих свою солидарность с «великой державой», ее героическим прошлым, ее ценностями и символами. Значения, которые приписываются мифологизированным «евреям» в массовом сознании, отмечают границу этно-

национальной самоидентификации русских. С «евреями» ассоциируются те качества, которые негативно оцениваются как противоположные состоянию коллективной мобилизации, а значит — вступающие в противоречие с идеологией героичности, самопожертвования, исполнения «общего долга», без которых невозможны мотивы обязательности общей воли (открытости для подчинения) ради спасения от тотальной угрозы (природа «угрозы целому» здесь не так важна), то есть нормы коллективного заложничества.

«Евреи» поэтому представляют собой своего рода «негатив», перевернутую проекцию частной — «нормальной» — жизни, желаемой и ценимой самой по себе, в качестве жизни партикулярных индивидов, но воспринимаемых резко отрицательно в качестве свойств, присущих членам этнонационального символического целого. Поэтому они переносятся на других, приписываются «чужим», маркируются как «чужие». Доля подобных мнений в общей структуре ответов практически не меняется на протяжении последних лет, хотя число несогласных с ними видимым образом увеличивается: процент респондентов, согласных с суждением, что «евреи героически сражались в ВОВ», вырос за 1990—1997 гг. с 45 до 63%, несогласных же с ними осталось прежнее количество — 15 и 16%. Учитывая, что Отечественная война 1941—1945 гг. — центральное, осевое событие русской истории, а победа в ней — важнейший опорный символ русского самосознания, такие изменения указывают на существенный потенциал сопротивления наиболее агрессивно настроенным юдофобам, усиливающийся по мере распада механизмов организации «мобилизационного общества».

Иначе говоря, на традиционные негативные стереотипы восприятия евреев накладываются мифологизированные проекции тех ценностных качеств, которые амбивалентно оцениваются в наборе представлений о русском характере, матрице русско-советской идентичности. Именно в отказе от коллективистских норм общей лояльности и покорности, зависимости от властей и подозревают евреев как особую группу.

Не работают и открытые идеологические провокации типа поиска «козла отпущения», попыток перенести на «евреев» все раздражение, вызванное фрустрациями переходного времени.

Таблица 14

Согласны ли вы, что на евреях лежит основная вина за... (в % к числу опрошенных):

1. Бедствия, которые принесли людям революция в России и массовые репрессии в годы советской власти?

2. За трудности, которые переживает сейчас Россия?

	1			2		
	1990	1992	1997	1990	1992	1997
согласен	8	13	13	6	8	10
не согласен	47	48	58	61	62	66
затрудняюсь ответить	45	39	29	33	31	24

Упомянем еще один момент из комплекса традиционных антиеврейских представлений — миф о мировом сионистском заговоре. Сам по себе он возник как тень, негативное отражение процессов формирования национального самосознания, как негативная проекция массивизирующегося патерналистского общества и сохраняет свое значение в тех слоях культуры, которые в определенном смысле застряли на этой фазе и вынуждены воспроизводить эту мифологию для сохранения групповой идентичности. Важно подчеркнуть, что социальный потенциал расширения этого мифа отсутствует, а стало быть, он незначим в качестве средства национально-идеологической мобилизации, его среда — уходящее поколение дезадаптированных людей (характерно, что максимум ответов приходится на респондентов из больших городов, где наиболее остры социальные противоречия, вызванные реформами). Иначе говоря, распространенность этого мифа — чисто фазовое явление.

Таблица 15

Слышали ли вы о мировом сионистском заговоре? Верите ли вы в его существование? (в % к числу опрошенных)

	1990	1992	1997
о сионистском заговоре			
слышали	26	25	29
не слышали	74	75	71

в его существование			
верят	7	9	13
не верят	20	26	38

Пик подобных идеологических фобий приходится на критический возраст 45—55 лет, поколение неудачников, не сумевших достичь социально признанного положения в брежневские времена и тем более не имеющих надежды на реализацию в нынешнее. Именно эта группа людей, сравнительно образованных, как правило, специалистов с высшим образованием, жителей больших городов, характеризуется разрывом запросов, претензий и имеющихся возможностей, общей неудовлетворенностью своего положения, соответственно — усилением социальной зависти, депрессией и проч., порождающими вспышку идеологических антисемитских реакций.

Довольно слабыми остаются и антиеврейские предубеждения, обусловленные религиозными предрассудками и традициями. Подавляющая часть опрошенных холодно относится к необходимости акцентировать свою православность и традиционную антипатию к евреям; эти символы оказываются не столь значимы для национального самопонимания, как казалось на первый взгляд.

Таблица 16

Согласны ли вы с тем, что...
(в % к числу опрошенных; без затруднившихся с ответом)

	Согласны			Не согласны		
	1990	1992	1997	1990	1992	1997
евреи ответственны за распятие Христа	13	17	16	30	33	45
на евреях лежит вина перед другими народами	10	13	10	40	42	59
на других народах вина перед евреями	16	23	27	38	39	43

Согласны ли вы с тем, что...

	1997	
	Согласны	Не согласны
у евреев и христиан общие святыни	61	12
евреи и христиане могут забыть о своих распрях и обидах и жить без взаимных конфликтов и обид	72	10
евреи и христиане всегда останутся непримиримыми противниками	13	63

Рост антиеврейских реакций имеет преимущественно защитный характер, так как он связан прежде всего со стремлением ограничить для воображаемых «чужих» институты и позиции, воспринимающиеся как символически значимые для национального самосохранения.

Таблица 17

Согласны ли вы, что евреи занимают слишком много места в культурной жизни России (в % к числу опрошенных)

	1990	1997
согласен	26	39
не согласен	24	37
затрудняюсь ответить	49	24

За прошедшие годы заметно значительное увеличение как антиеврейских ответов на этот вопрос (на треть!), так и анти-антисемитских реакций (тот же порядок изменений; табл. 17). Анализ тех социальных групп, которые дали соответствующие изменения, показывает, что рост подобных антиеврейских реакций произошел главным образом за счет двух категорий — более образованных, занимающих более высокие статусы, более идеологизированных людей пожилого возраста (руководителей, специалистов), а также — ранее индифферентных к этим вопросам

служащих и рабочих (тоже скорее зрелого и пожилого возраста), пассивно реагирующих на коллективные комплексы унижения и распада «великой державы». Именно эти последние опрошенные, ранее уходившие от прямой оценки в «затрудняюсь ответить», дали основной прирост негативных высказываний (в 1997 г. категории «з/о» уменьшилась вдвое). В принципе эти изменения соответствуют общим тенденциям роста консерватизма и неотрадиционализма, связанного с разложением и деградацией образованного слоя — массовой репродуктивной или распределительной бюрократии в посттоталитарном обществе³.

Одной из наиболее выраженных особенностей этого распада и разложения образованных можно считать резкое усиление квазитрадиционалистских, ностальгических настроений по идеализируемому прошлому, по символам величия то ли царской империи, то ли советской державы, с одной стороны, и усиление механизмов психологической защиты по отношению к изменениям в любой сфере — с другой. Это разложение образованной элиты, ранее претендовавшей, пусть и чисто декларативно, на то, чтобы поддерживать какой-то определенный уровень гуманности, морального приличия, «совестливости» и «ответственности» носителей культуры за происходящее в обществе, сегодня волей или неволей начинает сказываться на массах. Стираются различия в оценках, ориентирах, взглядах между высоко- и низкообразованными людьми. Прямым следствием этой деградации становится «вытеснение» из поля общественного внимания всего «неприятного» в прошлом страны, «тяжелого», «оскорбительно-го» для национального достоинства. Вытесняются из сферы общественного обсуждения не только все относящееся к тематике сталинского террора и репрессиям, но и любые свидетельства насилия, бедности и нищеты, этнонациональной дискриминации и т. п., в том числе — и вся проблематика дискриминации евреев, массового уничтожения в годы войны, ограничения эмиграции и проч. Понятное желание стабильности, материального и психологического комфорта у общества, усталого от постоянно поддерживаемого в советское время состояния коллективной взвинченности, мобилизационной готовности (и соответствующих им ценностных представлений, обеспечивающих лояльность власти, типа государственного «патриотизма», «самопожертвования», то есть примирение с низким уровнем жизни, жизнь с вечным врагом на горизонте и т. п.), оборачивается определенной

моральной тупостью, глухотой к обстоятельствам жизни других, примитивной защитой от любых раздражающих факторов.

Подобный вывод подтверждается и характером распределения ответов о мере терпимости к евреям в отношении собственного национального равноправия, то есть допуска их к участию в политической жизни. Во всех вопросах, приводимых ниже, доля толерантных, позитивных ответов практически не меняется (кроме перспективы открытия синагоги), напротив, процент отрицательных ответов увеличивается за счет тех, кто ранее не имел определенного мнения (табл. 18).

Таблица 18

Как бы вы отнеслись к тому, чтобы... (в % к числу опрошенных)

	1990	1992	1997
--	------	------	------

Еврей стал президентом России

положительно	22	17	21
отрицательно	53	57	64
затрудняюсь ответить	25	26	15

Действовали еврейские общественно-политические организации и партии

положительно	25	18	22
отрицательно	31	41	52
затрудняюсь ответить	44	41	26

В вашем городе, районе открывались...

	Школы с преподаванием на еврейском языке			Синагоги		
	1990	1992	1997	1990	1992	1997
положительно	43	36	41	40	40	50
отрицательно	19	29	34	21	27	29
затрудняюсь ответить	38	35	25	39	33	21

Среди тех, кто считает, что «нерусский человек не может быть патриотом России», что следует ограничивать назначение людей нерусской национальности на командные должности в руководстве армией, госбезопасностью, на ключевые должности в правительстве и т. п., удельный вес антисемитски настроенных респондентов примерно в 1,5 раза больше, чем людей, придерживающихся противоположных взглядов (прослеживается сильная связь между теми, кто отрицательно относится к евреям, верит в существование мирового сионистского заговора, винит евреев в революции и в нынешних трудностях и проч.). Хотя самих этих людей не так много, корреляции между ответами на эти вопросы носят устойчивый характер.

Однако подчеркнем, что во всех отмеченных случаях речь идет прежде всего о декларативном поведении, символических предпочтениях, выражаемых в сослагательном наклонении. Фактическое поведение характеризуется гораздо большим прагматизмом и пониженностью «ценностного тонуса», специфической двойственностью и равнодушием в отношении реальной политики, недоверием к властям разного уровня и людям, включенным в ее сферы. В этом плане не только все многочисленные кампании по компромату тех или иных важных персон, всякого рода скандальные сенсации, но и попытки разогреть антисемитские настроения в обществе путем акцентирования еврейского происхождения В. Жириновского (как это делали даже солидные газеты типа «Известий»), А. Чубайса, Б. Ельцина, Б. Немцова и других, двойное гражданство Березовского наталкиваются на скептическое и холодное отношение публики. Сопоставление данных показывает, что соотношение выраженных позиций за эти годы не изменилось (табл. 19 и 20).

Таблица 19

**Часто можно слышать мнения, что в кругах, близких к руководству страны, к правительству, очень много евреев. Согласны ли вы или нет с этим мнением?
(в % к числу опрошенных)**

	1990	1997
думаю, что так и есть, и не вижу в этом ничего плохого	3	18
думаю, что так и есть, и мне это не нравится	8	23

думаю, что это не так	14	14
думаю, что это не имеет никакого значения	35	28
затрудняюсь ответить	40	17

Т а б л и ц а 20

Как вы считаете, нужно ли следить, сколько руководящих постов занято евреями, и ограничивать число евреев на руководящих должностях или ничего подобного делать не следует? (в % к числу опрошенных)

	1992	1997
нужно следить и ограничивать	29	34
ничего подобного делать не следует	40	43
не знаю, затрудняюсь ответить	31	23

Среди сторонников «следить и ограничивать» резко выделяется одна категория — директорат, руководители разного ранга⁴. У всех остальных категорий работников соотношение этих мнений принципиально не изменилось. Негативные установки с возрастом растут, получение образования на них практически не оказывает воздействия, тогда как на антидискриминационные мнения рост образования влияет достаточно существенно (рост с 40% — у людей с неполным средним до 54% — у имеющих вузовский диплом). Это обстоятельство достаточно важно, поскольку оно отражает общую динамику роста позитивных установок к евреям в целом: уровень толерантности непосредственно зависит от уровня цивилизованности. Подобное заключение подтверждается и действием такого фактора, как наличие культурного капитала (домашней библиотеки) у респондента: с увеличением числа книг установки становятся более толерантными, правда, до известного предела, поскольку у обладателей самых больших книжных собраний (а это люди пожилого возраста, занимающие достаточно важные посты) действуют обратные зависимости: приверженность тем взглядам, которые были рас-

пространены в конце 40-х — начале 50-х гг., то есть во время разгула антисемитской кампании.

---

¹ В основу статьи положены материалы общероссийского репрезентативного социологического исследования, проведенного в октябре 1997 г. по заказу Российского еврейского конгресса. Этот опрос продолжает эмпирическое изучение проблемы отношения к евреям, начатое предшествующими исследованиями ВЦИОМ, выполненными по заказу Американского еврейского комитета (АЖС) в 1990 и 1992 гг. в 10-ти республиках бывшего СССР, в том числе и России. Во всех трех случаях объемы репрезентативных общероссийских выборок сопоставимы и составляют соответственно — 1670, 1532 и 1502 опрошенных старше 16-ти лет. См. наиболее полную публикацию на русском языке результатов этих исследований: *Гудков Л., Левинсон А.* Отношение населения СССР к евреям // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 6—41; *Гудков Л., Левинсон А.* Изменения в отношении к евреям населения республик на территории бывшего СССР // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 4. С. 4—39.

² См. также анализ изменений наиболее характерных «качеств евреев»: *Гудков Л. Д.* Динамика этнических стереотипов: сравнение замеров 1989 и 1994 гг. // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 2. С. 22—26.

³ *Гудков Л. Д.* Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 25—32.

⁴ Подробнее об этом см. в статье автора «Параметры антисемитизма. Отношение к евреям в России, 1990—1997 гг.» (Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 2. С. 34—44)

ИСТОРИЯ

Д. Эльяшевич (С.-Петербург)

ЕВРЕЙСКИЕ ЦЕНЗОРЫ В РОССИИ. 1797—1917 гг.

История правительственной цензуры еврейских изданий в России до сих пор практически не привлекала к себе внимания специалистов. «Если будущему исследователю доведется писать историю еврейской литературы в России и к тому же задержаться на истории цензуры этой литературы и еврейской периодики, то он не найдет нужных ему исторических материалов. В русской литературе, безусловно, имеется много свидетельств, имеющих отношение к истории цензуры в России... но, за исключением нескольких заметок, о еврейской цензуре ничего напечатано не было» — так еще в 1921 г. характеризовал положение Бенцион Кац и призывал исследователей восполнить этот существенный пробел в истории евреев России¹. Однако, несмотря на его призыв, до сегодняшнего дня ничто не изменилось.

Отсутствие исследований в данной области объясняется прежде всего многолетней недоступностью основных источников, раскрывающих тему, и табуированностью еврейской проблематики в советской науке 30—80-х гг. Все крайне немногочисленные работы, посвященные истории еврейской цензуры в России, увидели свет или в России до 1917 г., или за границей².

Между тем данная проблема имеет большое научное значение. Изучение истории цензуры еврейских изданий в России на практике означает изучение не только цензурных репрессий против тех или иных книг и органов периодической печати, не только частных цензорских определений и мнений. Это, по большому счету, задача прикладная. Подобное изучение заставляет задуматься и над более глобальным, более важным историческим вопросом: «чем определялась и как формировалась программа политики в делах печати и каким образом, с помощью

каких рычагов, «инструментов» эта программа практически осуществлялась»³.

Исследование цензурной практики в области еврейской печати в дореволюционной России неизбежно приводит к рассмотрению политики самодержавия в еврейском вопросе в целом и его отношения к еврейской культуре (религиозной, политической, научной и художественной) в частности. Это имеет принципиальное значение для изучения истории российского еврейства и его культуры — как «внешней», так и «внутренней», вынужденной приспособливаться к обстоятельствам первой.

Воссоздание истории цензуры еврейских изданий означает изучение динамики отношения русских властей к иудаизму и религиозной борьбе внутри еврейского общества, поскольку правительственной цензуре (по крайней мере в первые периоды ее существования) подвергались почти исключительно религиозные тексты — канонические, огромный массив многовековой раввинской письменности, в том числе и полемической. Позиция официального Петербурга в борьбе миснагидов и хасидов, попытки поощрения миссионерской деятельности среди евреев, взгляды на ритуальные обвинения — все это недвусмысленно отражалось в цензурных документах, становилось содержанием повседневной цензурной практики.

Исследование цензуры еврейских изданий позволяет одновременно проследить историю государственной политики в области образования и воспитания еврейского юношества, так как в 40—50-е гг. XIX в., то есть в тот период, когда проблема просвещения рассматривалась как центральная в правительственной программе «исправления» и «сближения» российских евреев, цензура была целиком подчинена, идеологически и административно (в этом отношении еще с 1804 г.), Министерству народного просвещения⁴. Последнее не только поощряло издание литературы маскильского характера и назначало в качестве еврейских цензоров только маскилов, но и проявляло, в частности, большую и постоянную заботу о формировании круга чтения воспитанников казенных еврейских учебных заведений. Таким образом, Министерство народного просвещения совместно с цензурным ведомством, училищным начальством и руководством учебных округов общими усилиями способствовали постепенному изменению идеологии и системы основных жизненных установок части еврейского юношества, что не могло не отразиться

в последующие годы как на судьбе самих евреев, так и на судьбе России в целом.

Официальная цензура еврейских изданий в России с момента своего возникновения в конце XVIII в. и до первых лет XX в. была неразрывно связана с таким важнейшим для истории евреев явлением, как Гаскала, причем «цензурная» Гаскала на много лет пережила в России Гаскалу общественно-политическую и культурную⁵. Вследствие этого изучение истории цензуры, в том числе деятельности и взглядов еврейских цензоров, поголовно бывших, вплоть до 90-х гг. XIX в., ярыми адептами Гаскалы — маскилами, вносит вклад и в разработку вопроса об идеологическом и общественно-культурном развитии русских евреев.

В силу откровенности цензурных установок и директив, всегда носивших закрытый, а подчас и строго секретный характер, большое значение имеет исследование последних для выяснения вопроса об отношении властей к возникновению и развитию в России еврейских политических партий и общественных движений, бывших отдаленным следствием все той же Гаскалы, с одной стороны, и стараний правительства включить евреев в общерусскую жизнь — с другой⁶. Документы цензурного ведомства демонстрируют динамику официальных воззрений на палестинофильство, политический сионизм, еврейское революционно-социалистическое движение и различные их промежуточные формы чрезвычайно ярко и наглядно.

Языковой вопрос в российском еврействе, способный на первый взгляд показаться частным и второстепенным, но на самом деле принципиально важный, связанный и с Гаскалой, и с общественно-политическим развитием еврейского населения, и с проблемой русско-еврейской культуры, — вопрос, почти всегда имевший в России не внутриеврейское, узконациональное, а государственное, политическое значение, — также неизбежно попадает в сферу внимания исследователя при изучении истории цензуры. Долголетний правительственный протекционизм по отношению к русскому языку, старательно поддерживавшееся маскилами пренебрежение к языку идиш и продолжительный запрет на его использование в печати, даже государственная забота о чистоте языка иврит — все это осуществлялось исключительно через цензурную политику и практику.

Наконец, нельзя не упомянуть еще и о том, что история цензуры — это важный инструмент исследования истории еврейского книгоиздания и периодической печати, существовав-

ших в России на трех языках — иврите, идише и русском. В этом вопросе цензурные документы, особенно для периода первой половины XIX в., зачастую являются единственными историческими источниками, так как какие-либо материалы о деятельности небольших еврейских типографий, находившихся в Черте оседлости, практически не сохранились⁷.

Конечно, изучение истории еврейской цензуры имеет и самостоятельное научное значение. История эта — один из важных разделов летописи еврейской жизни в России. И в этом смысле выяснение конкретной цензурной судьбы тех или иных изданий, восстановление хронологической последовательности историко-цензурных событий представляется чрезвычайно значимой и актуальной задачей отечественной иудаики.

При изучении истории цензуры того или иного периода внимание исследователя неизбежно сосредотачивается на выяснении вопроса, кто конкретно осуществлял цензурование тех или иных изданий. Таким образом, сведения о личностях цензоров приобретают первостепенный научный интерес. Ведь, в конце концов, «цензурская история» — это живая ткань, основное содержание истории цензуры.

В качестве подготовительной работы для создания такой «цензурской истории» ниже приводится полный хронологический список всех лиц, осуществлявших официальную цензуру еврейских изданий в России в 1797—1917 гг. Список этот, материал в котором распределяется по цензурным комитетам, является одним из практических результатов изучения более чем двух тысяч дел в архивах С.-Петербурга, Вильноса, Киева, Житомира, Одессы и Нью-Йорка. Подавляющее большинство указанных в нем имен, равно как и все даты, впервые вводятся в научную практику. Надеюсь, что он может оказаться полезным для специалистов, занятых исследованием как истории евреев в России, так и истории русской цензуры.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ЦЕНЗОРОВ СОЧИНЕНИЙ НА ЕВРЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ. 1797—1917

Рига

Езекиль Давид Леви (30.12.1797 г.—9.02.1802 г.)

Мозес Гезекиль (30.12.1797 г.—9.02.1802 г.)

Леон Элкан (28.01.1798 г.—9.02.1802 г.)

Л. И. Кантор-Рахес (4.07.1909 г.— июнь 1910 г.)⁸

И. Ш. Ширман (20.08.1910 г.— март 1917 г.)

Вильна⁹

- К. Тиле (2.06.1798 г.— 9.02.1802 г.)¹⁰
 К. И. Богуславский (1805 г.)
 Ф. Голянский (10-е гг. XIX в.)
 М. Бобровский (1823 г.)
 С. Жуковский (1824—1827 гг.)
 В. И. Тугендгольд (11.06.1827 г.— 2.03.1864 г.)¹¹
 Ф. А. Нейман (21.04.1829 г.— 10.04.1833 г.)¹²
 А. С. Элленбоген (30.04.1834 г.)— 21.05.1849 г.)
 П. В. Розен (11.02.1850 г.— 1.03.1866 г.)
 О. Н. Штейнберг (26.08.1864 г.— 11.03.1908 г.)
 Я. А. Брафман (14.10.1866 г.— 8.05.1870 г.)¹³
 А. Л. Воль (30.06.1870 г.— 28.10.1900 г.)¹⁴
 М. И. Вольпер (28.10.1900 г.— 16.01.1908 г.)¹⁵
 Ф. А. Малецкий (26.03.1908 г.— март 1917 г.)¹⁶
 А. М. Лурье (26.03.1908 г.— март 1917 г.)¹⁷

Киев

- Я. Липс (21.07.1837 г.— 19.02.1838 г.)¹⁸
 И. И. Зейберлинг (7.06.1838 г.— 11.03.1852 г.)¹⁹
 В. В. Федоров (28.03.1852 г.— 12.02.1867 г.)²⁰
 Г. М. Барац (12.02.1867 г.— 23.05.1897 г.)
 А. Я. Цейтлин (8.11.1897 г.— 16.02.1902 г.)²¹
 р. П. А. Ямпольский (16.02.1902 г.— 1.12.1906 г.)
 Р. М. Четыркин (1.12.1906 г.— 31.12.1908 г.)
 Ш. Ривлин (1.01.1909 г.— 30.05.1909 г.)
 С. А. Скоморовский (30.05.1909 г.— 14.10.1909 г.)
 о. А. А. Глаголев (14.10.1909 г.— март 1917 г.)²²

Одесса

- Л. М. Геникес (12.02.1860 г.— 19.01.1871 г.)²³
 Ю. М. Бардах (7.06.1871 г.— 14.02.1894 г.)²⁴
 И. З. Варшавский (14.02.1894 г.— 12.08.1903 г.)
 Л. Б. Клячко (11.10.1903 г.— 1.02.1905 г.)
 И. Г. Шафир (26.04.1905 г.— 2.08.1912 г.)²⁵
 Г. Н. Лившиц (2.08.1912 г.— март 1917 г.)²⁶

Житомир

- Х. З. Слонимский (28.06.1862 г.— 16.03.1873 г.)

Санкт-Петербург²⁷

- И. И. Зейберлинг (28.06.1862 г.— 8.05.1870 г.)²⁸
 Я. А. Брафман (8.05.1870 г.— 15.12.1879 г.)²⁹
 П. В. Марголин (15.02.1875 г.— 10.04.1887 г.)³⁰

А. С. Зигельман (14.08.1882 г.— 4.02.1883 г.)³¹
 Н. Д. Раппопорт (1.02.1883 г.— 1.02.1891 г.)³²
 Н. В. Зюсмен (10.04.1887 г.— 31.10.1890 г.)³³
 И. Г. Ландау (20.01.1889 г.— 4.08.1906 г.)³⁴
 А. Л. Грейс (4.08.1906 г.— март 1917 г.)³⁵

Тифлис

Л. Б. Хиддекель (1907—1913 гг.)³⁶

¹ *Kaz B. Le-toldoth ha-zensura shel ha-safruth ha-Israelith (Reshimim ve-zikhronoth) // Ha-Toren. 1923 Vol. 9. P. 41.*

² Таковых работ известно всего несколько. Ю. И. Гессен, единственный из российских историков дореволюционного периода, допущенный в правительственные архивы, являлся автором статьи, посвященной самому раннему периоду истории еврейской цензуры (*Гессен Ю. И. Возникновение цензуры еврейских книг // Гессен Ю. И. Евреи в России. СПб., 1906. С. 409—430*). Наиболее обширная работа в данной области, имеющая характер личных воспоминаний, принадлежит перу известного журналиста, издателя и историка Бенциона Каца, и она уже цитировалась выше: *Каз В. Op. cit. // Ha-Toren. 1923. Vol. 9. P. 41—48; Vol. 10. P. 43—51; Vol. 12. P. 48—60*). Некоторые важные фактические сведения о таких еврейских цензорах, как В. В. Федоров, Г. М. Барац и Н. Д. Раппопорт, сообщает журналист и путешественник Эфраим Дейнард (*Deinard E. Zelem be-heykal. New Orleans, [1923]. P. 150—153; Zikhronoth Bat ami. St. Luis, 1920. P. 194—200*). Большой интерес представляет переписка И. -Б. Левинзона с В. В. Федоровым и цензорами В. И. Тугендгольдом и И. И. Зейберлингом (*Levinsohn I.-B. Beer Isaacs. Warshe, 1899. P. 55, 125, 136, 138, 141, 159, 162, 165, 178; см. также: Natansohn D. B. Sefer ha-zikhronoth. Warshe, 1875.*). Нельзя не упомянуть и о работах С. М. Гинзбурга, — ему, в частности, принадлежат очерки о В. В. Федорове и Я. А. Брафмане-цензоре (*Ginsburg Sh. Mishumudim in zarishn Rusland. Forshungen un zikhronoth vegn yidishn lebn in amoliken Rusland. N. Y., 1946. S. 65—79, 251—263*). О цензурской деятельности пресловутого Я. А. Брафмана очень интересно писал также Л. О. Гордон (*Гордон Л. О. Отрывки воспоминаний // Еврейский вестник. Л., 1928. С. 43—47*). Из современных зарубежных исследователей, пожалуй, только Эли Ледерхендлер обращался к проблеме еврейской цензуры в России (*Lederhendler Eli. The Road to Modern Jewish Politics. Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia. N. Y.; Oxford, 1989. P. 92—93*). Джон Клир является автором очень интересной статьи, посвященной смежной теме — «еврейскому вопросу в русской печати и цензуре» (*Klier J. D. 1855—1894 Censorship of the Press in Russian and the Jewish Question // Jewish Social Studies. 1986. Vol. XLVIII. № 3/4. P. 257—268*). Отдельные упоминания о еврейской цензуре в России встречаются в исследованиях С. М. Дубнова, С. Л. Цинберга, С. Я. Борового, И. Левитатса, М. Станиславского, Д. Франкеля, М. Кармили-Вайнбергера, Д. Балмуга и других авторов.

³ *Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 4.*

⁴ После учреждения в 1802 г. Министерства народного просвещения обязанности по осуществлению цензуры были возложены сначала на директоров на-

родных училищ, а с 1804 г. — на цензурные комитеты, действовавшие сперва при университетах, а потом в качестве самостоятельных учреждений (до 1863 г.); см.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 73, 85; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863 гг.). СПб., 1892. С. 98—121.

⁵ Вопрос о времени исчезновения среди русских евреев Гаскалы как значимого общественно-культурного и идеологического явления является дискуссионным. См.: *Дубнов С. М.* О смене направлений в русско-еврейской журналистике // *Дубнов С. М.* Письма о старом и новом еврействе. СПб., 1907. С. 205—226; *Margulis M.* *Dor ha-Haskalah be-Russia.* Vilna, 1910; *Raisin J. S.* *The Haskalah Movement in Russia.* Philadelphia, 1913; *Levin M.* *Erchei hevra ve-kalkala ba-idiologia shel tekufat ha-haskalah.* Jerushalaim, 1975; *Zinberg I.* *The Haskalah Movement in Russia.* Cincinnati; N. Y., 1978; *Zinberg I.* *A History of Jewish Literature.* Vol. XI.

⁶ См.: *Эльясевич Д. А.* Русско-еврейская печать и русско-еврейская культура. К проблеме генезиса // *Евреи в России. История и культура.* СПб., 1995. С. 60—61.

⁷ Все работы, посвященные истории еврейских типографий в Восточной Европе, в том числе и хорошо известная книга Х. Д. Фридберга (*Friedberg H. D.* *Toledot ha-defus ha-ivri be-Polaniyah.* Tel Aviv, 1950), написаны на основе косвенных источников.

⁸ Работал временно, жалованья не получал.

⁹ Из-за отсутствия необходимых документов указать более точные даты службы еврейских цензоров в Вильне в 1804—1827 гг. не представляется возможным. До 1827 г. в качестве неофициальных помощников цензоров состояли (даты приблизительные): И. М. Зейберлинг (1810—1824 гг.), М. Ругенбург (1813—1815 гг.), Ф. А. Нейман (1824—1827 гг.), Гальперин (1824—1827 гг.).

¹⁰ Вероятно, цензуровал только ивритоязычные цитаты в изданиях на европейских языках. Еврейские книги с разрешительной надписью К. Тиле неизвестны.

¹¹ Фактически приступил к работе 8.08.1827 г.

¹² Фактически работал до 23.03.1832 г.

¹³ Затем служил в Петербурге.

¹⁴ Фактически прекратил работу 10.08.1900 г.

¹⁵ В 1906 г. в период болезни временно замещался р. В. А. Каганом.

¹⁶ Фактически работал с 1.01.1908 г.; с 18.07.1914 г. — военный цензор.

¹⁷ Фактически работал с 1.01.1908 г.; с 18.07.1914 г. — военный цензор.

¹⁸ Несмотря на назначение в Киевский цензурный комитет, оставался в Петербурге и цензорской работой в Киеве не занимался.

¹⁹ Затем служил в Петербурге.

²⁰ Затем служил в Варшавском цензурном комитете (31.01.1870 г. — 31.03.1879 г.).

²¹ Фактически приступил к работе 23.08.1897 г.; на период отпусков заменялся Ш. Ривлиным.

²² С октября 1905 г. являлся духовным цензором в Киеве; с 18.07.1914 г. — военный цензор

²³ В 1861 г. временно замещался Н. Ландсбергом.

²⁴ В 1887 г. временно (в период лечения за границей) замещался Я. Ю. Бардахом.

²⁵ Фактически работал с 4.02.1905 г.

²⁶ С 18.07.1914 г.— военный цензор.

²⁷ В 1836—1837 гг. еврейским цензором в Петербурге фактически являлся Я. Липс. Со второй половины 40-х гг. по 1858 г. некоторые еврейские издания просматривал В. А. Левисон. В Бутурлинском комитете (1848—1855 гг.) за еврейскими изданиями наблюдал В. В. Розен. В 50—70-е гг. цензура отдельных книг поручалась Д. А. Хвольсону, А. О. Мухлинскому и К. А. Коссовичу.

²⁸ Являлся цензором лишь номинально и практической деятельностью по рассмотрению изданий на еврейских языках в Главном управлении цензуры, цензурных учреждениях переходного периода (1863—1865 гг.) и Главном управлении по делам печати не занимался. Сведения о работе И. И. Зейберлинга в Петербургском цензурном комитете и Комитете цензуры иностранной также отсутствуют. Однако он продолжал состоять в 60-е — первой половине 70-х гг. членом Комитета рассмотрения еврейских учебных руководств Министерства народного просвещения, в котором цензуровал отдельные учебники и книги, предназначенные для еврейских училищ.

²⁹ Сначала являлся еврейским цензором при Главном управлении по делам печати, Петербургском цензурном комитете и Петербургском комитете цензуры иностранной, затем (15.02.1875 г.) из Главного управления был отчислен.

³⁰ С 15.02.1875 г. по 30.06.1876 г. и с 20.11.1877 г. по 15.12.1879 г.—при Главном управлении по делам печати, с 30.06.1876 г. по 20.11.1877 г.— при Главном управлении и Петербургском комитете цензуры иностранной, с 15.12.1879 г. по 14.08.1882 г.— при Главном управлении, Петербургском цензурном комитете и Петербургском комитете цензуры иностранной, с 14.08.1882 г. по 10.04.1887 г.— при Главном управлении.

³¹ Служил при Петербургском цензурном комитете.

³² Работал с 1.10.1890 г. по 1.01.1887 г. при Петербургском цензурном комитете и Петербургском комитете цензуры иностранной, затем — при Главном управлении по делам печати; фактически прекратил работу 1.10.1890 г.; в 1889 г. из-за отъезда за границу временно замещался И. Г. Ландау.

³³ Служил при Главном управлении по делам печати.

³⁴ Служил при Петербургском цензурном комитете, Петербургском комитете цензуры иностранной и Главном управлении по делам печати (с 12.12.1890 г.); в 1901—1904 гг. на период отпусков замещался Д. Г. Маггидом, в 1905 г.— А. Л. Грейсом.

³⁵ Фактически работал с 22.03.1906 г.; с 18.07.1914 г.— военный цензор.

³⁶ Работал на общественных началах и не получал жалованья. В 1914 г. Тифлисский комитет по делам печати сообщал в Главное управление, что скончавшийся в конце 1913 г. Л. Б. Хиддекель «в течение нескольких лет безвозмездно исполнял обязанности цензора», рассматривая поступавшие «в ограниченном количестве» еврейские издания из Самарканда, Бухары и Коканда (РГИА, ф. 776, оп. 23, ед. хр. 16, лл. 1, 3). После 1913 г. Тифлисский комитет по делам печати в случае возникновения вопросов по еврейской печати обращался в одесскую цензуру.

С. Колинчук (С.-Петербург)

ПАВЕЛ АКСЕЛЬРОД, ЛЕВ ДЕЙЧ И ДРУГИЕ...

(Евреи-народники и погромы 80-х гг. XIX в.)

В историографии истории евреев России существует ряд работ и документальных публикаций, посвященных погромам 1881—1882 гг.¹. Несмотря на то, что массовые и повсеместные кровавые антиеврейские выступления, которыми ознаменовалось начало XX в., должны были затмить все предыдущие подобные события, этого не случилось. Тому есть ряд причин. Погромы начала 1880-х гг., последовавшие за убийством Александра II, были первыми по масштабам и числу жертв в России. Развевая надежды на постепенное ослабление антиеврейского законодательства и опровергнув уверения деятелей Гаскалы в том, что реформирование еврейского быта должно привести к сближению евреев с основной массой «коренного» населения, погромы дали мощный толчок развитию национального движения даже среди недавних сторонников ассимиляции².

Между тем, будучи активно обсуждаемым в национальной историографии, вопрос об антиеврейских выступлениях начала 1880-х гг. оказался почти совершенно забытым в историографии революционного движения³. Поэтому, не претендуя на создание масштабного исследования, мы остановимся на этой проблеме, затрагивавшейся ранее эпизодически. Одним из главных предметов нашего исследования станет отражение еврейского вопроса в идеологии русского народничества, и в частности восприятие антиеврейских погромов евреями — участниками русского революционного движения.

Погромное движение, в начале 80-х гг. захлестнувшее южно-русские города, поражало современников своими масштабами и интенсивностью. С апреля по декабрь 1881 г. было зарегистрировано свыше 200 погромов⁴; продолжались они и в 1882-м, и даже в 1883 г. Пристально следя за событиями, зачастую находясь в их гуще, революционеры не могли не высказать своего отношения к такому широкому народному движению. Прежде всего в глаза бросалась стихийность погромов, отсутствие сведений или

каких-либо указаний на то, что волна насилия против евреев была инспирирована властями. Любопытно, что подобные обвинения не исходили и из среды пострадавших⁵. Видимо, сочетание этих факторов — впечатления от действительно массового народного движения и его ярко выраженной стихийности — и склонило наконец чашу весов в сторону признания погромов началом долгожданного народного бунта и, следовательно, одобрения его.

На страницах народнической печати началась кампания по «защите» погромщиков от возможного осуждения, создание легенды о «революционном» характере этого движения. Главным ее идеологом выступал уроженец Украины Г. Г. Романенко (Тарновский), впоследствии эволюционировавший к откровенному черносотенству; горячим сторонником антисемитской пропаганды показал себя и Л. А. Тихомиров, влияние которого на Исполнительный комитет было в тот момент огромным⁶.

В известном смысле можно сказать, что, несмотря на неоднозначность восприятия погромной агитации Романенко различными членами ИК (В. Н. Фигнер, например, наотрез отказалась распространять антисемитские прокламации, автором которых был Романенко⁷), юдофобские настроения на время возобладали в организации и даже стали, с одобрения других членов ИК, официальной точкой зрения партии «Народная Воля»⁸. «Они, народовольцы, до приезда в Москву Дмитра (Я. В. Стефановича.— С. К.) и других южан думали, что так и нужно написать, раз «южанин», да еще приехавший из-за границы и цитирующий при этом Маркса, Гегеля и Блончли, стоит на этом»⁹, — писал Л. Г. Дейч П. Б. Аксельроду в марте 1882 г., объясняя неожиданную популярность идей Романенко среди народовольцев. Следует учитывать, каким громадным авторитетом пользовались среди революционеров 70—80-х гг. XIX века «южане», то есть уроженцы Малороссии и Новороссии, считавшиеся основателями террористической тенденции в народничестве¹⁰. «Теоретическая подкованность» Романенко вызывала у революционеров еще большее уважение.

Апологетические описания погромов и реакции на них крестьян появляются в народовольческой прессе летом 1881 г. «Листок Народной Воли» № 1, датированный 22 июля, содержит корреспонденцию «Из деревни», обвиняющую в провоцировании еврейских погромов... самих евреев. Анонимный автор заявляет, что в предельно накаленной известиями о погромах обстановке деревенские евреи начали вести себя «по отношению к русским

крестьянам в высшей степени нетактично. Евреи прислушивались к толкам, шептались с местным начальством, шпионили, выискивали и ловили заговорщиков»¹¹. Эти характерные утверждения в последующих номерах «Народной Воли» получили свое развитие и идеологическое обоснование. Во «Внутреннем обозрении» номера 6, принадлежавшем перу все того же Романенко, автор недвусмысленно заявляет: «Относиться не только отрицательно, но даже индифферентно к чисто народному движению мы не вправе; мы обязаны выражать общую формулу всех сил справедливо недовольных и сознательно направлять эти силы, удерживая при этом исходный пункт»¹². В очередной раз шеголя образованностью и призывая в свидетели деятелей французской революции, Романенко формулировал программу дальнейшего развития погромного движения: «Непростительно заблуждаются те, кто думает, что погромы грозят у нас только евреям и только на юге... Только на юге, прежде, чем в других местностях, народное недовольство стало выражаться массовым революционным движением, получившим в силу местных условий антиеврейский оттенок»¹³.

Дополненная известной прокламацией на украинском языке от 30 августа 1881 г., написанной также Романенко, антисемитская программа народовольцев приобрела законченный вид и определила их отношение к погромному движению на Украине. И хотя уже в передовице 8-9 номера «Народной Воли» подчеркивалось, что «пользоваться племенной враждой, а тем более раздувать ее — вовсе не входит в наши планы... мы не сделаем подобного шага, как бы ни была велика ожидаемая от того временная выгода для партии»¹⁴, Тихомиров и год спустя, осенью 1882 г., продолжал придерживаться тех же взглядов на характер и перспективы использования еврейских погромов. В письме ИК заграничным чернопередельцам, написанном Тихомировым в конце 1881 г., указывалось на несовместимость взглядов народовольцев с «насильственным подавлением национальностей», но завершалось письмо констатацией полной индифферентности автора к интересам национальных меньшинств: «вопрос этот до такой степени неразрешим... до такой степени сочиненный, что и говорить о нем не стоит в сущности»¹⁵.

Чем объясняется столь странное явление, как стремительное распространение среди народовольцев антисемитских настроений? К сожалению, приходится признать, что юдофобские вы-

сказывания не были новыми для народнической литературы. Столь авторитетный идеолог народничества, как М. А. Бакунин, в полемике с К. Марксом, М. Гессом, С. Боркгеймом, Н. И. Утиным и другими общественными деятелями не брезговал попрекать их еврейским происхождением, скатываясь порой к откровенному антисемитизму. Бакунину, как и многим его современникам, евреи представлялись своего рода воплощением буржуазности, живым образом капиталиста-эксплуататора и, следовательно, объектом неприязни как носители социального зла¹⁶. Что же касается народовольцев, то они, как и представители других предшествовавших и шедших за ними следом революционных течений, стремились использовать в своих целях любое проявление народного недовольства, любые ростки массового протеста. В погромной волне многим из них виделся прежде всего социальный аспект. «Украинец ненавидит еврея всеми силами своей души — не за религию его, конечно, а за эксплуатацию», — писал Романенко в том же «Внутреннем обозрении»¹⁷. Сказывалась, видимо, присущая именно «южанам» своего рода неразборчивость в средствах, в свое время получившая название «вспышкопускательства». Л. Г. Дейч, сам в прошлом бунтарь-«южанин», так описывал эту характерную черту своих бывших единомышленников: «Мы, бунтари, считали важным, чтоб началось так или иначе движение, а там оно... перерастет свое начало»¹⁸. С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что ИК «Народной Воли» позволил увлечь себя антисемитской агитацией, причем до такой степени, что, по сообщению Богучарского, за одобрение прокламации Романенко высказывались даже народовольцы-евреи¹⁹.

Однако, помимо этого, так сказать, чисто идейного аспекта, в истории «духовного падения» народовольческого руководства в бездну великорусского шовинизма и национализма наличествовал, по-видимому, еще один — эмоционально-бытовой аспект, определявший личное отношение к национальному вопросу отдельных членов ИК. Так, именно Лев Тихомиров, главный соратник Романенко в развязывании погромной кампании на страницах «Народной Воли», отстаивал довольно оригинальные взгляды на проблему отношений национальностей, выделяя так называемые «действительные нации», являвшиеся активными субъектами истории как в прошлом, так и в настоящем, и «нации неразвитые», «материал для национальностей», не имеющие не

только шансов, но и права на самостоятельное историческое развитие. Именно Тихомиров выступал главным противником включения в первую программу «Народной Воли» (1879 г.) требования права наций на самоопределение²⁰, находя его нецелесообразным, так как централизованное государство, по его представлениям, давало более широкие возможности для экономического развития России.

Не однозначно погромное движение было воспринято в других революционных изданиях. Так, «Черный Передел», к осени 1881 г. уже окончательно вышедший из-под контроля группы Плеханова, о погромах на Украине отзывался в духе, близком к народовольчеству, хотя и в более мягких выражениях. «Погромной» тактике была посвящена значительная часть четвертого номера «Черного Передела», вышедшего в сентябре 1881 г. Как и народовольцы, чернопередельческие публицисты связывали погромное движение с событиями 1 марта 1881 г., объясняя это, впрочем, достаточно оригинально: «Событие 1 марта приводит человека в такое состояние, при котором каждое скрытое, таившееся до поры до времени движение души рвется наружу, требует реализации уже соответственно своему собственному характеру, своим собственным целям. Конечно, факт беспорядков и был возможен лишь при наличии известной совокупности условий исторической и современной жизни местного населения». В сущности, публицист-чернопеределец не оправдывает погромщиков, он лишь объясняет причины, вызвавшие движение и придавшие ему определенный характер.

В следующей за этим корреспонденции «Письмо с юга», подписанной «Прокопенко», не только указывается на социальные корни антиеврейских выступлений — вполне в народовольческом духе, — но и отмечается, что, помимо ненависти к эксплуататорам из еврейской среды, мужиком движет еще и элементарный бытовой антисемитизм. «Весьма легко можно подметить, — подчеркивает автор, — и другой мотив народного недовольства, именно — традиционную ненависть мужика к жида, которая объясняется в значительной степени исключительным положением еврейского населения в нашем государстве... Мне нередко приходилось слышать: «Когда пан над тобой властвует, это еще не так обидно, а то жид!» Вообще против панов нет такого сильного личного озлобления, как против евреев, хотя понятно, что и первых крестьянин далеко не жалуется... Народ, как

мне кажется, держится известной градации по отношению к своим врагам. На первом плане у него кулак-иноверец, далее кулак-православный, барин и, наконец... свой же брат кулак». Вывод автора оптимистичен: «Я лично считаю еврейский разгром прелюдией к более серьезному и целесообразному народному движению»²¹. Несмотря на этот явно народовольческий пассаж, позиция российских чернопередельцев представляется несколько более выдержанной, чем взгляды, проповедовавшиеся в это же время ИК. Чернопередельцы были далеки от того, чтобы рассматривать погромное движение как революционное, хотя и не отрицали, что оно может развиться в таковое.

Характерной антипогромной направленностью отличалась и прокламация «От общества "Земля и Воля"», опубликованная столичными чернопередельцами в июне 1881 г., поводом для которой послужил визит депутации от евреев к Александру III, обвинившему в развязывании погромов «анархистов»²². Показательным является также то, что единственным революционным печатным изданием, определенно высказавшимся против погромов, была чернопередельческая рабочая газета «Зерно»²³, к которой присоединился киевский Южно-русский рабочий союз, находившийся под сильным влиянием чернопередельцев. Материал антисемитского характера, присланный в заграничную типографию «Черного Передела» из России и встретивший резкий протест наборщиков-евреев, был возвращен в редакцию, причем, по словам Б. И. Николаевского, редактор К. Я. Загорский «легко взял статью обратно»²⁴.

Особенно актуальной проблема отношения к погромному движению в России оказалась для заграничной части «Черного Передела», ряд представителей которой в то время находились в состоянии пересмотра своих прежних взглядов, в том числе в вопросе допущения ими возможности компромисса с народовольцами. Для чернопередельцев-эмигрантов еврейский вопрос в связи с погромной волной приобретал особую важность, хотя бы в силу того, что многие из них сами были выходцами из еврейской среды. По наблюдению Л. Г. Дейча, практически все евреи, входившие в центральный кружок «Земли и Воли» и находившиеся на свободе летом 1879 г., после раскола организации примкнули к «Черному Переделу», а среди народовольцев оказался лишь один еврей-земледелец — Арон Зунделевич²⁵. Это обстоятельство Дейч объяснял, среди прочего, и таким фактором,

как особенности воспитания еврейской молодежи, детство которой пришлось на начало пореформенной эпохи, связанной с некоторым ослаблением правительственной политики антисемитизма. «Признательность евреев царю за предоставленные им, в сущности, незначительные облегчения,— писал Дейч в своих воспоминаниях,— была столь сильна, что она не только не ослабела к концу 60-х годов, но у многих передовых людей и даже крайних из нас она сохранилась вплоть до трагической его кончины. Признаюсь, что и я принадлежал к этим крайним: несмотря на все преступления Александра II, я, однако, не признавал его заслуживающим такого финала»²⁶. Очевидно, что необходимость определить свою позицию в создавшихся условиях вызвала во многих евреях-чернопередельцах сложную внутреннюю борьбу, обусловленную противоречиями между их революционно-интернационалистскими взглядами и чувством сострадания к своим соплеменникам.

Положение евреев-чернопередельцев осложнялось тем, что сами они считали себя порвавшими с собственно еврейскими национальными интересами, приобщившись всецело к русской культуре и русскому революционному движению. О. В. Аптектман, принявший в 1875 г. христианство, объяснял этот свой шаг стремлением через крещение приобщиться к народу, идти в народ «не евреем уж, а христианином»²⁷. Впрочем, даже глубокая степень ассимилированности евреев-революционеров с «коренным» населением Российской империи не мешала, например, Дейчу и Аксельроду изредка в переписке употреблять слова и целые выражения на идише²⁸.

Выросшие на русской литературе и в русском окружении, чувствовавшие себя слитыми с русскими как нацией, еврейские революционеры, по выражению Аксельрода, утратили «последние искры участия и интереса к судьбе бедной массы наших соплеменников, столь же нуждавшейся в помощи интеллигенции, как и прочие низшие классы империи»²⁹. Красноречивее всего эти умонастроения выразил Дейч в письме к Аксельроду: «Не думай, чтобы меня, например, это (то есть погромное движение.— С. К.) не огорчало, не смущало, но все же останусь всегда членом р у с к о й революционной партии и ни на один день не стану удаляться от нее...»³⁰

Сложность положения еврейских революционеров во время еврейских погромов состояла еще и в том, что противостоять

массовому народному движению, пусть и направленному против их соплеменников, они были не в силах по идейным и тактическим соображениям. Заступничество революционеров за пострадавших во время погромов могло только, по словам Э. Реклю, передаваемым Дейчем, «вызвать ненависть крестьян против революционеров, которые не только царя убили, но и жидов поддерживают»³¹. Однако, несмотря на все эти обстоятельства, даже на утрату, по мнению самих еврейских интеллигентов, черт своей национальной изолированности, по наблюдениям Аксельрода, вдруг обнаружилось, что «громадное большинство «русского общества» и народа считают евреев именно особой нацией, все элементы которой... — все безразлично «жиды», безусловно, вредные для России»³². Самым удручающим Аксельрод считал то, что бытовой антисемитизм получил распространение и в революционных кругах, в отношениях между участниками революционного движения.

Эти противоречия, которые Л. Г. Дейч находил неразрешимыми, подтолкнули П. Б. Аксельрода к попытке написать брошюру, обращенную непосредственно к еврейской молодежи³³, подвергнув, по выражению П. Л. Лаврова, еврейский вопрос «литературной обработке... с социалистической точки зрения»³⁴.

Идея Аксельрода, появившаяся у него в начале 1882 г., была в целом одобрена чернопеределцами. Целью этого литературного предприятия Дейч назвал «нравственное успокоение евреев, что не все против них»³⁵. Дейчем же был составлен и примерный план брошюры, реализованный впоследствии Аксельродом. «Ознакомь их (евреев. — С. К.) с причинами, создавшими их исключительное положение в России, — писал Дейч 17 марта 1882 г., — затем — с настоящим революционным движением и призывай евреев к содействию в добывании политической свободы наравне с другими слоями, советуй им стремиться к сплочению с другими национальностями русского государства, а не держаться изолированно»³⁶.

Сами женеvские чернопеределцы — Плеханов, Дейч и другие — устранились от написания брошюры (Плеханов — по незнакомству с вопросом, Дейч — по каким-то другим причинам, которых он не объяснил), возложив эту обязанность всецело на плечи Аксельрода, жившего в Цюрихе, и П. Л. Лаврова³⁷. Последний от работы также уклонился, взяв на себя только обязанность договориться с «Народной Волей» о возможном издании брошю-

ры Аксельрода под эгидой ИК, чего, впрочем, по понятным причинам, не гарантировал³⁸. К слову сказать, Дейч и Аксельрод были не единственными евреями-чернопередельцами, озабоченными данной проблемой, особенно в свете начавшихся переговоров с народовольцами: Александр Хотинский, например, настоял на включении в коллективное письмо Исполнительному комитету следующего абзаца: «Внутреннее обозрение в 6-м № с его отзывами об антиеврейских беспорядках... возбуждает в нас полное недоумение. Нам вообще кажется, что во внутреннем обозрении не место для таких рискованных и в высшей степени сомнительных взглядов»³⁹.

Аксельрод с увлечением принялся за работу. Судя по оживленной переписке между ним и Дейчем (а последний был главным корреспондентом Аксельрода с 1882 по весну 1884 г.), брошюра о задачах еврейской социалистической интеллигенции была основным его занятием в течение весны и лета 1882 г.⁴⁰ Еще в июне 1882 г. Дейч упоминает о брошюре как о «затянувшейся затее»⁴¹, а в декабре того же года Аксельрод сетовал в письме Дейчу на то, что если бы его не отвлекали неотложные заботы и финансовые затруднения, то он «в середине лета уже был бы готов с брошюрой»⁴². Судя по тону письма, невозможность закончить работу над брошюрой вызывала у Аксельрода искреннее сожаление, чего нельзя было сказать о Дейче, который не только потерял интерес к этому проекту, но и считал его к 1882 г. в тактическом отношении даже вредным. Со своей стороны Аксельрод, уже, видимо, поделившийся с соплеменниками соображениями об издании брошюры и, возможно, даже договорившийся о финансировании ее печатания и перевозки «на счет еврейской кассы», подобное отступничество воспринял как предательство, о чем откровенно заявил Дейчу: «Мне просто совестно перед евреями: они непременно думают, что это нарочно обещали сделать, для виду только»⁴³.

Известно, что брошюра не была Аксельродом ни опубликована, ни даже доведена до конца. В настоящий момент существует, по-видимому, две редакции ее текста. Более полная была опубликована в Берлине в 1923 г. в составе сборника «Из архива П. Б. Аксельрода» под условным названием «О задачах еврейско-социалистической интеллигенции»⁴⁴. Вторая, более короткая редакция, представляющая собой фрагмент брошюры, хранится в Отделе рукописей РНБ⁴⁵. В целом соответствуя второй части

опубликованного отрывка, рукопись имеет некоторые текстологические особенности и отличается большей законченностью и лаконичностью; это позволяет предположить, что, возможно, первоначально она готовилась к публикации в газете или журнале. По-видимому, рукописная редакция является более ранней, чем статья «О задачах еврейско-социалистической интеллигенции», стоящая ближе к возможному окончательному варианту.

В ходе работы над брошюрой Аксельрод использовал сведения о положении евреев, поступавшие к нему из России в виде частных писем⁴⁶, видимо, знакомился с еврейской прессой, что дало Дейчу основания обвинить его в присоединении к «юдофильствующему «Рассвету» по поводу вопроса о переселении в Палестину»⁴⁷. В поисках оптимального решения проблемы обеспечения безопасности и свободного развития еврейского народа Аксельрод обратился к идее возвращения на историческую родину. С этой целью он, через Дейча и Засулич, обратился к видному географу и известному анархисту, другу Бакунина — Э. Реклю за справкой о природных условиях Палестины. Ответ, полученный им через Дейча, был весьма неутешительным: Палестина оказалась местностью, весьма неблагоприятной для расселения эмигрирующих из России евреев, за исключением Верхней Галилеи, в которой, однако, тоже потребовалось бы провести ирригационные работы с целью орошения. Кроме того, «земля там находится в частной собственности туземцев, и ее можно лишь купить, если, конечно, те захотят продать ее. Затем, там имеет большую силу русский консул, который, по словам Реклю, будет стараться стеснять евреев, так как там масса русских ханжей, у которых, вероятно, будут частые стычки с евреями, раз они нахлынут»⁴⁸.

Самым же неприятным, по мнению Дейча, являлось то, что даже в Палестине евреи «могут лишь завести и заниматься одной лишь торговлей и эксплуатацией туземцев», в то время как обязательным условием социального и духовного возрождения еврейского народа являлось, по его мнению, превращение «еврейской массы... в класс представителей разнообразных отраслей физического труда»⁴⁹. В вопросе о сохранении национальной самобытности евреев Дейч выступал даже более радикальным интернационалистом, чем Аксельрод: направлять переселенцев следует, по его мнению, «не в Палестину... где они только еще более закосятся в своих предрассудках и, размножившись через

несколько поколений, снова нахлынут в Европу, где их так же встретят, как теперь... По-моему, раз выселяться евреям, то — в Америку, где они слились бы с местным населением».

Впоследствии Дейч в своих воспоминаниях утверждал, что в начале 1880-х гг. его отношение даже к идее эмиграции евреев в Америку было резко отрицательным. Не признавая «особых долгов по отношению "соплеменников"», Дейч исходил из «общесоциалистической» постановки вопроса, подразумевавшей слияние национальностей, а не их еще большее обособление, неминуемо последующее, по его мнению, за высыланием евреев в Палестину⁵⁰. Судя по всему, в течение некоторого времени Аксельрод придерживался иной точки зрения, что отразилось в переписке и в ожесточенной полемике с Дейчем, а также в том, в достаточной степени скорректированном сообразно дейчевским рекомендациям, тексте брошюры, который дошел до наших дней.

Статья Аксельрода о задачах еврейских революционеров в России открывается указанием на проблематичность самой постановки так называемого еврейского вопроса: «Ведь, собственно говоря, еврейского вопроса не существует, а есть только вопрос освобождения рабочих масс всех наций, в том числе и еврейской. Вместе с наступлением торжества социализма и так называемый еврейский вопрос разрешится»⁵¹. Вместе с тем он упрекает еврейскую интеллигенцию в отсутствии внимания к своим соплеменникам из пролетарской среды, в нежелании распространять среди них социалистические идеи, устанавливать связь еврейской рабочей массы с русскими революционными кружками, что в итоге и привело к кошмару южнорусских погромов. Отсутствие квалифицированных кадров еврейских рабочих-пропагандистов сделало невозможным, по мнению Аксельрода, направить погромное движение «если не против центров народной эксплуатации вообще, то, по крайней мере, против еврейских богачей». Нетрудно заметить переключку этих взглядов с идеями, высказывавшимися в это же время доктором Исааком Каминером — известным еврейским поэтом и просветителем, которому, кстати, автор брошюры приходился зятем⁵².

Аксельрод красочно изображает быт большей части еврейского населения России, стремясь показать, что даже так называемая «еврейская буржуазия» — это зачастую такие же пролетарии или полупролетарии, как и их русские собратья, и единственным их грехом является исторически сложившийся непроизводительный

характер их занятий — торговля, шинкарство, мелкое ростовщичество. Вследствие этого «евреи, состоящие в среднем... наполовину из экономически непроеизводительных элементов, являются тяжелейшим бременем, одним из видных слоев, высасывающих народный труд»⁵³.

Однако в отличие от народовольцев Аксельрод не стремится видеть в еврейских погромах проявление классовой борьбы рабочих и крестьян с угнетателями; наоборот, истоки погромного движения он усматривает в конкуренции между евреями и эксплуататорами из христиан: «Если мы внимательно всмотримся в состав общественных элементов, непосредственное всего сталкивающихся в городах с еврейской массой, то увидим, что они состоят главным образом именно из мелких буржуа всевозможных видов и подразделений. Это, одним словом, та часть «коренного» населения, которая ненавидит евреев не как эксплуататоров народного труда, а как конкурентов в деле эксплуатации»⁵⁴.

Антинародовольческое содержание этого положения не вызывает сомнений. Однако в окончательном варианте текста причины еврейских погромов оцениваются уже иначе, в духе более близком к народовольческому. Признавая, что «т а к и е обширные движения искусственно не могут быть вызваны», Аксельрод, давая иную интерпретацию, рассматривает погромы как движение в первую очередь низших классов, сталкивающихся с «н е п р о и з в о д и т е л ь н о й частью евреев». «Коренная» же буржуазия и правительство лишь используют это движение: первая — для борьбы с конкурентами, второе — с целью «отклонить народное недовольство в сторону крайне второстепенных и частных явлений и дать исход возбуждению масс без всякого ущерба для существующего социально-экономического режима»⁵⁵.

Вообще в окончательном варианте статьи автор отзывается о погромах в значительно более мягком тоне, чем в первоначальном, и в данном случае это смягчение тона имеет принципиальное значение, так как знаменует собой переход от безоговорочного осуждения погромов к признанию их если не как средства борьбы, то по крайней мере как массового народного движения, к которому истинный революционер не может остаться индифферентным.

В третьей части брошюры Аксельрод пытается указать пути решения еврейской проблемы. Он сразу отказывает в праве на

существование лозунгу восстановления еврейского государства, считая лучшим способом улучшения положения евреев в русском обществе, во-первых, переход к производительному труду, а, во-вторых, слияние с «коренным» населением. Однако, как это ни парадоксально, обе эти задачи в «настоящий момент» он считает неосуществимыми. Для выполнения первого условия «потребуется период в 10—15 лет, в течение которого может вырасти новое поколение, более способное к приспособлению к физическому труду. Но для того, чтобы евреи просто могли приступить к процессу самопреобразований в своем быту, абсолютно необходимы два условия: 1. Право свободного переселения и жительства по всей России, 2. Замена абсолютизма в России свободными политическими учреждениями»⁵⁶.

Здесь легко угадывается если не редакторская правка Дейча, то влияние его идей. Что же касается слияния с «коренным» населением, то его Аксельрод находит в условиях Российской империи нецелесообразным, так как «средний уровень развития умственных и политических потребностей христиан заметно ниже, чем у их иудейских собратьев». Достаточно неопределенно высказался Аксельрод и по проблеме эмиграции евреев в Америку; не осуждая и не отвергая эту идею прямо, он заявляет, что процесс эмиграции имел бы смысл, только если бы затронул «по меньшей мере около половины еврейско-русского населения»⁵⁷. Социалисты не могут помочь евреям в этом предприятии, требующем больших материальных затрат, но «и в эмиграционном вопросе их участие... должно обосновываться вышеуказанными условиями, то есть стремлением превратить массу переселенцев в производительный класс, с одной стороны, и слить ее с туземным населением — с другой»⁵⁸.

Подобные высказывания Аксельрода, расхвалившиеся с позицией Дейча, вызывали нарекания последнего еще в ходе работы над брошюрой. Отрицание необходимости немедленного слияния еврейского населения с христианским, мысли о переселении в Палестину или в Америку, намеки на которое сохранились и в окончательной редакции,— все это позволило Дейчу спустя 40 лет, во время публикации своих писем к Аксельроду, обвинить последнего в сионизме⁵⁹. По-видимому, еще до появления полного текста брошюры Дейч сделал какие-то замечания, заставившие Аксельрода смягчить слишком уж явные антинародовольческие высказывания. Однако окончательный вариант брошюры

Дейча и остальных чернопередельцев не устроил, и они стали настойчиво отговаривать Аксельрода от ее публикации. На первый план выдвигались тактические соображения: Дейч говорил о «маленькой группе бывших чернопередельцев, которая поставлена в исключительные условия, и чтобы она сколько-нибудь могла влиять, делать что-нибудь, она должна быть крепко сплочена, ужасно солидарна»⁶⁰, а издание брошюры Аксельрода вредит этой солидарности. На деле же причины, делавшие необходимой такую внутрифракционную «солидарность», были весьма прозрачными: в то время как Аксельрод писал свою брошюру, женеvские чернопередельцы вели переговоры с ИК о совместном издании «Вестника Народной Воли», и появление брошюры, явно не одобряющей народовольческие действия, могло бы только повредить этому нарождающемуся союзу. Поэтому Дейч и просил Аксельрода воздержаться от действий, за которые группа чернопередельцев не могла бы нести коллективной ответственности в силу внутренних разногласий. Робкие протесты и апелляция к опыту германской социал-демократии, признающей свободу внутрипартийной полемики, со стороны Аксельрода были, видимо, отвергнуты.

В конце концов женеvские чернопередельцы согласились печатать брошюру в своей типографии на «финансовых» основаниях, то есть как внепартийное издание, но затем в силу каких-то обстоятельств Аксельрод сам отказался от ее публикации — видимо, под давлением товарищей⁶¹.

Что же, однако, послужило причиной формирования у социалиста Аксельрода столь «националистического» (с точки зрения интернационалистов-чернопередельцев) взгляда на проблему? По-видимому, дело здесь не только в обострении чувства сострадания к своим соплеменникам в ответ на известия о погромах, но и в круге идейных влияний, которые формировали взгляды Аксельрода. По наблюдениям товарищей-революционеров, он вообще заметно выделялся среди своих соратников по подполью и эмиграции. «Между нами Аксельрод был умник»⁶², — вспоминал О. В. Аптекман. Аксельрода от остальных народников отличало многое: оригинальность взглядов, круг общения, даже неприязнь к народническому «славянофильству», положенному в основание их программы. Одной из таких «странностей» Аксельрода была дружба и сотрудничество с М. П. Драгомановым, завязавшиеся во второй половине 70-х гг. и длившиеся по крайней мере до

1882 г.⁶³, даже после того, как все остальные эмигранты-черно-передельцы разорвали отношения с этим известным украинофилом. О степени влияния Драгоманова на Аксельрода говорит переписка последнего. В одном из писем 1880 г. к неизвестному лицу он упоминает некоторых своих единомышленников, которые «распространяют, то есть переводят, когда нужно, "Громаду"»⁶⁴. Явно под влиянием Драгоманова Аксельрод настоял на выставлении в качестве подзаголовка «Черного Передела» слов «Орган социалистов-федералистов»⁶⁵. Более того, в 1880 г., судя по тому же письму, «народников» Аксельрод находил только «среди украинофилов», то есть сторонников Драгоманова. Л. Г. Дейч, ознакомившись с Программой и Объяснительной запиской к программе Северно-русского общества «Земля и Воля» (такое название получил второй состав «Черного Передела», возникший в начале 1880 г. при непосредственном участии Аксельрода), характеризовал ее следующим образом: «От того, что прочел, несет ужасно Павловщиной, то есть Драгомановщиной в соединении с интернационализмом»⁶⁶.

Аксельрода вряд ли интересовала занимавшая Драгоманова проблема воссоединения украинцев, рассеянных по окраинам России и Австро-Венгрии, тем более что в ряде случаев Драгоманов весьма резко отзывался о евреях, которые в «Громаде» предстают эксплуататорами и кровопийцами наравне с другими представителями классов-угнетателей⁶⁷. Однако идеи Драгоманова падали на благодатную почву. До начала увлечения социализмом Аксельрод готовил себя к «делу приобщения евреев к общечеловеческой и русской культуре», то есть намеревался заняться чисто просветительской работой среди соплеменников. Для этой цели он даже собирался учить иврит и историю евреев⁶⁸. Впоследствии идеи еврейского просвещения были заслонены в его сознании другими, но, по-видимому, не настолько сильно, чтобы совсем исчезнуть. Об этом говорит и вся история с «еврейской брошюрой», в которой, кстати, главным сторонником Аксельрода являлся Г. Гуревич — его давний друг, впоследствии известный деятель еврейского национального движения. Именно ему Л. Г. Дейч приписывал решающую роль в «обращении» Аксельрода, которого удалось убедить в необходимости эмиграции евреев в Палестину или в Америку. Идея эта стала весьма популярной после погромов даже среди той части еврейской интеллигенции (Г. Гуревич, И. Каминер и др.), которая до 1881 г.

склонялась к ассимиляции с «коренным» населением. Разумеется, отрицать роль Гуревича в формировании взглядов Аксельрода в период работы над брошюрой нельзя, но национальные чувства, интерес к судьбе соплеменников и стремление отыскать пути к облегчению их положения не покидали Аксельрода никогда, и его идейная близость с Драгомановым — лишнее тому подтверждение⁶⁹.

Любопытно, что влияние Аксельрода и Драгоманова друг на друга в национальном вопросе было, по-видимому, взаимным. Так, в номере 28 «Вольного Слова», редактировавшегося Драгомановым и издававшегося при участии Аксельрода, Драгоманов не только признавал необходимость слияния еврейских и христианских рабочих в борьбе с эксплуататорами, но и говорил о необходимости создания особого корпуса пропагандистов для ведения революционной работы среди евреев⁷⁰, то есть фактически повторял идеи неопубликованной брошюры Аксельрода. Несмотря на налет антисемитизма, присущий украинофильскому движению, Драгоманов готов был признать любой вид национального федерализма, в том числе и еврейский, в качестве подтверждения самого федералистского принципа, положенного в основу украинофильской пропаганды⁷¹. Таким образом, можно предположить, что взаимосвязь между национальным федерализмом Драгоманова и взглядами Аксельрода на пути еврейского национального возрождения была гораздо более глубокой, чем это может показаться при поверхностном рассмотрении.

Однако личная точка зрения Аксельрода не была и не могла быть принята ни «Черным Переделом» как организацией, действовавшей в России, ни даже женевской группой бывших чернопередельцев.

Плеханов весной 1882 г. уже определенно склонялся к идеям централизма⁷², а начавшиеся переговоры с Тихомировым вынудили чернопередельцев, во избежание осложнений, заставить «непокорного» Аксельрода отказаться от обнародования своих мыслей. Оторванный от женевского центра чернопередельцев, с которым он общался только по переписке, и лишенный вследствие этого возможности влиять на товарищей, Аксельрод оказался за бортом «большой политики» народнических групп. Его искренние национальные чувства выглядели неуместными в революционной среде начала 1889-х гг., и вся история с брошюрой, обращенной к еврейской интеллигенции, была вычеркнута из

летописи революционного движения. Тем не менее этот полузабытый историками инцидент имеет несомненное значение, ибо отражает многие из тех идей, которые впоследствии пройдут через русское социально-революционное и социал-демократическое движение и окажут существенное влияние на становление еврейского национального движения.

---

¹ Антисемитизм и русское народничество. Письмо Б. Николаевского С. Дубнову // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 3(10); *Зельцер А.* Погром в Балте // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 3(13); *Кельнер В.* Русско-еврейская интеллигенция: Генезис и проблемы национальной идентификации (2-я половина XIX— начало XX века) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 3(13); *Дубнов С. М.* Записка об антиеврейских беспорядках 1881 года // Голос минувшего. 1916. Кн. 3; Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. II. 80-е годы. Пг.; М., 1923; *Aronson M.* Troubled Waters: The Origin of the 1881s Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburg, 1990; *Asher A.* Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge, 1972; *Asher A.* Pavel Axelrod: a conflict between Jewish loyalty and revolutionary deducation // The Russian Review. XXIV (1963); *Berk S.* Years of Crisis, Years of Hope: Russian Jewry and the Pogroms of 1881—1882s. Westport, 1985; *Haberer E. E.* Jews and Revolution in Nineteen-century Russia. Cambridge, 1995; Pogroms. Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, 1992; *Mishkin-sky M.* Soviet Historiography of the 1920s on Narodnaia Volia's Attitude toward Pogrom // Jews in Eastern Europe. 1994. № 1(23). P. 23—31.

² *Зельцер А.* Указ. соч. С. 58.

³ Одно из подробных описаний отношения народников к антиеврейским погромам начала 1880-х гг. содержится в кн.: *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы 70-х и 80-х годов XIX века. Партия «Народной Воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. С. Волк в своей монографии, посвященной «Народной Воле», ограничился одним абзацем в сноске (*Волк С. С.* Народная Воля. 1879—1882. М., 1966. С. 224). Несколько более подробно проблема освещена С. Н. Валком (*Валк С. Н.* Г. Г. Романенко (Из истории «Народной Воли») // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С. 48—52).

⁴ *Войтинский В. С.* Предисловие к брошюре П. Б. Аксельрода «О задачах еврейско-социалистической интеллигенции» // Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1923. С. 215. Подробные сведения о количестве жертв погромов содержатся в кн.: Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. II. 80-е годы.

⁵ *Богучарский В. Я.* Указ. соч. С. 218—219.

⁶ *Валк С. Н.* Указ. соч. С. 48, 59. А. П. Прибылева-Корба в своих воспоминаниях приводит выдержку из письма Л. А. Тихомирова, в котором тот снимает с себя всякую ответственность за публикацию антисемитской прокламации (*Прибылева-Корба А. П.* «Народная Воля». Воспоминания о 1870—1880-х годах. М., 1926. С. 197). С. С. Волк считает ее издание личной инициативной Романенко, не поддержанной остальными членами ИК (*Волк С. С.* Указ. соч. С. 224). Между

тем именно подпись ИК, осытившего эту прокламацию своим авторитетом, заставила елисаветградскую группу народолюбцев выпустить гектографированное ее переиздание в 1882 г. (*Волк С. Н.* Указ. соч. С. 52).

⁷ *Волк С. С.* Указ. соч. С. 224.

⁸ *Богучарский В. Я.* Указ. соч. С. 221—222.

⁹ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду // Группа «Освобождение труда». М., [б. г.]. Сб. № 1. С. 154.

¹⁰ *Дейч Л. Г.* Южные бунтари. Конспект реферата (Архив Дома Плеханова Отдела рукописей РНБ (далее — АДП ОР РНБ), ф. 1097 (Л. Г. Дейча), оп. 1, ед. хр. 38).

¹¹ Литература партии «Народная Воля». М., 1930. С. 124.

¹² Там же. С. 140.

¹³ Там же. С. 137.

¹⁴ Там же. С. 165.

¹⁵ *Войтинский В. С.* Указ. соч. С. 216; Революционное народничество 70-х годов XIX века. М., 1965. Т. 2. С. 320.

¹⁶ См., напр.: Материалы для биографии М. А. Бакунина. М., 1928. Т. 3. С. 149, 169—170, 408; *Бакунин М. А.* Избр. соч.: В 5 т. М.; Пг., 1921. Т. 5. С. 137—145. К чести Бакунина следует отметить, что очень немногие из его антисемитских писаний увидели свет при жизни автора. Написанные в основном в состоянии аффекта, они редко доводились до конца и тем более — до типографии.

¹⁷ Литература партии «Народная Воля». С. 138.

¹⁸ *Дейч Л. Г.* Южные бунтари... (АДП ОР РНБ, ф. 1097, оп. 1, ед. хр. 38).

¹⁹ *Богучарский В. Я.* Указ. соч. С. 221. А. П. Прибылева-Корба считает это свидетельство об С. С. Златопольском — единственном еврее в тогдашнем ИК — полностью легендарным (*Прибылева-Корба А. П.* Указ. соч. С. 196). Впрочем, уже сам факт возникновения подобной легенды является весьма показательным для умонастроения народолюбцев той поры.

²⁰ *Хевролина В. М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60-х — начало 80-х годов XIX века. М., 1986. С. 80. Не следует забывать о том, какой характер приобрела в дальнейшем идейная эволюция Л. А. Тихомирова и Г. Г. Романенко, в том числе и в национальном аспекте.

²¹ Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1881. № 4 (сент.).

²² Rogoms... Р. 67, 95; *Дубнов С. М.* Указ. соч. С. 243.

²³ Зерно. Рабочий листок. 1881. № 3 (июнь).

²⁴ Rogoms... Р. 106; *Войтинский В. С.* Указ. соч. С. 215; Антисемитизм и русское народничество... С. 213.

²⁵ *Дейч Л. Г.* Роль евреев в русском революционном движении. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 202. По данным, приводимым Н. А. Троицким, из 583 участников политических процессов в 1889—1894 гг. евреи составляли не более 15%. В «Народной Воле» состояло около 65% евреев-революционеров, однако резкое возрастание числа евреев-народолюбцев на политических процессах происходит

только со второй половины 1880-х гг. (*Троицкий Н. А.* «Народная Воля» перед царским судом. Саратов, 1983. С. 358—408).

²⁶ *Дейч Л. Г.* Роль евреев в русском революционном движении. С. 28.

²⁷ *Аптекман О. В.* Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х годов. Ростов-на-Дону, [б. г.]. С. 69.

²⁸ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 15; *Аксельрод П. Б.* Письмо Л. Г. Дейчу (АДП ОР РНБ, ф. 1097, оп. 1, ед. хр. 245 (АД 2/37.4)).

²⁹ *Аксельрод П. Б.* О задачах еврейско-социалистической интеллигенции // Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1923. С. 217—218.

³⁰ *Дейч Л. Г.* Приписка к письму П. Л. Лаврова П. Б. Аксельроду // Из архива П. Б. Аксельрода. С. 31.

³¹ Там же.

³² *Аксельрод П. Б.* О задачах еврейско-социалистической интеллигенции. С. 220.

³³ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 151.

³⁴ *Лавров П. Л.* Письмо П. Б. Аксельроду // Из архива П. Б. Аксельрода. С. 30.

³⁵ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 156.

³⁶ Там же. С. 151—152.

³⁷ Там же. С. 156.

³⁸ *Лавров П. Л.* Письмо П. Б. Аксельроду. С. 30.

³⁹ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 150; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 338. С резким неприятием антисемитизма в любой его форме выступал еще один видный чернопеределец-эмигрант — украинец Я. В. Стефанович (*Стефанович Я. В.* Письмо В. Стефановичу (АДП ОР РНБ, ф. 1097, оп. 1, ед. хр. 739 (АД 5/366.26)).

⁴⁰ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 148.

⁴¹ Там же. С. 164.

⁴² *Аксельрод П. Б.* Письмо Л. Г. Дейчу (АДП ОР РНБ, ф. 1097, оп. 1, ед. хр. 245 (АД 2/37.4)).

⁴³ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 158; Письма П. Б. Аксельрода к Л. Г. Дейчу. М.; Л., 1926. С. 81—82.

⁴⁴ *Аксельрод П. Б.* О задачах еврейско-социалистической интеллигенции. С. 215—229.

⁴⁵ *Аксельрод П. Б.* О положении евреев в России (АДП ОР РНБ, ф. 1097, оп. 1, ед. хр. 829).

⁴⁶ *Аксельрод П. Б.* О задачах еврейско-социалистической интеллигенции. С. 227.

⁴⁷ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 160.

⁴⁸ Там же. С. 153—154.

⁴⁹ *Аксельрод П. Б.* О задачах еврейско-социалистической интеллигенции. С. 225.

⁵⁰ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 160; *Дейч Л. Г.* Роль евреев в русском революционном движении. С. 160—161.

- ⁵¹ Аксельрод П. Б. О задачах еврейско-социалистической интеллигенции. С. 217.
- ⁵² Там же. С. 218; Дейч Л. Г. Роль евреев в русском революционном движении. С. 153.
- ⁵³ Аксельрод П. Б. О положении евреев в России (АДП ОР РНБ, ф. 1097, оп. 1, ед. хр. 829).
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Аксельрод П. Б. О задачах еврейско-социалистической интеллигенции. С. 224.
- ⁵⁶ Там же. С. 226.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 225.
- ⁵⁹ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 153.
- ⁶⁰ Там же. С. 160.
- ⁶¹ Аксельрод П. Б. О задачах еврейско-социалистической интеллигенции. С. 217.
- ⁶² Аптекман О. В. «Черный передел» (Страница из истории общества «Земля и воля» 70-х годов // Памятники агитационной литературы. «Черный передел», Орган социалистов-федералистов. М.; Л., 1922. Т. 1. С. 99.
- ⁶³ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 184.
- ⁶⁴ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 164.
- ⁶⁵ Аптекман О. В. «Черный передел». С. 99.
- ⁶⁶ Дейч Л. Г. Письмо В. И. Засулич (АДП ОР РНБ, ф. 1097, оп. 1, ед. хр. 668 (АД 1/9.2)).
- ⁶⁷ Громада. Українська збірка. № 1. Передньє слово до «Громади». Женева, 1878. С. 10.
- ⁶⁸ Дейч Л. Г. Роль евреев в русском революционном движении. С. 127.
- ⁶⁹ Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 154; Дейч Л. Г. Роль евреев в русском революционном движении. С. 160—161.
- ⁷⁰ Вольное Слово. 1882. № 28. С. 3. В оценке антиеврейских погромов «Вольное Слово» сближалось с теми из революционеров, кто осуждал это движение. Так, заметка «Жертвы антиеврейского движения в Варшаве по занятиям» (Вольное Слово. 1882. № 26) отмечала, что среди жертв погромов преобладала еврейская беднота.
- ⁷¹ На это же обращает внимание Я. В. Стефанович (*Стефанович Я. В.* Письмо В. Стефановичу).
- ⁷² Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду. С. 149.

С. Бриман (Хайфа)

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДИСКУССИЙ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

27 апреля 1906 г. начал свою работу первый в истории России парламент. Огромный комплекс нерешенных проблем империи должен был встать в повестку дня Думы. Страна ждала от депутатов решительных реформ в политическом и аграрном устройстве. Считалось понятным, что реформы в этих сферах являются первостепенными, в отличие от решения национальных проблем.

Профессор Н. И. Кареев, видный член кадетской фракции, первым затронул в Думе тему межнациональных отношений. 4 мая польские депутаты обратились к нему с предложением выступить против неудачного термина «русская земля» в тексте ответного адреса царю. Характерно, что сами польские представители не считали возможным сделать это замечание от себя, «дабы не вызвать какого-нибудь диссонанса»¹.

В те первые дни думской работы среди депутатов от национальных регионов царил стереотип, что еще не время поднимать вопросы межнациональных отношений, что эти проблемы будут решаться в рамках общих законопроектов о введении политических свобод и равенства. Реагируя на просьбу польских депутатов, Н. И. Кареев предложил такую формулировку: «Россия населена разными народами, и принципы (Манифеста 17 октября. — С. Б.) одинаково дороги как русскому народу, так и всем другим»².

Еврейская общественность возлагала большие надежды на думские реформы. Так, в начале мая 1906 г. Дума получила приветствия от Петербургского отделения Союза для достижения полноправия евреев России, Владимирской городской еврейской общины, Кременчугского, Сибирского и Новгородского еврейских обществ³. Но ни 12 еврейских депутатов, ни другие парламентарии не поднимали еврейский вопрос, ожидая, что

правительство само объявит в тексте своей декларации Думе о желании идти к гражданскому равенству.

13 мая после выступления председателя Совета министров И. Л. Горемыкина депутат М. М. Винавер заявил: «Дума категорически потребовала равенства. А ей отвечают пустопорожным молчанием». В этой своей речи Винавер впервые поднял еврейский вопрос на уровень проблемы государственной важности: «Мы, евреи, представители одной из самых истерзанных наций в стране, ни разу не сказали о себе ни слова с этой кафедры... Но теперь мы должны объявить: доколе вы будете попустителями гражданского рабства, не будет умиротворения в стране». Винавер потребовал отставки правительства, подчеркнув, что, игнорируя «крик отчаяния 6-миллионного народа», министры демонстрируют свое нежелание идти вообще на какие бы то ни было реформы⁴.

Даже консервативно настроенный граф П. А. Гейден поддержал здесь Винавера: «Министерство совершенно обходит вопросы о национальности, не указывает той политики, которой оно желает по этому вопросу держаться»⁵.

Такое разочарование пассивностью правительства и подтолкнуло либерально-демократические фракции Думы выступить с самостоятельной инициативой. 15 мая 1906 г. на общем заседании парламента было зачитано срочное заявление 151 члена Думы с предложением выработать законопроект о гражданском равенстве. Это ставшее знаменитым заявление основывалось на давней либеральной идее о том, что в «области ограничений, обусловленных национальностью и религией, достаточна простая отмена соответствующих ограничительных законов»⁶.

Заявление было поддержано Думой. Из 12 депутатов-евреев под заявлением поставили свои подписи 11 человек (кроме сиониста Ш. Левина). Никто из депутатов не поднимал еврейский вопрос всю вторую половину мая 1906 г., считая, что все возможные меры к его решению уже сформулированы в заявлении 151-го. Все внимание Думы сосредоточилось на вопросах аграрной реформы, отмены смертной казни, внутреннего порядка парламентской работы.

Такое затишье продолжалось бы долго, но 1 июня 1906 г. депутаты получили экстренные телеграммы о начавшемся кровавом еврейском погроме в г. Белостоке, где полиция и войска с пулеметами и артиллерией приняли самое активное участие в убийствах мирных жителей-евреев. Это известие вызвало шок и

возмущение депутатов. Погром рассеял надежды на возможность партнерства Думы и правительства в реформировании страны. События в Белостоке не просто вновь привели еврейский вопрос к обсуждению в Думе, но и поставили его в центр политических дискуссий. Можно утверждать, что весь июнь — последний месяц работы I Думы — прошел под знаком еврейского вопроса.

Важно заметить, что погром в Белостоке спровоцировал в Думе целую дискуссию о самой сути еврейского вопроса и о путях его решения. Уже 2 июня Ш. Левин в своей эмоциональной речи констатировал связь между бесправием евреев в России и волной погромов: «Правительство сделало евреев гражданами низшего сорта и ... не нашло другого средства, кроме всем известного маневра: направить народный гнев по линии наименьшего сопротивления. Это есть целая система»⁷.

5 июня 1906 г. кадетский депутат Ф. Ф. Кокоскин выступил с хорошо подготовленной речью, поставившей еврейский вопрос во главу угла всех июньских дискуссий в Думе. Кокоскин назвал дискриминацию евреев самым крупным пережитком варварства, без ликвидации которого невозможно «охранить доброе имя России в глазах цивилизованного мира». Депутат с горечью свидетельствовал, что «законодательные ограничения на практике складываются в огромное, грязное, кровавое пятно. Население приучается смотреть на евреев как на не-людей»⁸.

Речь Кокоскина, несмотря на ее ораторские достоинства, не содержала конкретных рекомендаций для думского законодательства. Но эта своеобразная декларация позиции кадетов по еврейскому вопросу заставила 6 июня взять слово их политических противников — октябристов. Граф П. А. Гейден, признав вопрос еврейского равноправия «жгучим для России», заявил, что это слишком большая проблема и ее «нельзя разрешить с помощью красного карандаша. Надо выработать сложный закон».

Нужно учитывать, что депутаты слушали графа в то время, когда газеты были переполнены описаниями белостокских убийств. Общественное мнение явно было настроено семитофильски. Кроме того, многих депутатов покорило тон графа, сказавшего: «Я сочувствую тому, что евреям должны быть даны человеческие права»⁹. Началась острейшая дискуссия.

Слово сразу взял М. Винавер, обвинивший П. Гейдена в том, что он вместо существующих ограничений желает ввести другие ограничения. Винавер призвал создать единую комиссию, в

которой сгруппировались бы все лучшие силы Думы для выработки закона о гражданском равенстве. Здесь Винавер впервые высказал идею о простоте решения еврейского вопроса, которая еще много раз будет упоминаться либеральными депутатами как аксиома: «Мы говорим: все граждане должны быть равны перед законом, и устраняем всякое неравенство. Это так просто». Простота и быстрота, по мнению Винавера, были даже необходимы, так как «еврейский вопрос становится все более жгучим по мере того, как вы, под предлогом сложности, его отсрочиваете»¹⁰.

Эту идею поддержал и профессор Кареев: «В вопросах национальности, вероисповедания и пола все до такой степени ясно, что уже простое заявление принципов и отмена ограничений поставит наш вопрос на чисто реальную почву»¹¹.

Следующее выступление — речь Ш. Левина — чрезвычайно интересно для анализа позиции сионистов. Бросается в глаза та же либеральная идея о том, что «одна статья закона может положить конец всем вековым наслоениям в области еврейского вопроса». Но это совершенно идет вразрез с сионистской концепцией, по которой решением еврейского вопроса является жизнь в своем национальном государстве в Палестине.

Более того, сионист Левин ответил графу Гейдену, заявившему, что еврейский вопрос еще нигде окончательно не решен, так: «Этот вопрос, постольку, поскольку он может быть регулирован законоположениями, разрешен повсюду, только не в России»¹².

Разгадку этого парадокса можно найти, проанализировав выступление другого сиониста — С. Розенбаума. В той же дискуссии 6 июня 1906 г. последний выдвинул поразительное идейное построение: еврейский вопрос не является вопросом еврейского народа! Розенбаум заявил: «Еврейский вопрос является преимущественно вопросом русского народа; пока русский народ не дал евреям равноправия, до тех пор есть вопрос, насколько он имеет право считать себя равным с другими культурными народами»¹³.

В этих словах заложен не просто привычно либеральный призыв считать степень эмансипации евреев мерилom цивилизованности общества. Здесь проявился специфический сионистский подход, в корне отличающийся от подхода либерального. Рассмотрим подробнее их различия.

Для российских либералов (как для русского Кареева, так и

для еврея Винавера) решить еврейский вопрос означало приблизить формирование гражданского общества и ввести в жизнь один из важных компонентов гражданского равенства в новой России. Для еврейских национальных деятелей решить еврейский вопрос означало распутать сложный клубок внутренних еврейских проблем или путем культурно-национальной автономии (бундовцы), или путем создания еврейского государства (сионисты). Причем сионисты рассматривали демократическое общество в России не как самоцель, а как хорошую базу для дальнейшего выезда в Палестину, как благоприятный климат для воспитания граждан будущего еврейского государства.

Таким образом, либералы руководствовались своеобразной политической индукцией, идя от частного, еврейского, к общероссийской цели; сионисты же использовали политическую дедукцию, отталкиваясь от общероссийской базы для решения внутренних еврейских проблем. Ассимилированного петербургского еврея Максима Винавера можно считать «либералом с еврейскими интересами», в то время как вышедших из самого сердца Черты оседлости (Минск и Вильно) Шимона Розенбаума и Шмарьяу Левина вполне можно назвать «евреями с демократическими убеждениями».

Теперь становится ясно, что, говоря о решении еврейского вопроса, Розенбаум и Левин имели в виду не глобально-метафизическое «распутывание» еврейских проблем (которое могло осуществиться, на их взгляд, только в еврейском государстве), а излечение одной из болезней русского общества. Здесь и произошло слияние идей национальных и общедемократических, поставившее сионистов в общероссийские ряды сторонников свободы и демократии. Отсюда и слова Ш. Левина: «Принцип равенства есть фундамент, на котором будем строить обновление всей России, всех народов, которые живут в России»¹⁴.

В исследовательском плане интересна короткая полемика, развернувшаяся между С. Розенбаумом и князем И. С. Волконским. Волконский пытался поддержать графа Гейдена, заявив: «Вы прежде докажите, что с отменой неравенства вы не создадите зла».

Розенбаум не смог или не захотел направить ход своих мыслей по пути, предложенному князем. Вместо этого Розенбаум обрушился на Волконского с несправедливой критикой, некорректно приписывая ему то, чего последний не говорил: «Для князя

Волконского неясно, является ли злом лишение человека права пользоваться воздухом».

С другой стороны, Розенбаум привел юридический аргумент о презумпции невиновности: не евреи должны доказывать свою «безопасность» для общества перед введением равенства, а, наоборот, правительство должно доказать «необходимость» дискриминации евреев, если оно хочет продолжать антисемитскую политику. В этом контексте уместно привести слова С. Розенбаума в Думе: «Лица, не совершившие преступления, могут быть без суда лишены прав... Князю Волконскому неясно, что, когда мы переходим от системы произвола на систему правопорядка, не могут оставаться 6 миллионов людей лишенными прав»¹⁵.

Не менее убедительно прозвучал аргумент Розенбаума о том, что именно иудаизм имеет по отношению к другим народам «авторские права» на само понятие равенства: «Вы только теперь обсуждаете вопрос, нужно или нет равенство, а для нас это давно ясно. Мы еще 6 тысяч лет назад заявили, что единый закон нужен для всех, для нас и всех чужих, живущих у нас»¹⁶.

Далее Розенбаум развернул перед депутатами широкую и подробную картину каждодневной дискриминации евреев: «Если людей запирают в отдельные местечки и города, отнимают возможность своим трудом приобретать средства к жизни, то их, очевидно, гонят на медленную смерть. Евреев, умирающих от чахотки, громадное количество вследствие постоянного голода». Розенбаум указал на парадоксальную ситуацию: правительство стремится к духовному геноциду евреев, которым запрещает развиваться, но вынуждает при этом евреев быть образованнее других, чтобы получать «пятерки» в гимназиях и дипломы первой степени в университетах.

Свою речь С. Розенбаум закончил, удивившись тому, что «в этой зале еврейский вопрос еще кому-нибудь не ясен»¹⁷. Действительно, многие депутаты имели довольно слабые представления по этой проблеме. Поэтому 8 июня слово взял опять депутат Ш. Левин, который рассказал о собственном опыте бесправия, о том, как его в 1905 г. изгнали из Петербурга, где он хотел остаться всего на 24 часа. Левин иронично заметил, что будет выслан из столицы, как только сессия парламента закончится: «Я без права жительства и все же принимаю участие в русском законодательстве. Может ли быть более вопиющее противоречие?»¹⁸

Вслед за Левиным по поводу еврейского вопроса и путей его

разрешения выступили еще четыре оратора. Депутат Рыжков из Екатеринославской губернии заявил, что именно неравноправие вселяет в христианское население «грубые предубеждения и инстинкты, которые разряжаются потом в дикие разгромы». Безусловно, здесь Рыжков явно перепутал причины и следствия, упуская или сознательно не упоминая хотя бы религиозные корни христианского антисемитизма, а также фактор экономической конкуренции с евреями. Как человек здравомыслящий, Рыжков выдвинул еще один прозаический аргумент в пользу прекращения гонений на евреев: «Результатом погрома является всегда повышение цен, упадок торговли, кредита, разорение мелких предпринимателей»¹⁹.

Пламенную речь произнес одесский депутат профессор Щепкин. Он впервые потребовал не только равноправия, но и заявил о необходимости «заботы государства о 6-миллионном народе». Профессор призвал правительство «путем указов осуществить равноправие, не дожидаясь нашего законодательства», если только власти желают «загладить свою вину перед еврейским народом по поводу белостокского погрома». Он указал на общность судеб евреев и интеллигенции в России: сначала одни, а затем и другие стали объектом санкционированных погромов.

Профессор Щепкин повторил тезис Рыжкова, снова меняя местами причину и следствие, упрощая этим понимание комплексных причин антисемитизма: «Почему можно полутемные массы увлечь в погромы? Только благодаря тому, что инородческое и иноверческое население стоит вне закона». Затем Щепкин еще раз сформулировал уже знакомую нам либеральную идею: чтобы сделать еврейский народ равным перед законом с другими гражданами, достаточно одного вечера занятий комиссии. На фоне белостокских событий профессор в заключение своей речи призвал депутатов «в этом вопросе быть поспешными и безумно смелыми», потому что еврейское население «мы должны спасти»²⁰.

Образно выступил украинский депутат Заболотный из Подольской губернии. Он заявил, что в его местности евреи и украинцы живут вместе и напоминают двух кандалников на одной цепи, причем «поработители стараются убедить одного из них, что все несчастья происходят не от угнетателей», а от другого заключенного. Заболотный завершил свое выступление следующими словами: «Творите же правильно, законодатели. Акт общей правды живет долго и действует далеко»²¹.

Активное обсуждение еврейского вопроса, всеобщий интерес к нему в Думе привели к тому, что депутаты от различных национально-религиозных групп стали сравнивать в выступлениях свое положение со статусом евреев. При этом отношение правительства к евреям автоматически уже воспринималось как эталон дискриминационной политики. Так, депутат Зиатханов от Елисаветпольской губернии, указывая на стремление газеты «Новое время» разжигать вражду между нациями, отметил 12 июня: «В противоположность евреям, которых она всегда преследует, только по отношению к мусульманам эта газета была несколько снисходительнее»²². Депутат Сыртланов от Уфимской губернии был более пессимистичен в своих оценках: «Веротерпимости в отношении мусульман, как и в отношении евреев, нет в России»²³.

Государственная дума стала первой и уникальной трибуной, с которой еврейский вопрос был донесен до масс российских граждан. Впервые методы «развязывания еврейского узла» и боль еврейских погромов были поставлены на уровень важнейших общегосударственных проблем. Это отмечал и депутат-сионист В. Якубсон, член фракции трудовиков, один из участников думской комиссии по расследованию Белостокского погрома: «Я, как еврей, счастлив, что могу с этой трибуны говорить и о еврейском горе. Никогда до сих пор ни один еврей не мог обратиться непосредственно к русскому народу». 23 июня 1906 г., за две недели до трагического разгона I Думы, В. Якубсон выразил уверенность, что депутаты против еврейских погромов, что «это претит вашему чувству, а что за погромы лишь те представители власти на местах, которых вы заставите уйти и быть наказанными»²⁴. Эти слова были встречены овацией. То были минуты высокого духовного чувства общечеловеческого единения всех стремящихся к свободе. Завершая анализ обсуждения еврейского вопроса I Думой, остается лишь подчеркнуть, что главным методом его решения большинству депутатов виделось скорейшее введение равноправия евреев в России.

---

¹ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 238.

² Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1. СПб., 1906. Ч. 1. С. 152.

³ Там же. С. 251—253.

⁴ Там же. С. 339—343.

-
- ⁵ Там же. С. 349.
⁶ Там же. С. 379.
⁷ Там же. Ч. 2. С. 953—954.
⁸ Там же. С. 1008.
⁹ Там же. С. 1051.
¹⁰ Там же. С. 1056.
¹¹ Там же. С. 1072.
¹² Там же. С. 1103.
¹³ Там же. С. 1074.
¹⁴ Там же. С. 1105.
¹⁵ Там же. С. 1072.
¹⁶ Там же. С. 1073.
¹⁷ Там же. С. 1074.
¹⁸ Там же. С. 1105.
¹⁹ Там же. С. 1106.
²⁰ Там же. С. 1110—1111.
²¹ Там же. С. 1108.
²² Там же. С. 1228.
²³ Там же. С. 1106.
²⁴ Там же. С. 1641—1642.

М. Гон (Ровно)

СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ (конец XIX в.— 1929 г.)

Идеи протосионизма проникли в Галицию из Вены, найдя здесь благоприятную почву. Динамика развития сионизма в регионе может быть определена следующими этапами: 1882 г.— первый сионистский вечер во Львове, 1888 г.— образование предвестника палестинофильского движения — организации «Цион», 1892 г.— появление брошюры «Какой должна быть программа еврейской молодежи», декларации, начертавшей путь галицийским евреям к национальному возрождению¹. В 1893 г. под названием «Местная группа Львовского союза австрийских товариществ для колонизации Палестины и Сирии Цион» во Львове образовалась краевая организация сионистов².

Ее программа сформулирована как синтез задач внешнего и внутреннего характера. В ней исходными положениями выступала картина массовой пауперизации евреев и антисемитизм. Обнищание масс истолковывалось как следствие их исключительно неблагоприятного правового положения, а исцеление от ксенофобии связывалось с созданием еврейского территориального центра. Знаменательно, что таковым в категорической форме называлась Палестина. Особое внимание обращалось на укрепление национальной самоидентификации и защиту гражданских прав евреев.

Отдельное место в программе уделялось самостоятельному политическому курсу, что означало отказ от роли носителей чьих-либо (главным образом польских) интересов. Члены партии намеревались провести своих представителей в законодательный орган³.

Поначалу деятельность сионистов выражалась в усилиях, направленных на расширение знаний евреев о национальной литературе и истории, основании филиалов австрийского колонизационного общества, пропаганде иврита как необходимого общего языка в будущей Палестине. Идеи сионистов находили поддержку среди евреев Галиции. Если на первом съезде партии

сионистов (апрель 1893 г.) приняли участие всего 20 человек, то на втором (сентябрь 1894 г.) местные организации представляли уже 70 делегатов. До 1895 г. в Галиции уже действовало около 30 сионистских товариществ⁴.

Следовательно, есть основания утверждать, что идеология сионизма утвердилась в данном регионе еще до проведения первого сионистского конгресса и появления работы Т. Герцля. Среди пионеров сионизма в Галиции были А. Штанд, Г. Зиппер, братья Коркесы, М. Брауде и др.⁵

Кристаллизации идеологии сионизма содействовало распространение в регионе работ Л. Пинскера «Автоэмансипация» и Т. Герцля «Еврейское государство». Последнее десятилетие XIX—начало XX в.— период становления организационной структуры и идейных принципов Сионистской партии. В 1907 г. сионисты впервые выступают на политической авансцене как единый партийный организм, участвуя в выборах в австрийский рейхсрат. Кооперируясь с украинской национально-демократической, радикальной, социал-демократической и другими партиями⁶, галицийские сионисты провели в законодательный орган трех своих представителей: львовского адвоката д-ра Генрика Габеля, Адольфа Штанда и Артура Малера⁷. В июне 1907 г. они вместе с депутатом от Буковины Штраухером образовали еврейскую фракцию в рейхсрате, которая повела активную борьбу за равноправие евреев.

В 1898 г. в Галиции образовались три центра Всемирной сионистской организации: во Львове, Кракове и Станиславе (ныне — Ивано-Франковск). После присоединения Восточной Галиции к Польше Сионистская партия часто параллельно использовала название Общих (алгемайне) сионистов. Пользуясь поддержкой среди интеллигенции, мещан и ремесленников, партия Общих сионистов представляла центр еврейского национального лагеря. Находясь на платформе Базельской программы, сионисты Галиции впоследствии провозглашали: «Общий сионизм признает превосходство интересов народа как целого и потребности возрождения Эрец-Исраэль... над идеологией классов, групп или сословий и ввиду этого стремится, чтобы все интересы отдельных классов, сословий или профессий подчинялись целям общим и национальным»⁸.

Препятствием на пути динамично возрастающего авторитета сионизма стали события первой мировой войны. Насилие со

стороны воюющих армий вызвало массовый уход евреев с насиженных мест. Согласно различным оценкам, только за период двух первых лет войны беженцами из Восточной Галиции стали от 200 до 400 тыс. евреев. Оккупационные власти применяли репрессивные меры по отношению к еврейскому национальному движению.

Трагедия галицийских евреев знаменовала не только массовое обнищание. Гораздо важнее констатировать серьезные сдвиги в массовом сознании евреев. Хорошо знакомый с реалиями галицийской трагедии С. Ан-ский оценил ситуацию 1915 г. как поверхностное разрушение Храма, а Д. Роскес констатировал: «В единый миг соединения личного и культурного анамнеза событие (вандализм в одной из местных синагог. — *М.Г.*) заняло свое место на извечной шкале»⁹.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия, сионисты в этот период находились в эпицентре еврейской жизни. Множество беженцев в годы войны нашли моральную и материальную поддержку со стороны сионистов Галиции. Министерство внутренних дел Австрии в 1916 г. констатировало, что не остановилась и палестинская деятельность партии: «...их (сионистов. — *М.Г.*) задание состоит в разрушении Турции и освобождении Палестины с тем, чтобы с помощью своих единомышленников создать свое государство»¹⁰.

Прекращение войны не означало, однако, политической стабилизации в регионе. На руинах Австро-Венгерской империи происходила резкая активизация украинского и польского национализма, вылившаяся в территориальный конфликт за Восточную Галицию. Здесь в ноябре 1918 г. евреи оказались перед фактом украинской национально-демократической революции (ноябрь 1918 — июль 1919 г.).

Накануне ее начала во Львове состоялся съезд сионистов (28 октября 1918 г.), политическая декларация которого позволяет рассмотреть задачи, начертанные ее участниками перед партией. Неизменной оставалась главная цель — возрождение национального очага евреев в Палестине. Одновременно сформулированы задачи, обусловленные велением времени: требование представительства на мирной конференции и конституционного признания еврейского народа как публично-правовой общности во всех образующихся государствах. В сфере краевой работы обращает на себя внимание призыв конституировать Еврейский нацио-

нальный совет¹¹. Он, как и предполагаемое создание Палестинского правления, мог содействовать ликвидации межпартийного партикуляризма и выработке единой национальной политики евреев в Восточной Галиции.

Еврейский национальный совет был образован 20 ноября 1918 г. по инициативе сионистов, Мизрахи, Поалей Цион и действовавшей в Галиции с мая 1905 г. Еврейской социал-демократической партии. В последние дни осени 1918 г. исполнительный комитет Сионистской партии определил своих представителей в этом общенациональном органе: Ф. Вашиц, Л. Райх, М. Рингель, Г. Розмарин, Д. Шрейбер и Й. Эйслер¹². Со временем председатель исполкома партии Л. Райх возглавил Еврейский национальный совет Восточной Галиции.

Борьба за территорию края сопровождалась массовыми еврейскими погромами со стороны польских шовинистов. Э. Мендельсон отмечает, что польские националисты де-факто отказались от сотрудничества с евреями, поскольку национальная идея в среде поляков с вулканической силой генерировала силы для дальнейшей борьбы¹³. Иная картина наблюдалась в отношении евреев со стороны украинцев. Правительство Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) решительными мерами подавило антиеврейские эксцессы в Станиславе и Тернополе, причем зачинщики были расстреляны. Правительство ЗУНР неоднократно приглашало евреев к сотрудничеству.

Львов — главным городом региона — Львовом, поляки нанесли удар по руководству наиболее влиятельной среди еврейского политического представительства силе — Сионистской партии. В ночь с 10 на 11 декабря 1918 г. были арестованы сопредседатели исполкома Л. Райх и М. Рингель. В качестве заложников они были вывезены в Перемышль. Руководство исполкомом принял на себя председатель комиссии Еврейского национального фонда Гершон Зиппер.

Евреи оказались в крайне затруднительном положении: территория Восточной Галиции находилась под контролем двух противоборствующих сторон. В то время когда национальное единство было велением времени, 670 тыс. евреев фактически оказались в противоположных лагерях. Например, в то время когда сионисты в Станиславе приняли участие в выборах в Еврейский национальный совет под эгидой правительства ЗУНР, члены этой же партии во Львове рассматривали вопрос участия

в выборах в польский сейм. Несмотря на это, в целом деятельность сионистов носила сходный характер: они вступали в диалог с польской или же украинской властью, предпринимая соответствующие шаги для защиты прав и интересов еврейского населения соответствующего региона. И все же сам факт вооруженного противостояния определял направление деятельности партийных структур. Активизация работы сионистов произошла лишь летом 1919 г., когда, теснимые польскими войсками, украинские формирования отступили за р. Збруч. Война закончилась утверждением в Восточной Галиции польской власти.

С 1919 г. начался выход наиболее стабильного сионистского периодического издания межвоенного периода — газеты «Chwiła». 29 сентября 1919 г. во Львове под председательством Б. Гауснера состоялся первый съезд Еврейского национального фонда («Керен Каемет»). Автономный отдел фонда для Восточной Галиции образовался вследствие отделения от венского и краковского центров. Среди участников съезда были Бергер, Голдберг, Тухман, Ступ, Ландау и др. В этом же году образовалась организация Гехалуц. Инициаторами ее образования в Восточной Галиции были д-р Стернер и Д. Шморак. Первый съезд галицийского Гехалуца состоялся 7—8 декабря 1919 г. С целью формирования новой генерации евреев, воспитанных на принципах земледелия и ремесла, сионисты создавали профессиональные курсы. На протяжении 1919 г. образовано несколько еврейских школ и гимназий.

Начало нового десятилетия сопровождалось межфракционной борьбой в среде Общих сионистов. На партийной конференции 1920 г. партия столкнулась с фактом противостояния леворадикальной оппозиции руководству исполкома.

Программа оппозиции в области палестинской деятельности базировалась на требовании демократизации сионистского движения, в частности создания более благоприятных условий для вовлечения в него большего количества продуктивных элементов (мелких ремесленников и рабочих). На «галутном фронте» выдвигалось требование борьбы с системой, которую представлял действующий исполком: «Не политика просьб является целью, а апелляция к силе воли народа».

Лидер оппозиции М. Бененсток так сформулировал пути достижения цели: через профессиональную подготовку оздоро-

вить среду еврейского пролетариата, создав тем самым платформу для совместной работы всех социальных групп и классов¹⁴.

Лозунги левой оппозиции оказались близки взглядам организаций Гапоэль Гацаир и Цеирей Цион. В апреле 1920 г. последние провели совместный съезд, на котором высказались за создание еврейского национального государства в Палестине без эксплуататоров и эксплуатируемых. Но их оппоненты из числа Общих сионистов не рассматривали классовый подход как определяющий, а руководствовались исключительно идеей оздоровления (профессиональной переподготовки) еврейской рабочей среды. Вероятно, именно этот аспект стал определяющим для решения Общих сионистов не объединяться ни с Гапоэль Гацаир, ни с Цеирей Цион¹⁵.

Несмотря на это, последующие события содействовали возрастанию противоречий среди центристов. Тактику исполкома и в последующие месяцы критиковали представители левого крыла партии, среди которых выделялись Ц. Геллер, М. Бененсток, д-р Лаутербах, Н. Мальзер.

Раскол, произошедший в том же 1920 г., можно рассматривать как закономерное завершение конфликта. Из партии выделились сторонники идейного социализма. Новообразованная партия Мифлегет Авода Ционит (Хитахдут) акцентировала свое внимание на палестинской деятельности¹⁶.

На протяжении второго десятилетия XX в. краевая работа если не доминировала, то составляла большую часть усилий в работе партии Общих сионистов. Перевес в деятельности на «галутном фронте», который происходил на фоне успехов сионизма на международной арене, определил дихотомию, ставшую причиной трений в Восточно-Галицийской федерации.

В ноябре 1921 г. на заседании партийного совета партии Мизрахи обсуждался вопрос об отделении ее институций от общесионистских. Оппозиция потребовала ликвидации федеративного характера в Палестинском бюро, фондах «Керен Хаесод», «Керен Каемет», а следовательно, и корректировки своей позиции и роли в федерации.

Умеренный курс руководства партии дал возможность сблизить существующий федеративный принцип. Сохранению единого фронта содействовала твердая позиция председателя правления Мизрахи Б. Гауснера — искреннего сторонника сотрудничества двух партий. Одновременно следует учесть, что впоследствии

именно Мизрахи систематически поддерживала Общих сионистов.

В 1922 г. сионисты оказались перед проблемой определения своего отношения к образованию Еврейского агентства. Вопрос был вынесен на обсуждение совместной конференции Общих сионистов, Мизрахи и Хитахдут в июле 1923 г. Это событие привлекло внимание общественности, поскольку стало весомым шагом на пути примирения трех сионистских фракций Западной Украины.

В отличие от представителей Мизрахи (докладчик Мойзес Рейх) и Хитахдут (Натан Малзер), которые ориентировались на средний слой евреев, представители Общих сионистов (А. Гаусман) отстаивали принцип частной колонизации, не отвергая одновременно и возможности предоставления кредитов тем, кто не имел соответствующих средств. Гарантию сохранения национального характера Еврейского агентства Общие сионисты видели в предоставлении им преобладающего представительства в предполагаемой организации¹⁷.

Несмотря на противоречия, участники конференции высказались за создание межфедеративного объединения в Западной Украине¹⁸ и избрали совместный центральный комитет.

Вопрос о координации деятельности рассматривала конференция, состоявшаяся во Львове 18—19 ноября 1923 г. Противоречия возникли в связи с предложенным проектом о контрольных органах над образуемыми институциями: Хитахдут не согласился на раздел ответственности, считая необходимым их подчинение съезду.

Достичь соглашения не удалось. Делегация Общих сионистов обвинила оппонентов в сепаратизме (Н. Ландау). Вместе с Мизрахи они приняли постановление об изоляции Хитахдут. В ответ на это делегаты Хитахдут оставили зал заседаний¹⁹.

19 ноября 1923 г. на чрезвычайной конференции Хитахдут была принята резолюция о примате палестинской деятельности над работой в галуте. Именно в этой плоскости и находились давние причины конфликта. Хитахдут вышел из исполкома и основал свой руководящий орган²⁰.

Несмотря на кризис сионистской федерации начала 1920 гг., на протяжении длительного времени партии Общих сионистов удавалось оставаться лидером в лагере сионистов. Осенью 1923 г. ячейки этой партии действовали более чем в 60 городах и местечках Западной Украины.

Влияние партии центра на еврейскую общественность выражалось в подчинении ей многих организаций различного направления. Так, зимой 1926 г. под влиянием партии Общих сионистов в Станиславе действовали фонд «Керен Каемет», Гехалуц, «Эзра», «Гаскала», спортивный клуб «Гедеон», Еврейский совет сирот и ряд других организаций²¹.

Борьба вокруг Еврейского агентства на XIII сионистском конгрессе в Карлсбаде (1923 г.) привела к формированию двух фракций. Причина разногласий коренилась в плоскости палестинской деятельности и отражала различия суждений относительно перспектив сионизма.

Кульминацией идейной борьбы первой половины 1920-х гг. среди сионистов в Польше стала VII конференция, которая состоялась в то время, когда начали давать первые всходы усилия, направленные на объединение сионистов разных регионов. Это стало возможным в условиях определения новых восточных границ Польского государства: в марте 1923 г. Антанта включила Западную Украину в состав Польши.

Первая конференция Общих сионистов Польши состоялась уже 31 мая 1923 г. в Варшаве, позже — 10 июня того же года — в Кракове, а 21 октября 1923 г. — вторично в Варшаве²².

В декабре 1924 г. соглашение на вступление в Союз сионистских организаций в Польше высказала краевая конференция сионистов Западной Украины. В начале марта следующего года в Варшаве состоялся первый Всепольский съезд сионистов, на котором произошло объединение четырех ранее самостоятельных организаций (так называемой Малопольши Восточной, то есть Западной Украины, Малопольши, или Западной Галиции, Конгрессовки (бывшего Царства Польского) и Виленщины) в единую партию, которая получила название Объединенного союза региональных сионистских организаций в Польше. Главной задачей образованного съездом Верховного совета стала координация деятельности во всех четырех регионах. При этом сионисты с Западной Украины считали необходимым сохранение определенной автономии для решения вопросов местного значения. Это, вероятно, можно объяснить тем, что подавляющее большинство сионистов Западной Украины принадлежали к фракции «Эт Ливнот» («Время строить»), тогда как в Варшаве и других центральных регионах Польши весомые позиции занимали сторонники И. Гринбаума — лидера фракции «Аль га-Мишмар» («На

страже»). Главные различия между фракциями проявились в отношении к Еврейскому агентству. «Эт Ливнот» выступала за привлечение несионистских элементов к работе над возрождением Палестины, со своей стороны члены фракции «Аль га-Мишмар» видели в этом тенденцию, ведущую к ослаблению влияния сионистов. К тому же они считали, что избрать Еврейское агентство может лишь Всемирный сионистский конгресс. Имелись также различия и во взглядах на методы колонизации Палестины. Большинство западноукраинских сионистов, как члены фракции «Эт Ливнот», выступали за роспуск отдельных федераций Всемирной организации сионистов и образование исключительно территориальных союзов, образующихся из всех сионистских сил²³.

В состав Верховного совета от сионистов Западной Украины вошло восемь человек: Ландау, Розенкрауз, Э. Шморак, Л. Райх (все четверо из Львова), Мандель (Рава-Русская), Майблом (Злочев), Риттерман (Станислав) и Танненбаум (Дрогобыч).

Новообразованная единая партия сионистов оказалась мертворожденной. Причина — различные политические традиции, которые сформировались у евреев на территориях, ранее входивших в состав Австро-Венгрии и России. В то время как историческая память оставила в наследие евреям бывшего Царства Польского конспиративные методы деятельности, в Галиции, где существовал опыт парламентской работы, доминировали принципы компромисса, переговоров, а следовательно, своеобразная эластичность²⁴. При этом следует учесть, что гибкость в краевой работе была присуща не только Общим сионистам, но и Мизрахи. Это сходство и сыграло главную роль во взаимной поддержке двух партий на протяжении всего второго десятилетия XX в.

По нашему мнению, взаимное притяжение внутри сионистского движения межвоенной Польши прослеживается только между двумя галицийскими организациями (Западной Галиции и Западной Украины), что находит свое объяснение в сходстве стратегии этих организаций. Впоследствии и сам Л. Райх называл сионистов Западной Галиции вероятным союзником возглавляемой им партии. Его убеждение в логичности такой аргументации исходило из принципа эволюции двух организаций на традициях одной политической школы²⁵.

Различия во взглядах на стратегию и тактику работы между сионистами Галиции и бывшего Царства Польского определи-

лись уже в первые годы после включения Западной Украины в состав Польши. Со всей определенностью можно утверждать, что основные различия концепций сфокусированы во взглядах, с одной стороны, одного из ведущих западноукраинских сионистов Л. Райха, а с другой — представителя Центральной Польши И. Гринбаума. Последний считал, что евреи должны блокироваться с представителями других национальных меньшинств, в то время как председатель еврейского парламентского клуба Л. Райх на основании экстерриториального статуса еврейской нации защищал идею своеобразия еврейского вопроса. Его вычленение из общего контекста проблем национальных меньшинств привело западноукраинских сионистов к сотрудничеству с правительственным лагерем. И. Гринбаум, который на протяжении длительного времени вел борьбу с такой тактикой, довольно категорически оценивал ее: «Не политика меньшинства, а политика большинства — вот главный принцип галицийской ориентации»²⁶.

Усилия, направленные на налаживание контакта с правительственными структурами, привели к заключению польско-еврейского договора, известного в публицистике как «угода» («соглашение»). По сути, именно в это время были устранены иллюзии по поводу незначительности разногласий, которые разделяли сионистов Польши.

Польско-еврейское соглашение оказалось единственной комплексной программой решения еврейского вопроса в межвоенный период в Польше. На фоне национальной дискриминации, которую испытывали польские евреи, достигнутый компромисс должен был вызвать всеобщую поддержку. Но фактически именно борьба вокруг соглашения стала камнем преткновения для формирования действительно единого партийного организма сионистов в Польше.

Несомненно, что И. Гринбаум и его сторонники всячески стремились решить проблему равноправия евреев. Однако для достижения цели они, в отличие от сионистов Западной Украины, отказывались идти на какие-либо уступки правительству. Несмотря на это, Л. Райх смог защитить свою позицию в сионистских кругах. 4 июля 1925 г. делегация в составе Л. Райха, Киршбрауна, Рейзеса, Д. Шрэйбера, Трускера и Г. Фарбштейна огласила декларацию еврейского парламентского клуба. Упоминание в ней о позиции, основанной на нерушимости границ и

польских государственных интересов (главное содержание декларации — защита прав евреев)²⁷, вызвало естественную критику со стороны национальных меньшинств. Именно вмешательство в вопросы государственных, а фактически геополитических интересов вызвало обеспокоенность оппонентов соглашения. Декларация от 4 июля 1925 г. внесла весомые коррективы во взаимоотношения евреев с другими национальными меньшинствами. Идея совместной борьбы против национальной дискриминации в последующие годы стала просто невозможной.

Впоследствии евреям пришлось быстро разочароваться в своем доверии правительству. 1 октября 1925 г. еврейский парламентский клуб признал ошибочность своего курса.

В июне 1926 г. на Варшавской конференции сионистов представители двух фракций — «Аль га-Мишмар» и «Эт Ливнот» — достигли компромисса с целью поддержки единой кандидатуры на должность председателя Верховного совета. Этот шаг рассматривался как гарантия определенного политического курса во время очередных выборов²⁸. Избрание на эту должность И. Гринбаума вызвало острую критику сионистов Западной Украины, поскольку здесь он воспринимался прежде всего как пылкий приверженец блока национальных меньшинств.

Дополнительным поводом для дискуссии стал вопрос о полномочиях Верховного совета. Поскольку в декабре 1924 г. конференция западноукраинских сионистов определила задачу объединенного высшего органа рамками координации работы отдельных региональных организаций и выработкой парламентской тактики еврейского парламентского клуба, на заседании Совета 8 июня 1926 г. в Варшаве Л. Райх и Э. Шморак выступили против расширения его компетенции, оставляя проблемы ведения избирательной кампании каждому из центральных комитетов.

Западноукраинских сионистов поддержали лишь представители Западной Галиции. После принятия 21-м голосом против 6-ти позиции И. Гринбаума сторонники Л. Райха объявили о выходе западноукраинской организации из Верховного совета²⁹.

13 июня 1926 г. исполком партии Общих сионистов одобрил действия своих представителей, а 27 июня того же года партийный совет заявил, что в дальнейшем сотрудничество будет возможным лишь в том случае, если Верховный совет устранил все причины, которые вызвали раскол³⁰. Фактически с этого времени Верховный совет прекратил существование.

Со временем Л. Райх заявил, что эта объединенная структура оказалась лишь *fata morgana*, а его существование предполагалось использовать для проведения кампании во время выборов, с чем не соглашались сионисты Западной Украины.

Постановление о выходе из состава Верховного совета в штыки восприняли радикальные сионисты Западной Украины. Они требовали немедленного созыва чрезвычайной конференции для решения этого вопроса³¹.

Организационное объединение радикальных сионистов произошло во Львове лишь в 1925 г.³². Фракция «Аль га-Мишмар» в Западной Украине возглавлялась М. Ринглем, А. Инслером, Ротенстрейхом и Фростигом. Есть основания предполагать, что до второй половины 1929 г.— первой половины 1930 г. радикалы не имели четко сформулированной программы. Их позиции, по-видимому, определялись тактикой и стратегией действий И. Гринбаума.

Оппозиция радикальных сионистов базировалась на убеждении в ошибочности методов руководства партии, а доминирующую роль в ее руководстве Л. Райха они оценивали как диктаторство. Весомым фактором для расхождений было недостаточное внимание руководства Общих сионистов к палестинской деятельности. К тому же западноукраинские радикалы защищали принцип единства сионистов в масштабах всей Польши.

Взаимоотношения оппозиции с большинством партии Общих сионистов трудно определить однозначно. Этапы «перемирия» чередовались с патовыми моментами. Например, в 1926 г. разгорелась борьба вокруг газеты «Тогблат». Не получив финансовой поддержки от исполкома, оппозиция начала издавать собственный орган. Компромисс был достигнут на заседании партийного совета 7—8 ноября 1926 г. Радикалы вошли в Львовский исполнительный комитет, а их совместным органом стал «Дер Морген»³³.

Именно фракцию радикальных сионистов пытался использовать И. Гринбаум, когда начал кампанию, направленную на присоединение западноукраинских сионистов к блоку национальных меньшинств. На октябрьской конференции 1927 г. радикалы, найдя поддержку у отдельных представителей провинциальных организаций, подняли вопрос о выработке совместной программы действий в подготовке к предстоящим выборам в сейм

и сенат Польши. Позиция руководства партии, которую поддерживало большинство делегатов, сфокусирована в реплике вице-председателя исполкома д-ра Лессера: «Только децентрализация даст гарантию для надлежащей работы». Предложение радикалов было забаллотировано более чем четырехкратным перевесом противников совместных действий³⁴.

В основе противоречий между сионистами Польши значительное место занимал вопрос о взаимодействии с другими национальными меньшинствами, что в условиях Западной Украины означало в первую очередь диалог с украинскими политиками. Хотя в 1918—1923 гг. еврейско-украинские отношения можно определить как мирное сосуществование, они не избежали и определенных коллизий. Симптоматичной в этом контексте является эволюция взглядов Л. Райха — политика, авторитет которого в среде сионистов (несмотря на критику оппозиции) на протяжении 1920-х гг. был весьма высок. В 1919 г. он говорил о заинтересованности евреев в утверждении в Восточной Галиции украинской власти³⁵, но впоследствии он откровенно уклонялся от сотрудничества с украинцами. Поскольку данная тема требует отдельного рассмотрения, ограничимся лишь констатацией основных факторов, которые укрепили указанную тенденцию. Во-первых, после присоединения Западной Украины к Польше евреи значительно быстрее украинцев выработали свой политический курс в новых условиях. Во-вторых, в 1924—1925 гг. еврейско-украинские отношения были осложнены делом С. Штайгера (немотивированно обвиненного в покушении на президента Польши. Действительным террористом оказался член Украинской военной организации) и заключенным евреями соглашением с правительством Польши. В-третьих, после убийства С. Петлюры в Западной Украине разгорелась настоящая «газетная война», хоть в конечном итоге лидеры обеих сторон попытались смягчить общественное противостояние.

Таким образом, на протяжении 1923—1927 гг. евреи и украинцы практически не находили общего языка. Был, правда, контакт между украинскими и еврейскими социал-демократами, но последние значительно уступали влиянию на «еврейской улице» центристам. Неудивительно, что, рассматривая вопрос блокирования Общих сионистов с другими национальными меньшинствами, партийный совет на заседании 25 декабря 1927 г. уклонился от такой перспективы (31 голос против 7)³⁶.

Последние годы второго десятилетия XX в. прошли под знаком острого кризиса партии Общих сионистов. Деятельность исполкома подвергалась критике различных структур, которые входили в состав краевой сионистской организации. Концентрация усилий на краевой работе вызывала недовольствие Сионистов-ревизионистов, организации молодежи «Ахава» и сторонников «Ярдении». Но основным оппонентом оставались радикальные сионисты. Несмотря на это, партия продолжала пользоваться существенной поддержкой. По состоянию на 1929 г., только львовская организация Общих сионистов насчитывала около 4 тыс. членов³⁷.

В 1928—1929 гг. была предпринята еще одна попытка объединить сионистов в масштабах всей Польши. 19 апреля 1928 г. на совместном заседании центральных комитетов Варшавы, Кракова и Львова в Лодзи был сформирован Временный Верховный совет. Его компетенция — согласование сионистской работы и координация краевой политики — давала надежду на формирование единых взглядов, а следовательно, и тактики сионистов. 21 октября 1928 г. на чрезвычайном заседании Временного Верховного совета во Львове было провозглашено объединение сионистов Польши. На начало следующего года был назначен съезд, на котором предполагалось окончательное организационное оформление объединения³⁸.

Но и на этот раз довести дело до конца не удалось. Во время июньских дебатов вокруг вопроса о государственном бюджете в еврейском парламентском клубе произошел очередной раскол: после избрания И. Гринбаума его председателем депутаты от Западной Украины создали свою фракцию, которую возглавил Л. Райх. Эти события в очередной раз столкнули две стратегии — Л. Райха и И. Гринбаума.

В начале ноября 1928 г. орган западноукраинских сионистов — газета «Chwila» — опубликовал статью Л. Райха «Время сорвать маску фальши», в которой он заявил о несовместимости политической концепции И. Гринбаума с тактикой возглавляемого им исполкома. Охарактеризовав курс И. Гринбаума «радикально-диктаторским», Л. Райх акцентировал внимание на том, что речь идет фактически не только о противостоянии «двух концепций», а чуть ли не двух, откровенно говоря, абсолютно различных способов политического мышления³⁹.

Таким образом, сионистам в 1920-х, как, впрочем, и в после-

дующие годы межвоенного периода, не удалось сформировать единого партийного организма. Главным препятствием на пути к сотрудничеству оказались различные политические традиции, в которых произошло становление сионизма в межвоенной Польше. Западноукраинские сионисты своей практической деятельностью доказали, что они овладели парламентскими методами борьбы с присущей ей стратегией действий. Борьба Л. Райха и И. Гринбаума не только противостояние двух ярких личностей и выдающихся политиков. Она четко отображает, во-первых, глубину противоречий их стратегий, а одновременно и сложность процесса сближения и взаимодействия сионистов разных регионов Польши.

Во-вторых, сионизм на западноукраинских землях развивался в крайне сложных условиях, поскольку этот регион в этнонациональном разрезе представлял территорию, где исторически формировался конфликтный алгоритм мышления. Он нашел яркое выражение уже в середине XIX — начале XX в., а в 1918 г. перерос в вооруженное противостояние поляков и украинцев. Евреи региона оказались между Сциллой и Харибдой двух национализмов — польского и украинского. Вследствие этого сионисты были объективно вынуждены уделять пристальное внимание краевой работе.

В-третьих, сосредоточение внимания на «гегенвартспрограм» привело не только к трениям с различными силами в среде сионистского движения, но и к потере лидерства партии Общих сионистов в деятельности, связанной с Эрец-Исраэль. В конце 1920-х гг. инициатива постепенно перешла к сионистской партии труда Хитахдут.

В-четвертых, характерной чертой партийной жизни Общих сионистов Западной Украины в 1920-х гг. был такой стиль управления партией, который был близок к авторитаризму. Для многих Л. Райх превратился из политического лидера в непререкаемый авторитет. Более того, после его смерти (1929 г.) появились симптомы рождения феномена «райхизма». Следует отметить, что Л. Райх был не только талантливым руководителем партии Общих сионистов. Он стал политическим лидером, который в значительной мере взял на себя ответственность за формирование политического курса всего западноукраинского еврейства.

За три с лишним десятилетия (со времени становления и до

1929 г.) Сионистская партия прошла сложный путь развития. Ее успехи в борьбе с ассимиляцией, завоевании лидерства в среде еврейского партийно-политического представительства и, наконец, в формировании партийного организма были весьма значительны.

¹ Chwila. 1923. 20 нояб. С. 2.

² Меламед В. Евреи во Львове (XIII — первая половина XX века). События, общество, люди. Львов, 1994. С. 132.

³ Наймолодше галицьке стронництво політичне//Правда (вістник політики, науки і письменства). 1895. Вип. 74. Т. 24. С. 152—154.

⁴ Там же.

⁵ Государственный архив Львовской области (далее — ГАЛО), ф. 110, оп. 1, ед. хр. 975, с. 77.

⁶ Андрусак Т. Українсько-жидівська передвиборча коаліція 1907 р.//Україна. Незалежний культурологічний часопис. 1996. № 8. С. 58.

⁷ ГАЛО, ф. 110, оп. 1, ед. хр. 975, с. 77.

⁸ Центральный государственный исторический архив во Львове (далее — ЦГИА во Львове), ф. 338 т, оп. 1, ед. хр. 494, с. 1; ГАЛО, ф. 110, оп. 1, ед. хр. 982, с. 23.

⁹ Роскес Д. Вопреки Апокалипсису. Ответы на Катастрофу в современной еврейской культуре. Иерусалим. 1989. С. 11, 63.

¹⁰ Государственный архив Ивано-Франковской области (далее — ГАИФО), ф. 10, оп. 1, ед. хр. 11, с. 3.

¹¹ Nowy Dziennik. 1918. 1 нояб. С. 3.

¹² Там же. 14 дек. С. 3.

¹³ См.: Mendelsohn E. Żydzi Europy Środkowo-Wschodniej w okresie międzywojennym. Warszawa, 1992. S. 61.

¹⁴ Nowy Dziennik. 1920. 19 марта. С. 3; Chwila. 1920. 14 марта. С. 3.

¹⁵ Chwila. 1920. 17 марта. С. 3.

¹⁶ ГАЛО, ф. 110, оп. 4, ед. хр. 124, с. 1; ГАИФО, ф. 69 сч, оп. 1, ед. хр. 31 с, с. 49.

¹⁷ Chwila. 1923. 10 июля. С. 1.

¹⁸ ГАЛО, ф. 271, оп. 1, ед. хр. 493, с. 99об.

¹⁹ Chwila. 1923. 23 нояб. С. 2.

²⁰ Там же. 24 нояб. С. 5.

²¹ ГАИФО, ф. 2 сч, оп. 1, ед. хр. 361. С. 3об.

²² ЦГИА во Львове, ф. 338 т., оп. 1, ед. хр. 40, с. 4.

²³ ГАИФО, ф. 8 сч, оп. 1, ед. хр. 109 с, с. 3.

²⁴ См.: Najnowsze dzieje Żydów w Polsce w zarysie (do 1950 roku). Warszawa. 1993. S. 175—176.

- ²⁵ Nowy Dziennik. 1926. 19 июня. С. 6.
- ²⁶ *Grunbaum I.* Polityka żydowska w Polsce. Warszawa, 1934. S. 19.
- ²⁷ Biuletyn Polityczny. 1926. № 1. S. 271.
- ²⁸ Nowy Dziennik. 1926. 19 июня. С. 6.
- ²⁹ Там же. 10 июня. С. 1.
- ³⁰ ГАИФО, ф. 2 сч, оп. 1 с, ед. хр. 410, с. 57.
- ³¹ Там же, с. 57об.
- ³² ГАЛО, ф. 110, оп. 4, ед. хр. 124, с. 7.
- ³³ ГАИФО, ф. 2 сч, оп. 1 с, ед. хр. 487, с. 15об.
- ³⁴ Chwila. 1927. 1 нояб. С. 2.
- ³⁵ Гайнт. 1919. 25 апр. С. 4.
- ³⁶ Mniejszosci Narodowe w wyborach do Sejmu i Senatu w r. 1928. Warszawa, 1928. S. 36.
- ³⁷ ГАЛО, ф. 110, оп. 1, ед. хр. 975, с. 77.
- ³⁸ Sprawy Narodowosciowe. 1928. № 5. S. 559—560.
- ³⁹ Chwila. 1928. 5 нояб. С. 2.

Д. Романовский (Иерусалим)

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ И НЕЕВРЕЯМИ НА ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ ГЛАЗАМИ ЕВРЕЕВ: НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ¹

Отношения между евреями и окружающим нееврейским населением в период нацистского владычества в оценке евреев — более традиционная тема в мировой литературе о Холокосте, чем Холокост глазами неевреев. Еще в период войны в оккупированной Варшаве еврейский историк Эммануил Рингельблом написал книгу «Польско-еврейские отношения в период второй мировой войны», ставшую сегодня классической. Обширная мемуарная литература, вышедшая на Западе и в Израиле, созданная евреями, пережившими нацистский геноцид, также посвящена в значительной мере именно этой теме. С этой точки зрения в данной работе нет ничего нового. Однако большинство авторов воспоминаний писали о зарубежных для СССР странах или же о территориях, аннексированных Советским Союзом в 1939—1940 гг., а не об «исконно советских» территориях, то есть вошедших в состав СССР в 1922 г. Единственное исключение составляет Минск, многие выходцы из которого волею судеб оказались на Западе или в Израиле и смогли опубликовать свои воспоминания².

Ситуация на оккупированных нацистами территориях в границах СССР до сентября 1939 г. во многих отношениях специфична и непохожа на ситуацию, с которой столкнулись, например, Рингельблом и те, кто собирал материал для его исследования. За более чем два десятилетия советской власти в Восточной Белоруссии и Западной России здешнее еврейство стало атомизированным: исчезли еврейские партии; еврейская религиозная община хотя и не исчезла, но перестала играть организующую роль в еврейской жизни; комсомол, профсоюз, партийная организация, как единственные разрешенные формы организации, объединили вместе евреев и неевреев.

Советская власть потратила много усилий на ликвидацию еврейского партикуляризма, но также и на борьбу с массовым антисемитизмом. Идеалом властей было общество, где не было никаких отличий, даже языковых, между евреями и неевреями, никаких перегородок между этническими группами, — общество с единым коммунистическим мировоззрением. Казалось, что власти в этом преуспели, что этническая рознь, стереотипы, а также и реальные отличия в этнической психологии и образе жизни уходят в прошлое. Война, величайший экзаменатор, показала, что это не так. Полного единства у населения рассматриваемых территорий не возникло, что хорошо видно по тому, как оценивают события Холокоста и поведение свое и евреев свидетели-неевреи.

Сейчас мы обращаемся к свидетельствам евреев, переживших Холокост, об отношениях евреев с неевреями, то есть по существу об их нееврейских соседях. Сообщения еврейских информантов о неевреях более подробны, чем о евреях (исключая из последних самого информанта и его близких), и более подробны, чем сообщения неевреев о евреях. В своих оценках поведения неевреев информанты более склонны к анализу и обобщениям. Это во многом понятно. Мы уже показывали, что и нееврейские, и еврейские информанты в своих сообщениях стараются «защитить национальную честь», показать, что поведение единоплеменников было правильным, найти оправдание их «неправильному», предосудительному поведению. Эта задача воспринимается как неприятная, и более комфортно рассказчик чувствует себя, говоря о «других». Их поведение можно критиковать и анализировать, о них можно говорить более беспристрастно.

Далее, большинство наших еврейских свидетелей ушло из гетто и дальнейшая их судьба на оккупированной территории была тесно связана с окружающим нееврейским населением. Вообще евреи, как меньшинство, лучше знают белорусское или русское большинство, нежели наоборот. Еврей-свидетель может сказать про событие: «это было на Покров день»³, но ни один белорус или русский никогда не говорит: «это было в Йом-Кипур».

1. Окружающие были нелояльны к евреям

Редкий еврейский информант рассматривает всех или хотя бы большинство белорусов и русских в условиях нацистской оккупации как своих безусловных друзей и союзников. Сказанное не означает, что, по утверждению еврейских свидетелей, все

неевреи выдавали евреев немцам, были врагами евреям и тому подобное. Однако большинство информантов свидетельствуют, что многие неевреи в трудный час повернулись к ним спиной, некоторые же постарались извлечь из еврейской беды какую-то пользу для себя лично; известная часть белорусов и русских даже солидаризовалась с нацистами если не во всем, то по крайней мере в преследовании и уничтожении евреев. Поведение неевреев в условиях Холокоста разочаровало евреев: в глазах последних это не было поведение добрых соседей по отношению к соседу, попавшему в беду. Неевреи оказались нелояльны к евреям, с которыми до войны жили бок о бок, не испытывали чувства солидарности с ними в момент, когда такая лояльность и солидарность были жизненно необходимы.

Свидетели подчеркивают, что нелояльность неевреев к евреям проявилась с началом оккупации. С появлением немцев старые друзья отвернулись от евреев, начали выказывать евреям свое презрение. «Русские ребята от еврейских сразу отвернулись, — говорит Б. Э. из Яновичей, — даже те, с кем прежде учились в школе. Общаться перестали демонстративно... некоторые показывали пальцем — "жидовская морда"»⁴. Ю. Н. из Яновичей в первые дни оккупации ходил в соседний Сураж, где немцы раздавали хлеб населению, и ухитрился, предьявляя нераскрытые паспорта (по которым немцы определяли, кто еврей, а кто нет), получать там хлеб на всю семью. Он говорит: «Один раз попался кто-то из Яновичей, увидел [меня] и кричит: "Вон отсюда, ты жид!"»⁵ М. Б. из Сиротино рассказывает:

«Был такой русский, Андрей. Он знал по-еврейски. Бывало, заходил к моей бабушке и говорил: «Гиб мир а глещеле! (Дай мне стаканчик [водки])». И бабушка ему наливала и себе наливала... и они вместе пили. Так вот, проходит он мимо гетто. Бабушка кричит ему: «Андрей! Гиб мир а штикеле бройт! (кусочек хлеба)». А он повернулся к ней и плюнул»⁶.

Свидетель Я. Г. из Бешенковичей в своем сообщении даже сравнивает соседей-белорусов с немцами: «Со стороны немцев мы слышали: юде, юде; со стороны местных жителей — такое же отношение»⁷.

Под благовидными предложениями неевреи отказывали евреям в помощи тогда, когда эта помощь была жизненно необходима. Отказ в помощи, чем бы он ни мотивировался, воспринимается

информантами-евреями как сознательная нелояльность со стороны неевреев. Я. Г. из Бешенковичей рассказывает об отказе друга-белоруса в помощи. Свидетель бежал с расстрела евреев и попросил своего товарища спрятать его: «"Женька, спрячь меня!" Он мне отвечает: «Знаешь, не могу, у меня дома немцы». Правда это была или нет — не знаю». Вполне вероятно, что в Женькином доме действительно были немцы; но информант подает этот эпизод как свидетельство нелояльности друга-нееврея в критический момент.

Неевреи нелояльны специфически к евреям, а не ко всем людям, оказавшимся «вне закона» под нацистской оккупацией. Б. Э. из Яновичей отмечает, что те же самые люди, которые отказывали в помощи евреям, помогали красноармейцам, оказавшимся в окружении⁸.

В некоторых случаях такая нелояльность была далеко не безобидной, ибо могла стоить жизни евреям. Д. Р. из Горок сумела бежать с «еврейской акции» (сбора всех евреев городка на расстрел). Она рассказывает, что, когда она проходила по улице, чтобы выбраться из Горок, дети начали показывать на нее пальцами и кричать: «Юде, юде!»⁹ Если бы немцы или белорусские полицейские увидели эту сцену, «шалость» могла бы стоить жизни свидетельнице. Ю. Н. из Яновичей с трудом выбрался из местечка во время аналогичной акции и наткнулся на немецких солдат: «Напротив немцы с аэродрома с нашими девками... Девка Тамарка говорит: «Вон юде сидит». Один ко мне подходит, меня за шкурку и по уху — раз! потом другой, у меня кровь из носа — но и все»¹⁰. Заметим, как свободно в обоих случаях уже ранней осенью 1941 г. белорусы пользуются немецким словом «юде» вместо популярного славянского слова с тем же подтекстом.

Р. Г. бежала из Бешенковичей в день массового расстрела евреев и решила перебраться в Борисов, где ее никто не знал. По дороге она примкнула к группе русских, которых немцы вывозили из прифронтового Велижа. Велижане немедленно распознали в свидетельнице еврейку.

«Они остановились в школе.. Пришла я в школу... села возле одних... Я слышу где-то рядом: «И евреи здесь?» Кто-то отвечает: «А тебе что, жалко? Она у тебя что-то берет?» Возле сидит женщина и говорит: «Я хочу правду знать, кто ты. Соврешь — скажем на тебя, а правду скажешь — не доложим»... Эти велижане по дороге, оказывается, одну еврейку выдали. С ними схали мать, сын, и

у сына жена-еврейка и двое детей. Они на них донесли, и у них жену и детей отобрали и там же и убили»¹¹.

Трагичнее всего была нелояльность неевреев во время массовых расстрелов. А. П. из Чашников свидетельствует, что во время сбора евреев местечка на расстрел его брат спрятался под пустой бочкой во дворе у соседки-белоруски. Соседка обнаружила его там и выгнала из-под бочки¹². В Колышках белорусы показывали полицаям в день расстрела, в каких домах еще оставались евреи¹³.

Нелояльность неевреев по отношению к евреям, даже если напрямую не угрожала жизни, была оскорбительной и отягощавшей евреям существование под оккупацией. Два постоянных мотива присутствуют в сообщениях еврейских свидетелей: неевреи сразу поняли, что евреи «вне закона» и с ними можно делать что угодно, в частности безнаказанно их грабить, и что неевреи рассматривали евреев как «уже почти мертвых».

Ф. К. из Ильино однажды выбралась из «еврейского района» и пришла в аптеку купить лекарств. Аптекарь встретил ее словами: «Барановския, зачем ты пришла? Тебе, может быть, час осталось жить»¹⁴. Д. Р. из Горок во время своих странствий по деревням была опознана как еврейка и попала в тюрьму. Заключение, белорусы, обсуждали, как выбраться из тюрьмы. «Насчет меня,— говорит Д. Р.,— все сходились в том, что у меня нет никаких надежд выйти; заставляли всегда парашу выносить»¹⁵. С. М. из Витебска рассказывает о стандартной шутке того времени: завидев еврея с желтыми нашивками на плече спереди и сзади, белорусский подросток, бывало, ударял себя по плечу спереди и сзади и кричал: «Орден Ленина — орден Сталина»¹⁶. В Чашниках, по словам Ф. Х., евреев в открытую грабили их соседи-белорусы: «Русские прекрасно понимали, что евреи никуда жаловаться не пойдут... и к тому же все понимали, что евреев расстреляют». Евреев не только грабили, но и бессмысленно издевались над ними; например, мальчишки кидали камни в окна еврейских домов¹⁷. Мотив открытого грабсжа евреев встречается также у свидетелей из Сиротино, Колышек и других мест.

По словам многих информантов, евреи начали бояться неевреев и многие не решались выйти из еврейского района, даже если он не был никак огорожен, ибо «каждый мог оскорбить, убить». Ф. Х. из Чашников говорит, что к водоразборным колон-

кам из «еврейского района» старались выходить группами, ибо одиночке могли перевернуть ведро с водой, избить и т.п.¹⁸.

Неевреи нередко выражали радость по поводу уничтожения евреев. По рассказу И. Д. из Городка, в день, когда гетто окружали колючей проволокой, некий прохожий остановился около рабочих, занимавшихся этим, и обратился к одному из них: «Что ты тут делаешь?» Рабочий ответил: «А надо евреев ограждать, скоро им конец придет». Прохожий откомментировал: «Скорей бы»¹⁹. Г. Ш. из Витебска, полуеврей, у которого в октябре 1941 г. при ликвидации гетто была расстреляна мать, рассказывает: «Восьмого октября я возвращаюсь домой и встречаю знакомых пацанов: «Жорик, ты знаешь, жидов бьют», — радостные такие. И вот — у меня слезы на глазах, а я вынужден улыбаться»²⁰.

Многие евреи-свидетели осознают прямое или косвенное участие в Холокосте окружающего нееврейского населения, и не только откровенных коллаборационистов, но и многих остальных. По меньшей мере у двух свидетелей в сообщениях встречается формула: если бы окружающее население не выдавало евреев, уцелело бы гораздо больше²¹.

Особая группа среди нееврейского населения, достаточно много упоминаемая еврейскими свидетелями, — коллаборационисты: администрация из местного населения, созданная нацистами, полиция («полицай»). Это группа не просто недружественная по отношению к евреям, но безусловно принадлежащая к «стану врага», и так ее, конечно, описывают и неевреи, и евреи в своих воспоминаниях. Следует отметить одно явное расхождение между официальной советской мифологемой о полициях и отображением их в свидетельствах как еврейских, так и нееврейских информантов: информанты отнюдь не склонны оценивать белорусскую/русскую полицию как второстепенную силу оккупационного режима, целиком подчиненную немцам, но, напротив, подчеркивают, что местная полиция была достаточно самостоятельна и приняла участие в уничтожении евреев по крайней мере в не меньших масштабах, чем немцы.

Как описывают еврейские информанты, мотивы, заставившие белорусов и русских пойти служить в полицию? Наряду с теми же соображениями, которые приводят нееврейские свидетели (под принуждением, из алчности — хотели поживиться еврейским имуществом), еврейские свидетели приводят еще один мотив — они хотели рассчитаться с советской властью за нане-

сенные ею обиды (см. п. 2, 3.). Интересно, что евреи-свидетели более подробно, чем неевреи, останавливаются на «классовом составе» коллаборационистов. Среди полицейцев и бургомистров было много бывших партийных активистов, комсомольцев, местной интеллигенции. Так, начальник полиции в Ильино был бывший директор школы²².

Полицаи были ничем не лучше немцев — так же грабили и убивали, отмечают некоторые информанты²³. Без местной полиции не могла обойтись ни одна акция против евреев, и полиция была опаснее немцев, в том числе и потому, что немцы не всегда могли разобраться, кто еврей, а кто нет, а полицаи всегда это знали²⁴. Именно полицаи приходили «конфисковывать» еврейскую собственность; именно они в первую очередь получали дома, из которых были выселены евреи²⁵. На местную полицию часто указывают и как на основного исполнителя актов уничтожения²⁶.

Как и при описании немцев, информанты часто отмечают «человеческие слабости» полицейских. Т. А. из Усвят утверждает, что полицаи сами грабить евреев не приходили, ибо «стеснялись своих бывших соседей», а еврейские вещи, оказавшиеся в руках русских полицейских, достались им от немцев, проводивших «конфискации»²⁷. С. Г. из Кольшек рассказывает о полицейском, который при «конфискации» у евреев не только забирал вещи, но и советские деньги, облигации — вероятно, не очень верил в прочность нацистского «нового порядка»²⁸. О местных полициях информанты часто отзываются в уничижительном тоне, который не используют, говоря о немцах. «Перед расстрелом полицаи прошли по домам евреев и пограбили ценности... хотя немцы в начале [оккупации] уже собрали. Но немцы любили крупные вещи, а наши мартышки — все по мелочам, брали все подряд — подушки и так далее»²⁹, — говорит о местных полицейских Р. из Пустошки.

Евреи-свидетели упоминают также ряд случаев, когда местные полицейские как-то помогали им и даже спасали жизнь отдельным евреям. Ниже мы еще дважды возвратимся к вопросу о «вспомогательной полиции».

2. Почему окружающие были нелояльны к евреям

Нелояльность неевреев по отношению к своим бывшим еврейским соседям требует объяснения. Большая часть еврейских информантов не ограничивается простой констатацией факта,

что многие неевреи повели себя не по-дружески по отношению к евреям, выдавали их и т.п., но стремятся это как-то объяснить, иногда даже находя такому поведению оправдания. В этих объяснениях видно несколько основных мотивов.

2.1. Самое распространенное объяснение — страх. Неевреи не помогали евреям, потому что боялись наказаний. Этот мотив далеко не всегда появляется в сообщениях свидетелей-евреев в осуждающей или уничижительной форме: в глазах многих информантов страх — вполне веская причина для отказа в помощи.

З. К. из Яновичей пыталась эвакуироваться, будучи на последнем месяце беременности. Когда она возвращалась назад после своей неудачной попытки эвакуироваться, у нее начались родовые схватки. «Решили меня отвезти рожать на подводе в Каспляны, где жила моя подруга, бывший директор школы, — все же у своего человека. Приезжаем — а она даже к нам не выходит, боится»³⁰. В предшествующие дни в соседнем с Касплянами Сураже уже расстреляли евреев.

Во время акции в Бешенковичах свидетельница Р. Г. попыталась укрыться в городской поликлинике, зашла в поликлиническую аптеку. «Аптекарьша — соседка, старая знакомая — говорит: "Вы здесь не стойте, скажут, что мы вас прячем"», — рассказывает Р. Г. В день расстрела евреев в Горках знакомая Д. Р., мать ее бывшей пациентки, жившая за городом, непустила Д. Р. в свой дом, где Д. Р. хотела переждать акцию, она сказала: «Вам сюда нельзя, нас расстреляют»³¹.

Страх был велик настолько, что случалось, что неевреи отказывались помочь даже родственникам-евреям. Ю. Н. из Яновичей рассказывает, что З. К., его тетя, в августе-сентябре 1941 г. приехала в деревню Городно под Витебском, где жила ее белорусская свекровь, намереваясь оставить ей своих маленьких детей, в том числе и новорожденного ребенка. «Свекровь детей не взяла, — говорит Ю. Н., — она сказала: «Нам жидов не надо» — боялась очень»³².

Нередко упоминаются случаи, когда неевреи скрывали у себя евреев, а впоследствии из-за страха прогоняли их. Семья свидетеля Г. С. из Сиротино в первые дни оккупации оставалась в деревне Старинки, откуда родом был отец Г. С. По словам Г. С., хотя они были единственным еврейским семейством в Старинках, жители их все же боялись и всеми силами старались выставить из деревни. «Дело не в том, что они ненавидели евреев, —

объясняет Г. С., — кого там ненавидеть? Да и отцу это были почти все старые знакомые. Мы их не объедали, собирали колоски, из зерен варили кашу». Семья Г. С. вынуждена была уйти из деревни³³. Э. Л. из Сиротино жила с матерью в деревне, и все было хорошо, пока к их хозяйке не приехала племянница из Витебска. Племянница увидела в доме евреев и сказала хозяйке: «Гони их вон! Ты кого держишь? Спалят твой дом». Хозяйка прогнала из дома Э. Л. и ее мать³⁴. Когда в деревне, где скрывалась свидетельница Ф. Х. из Чашников, расстреляли бургомистра за связь с партизанами, ее домохозяйка испугалась и больше не хотела держать Ф. Х. у себя³⁵.

Подчеркнем: большинство евреев-информантов не осуждают соседей за этот страх, ибо понимают, что страх был подкреплен угрозой расстрела. Я. Г. из Бешенковичей, который, вообще говоря, весьма критически оценивает поведение неевреев по отношению к евреям, с пониманием относится к знакомым крестьянам деревни Слободка, не пустившим его в дом, — «за меня им грозил расстрел»³⁶. Д. Р., которую в день акции в Горках знакомые не пустили в свой дом, комментирует: «Куда пойти? Из русских, кто поможет евреям, сам подвергается опасности»³⁷. По словам Е. Э. из Круглого, когда в деревне, где он долгое время жил, выяснилось, что он еврей, староста не выдал его немцам, однако пришел к его хозяйке и сказал: «Смотри, чтобы его сегодня же здесь не было, я не хочу за него девять грамм получить»³⁸. В свидетельствах имеются и другие примеры такого рода.

2.2. Объяснение, близкое к вышеуказанному, но встречающееся существенно реже в сообщениях еврейских информантов, — тяжелые условия, в частности тяжелое материальное положение, в которых белорусы и русские жили под оккупацией, что препятствовало оказанию помощи евреям.

Рассказ свидетельницы З. К. о своем втором визите к свекрови в декабре 1941 г., на этот раз, по ее словам, в Витебск, звучит несколько иначе, чем рассказ Ю. Н. о первом визите, осенью. По словам З. К., увидев ребенка, свекровь заплакала: «А что мы будем делать, молока нету, кормить нечем». Но ребенка все-таки взяла и держала его с декабря до апреля, пока в Островно, где жила З. К., все не «успокоилось»³⁹.

Оба вышеприведенных мотива, страх и тяжелое материальное положение, могут объяснить такое явление, как отказ в помощи

евреям, но не прямое предательство евреев и не поддержку неевреями уничтожения евреев.

2.3. Антисемитизм довольно часто приводится как причина нелояльности евреев по отношению к евреям. Неевреи были антисемиты, поэтому не помогали евреям и выдавали их немцам.

Еврейские сообщения часто упоминают антисемитизм и без всякой связи с немцами и с оккупацией. Группа жителей Витебска, евреев и неевреев, среди них свидетельница С.М., прятались в здании школы во время боев за Витебск в июле 1941 г. Неожиданно в здании появился некий мужчина.

«... — А на Луческой уже стоят немецкие мотоциклисты, — и показывает какую-то бумагу; говорит, что советским командованием ему поручено поджечь школу. Мы подняли шум, стараемся его не пустить. Он рвется в школу. Выбегает одна русская женщина, подбегает к немцам и объясняет им, кто это. Немцы подходят к нему и берут его; он показывает им эту бумагу и говорит, что у него приказ. Без долгих разговоров его отводят, ставят к стенке и расстреливают. И перед смертью он успеваешь сказать: «Жицды проклятые меня предали».

Это он нехорошо сказал. Во-первых, выдала его русская, а во-вторых — она целиком права...»⁴⁰.

Другая история относится уже к территориям, освобожденным Советской Армией. Зимой 1942 г. С. Г. из Кольшек перешла линию фронта (через так называемые Суражские ворота) и оказалась в освобожденной деревне Понизовье. Командование района перевезло евреев, собравшихся в деревне, в соседние Цыбульки, подальше от линии фронта, а председателю местного колхоза приказано было эвакуировать их в тыл.

«И вот мы слышим, как он [председатель] говорит мальчишкам-возчикам: «Вы их провезите пару километров и сбросьте к чертовой матери». Мы пошли к командиру части и пожаловались. Комчасти вызвал председателя. Председатель говорит: «Да они не так поняли». Командир говорит: «Если что такое будет, ты лишишься головы». Так что из Цыбулек до Ильина мы доехали благополучно»⁴¹.

Все же основные упоминания антисемитизма в еврейских сообщениях относятся к периоду немецкой оккупации. Большин-

ство информантов сходятся в том, что до войны антисемитизма не было (что, возможно, объясняется мифом о «добрых старых временах», временах юности рассказчиков) или антисемитизм был, но в мягких формах, а с началом войны ситуация заметно усложнилась. «До войны все было спокойно, никакого антисемитизма не было,— говорит, например, Ф. Х. из Чашников.— Но во время войны народ сразу переродился. Лева П. рассказывал, что как-то один мужик, не полицаи, поймал одну еврейку, тянул за волосы, бил, кричал "жидовка"»⁴². Как доказательство некоторые информанты говорят, что до войны было много смешанных браков⁴³.

Упоминая антисемитизм, информанты считают своим долгом его как-то объяснить: в самом деле, согласно официальному мифотворчеству, антисемитизм был чужд советскому обществу. Можно выделить три принципиальных объяснения антисемитизма.

а) Это немцы насадили антисемитизм. До войны за антисемитизм судили, говорит М. Б. из Сиротино, и русские боялись; а немцы все это разрешили. До немцев неевреи не были антисемитами, свидетельствует Б. Э. из Яновичей. Отношения между евреями и неевреями «обострились из-за немцев»,— говорит Е. Э. из Круглого⁴⁴.

б) Неевреи были антисемитами, потому что они были против советской власти и отождествляли ее с евреями. Мы уже отмечали прежде, что тема «особых отношений» между советской властью и евреями и воздействия этого фактора на отношения между евреями и неевреями, тщательно избегаемая нееврейскими информантами, нередко появляется в свидетельствах евреев.

Неевреи были против коллективизации. «Почему так много было предателей? — говорит Г. С. из Сиротино.— Главная причина — коллективизация и раскулачивание. Инициаторами коллективизации были евреи. Русские не хотели в колхоз...»⁴⁵ Примечательную фразу произнес И. Д. из Городка о местных полициях: «Они не то чтобы евреев ненавидели, они все советское ненавидели» (то есть евреи в их глазах были частью советской системы)⁴⁶.

Б. Э. из Яновичей дает «комплексное» объяснение антисемитизму, появившемуся среди местного населения во время оккупации.

«Крестьяне, разумеется, не были антисемиты — даже слова такого не знали. Но крестьяне практически все были недовольны советской властью, а особенно колхозом... И немцы на этом сыграли. Виновниками всех несчастий они объявили евреев. Они приходили и объявляли: гоните коммунистов и жидов (эти два слова всегда употреблялись рядом), колхозы распускаются; все, что у вас отняли жида, — ваше, забирайте это. В войне тоже виноваты евреи»⁴⁷.

Самые сильные антиеврейские чувства исходили от людей, пострадавших от советской власти. Свидетельница З. К. рассказывает об одной из деревень, куда она попала после того, как бежала из Яновичей: «Была в деревне одна раскулаченная, которая говорила: «Да я не хочу на одной половине стоять с этой жидовкой». Евреев раскулаченные ненавидели. Они считали, что во всем виноваты евреи»⁴⁸.

Почти все свидетели-евреи, пережившие оккупацию в Чашниках, рассказывают, и не без доли сочувствия, историю полицейского Мишка Пахомова. Отец Пахомова был батрак, а после революции стал учителем, мать была дочерью помещика. В 1937 г. Пахомова-старшего арестовали; его следователем, фактически — палачом, был Каллистов, русский. Пахомов-отец погиб в заключении, и поэтому с приходом немцев Мишка Пахомов, как формулируют свидетели, «пошел мстить за отца». Однако он не только жестоко расправился с Каллистовым, но и стал главным палачом евреев. Р. Т. утверждает, что именно он руководил расстрелом евреев в феврале 1942 г. А. П. рассказывает, как Мишка Пахомов осенью 1941 г. приезжал на торфоразработки под Чашниками, где работала еврейская молодежь из местечка:

«...Пришел Мишка Пахомов, замначальника полиции, в полушубке, на санях приехал. Произнес речь:

— Если не будете, жида, как следует работать, всех расстреляю.— Построил всех в шеренгу, лег за пулемет, говорит:

— Чтобы много патронов не портить, сейчас одной пулей всех прошью.

...Но поугал и не выстрелил. У нас екнуло, но и все. Его отца посадили в тридцать седьмом году — он был учителем пения и рисования»⁴⁹.

Свидетели, однако, не объясняют, какая связь между ненавистью Пахомова к советской власти и его ненавистью к евреям.

в) Неевреи были антисемитами, потому что они были конформисты и оппортунисты. Они солидаризовались с целями нацистов и заодно с их антисемитизмом, поскольку не верили, что советская власть вернется.

Это относительно частый мотив в еврейских свидетельствах. Конформизм неевреев нередко упоминается и без прямой связи с их антисемитизмом. Так, несколько свидетелей заявляют, что пока немцы были сильны, крестьяне держали их сторону, а когда они поняли, что «большевики еще сила» и могут вернуться назад, они перешли на сторону советской власти. М. Б. из Сиротино говорит о первых днях оккупации: «Что вернется советская власть — не верили, слишком уж быстро немцы прошли на восток»⁵⁰.

Конечно, в рассказах информантов прослеживается и связь между таким оппортунизмом неевреев и их отношением к евреям. М. Б. бежал из Минского гетто и бродил по сельской местности в поисках партизан. «А я был типичный еврей, картавил, но меня никто не тронул,— не забывайте, это был уже сорок третий год». В минской партизанской зоне партизаны, представители советской власти, были и в самом деле большой силой; таким образом, возможно, не вызовет удивления дальнейший рассказ М. Б. о том, как он в конце концов нашел партизан. Странствия М. Б. кончились тем, что он пришел в деревню в районе Смиловичей.

«...Зашел в первый попавшийся дом — сидит мужик, выпивает. «Ну что, жидок, в партизаны, небось?» Я говорю — да. Он говорит: «Ну садись, покушай». Покормил и говорит жене: «Отведи его за мост. Ты скажешь, что я тебя послал». Выяснилось [позже], что это — бывший староста, потом партизаны его расстреляли... Но это был уже сорок третий год»⁵¹.

2.4. Еще одно объяснение нелояльности неевреев по отношению к евреям: неевреи не помогали евреям, выдавали их, присваивали их имущество и т.п. не потому, что они были антисемиты, а потому, что они были аморальны. Многие информанты независимо друг от друга используют такую формулу: неевреи поняли, что «еврей как бы вне закона», поэтому по отношению к ним все дозволено, «жаловаться в полицию они не пойдут»⁵². И. Д. из Городка, говоря о коллаборационистах, выра-

жает это так: «Евреи попросту оказались в беде. Евреи были для них люди никчемные, которые оказались в беде, и над ними можно было что хочешь делать»⁵³.

К данному мотиву примыкает другой: неевреи не ненавидели евреев, а попросту хотели нажиться на еврейской беде. Это, вероятно, самое частое обвинение против белорусов и русских, встречающееся в еврейских сообщениях.

С. Н. из Невеля рассказывает, что ее бабушка до войны держала что-то вроде частного постоянного двора для крестьян, приезжавших на рынок. «В ночь, когда наши из Невеля ушли, — говорит она, — эти гоим бабушку всю дочиста обобрали. Они знали, что еврею при немцах будет ничего не добиться»⁵⁴. Другие свидетели рассказывают о неевреях, которые грабили их или других евреев при попытке эвакуироваться⁵⁵.

Многочисленны истории о том, как неевреи отбирали дома у евреев вместе со всем домашним имуществом, приусадебным участком, домашним скотом; захватив имущество или участок, не давали евреям взять даже самые необходимые вещи (зимнее пальто и т.п.), немного картошки со своего же огорода⁵⁶. Если соседи не захватывают еврейский дом, они могут просто придти грабить евреев⁵⁷. Некоторые желавшие пожить еврейским добром призывали себе в помощь немцев. А. П. из Чашников: «Зашел к нам в дом немец с бабой, она с ним жила, и она стала брать вещи. Отец пытался не дать, немец приставил ему к груди пистолет и взвел курок»⁵⁸. Негодяи, зная, что в деревне прячется еврейская семья, не выдают ее, но нападают на отца семейства и отбирают у него все вещи⁵⁹.

Неевреи выдавали евреев, потому что хотели завладеть их имуществом, утверждает ряд информантов⁶⁰; классический мотив также — «выдавали евреев за две пачки махорки»⁶¹.

Неевреи испытывают интерес не к евреям, а только к их имуществу. В Усвятах рассказывают следующий сюжет: после того как у Залмана Нахмансона расстреляли сына Наума, к нему пришел русский сосед и сказал: «Залман Ицкович, отдай мне корову, все равно тебя расстреляют, она немцам достанется». Старик ответил: «Пусть лучше немцам, чем русскому»⁶². С. С., пережившая Витебское гетто, описывает обмен между евреями и неевреями через колючую проволоку, окружающую гетто, как способ наживы со стороны неевреев⁶³.

Многие неевреи помогали евреям только тогда, когда они

имели какую-то материальную выгоду от этого, — утверждают некоторые информанты. «Наша хозяйка в Островно взяла нас только потому, что у нас было много вещей», — говорят Б. Н. и З. К. из Яновичей⁶⁴. Рассказывает Э. Л. из Сиротино:

«Еще до гетто к нам пришла моя подруга, русская, и сказала: «Приходи к нам, что ты здесь сидишь, у тебя на лице не написано, кто ты такая. Мы скажем, что ты наша родственница из города, у тебя дом сгорел и ты к нам пришла, и мать бери». Эта девушка жила с теткой в деревне Давиденки Жеребичского сельсовета. Поэтому когда мы с мамой в сентябре-октябре [1941 г., накануне ликвидации Сиротинского гетто] ушли из гетто, мы пошли сначала в Давиденки, думая, что тетка нас приютит. Однако подруга, когда нас приглашала, вероятно, рассчитывала, что им достанутся наши вещи. Но вещей не было, и когда тетка увидела, что вещей у нас нет, она нас выставила»⁶⁵.

По словам Е. Э. из Круглого, крестьянка в деревне Сиваи пустила его, подростка, в свой дом, потому что ей нужен был работник на уборку урожая, а когда наступила зима и он стал «лишним ртом» — постаралась от него избавиться⁶⁶. В дом в местечке Островно, где жила бежавшая из Яновичей Е. Н., во время акции прибежала девочка-еврейка и попросила ее спрятать. «Сердобольная» хозяйка решила отправить ее в дальнюю деревню к своей племяннице. «Отвела ее в деревню, через некоторое время Симочка приходит голая и босая; ее, оказывается, раздели, одели в тряпье со вшами и отправили назад»⁶⁷.

Интерес некоторых неевреев к «еврейскому золоту» также не прошел незамеченным для еврейских свидетелей; рассказывают, например, что неевреи приходили к евреям накануне расстрела просить золото⁶⁸. Неевреи растаскивают еврейское имущество, оставшееся после расстрела евреев⁶⁹. Тема, избегаемая свидетелями-нееврейцами, но упоминаемая теми евреями, которые могут что-то об этом рассказать, — продажа еврейского имущества оккупантами местному населению после массовых казней. В Островно немцы устроили базар еврейских вещей, пока еще шла акция. Свидетельница З. К. (жила в Островно, выдавая себя за белоруску): «Вижу, как бросают детей в машины. Тут же рядом стоит офицер и бросает их спатки [постельные принадлежности] в толпу крестьян, а мужики кричат: "Пан, мне! Пан, мне!"»⁷⁰

В заключение этой части следует подчеркнуть, что значительное число свидетелей-евреев рассматривают нелояльность неевреев по отношению к евреям как норму, а лояльное поведение — как исключение. Например, Г. С. из Сиротино говорит: «Во время войны я видел двух или трех русских, которые поняли, кто я, и дали добрые советы. Об остальных я ничего хорошего сказать не могу. Я их боялся». Свидетельницу И. Д. из Городка поддерживала белоруска Загнетова; периодически И. Д. жила в ее доме. И. Д. поясняет: «Загнетова — это редкость. Больше было недоброжелателей». Рассказывая о крестьянине, который пустил его на одну ночь в свой дом, Я. Г. из Бешенковичей говорит: «Таких случаев у меня почти не было. Капля добра запоминается, как гора золота»⁷¹.

Бегло остановимся на оценках поведения неевреев, даваемых еврейскими информантами и никак не связанных с отношением первых к евреям. Основная уже была указана выше — конформизм. Так, по словам Б. Э. из Яновичей, крестьяне в деревне, где он жил, умели найти разумное объяснение всем драконовским указам оккупантов и не роптали; они держали сторону немцев до тех пор, пока «большевики» не начали побеждать⁷².

Другая характеристика, даваемая неевреям многими из евреев-свидетелей, является зеркальным отражением характеристики, даваемой неевреями евреям. Невреи пассивны и недалководны; они тоже, как и евреи, не представляли себе, как повернутся дела. Русские тоже думали, что евреев куда-то переселяют, а не уничтожат; некоторые белорусы в Бешенковичах даже в день акции не знали, что немцы собрались уничтожить всех евреев; Я. Г. из Бешенковичей свидетельствует, что никто из неевреев, обреченных на расстрел, не согласился попытаться бежать вместе с ним с места казни⁷³.

Сложны отношения неевреев с партизанами. Крестьяне боялись партизан, — говорит Н. Г. из Кубличей, сам бывший партизан. Крестьяне боялись, что партизаны накажут их за их пассивность, — утверждает Б. Э. из Яновичей⁷⁴.

Поразительно, что никто из еврейских свидетелей не отметил, сколь тяжела была жизнь белорусов и русских под нацистской оккупацией! С. Н. из Невеля, например, отмечает не тяжелую жизнь русских, а то, что некоторые из них при немцах сумели неплохо устроиться — открыли магазины и т.д.⁷⁵. Вероятно, исключением является И. Д., которая, бежав с расстрела в Городке,

выдавала себя за белоруску и обнаружила, что в оккупированной Белоруссии трудно выжить и белорусу⁷⁶.

3. Неевреи были лояльны к евреям

Все же значительная часть еврейских информантов говорит о неевреях нейтрально («одни неевреи помогали евреям, другие нет»), и имеются свидетели, которые подчеркивают, что большинство неевреев сохранило хорошее отношение к евреям и при нацистской оккупации, а предатели составляли меньшинство. С. Ш. из Чашников так характеризует отношения неевреев и евреев: «Однако [несмотря на запрет] русские все же помогали евреям, в деревнях выдавали не очень... По дворам к соседям все же бегали. Соседка Лида крикнет: «Меер! Сема!» — и ведро ячменя несет. Русские спокон веков привыкли к евреям. Но были единицы предателей»⁷⁷.

Даже свидетели, весьма разочарованные отношением неевреев к евреям во время войны, признают, что многие неевреи помогали евреям: сообщали о грозящем расстреле; предупреждали евреев, бежавших из гетто и скитавшихся по деревням, какой дорогой не следует ходить; провожали евреев, бежавших из гетто, до выхода из города; показывали дорогу к партизанам; просто давали полезный совет⁷⁸. Весьма часто неевреи снабжали евреев пищей «за так», не в порядке обмена, даже сами приносили ее в гетто⁷⁹. С. М., бежавшая со своей маленькой дочкой из Витебского гетто и шедшая к линии фронта, говорит, что крестьяне боялись их, но поесть давали. Она же рассказывает о крестьянине, который пустил их переночевать в свой дом и даже постелил белое белье («а мы были совсем не белые», — говорит С. М.), а утром его сын показал им дорогу к партизанам. С. М. заканчивает долгую историю своих скитаний словами: «Тогда было больше хороших людей, чем сейчас. Сейчас бы мы плен [оккупацию] не прошли»⁸⁰. З. С. из Чашников, который с группой подростков бежал из местечка в день массового расстрела, рассказывает о белорусской женщине на хуторе под Витебском, которая пустила их переночевать, а утром попросила оставить ей младшего мальчика — он весь опух от голода и был болен («...и мы оставили, — говорит З. С. — Сейчас он в Ленинграде»)⁸¹.

Еврейские свидетели нередко подчеркивали сочувствие и доброту со стороны неевреев. Уже упомянутая С. М. из Витебска приводит несколько таких примеров. По пути к линии фронта

она столкнулась со знакомой крестьянкой, «которая страшно обрадовалась, увидев нас, обняла меня, громко кричала: "Соня, ты ты жива!"» Знакомая показала, какой дорогой идти, «а если что — идти в ее деревню, в ее дом». С. М. действительно вынуждена была вернуться назад от линии фронта к этой знакомой и некоторое время пряталась у нее, «так она, — говорит С. М., — заводила патефон и ставила нам пластинку с еврейскими песнями!» В другой раз С. М. остановилась в деревне около Лиозно, у хозяйки. «Заходит ее соседка и говорит: «Маня, я купила хремдешиновое платье от побитых жидов». А хозяйка ей ответила — она не знала, кто мы! Она говорит: "Соседушка, не радуйся на чужую беду, не знаешь еще, что немцы нам преподнесут"»⁸². Е. Н. из Яновичей в 1942 г. попала в деревню, где требовался пастух. «Приняли нас в этой деревне хорошо, — рассказывает Е. Н. — Сидим как-то за столом, хозяин посмотрел на мои руки и говорит: "Вижу, что ты никогда коров не пасла. Но ты их никогда пасти и не будешь, живи у нас сколько угодно, нам ничего не жалко"»⁸³. Деревенские женщины плакали, когда полиция арестовала в деревне Л. С. из Шклова и ее семью; С. Н., бежавшая из Невельского гетто, говорит, что крестьяне видели, как она таскает овощи с их огородов, но не гнали ее⁸⁴.

Как о чуде свидетели рассказывают о случаях помощи или спасительного бездействия со стороны полицеев. З. С. ушел из Чашников в день сбора евреев на расстрел, в феврале 1942 г., «дошел до речки основной, а кругом на выходе полицаи с автоматами. Когда подошел к речке, знакомый полицай: «Иди, Зямочка», — стрелять в меня не стал. Я прошел через речку...». Тот же З. С. рассказывает, что в одной из деревень компания подростков, с которой он шел, по случайности остановилась на ночь в доме начальника волости. Начальник вернулся домой ночью, разбудил парней, понял, что перед ним евреи, дал поесть, а утром рассказал, как идти к линии фронта и каких деревень остерегаться⁸⁵. Я. Г. из Бешенковичей рассказывает, как однажды во время своих странствий он, со своей ярко еврейской внешностью, зашел в деревенский дом, а там оказалось полно полицейских. Полицейские сказали: «Ладно, иди, немцам не попадись» — и отпустили Я. Г.⁸⁶.

Знакомый полицейский предупреждал семью Т. А. из Усвят об облавах на принудительные работы. Другой полицейский выпустил из волостного участка Е. Э. из Круглого, которого

полиция задержала на дороге. В Климовичах полицейский увел знакомую еврейку от рва, у которого расстреливали евреев⁸⁷. Некоторые полицейские даже прятали евреев у себя в доме, в том числе и легендарно жестокий Мишка Пахомов из Чашников⁸⁸. Следует отметить, что, согласно свидетельствам, полицейские предпочитали спасать молодых женщин. Свидетельницу Р. Г. из Бешенковичей спас директор фабрики в Борисове, на которой она работала (согласно официальной советской оценке, администратор предприятия, работавшего на немцев,— это тоже коллаборационист)⁸⁹.

Свидетели отмечают, однако, что чаще всего помощь оказывали люди, которые были знакомы или как-то связаны с теми, кого они спасали, еще с довоенных времен. Некоторые евреи, пережившие гетто, свидетельствуют, что неевреи носили в гетто еду безвозмездно, но знакомые знакомым⁹⁰.

Прежде всего, конечно, родственники помогали родственникам, друзья помогали друзьям, бывшие сотрудники — своим коллегам. Иногда просто подростки помогали подросткам⁹¹. Беременную З. К. из Яновичей держала в своем доме в деревне под Суражем и приняла у нее роды медсестра, бывшая жиличка З. К. Свидетеля В. Х. в Смоленском гетто снабжали продовольствием русские — его бывшие школьные товарищи и друзья его отнима; свидетельницу Л. С. снабжал ее бывший школьный учитель. З. С., бежавшему из Чашников, показали дорогу крестьяне, знакомые его деда-тряпичника. М. Т., сделавший попытку уйти из оккупированного Минска в 1941 г., жил в деревне у своей бывшей няни, пока соседи не «начали вякать»⁹².

4. Отдельные неевреи помогали отдельным евреям

В тех случаях, когда еврейские информанты не стоят на точке зрения, что белорусы и русские, как правило, помогали евреям, а придерживаются того мнения, что были случаи, пусть многочисленные, когда некоторые неевреи помогали некоторым евреям, они нередко подробно объясняют, кто помогал и кому. Простейшая схема — родные помогали родным, знакомые знакомым и т.п. — рассмотрена выше. Среди сюжетов, не укладывающихся в эту схему, просматриваются два рода объяснений: были неевреи, которые помогали евреям («хорошие неевреи»); и были евреи, которым помогали неевреи («хорошие евреи»).

4.1 «Хорошие неевреи».

Кто были неевреи, готовые помогать евреям, оказавшимся под оккупацией? Свидетели выделяют среди них несколько групп.

Прежде всего, это представители определенных профессий: интеллигенция (школьные учителя, медицинские работники и т.д.), торговые работники⁹³. Иногда можно услышать, что крестьяне были более склонны помогать, чем горожане⁹⁴.

Далее, это как будто бы население определенных мест. О. С. из Сиротино, которая с отцом и сестрой в период оккупации переходила из деревни в деревню, утверждает, что в некоторых деревнях их охотно держали, из других же гнали, хотя у ее отца знакомые были во всех деревнях. О своем родном местечке свидетельница говорит: «Если бы мы остались в Сиротино, нас бы так и не спасли. Отец до войны работал с Коротченко, так этот Коротченко больше всех настаивал, чтоб нас нашли и уничтожили... В Сиротино очень плохо относились к евреям. Евреи хорошо жили, водку не пили. Были считанные люди, которые хорошо к евреям относились»⁹⁵.

Слабо просматривается мотив, что «западники» (население польских территорий, аннексированных СССР в сентябре 1939 г.) были лучше, чем «восточники», и что поляки относились к евреям лучше, чем белорусы и русские⁹⁶.

Важная группа «хороших неевреев» — аутсайдеры: бедняки, бобыли и пр., — то есть люди, которые, с одной стороны, были малозаметны, а с другой — могли не считаться с общественным мнением, его нормами и страхами. С. Ш. из Чашников говорит: «В деревнях [мы с братом] всегда заходили в самый захудалый домик. Бедная семья и хлеба даст, и наставит». То же говорит и Д. Р. из Горок: в деревнях «мы приходили на самую бедную окраину, там нас обычно принимали, там мы и ночевали»⁹⁷. Тот же мотив встречается и у других свидетелей: свидетельницу И. Д. снабжал продовольствием старик-латыш Карл Берзин, живший на окраине Городка; Э. Л. с матерью долгое время жила на хуторе у двух психически не вполне нормальных женщин; свидетеля Я. Г. приютила ненадолго бездетная пара, жившая на окраине деревни⁹⁸. Данная информация хорошо согласуется с выводом, сделанным в исследовании социолога Нехамы Тек: главной группой, от которой евреи могли ожидать помощи и спасения, были аутсайдеры⁹⁹.

Теоретически особой группой «хороших неевреев», которые должны были помогать евреям, могли быть партизаны. Разумеется, у партизан было куда больше возможностей как-то прийти на помощь евреям, даже спасать их от гибели. Были ли партизаны действительно всегда готовы помочь евреям? Свидетельства евреев, имевших дело с партизанами, показывают, что отношение последних к евреям было неровным и зависело от многих факторов.

С одной стороны, имеется много свидетельств того, что партизаны принимали евреев в свои отряды или помогали им пересечь линию фронта, причем даже на ранней стадии (например, зимой 1941—1942 гг.), когда положение самих партизан было непрочно. Так, партизаны, действовавшие в районе Сиротино, зимой 1942 г. сами пригласили Э. Л. вступить в отряд, но без ее пожилой матери («отряд — не богадельня»); потом партизаны передумали и позволили матери Э. Л. жить в партизанской зоне; осенью их переправили на Большую землю. О. С. из Сиротино, ее сестру и мать, то есть троих женщин, летом 1942 г. принял отряд Сакмаркина; по свидетельству О. С., Сакмаркин сам снарядил караван из 30 подвод — переправить евреев через линию фронта. Партизаны (фактически просто группа окруженцев) взяли и свидетеля А. П. из Чашников¹⁰⁰. Совсем не так гладко сложились отношения с партизанами у З. К. из Яновичей. З. К. рассказывает, как с отрядом партизан она шла по направлению к Суражским воротам, чтобы там вместе со всеми перейти на советскую сторону:

«Партизанам я не сказала, что у меня маленькие дети, и когда я явилась на назначенное место с тремя детьми, меня стали гнать. «Мы вас взять не можем, вы нам не нужны». Они говорят: «Мы вас в списки не зачислим». Я говорю: «Мне карьера не нужна, а мне нужна моя жизнь»... Партизанам надо было уходить. В отряде была еще одна еврейка с ребенком, из Москвы. И мы подошли к Двине, там лодчица партизан переправляет, а меня ей они приказали не переправлять. И я говорю: «Девочка, миленькая, перевези меня на ту сторону» — и отдала ей горжетку... Она перевезла. Партизаны говорят: «Мы вас все равно с собой не берем». Я говорю: «Я пойду за вами, а вы хоть стреляйте...» И иду за ними. Мне москвичка говорит: «Ты не отставай, они точно с тобой что-нибудь

сделают». И я бежала за ними с детьми, как хорошая лошадь. Помню, что по пути у меня скончался ребенок, и я его тут же под кустом оставила. Когда прибыли на место и у меня уже моего маленького не было, партизаны ко мне стали лучше относиться»¹⁰¹.

Еще тяжелее пришлось Р. Г. из Бешенковичей. Один из партизан сразу заявил ей, что с ребенком в отряд ее не возьмет; Р. Г. вынуждена была оставить сына в Борисове, у знакомых. «До отряда я дошла, — рассказывает Р. Г., — опять не берут. Говорят — ты шпионка, у нас много шпионажа. Я объясняю, что я еврейка. Мне говорят: «А почему ты жива?» И долго не брали. Я все сидела в деревне, писала им записки — меня не брали. Хорошо, что у комиссара жена была еврейка, она заступилась за меня, и меня взяли»¹⁰².

Свидетеля Я. Г. из Бешенковичей — мужчину, без детей — партизаны не взяли в отряд под благовидным предлогом (выполняют задание). Брат свидетельницы Р. Т. из Чашников дошел до партизан, и его также не приняли, сказав: «У нас уже есть евреи, хватит; мы вас нигде использовать не можем»¹⁰³. М. Б. бежал из Минского гетто в 1943 г., и партизаны приняли его в отряд. «Меня не с распростертыми руками приняли, — говорит М. Б., — но на задание взяли — им надо было мину подложить». Через полтора-два месяца, однако, партизаны избавились от М. Б. довольно традиционным способом: послали его на липовое задание, а сами в это время перебазировались. Добродушный М. Б. находит этому не одно, а даже два объяснения: во-первых, немцы распускали слухи, что готовят евреев в шпионских школах, чтобы засылать к партизанам, поэтому партизаны боялись брать евреев; во-вторых, он был «пацан» и, как горожанин, не знал сельской местности. «Ну, я их понимаю тоже», — в примирительном тоне комментирует свою историю М. Б.¹⁰⁴.

Не менее добродушный А. П., бежавший из Чашников с тремя другими еврейскими подростками и пришедший в партизанский отряд, вспоминает, что, когда ему приказали идти в землянку к командиру, он полагал, что это лишь предлог и сейчас ему выстрелят в затылок. Б. Э. из Яновичей говорит, что партизаны в их местности в августе 1941 г. были, но они и пальцем не пошевелили, чтобы спасти евреев Суража от расстрела¹⁰⁵. Мы не находим и следа почтительного восхищения партизанами в еврейских свидетельствах. Партизаны выглядят в сообщениях ско-

рее как некая третья, не вражеская, но и не дружеская сила, отношение которой к евреям было двусмысленным и которую многие евреи-свидетели побаивались.

4.2. «Хорошие евреи».

А кто те евреи, которым неевреи готовы были помогать? Свидетельница Л. С. из Шклова отвечает на этот вопрос прямо: крестьяне укрывали либо тех евреев, которых знали прежде, либо «мастеровых» (портных, сапожников, кузнецов и т.п.), от которых могла быть какая-то хозяйственная польза¹⁰⁶. Такое объяснение представляется нам упрощенным: не всех знакомых евреев крестьяне прятали в деревнях, как показывают другие свидетельства; были и другие мотивы, по которым крестьяне могли спасать или не спасать евреев. «Хорошие», или «свои», евреи в рассказах наших свидетелей также распадаются на несколько групп, границы между которыми, впрочем, нечетки.

Итак, прежде всего это евреи, так или иначе имеющие нееврейских родственников; такие евреи могли рассчитывать на поддержку не только своих родственников, но и других неевреев, для которых такая поддержка была не столько любезностью еврею, сколько знаком солидарности с неевреем — родственником еврея. Ф. Х. из Чашников, еврейка замужем за белорусом, рассказывает, что к ее мужу (но не к ней лично) обратился Смоляк, один из работников управы, и сказал: «Знаешь, Ануфриевич, давай впишем твоих детей в русский список, потому что евреев всех скоро будут убивать»¹⁰⁷. Р. из Пустошки и его брат не пошли в гетто и остались со своим дядей, который выдавал их за своих сыновей. По словам Р., «соседи, конечно, понимали, кто мы, — лицо в первую очередь выдавало, — но не доносили»; только иногда, если вспыхивала ссора, могли сказать дяде: «А ты кого здесь прикормил?» Между тем, по свидетельству Р., русское население Пустошки «приветствовало» выселение евреев в гетто¹⁰⁸.

Разновидностью указанной группы были лица, состоящие в браке с неевреями, особенно еврейки замужем за неевреями. Женщина со славянской фамилией, да еще с ребенком, выглядящим по-славянски, всегда могла рассчитывать на помощь белорусов и русских¹⁰⁹. Р. Г. из Бешенковичей говорит, что даже больничный возчик, который выдал немцам еврейскую семью, не выдал ее, когда она в день расстрела евреев пряталась в больнице, — ведь Р. Г. была женой фельдшера-украинца¹¹⁰. Про

З. К. из Яновичей, когда она жила в Островно, все знали, что она еврейка, но не выдавали, так как она была женой белоруса, уроженца Островно, и имела в местечке и его окрестностях родственников¹¹¹. «Полуевреям», то есть евреям со стороны только одного из родителей, также легче было рассчитывать на солидарность неевреев.

Г. Ш. из Витебска, еврей со стороны матери, рассказывает эпизод: «Помню, иду я по Гуторовской, выбегает из дому мальчишка и кричит на меня: «Полужидок! Полужидок!» А дальше шли ребята знакомые, свои, с базара, блатные. Я прошел, потом оглянулся и вижу — они его лупят». Случай Г. Ш. сложный, ибо не совсем ясно, в силу чего «свои ребята» проявили солидарность с ним: потому ли, что он был «полуеврей», была ли это солидарность подростков, или же упомянутая выше поддержка еврея была оказана маргинальными («блатные») элементами общества. Сам Г. Ш., по-видимому, полагает, что последнее, ибо он продолжает: «Вообще среди них было много людей поряточных»¹¹².

Вторая группа «хороших евреев» — это евреи, занимающиеся физическим трудом. Е. Н. из Яновичей, вероятно, спасла себе жизнь, показав, как она работает. В маленькой деревне, одной из многих, через которые прошла Е. Н., бежав из Яновичей, ей позволили остановиться в одном из домов. «Я там увидела красны,— говорит Е. Н. — А я ведь до войны работала в Ленинграде на ткацкой фабрике. Я села и стала ткать. Заходит какая-то баба, соседка: "Ой,— говорит,— говорят, что ты жидовка, а жида ведь не умеют прясть, значит, ты не жидовка"»¹¹³.

А. П. из Чашников с группой других молодых евреев осенью 1941 г. был отправлен на заготовку торфа, и он, в паре с Бомой (Абрамом) П., был занят на погрузке вагонеток. А. П. рассказывает: «У нас была бригадир, или мастер, женщина... Она говорила: "Когда жидов будут бить, я этих Бомок спасу, они хорошие люди, быстрее всех нагружают"». Другую примечательную историю А. П. рассказывает о своей сестре Мусе. Муся в день сбора евреев на расстрел пыталась бежать из местечка и наткнулась прямо на полицейских. Полицай спросили ее: «Ты кто?» Она ответила: «Я Исаака жеринского дочь». Ее отец, Исаак П., был рыбаком в рыболовецкой артели в деревне Жерино, и для полицейских этого оказалось достаточно. Полицай сказали: «Это хороший жид» — и отпустили ее¹¹⁴.

Третьей группой евреев, которые могли рассчитывать на помощь неевреев, были люди, имевшие контакты с деревней, обычно по роду своей деятельности, и известные там «с хорошей стороны». Отец О. С. из Сиротино был трепальщик и приемщик льна, крестьяне его любили и, по словам О. С., говорили ему: «Шур, не беспокойся, в любом случае мы тебя сохраним». В рассказе О. С. спасти ее отца пытаются и крестьяне, и даже знакомые полицаи. «Приходим в деревню ночью,— говорит О. С.,— и он отыскивает определенный дом и туда стучится. «Ты пустишь меня побыть?» — «Ну как же, пушу, Шурочка». — «Но я не один, со мной девочки». — «Входи, побудь». Были, конечно, и те, которые боялись»¹¹⁵.

На протяжении трех статей, включая эту, мы рассмотрели, как выглядел Холокост на оккупированных советских территориях в глазах евреев — его жертв и в глазах неевреев, видевших его, так сказать, со стороны. Но прежде всего,— и это, вероятно, самое интересное в данной работе,— предпринята попытка проанализировать взаимоотношения между евреями и неевреями в период, когда нацисты осуществляли в Белоруссии и на других территориях СССР свое «окончательное решение еврейского вопроса».

Рассмотренный материал интересен с нескольких точек зрения. Разумеется, он может быть полезен для восстановления трагических событий Холокоста на указанной территории — кто был уничтожен нацистами, где, когда, как и кем, оказали ли жертвы сопротивление и в какой форме и т. д. Однако для воссоздания всей истории Холокоста требуется документальный материал, нарративный же материал может быть только вспомогательным. Одних лишь воспоминаний очевидцев в данном случае недостаточно.

Но данный материал ценен и даже самодостаточен в другом отношении. Он позволяет взглянуть на субъективное восприятие Холокоста его жертвами и теми, кто оказался лишь его сторонним наблюдателем. Как неевреи воспринимали страшное бедствие, обрушившееся на их соседей-евреев, в какой мере оно коснулось их? Как оценивают евреи — жертвы геноцида поведение свое и неевреев и в свою очередь как неевреи оценивают поведение жертв Холокоста, а также свое поведение в этой экстремальной ситуации? Как отложился геноцид в памяти тех и других и как это соотносится с принятым в советском обществе мифом о Великой

Отечественной войне и об оккупации? Наконец, третье — этот материал помогает ответить на вопрос, каковы в действительности, а не в субъективных оценках были отношения между евреями и неевреями в годы Холокоста.

Резюмируя все, что было сказано о субъективном восприятии свидетелями Холокоста, следует отметить прежде всего, что как евреи, так и неевреи считают нацистский геноцид евреев одним из самых значительных событий периода оккупации и не следуют официальной советской пропаганде, которая считала уничтожение евреев второстепенным эпизодом войны или вообще замалчивала его. Обе группы признают, что местные коллаборационисты сыграли большую, если не ведущую, роль в геноциде евреев. Но дальше этого единство мнений о Холокосте у свидетелей — евреев и неевреев не идет.

Сообщения показывают, что евреи и неевреи в отношении друг друга испытывают определенное недовольство. Неевреи оценивают поведение евреев как недальновидное, трусливое, пассивное. Евреи же считают, что неевреи проявили к ним равнодушие или даже солидаризовались с немцами в том, что касалось «окончательного решения еврейского вопроса». Нелояльность неевреев к евреям могла мотивироваться вполне объяснимым страхом или же антисемитизмом, но она явно разочаровала евреев-свидетелей. Не такого отношения к себе они ожидали со стороны неевреев. Видимо, это взаимное недовольство, о котором обеим группам известно, приводит к тому, что и неевреи, и евреи стараются найти себе оправдание, так сказать, «защищают национальную честь». Психологическая самозащита неотделима от обвинения другого. Основной тезис неевреев — что евреи сами виноваты в своей гибели. Аналогично: самозащита еврейских свидетелей — возложение вины на неевреев: евреи не оказали сопротивление, не бежали из гетто и т. д., потому что неевреи их предали.

Свидетели любой национальности зависимы от официального мифа о войне, но часто от него отступают, и делают это достаточно смело для середины 1980-х гг., когда собирались данные свидетельства. Это заметно, в частности, в оценке местной (белорусской, русской) полиции. Так, в изображении свидетелей, она самостоятельна, а не является лишь орудием в руках оккупантов, и достаточно жестока. Более того, полиция выглядит часто как главный исполнитель геноцида; местная полиция — хуже немцев. Очень сильно расхождение с официальным мифом

во всем, что касается партизан. В оценке евреев-свидетелей, партизаны никак не выглядят друзьями евреев и не всегда даже являются друзьями мирного нееврейского населения. Разумеется, в свидетельствах нет и следа пресловутой дружбы народов, а явственно прослеживаются сложные взаимоотношения между этническими группами и просто между людьми, мотивация которых зависит от личных качеств участников событий. Идеиные мотивы нечасто появляются при объяснении поступков людей, чаще люди руководствуются иными соображениями.

Обе группы сосредоточены на себе, склонны подчеркивать свои страдания под оккупацией и преуменьшать страдания другой группы. Мы отмечали, что некоторые нееврейские информанты утверждают, что положение евреев в гетто было не так тяжело, как об этом думает интервьюер. За редким исключением, и евреи не говорят, как страдали белорусы или русские, не сочувствуют уделу крестьян как при советской власти, так и при немцах. Свидетели-евреи выражают свое неодобрение растаскиванию неевреями вещей, оставшихся после расстрела евреев, в презрительном тоне описывают поведение крестьян при «аукционе» еврейского имущества, но не говорят, сколь голодным и тяжелым было существование белорусов и русских под оккупацией. Величайшая трагедия довоенной белорусской и русской деревни — коллективизация — почти не нашла моральной оценки в сообщениях еврейских свидетелей; только одна свидетельница говорит: «раскулачивание... — грубое дело»¹¹⁶.

Во многих аспектах в отношениях между евреями и неевреями в оккупированных советских республиках не было ничего специфически советского, и та же схема отношений двух групп воцарилась и в других странах, оказавшихся под контролем нацистов. Так, например, в тяжелых и чреватых опасностями условиях войны и оккупации представители всех народов Европы проявили известный эгоизм и были более чем осторожны в помощи людям любой национальности и вероисповедания, особенно когда такая помощь наказывалась оккупантами. Безразличие ко всему, что не касалось своего личного выживания, было одним из характерных признаков времени. Рауль Хилберг в своей книге «Палачи, жертвы, сторонние наблюдатели» пишет:

«По мере того как война продолжалась и расширялась, люди все более сосредоточивались на своих собственных проблемах. Голландцы были озабочены своими

велосипедами, французы — нехваткой всех товаров, украинцы — поисками пропитания, немцы — воздушными налетами. Все эти люди чувствовали себя жертвами — будь то войны, тирании или судьбы»¹¹⁷.

Сэмюэл и Перл Олинер также отмечают, что во всех оккупированных странах ведущими мотивами в отказе неевреев помогать евреям были тяжесть существования в условиях войны и оккупации и чувство ответственности за свою семью¹¹⁸.

Понятным и общераспространенным мотивом был страх наказания — в одних странах расстрела, в других — отправки в концлагерь — за оказание помощи евреям. Но если статистически элиминировать эти два понятных и общераспространенных фактора — эгоизм и страх — из поведения неевреев по отношению к евреям, какие еще мотивы будут определять их поведение?

Позиция неевреев по отношению к Холокосту зависела и от иных причин. Прежде всего, в какой мере неевреи рассматривали евреев как своих? Включали ли они евреев в то, что Дюркгейм называл «пространство своих обязательств», иначе говоря, действовали ли по отношению к евреям те же правила, что и ко всем остальным, было ли, например, спасти еврея столь же важно, как и белоруса/русского, или нет?¹¹⁹

Советская власть провозгласила всех — белорусов, евреев, русских — единым советским народом. Многие перегородки, отделявшие евреев от неевреев, действительно были разрушены, и прежде всего — религиозная. Теоретически у всех граждан СССР должно было сложиться единое самосознание, а антисемитизм должен был если не исчезнуть, то перестать быть социально значимым явлением. Евреи должны были перестать быть народом-парией, каковым они оставались в Польше, Румынии и отчасти даже во Франции.

Усилия советской власти по конструированию единого советского народа оказались тщетными. Чувство дистанции с евреями осталось. Неевреи и евреи не сплотились еще сильнее перед лицом общего врага, напротив, во время войны большая часть населения вспомнила, что евреи — не совсем «наши». Выяснилось, что советская власть не только не смогла разрушить все перегородки между евреями и неевреями, но и ввела много новых, обсуждение которых выходит за рамки данной статьи.

Еще один фактор, влиявший на восприятие неевреями Холокоста и на их поведение по отношению к евреям: считали ли они

страдания евреев заслуженными или причиненными им несправедливо¹²⁰. Сообщения, рассмотренные нами, показывают, что многие неевреи считали все то, что выпало евреям, своего рода наказанием. Евреи жили хорошо при советской власти (имели более легкую работу, больше имущества, много власти и т. п.) — теперь вполне логично, что немцы их экспроприируют и даже уничтожают. «Из населения многие выселение евреев приветствовали, — сообщает свидетель Р. из Пустошки, — говорили: "Давно пора за них приняться, все они первые и самые богатые"». Далее, евреи не оказали немцам сопротивления — тем самым заслужили свою участь. Наконец, у наших свидетелей редко, а в немецких документах часто просматривается и выражаемый населением мотив, что в прошлом евреи причинили зло неевреям и теперь должны понести наказание.

В Белоруссии и России, как можно видеть по сообщениям, сохранился отрицательный стереотип еврея. Этот стереотип основан не на религии, и его можно охарактеризовать как квази-классовый. Прежде всего, еврей избегает тяжелого, по крайней мере физического, ручного труда («не работает»), ищет легкого заработка; далее, он скопидом, живет богато, у него много имущества, золота. Кроме того, еврей пассивен и труслив, не боец. Перед нами стереотип буржуа. Мотив о том, что на евреях держится советская власть, отсутствует в наших свидетельствах как элемент нацистской пропаганды; но даже и без этого мотива евреи воспринимаются как некая экономически привилегированная группа, положение которой напоминает положение «буржуев» в старые времена. Былая принадлежность евреев к экономически привилегированному классу преступна в глазах значительной части нееврейского населения, она легитимирует не только экспроприацию собственности у евреев, не только введение принудительных работ для них (чтобы все были равны), но в какой-то мере даже их уничтожение. Отношение населения к «буржуйам», как мы видим, вполне коммунистическое: советская власть внедрила в сознание людей, что у классово чуждого можно и должно экспроприировать; по меньшей мере экспроприация собственности евреев не вызывает у большинства неевреев сочувствия к жертвам Холокоста.

Третий фактор, определивший отношение неевреев к Холокосту, который необходимо учитывать, — это моральный климат эпохи. Этот феномен не следует, по нашему мнению, рассмат-

ривать как нечто специфическое для СССР, он был присущ эпохе — эпохе «всемирной гражданской войны 1914—1945 годов», по выражению Э. Нольде. Для первой половины XX в. характерно, в частности, отсутствие сочувствия к слабой и безответной жертве; достойным сочувствия и помощи был только тот, кто вносил вклад в борьбу. Евреи, таким образом, как «мирные обыватели» *par excellence*, в глазах населения не являлись легитимными получателями помощи. Восприятие евреев как социально чуждой группы также неотделимо от общественного имморализма: если часть нееврейского населения считала, что достаточным наказанием евреям за их хорошую жизнь в прошлом является экспроприация, то, с точки зрения другой части, бывшая сладкая жизнь евреев оправдывала и их уничтожение. Даже плохая работа отчасти легитимировала уничтожение евреев. Поразительно вышеприведенное свидетельство еврейского информанта о белоруске — начальнице работ, по мнению которой достойны спасения были лишь те евреи, кто хорошо работал (на немцев), от кого было больше пользы экономически.

Отношения между евреями и неевреями ухудшились за время войны. Вина за это лежит не только на нацистах, которые, несомненно, целенаправленно разжигали антисемитизм среди белорусского и русского населения. Вина лежит и на советской власти, которая своей довоенной политикой разделила евреев и неевреев новой социальной баррикадой и не погасила, а дополнительно разожгла межэтнический конфликт, и на той идеологии, которая приучила советского человека к жестокости как средству достижения политических целей и воспитала социально пассивного человека.

---

¹ Данная статья является продолжением статей «Холокост в Восточной Белоруссии и Северо-Западной России глазами неевреев» (Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2(9). С. 45—92) и «Холокост глазами евреев — его жертв: на примере Восточной Белоруссии — Северо-Западной России» (Вестник Еврейского университета в Москве. 1998. № 1(17). С. 84—119).

² Назовем лишь наиболее известные из таких воспоминаний. Второй том антологии «Минск — город и мать» (на иврите) под ред. Шломо Эвен-Шошана, вышедший в 1985 г. в серии «Арим ве-имахот бе-Израэль», включает в себя среди прочего также и воспоминания Герш Смоляр, чья книга воспоминаний «Фун Минскер гетто» («Мстители Минского гетто»; на идише) известна в СССР/СНГ, оказавшись на Западе, издал ее в переработанном виде. Имеется английский перевод: *Smolar H. The Minsk Ghetto*, 1989. Из других воспоминаний

упомянем: *Слуховский А.* Фун гето ин ди велдер (Из гетто — в леса; на идише). Париж, 1985; а также *Гринштейн Я.* Уд ми-квар ха-Йовель (Головня с Юбилейной площади; на иврите). Тель-Авив, 1968. В воспоминаниях Анатолия Рубина «Страницы пережитого» (Мой путь в Израиль. Иерусалим, 1977. С. 77—250) есть также часть, посвященная Минскому гетто.

³ Архив Яд Вашем (далее — ЯВШ), 03/4601 (О. С., Сиротино).

⁴ ЯВШ, 03/4614.

⁵ ЯВШ, 03/4615.

⁶ ЯВШ, 03/4596. Отметим, что М. Б. в период оккупации не был в Сиротино и сюжет знает лишь понаслышке, причем, конечно, не из уст бабушки, которая погибла в гетто. Возможно, история изменена при передаче, пока не приняла приведенную здесь форму классической притчи. Нам важно, что М. Б. считает нужным рассказать этот притчеобразный сюжет, как ярко рисующий изменившееся отношение неевреев к евреям.

⁷ ЯВШ, 03/4676.

⁸ ЯВШ, 03/4614.

⁹ ЯВШ, 03/4659

¹⁰ ЯВШ, 03/4615

¹¹ ЯВШ, 03/4677.

¹² ЯВШ, 03/4693.

¹³ ЯВШ, 03/4718, свидетельница О. Н.

¹⁴ ЯВШ, 03/4647.

¹⁵ ЯВШ, 03/4659.

¹⁶ ЯВШ, 03/4721.

¹⁷ ЯВШ, 03/4681.

¹⁸ ЯВШ, 03/4659 (Д. Р., Горки); ЯВШ, 03/4681.

¹⁹ ЯВШ, 03/4605.

²⁰ ЯВШ, 03/4722.

²¹ ЯВШ, 03/4660 (М. А., Горки); ЯВШ, 03/4697 (М. П., Чашники).

²² ЯВШ, 03/4647; также ЯВШ, 03/4671 (В. Х., Смоленск); ЯВШ, 03/4676 (Я. Г., Бешенковичи).

²³ Напр., ЯВШ, 03/4676 (Я. Г., Бешенковичи).

²⁴ ЯВШ, 03/4669 (Л. С., Шклов); ЯВШ, 03/4677 (Р. Г., Бешенковичи).

²⁵ ЯВШ, 03/4647 (Ф. К., Ильино); ЯВШ, 03/4676, 03/4677 (Я. Г., Р. Г., Бешенковичи).

²⁶ ЯВШ, 03/4646 (Б. Б., Велиж); ЯВШ, 03/4669 (Л. С., Шклов); ЯВШ, 03/4691 (А. П., Чашники).

²⁷ ЯВШ, 03/4638.

²⁸ ЯВШ, 03/4719.

²⁹ ЯВШ, 03/4652.

³⁰ ЯВШ, 03/4617.

³¹ ЯВШ, 03/4677, 03/4659.

³² ЯВШ, 03/4615.

- ³³ ЯВШ, 03/4597.
- ³⁴ ЯВШ, 03/4699.
- ³⁵ ЯВШ, 03/4691.
- ³⁶ ЯВШ, 03/4676.
- ³⁷ ЯВШ, 03/4659.
- ³⁸ ЯВШ, 03/4674.
- ³⁹ ЯВШ, 03/4617.
- ⁴⁰ ЯВШ, 03/4721.
- ⁴¹ ЯВШ, 03/4719.
- ⁴² ЯВШ, 03/4691.
- ⁴³ ЯВШ, 03/4617 (З. К., Яновичи); ЯВШ, 03/4657 (Х.И., Горки).
- ⁴⁴ ЯВШ, 03/4596, 03/4614, 03/4674.
- ⁴⁵ ЯВШ, 03/4697.
- ⁴⁶ ЯВШ, 03/4605.
- ⁴⁷ ЯВШ, 03/4614.
- ⁴⁸ ЯВШ, 03/4617.
- ⁴⁹ ЯВШ, 03/4690, 03/4692, 03/4693, 03/4694.
- ⁵⁰ ЯВШ, 03/4596; приведенное выше рассуждение встречается и у Б. Э. из Яновичей, ЯВШ 03/4614.
- ⁵¹ ЯВШ, 03/4723.
- ⁵² Напр., ЯВШ, 03/4691 (Ф. Х., Чашники).
- ⁵³ ЯВШ, 03/4605.
- ⁵⁴ ЯВШ, 03/4622.
- ⁵⁵ ЯВШ, 03/4599 (Э. Л., Сиротино); ЯВШ, 03/4676 (Я. Г., Бешенковичи).
- ⁵⁶ ЯВШ, 03/4599 (Э. Л., Сиротино); ЯВШ, 03/4721 (С. М., Витебск).
- ⁵⁷ ЯВШ, 03/4636 (Усвяты); ЯВШ, 03/4691 (Ф. К., Чашники).
- ⁵⁸ ЯВШ, 03/4693.
- ⁵⁹ ЯВШ, 03/4601.
- ⁶⁰ В прямой форме утверждает это М. П. из Чашников (ЯВШ, 03/4797); приводят примеры такого предательства сестры З. К. и Е. Н. из Яновичей (ЯВШ, 03/4617, 03/4618).
- ⁶¹ ЯВШ, 03/4694 и др.
- ⁶² ЯВШ, 03/4636. Рассказчица, со слов которой записан сюжет, вообще говоря, не свидетельница оккупации; историю эту она рассказывает, возможно, в несколько фольклоризированной форме.
- ⁶³ ЯВШ, 03/4720.
- ⁶⁴ ЯВШ, 03/4615, 03/4617
- ⁶⁵ ЯВШ, 03/4599.
- ⁶⁶ ЯВШ, 03/4674.
- ⁶⁷ ЯВШ, 03/4618.
- ⁶⁸ ЯВШ. 03/4602 (Д. Д.. Городок) Д. Д. не свидетель оккупации. мотив. возможно. «фольклорный».

- ⁶⁹ ЯВШ, 03/4597 (Г. С., Сиротино); ЯВШ, 03/4674 (Е. Э., Круглое); ЯВШ, 03/4693 (А. П., Чашники).
- ⁷⁰ ЯВШ, 03/4617.
- ⁷¹ ЯВШ, 03/4597, 03/4605, 03/4676.
- ⁷² ЯВШ, 03/4614.
- ⁷³ ЯВШ, 03/4652, 03/4677, 03/4676.
- ⁷⁴ ЯВШ, 03/4716, 03/4614.
- ⁷⁵ ЯВШ, 03/4622.
- ⁷⁶ ЯВШ, 03/4605.
- ⁷⁷ ЯВШ, 03/4692.
- ⁷⁸ Предупреждали о расстреле: ЯВШ, 03/4617, 03/4618 (Яновичи), 03/4720 (С. С., Витебск); предупреждали об опасной дороге, показывали путь в партизаны: ЯВШ, 03/4693; провожали: ЯВШ, 03/4659 (Д. Р., Горки); совет: ЯВШ, 03/4614 (Б. Э., Яновичи); ЯВШ, 03/4677 (Р. Г., Бешенковичи); ЯВШ, 03/4734 (Р. И., Климовичи).
- ⁷⁹ ЯВШ, 03/4659 (Р. Д., Горки); 03/4692 (С. Ш., Чашники), 03/4716 (Н. Г., Кубличи); 03/4719 (С. Г., Колышки).
- ⁸⁰ ЯВШ, 03/4721.
- ⁸¹ ЯВШ, 03/4690.
- ⁸² ЯВШ, 03/4721.
- ⁸³ ЯВШ, 03/4618.
- ⁸⁴ ЯВШ, 03/4669, 03/4622.
- ⁸⁵ ЯВШ, 03/4690.
- ⁸⁶ ЯВШ, 03/4576.
- ⁸⁷ ЯВШ, 03/4638/, 03/4674, 03/4734.
- ⁸⁸ ЯВШ, 03/4601, 03/4669, 03/4694.
- ⁸⁹ ЯВШ, 03/4677.
- ⁹⁰ ЯВШ, 03/4622 (С. Н., Невель); ЯВШ, 03/4670 (Ляды).
- ⁹¹ ЯВШ, 03/4646 (Б. Б., Вельж); ЯВШ, 03/4659 (Д. Р., Горки); ЯВШ, 03/4721 (С. М., Витебск); подростки: ЯВШ, 03/4615 (Ю. Н., Яновичи); ЯВШ, 03/4693 (А. П., Чашники).
- ⁹² ЯВШ, 03/4671, 03/4669, 03/4690, 03/4724.
- ⁹³ Напр., ЯВШ, 03/4599 (Э. Л., Сиротино); ЯВШ, 03/4622 (С. Н., Невель).
- ⁹⁴ ЯВШ, 03/4614 (Б. Э., Яновичи).
- ⁹⁵ ЯВШ, 03/4601.
- ⁹⁶ ЯВШ, 03/4597 (Г. С., Сиротино); ЯВШ, 03/4617 (Яновичи); ЯВШ, 03/4716 (Н. Г., Кубличи).
- ⁹⁷ ЯВШ, 03/4692, 03/4659.
- ⁹⁸ ЯВШ, 03/4605, 03/4599, 03/4676.
- ⁹⁹ *Tec Nehama. When the Light Pierced the Darkness*, 1990. P. 153—154, 160.
- ¹⁰⁰ ЯВШ, 03/4599, 03/4601, 03/4693.
- ¹⁰¹ ЯВШ, 03/4617.

¹⁰² ЯВШ, 03/4677.

¹⁰³ ЯВШ, 03/4676, 03/4694.

¹⁰⁴ ЯВШ, 03/4723.

¹⁰⁵ ЯВШ, 03/4693, 03/4614.

¹⁰⁶ ЯВШ, 03/4669.

¹⁰⁷ ЯВШ, 03/4691.

¹⁰⁸ ЯВШ, 03/4652.

¹⁰⁹ Межнациональные браки между евреями и неевреями в довоенной Белоруссии были нечасты. Так, в 1936 г. лишь 10,5% еврейских женщин, вступивших в брак, вышли замуж за неевреев (см.: *Альтшулер М.* Нисуей тааро-вет бе-керев йехудей Бриг Хамоацот бейн мильхамот Хаолам // Швуг. 1988. №13. С. 31—40). Между тем среди 32 еврейских свидетельниц Холокоста в нашей коллекции имеется 7 таких, которые к началу войны были замужем за неевреями (21,9%), и одна была невестой белоруса; 23 еврейских свидетельницы (71,9%) к началу войны были незамужем и только 2 (6,3%) замужем за евреями. Приведенные цифры могут говорить о том, насколько выше была под оккупацией выживаемость евреек, имевших нееврейскую родню.

¹¹⁰ ЯВШ, 03/4677.

¹¹¹ ЯВШ, 03/4617.

¹¹² ЯВШ, 03/4722.

¹¹³ ЯВШ, 03/4618.

¹¹⁴ ЯВШ, 03/4693.

¹¹⁵ ЯВШ, 03/4601.

¹¹⁶ ЯВШ, 03/4599 (Э. Л., Сиротино).

¹¹⁷ *Hilberg R.* Perpetrators, Victims, Bystanders: The Jewish Catastrophe, 1933—1945. N.Y., 1992. P. 195.

¹¹⁸ *Oliner S., Oliner P.* The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe. P. 140.

¹¹⁹ На важность этого фактора указывают психологи Сэмюэл и Перл Олинер в своем исследовании о неевреях, помогавших евреям в период Холокоста (*Ibidem.* P. 149, 153—154).

¹²⁰ Ограничимся лишь одним примером — донесением немецкого офицера Зеннекена о расстреле евреев в Борисове в октябре 1941 г.: «Разумеется, мы говорили [с белорусом, домохозяином Зеннекена] и о предстоящем расстреле евреев, потому что о нем знало и гражданское население. Мои хозяева сказали так, и, по-видимому, они выразили отношение всех борисовских неевреев в тот вечер: "Пусть они погибают, они много плохого нам наделали"» (цит. по: *Wilhelm H. H., Krausnick H.* Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Stuttgart. 1981. S. 576—577).

КУЛЬТУРА

Г. Аграновский (Вильнюс)

ПЕРВЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ СВЕТСКИЕ ШКОЛЫ В ЛИТВЕ

В 1795 г. город Вильно вошел в состав Российской империи. В первой половине XIX столетия по численности еврейского населения город занимал первое место в империи. Здесь была большая прослойка богатого купечества, имевшего торговые интересы далеко за пределами Литвы и понимавшего необходимость знания светских наук: языков, математики, географии; некоторое количество евреев училось на медицинском факультете Виленского университета (закрыт в 1832 г.). Виленские евреи не забыли и советы Виленского Гаона (Элияху бен Шломо-Залман; 1720—1797), считавшего, что для правильного понимания Талмуда необходимо знание светских наук. Наверное, поэтому здесь раньше, чем в других городах Черты оседлости, делались попытки создать светские еврейские школы¹. Первую такую попытку сделал Виленский университет в 1808 г. В 1821 г. ректор Виленского университета Шимон Малевский в письме попечителю Виленского учебного округа (ВУО) князю А. Чарторыскому сообщал, что еще в 1808 г. университет в качестве эксперимента открыл начальную школу для еврейской молодежи, в которой собиралось 50 учеников за свой счет, и эта школа просуществовала некоторое время, но из-за препятствий кагала школу пришлось закрыть². По другим данным, в школу записалось 73 еврейских юноши от 14 до 20 лет³. В 1818—1820 гг. адъюнктом университета С. Жуковским, кандидатом медицины Иосефом Розенсоном и М. А. Гордоном был составлен проект преобразования виленской Талмуд-Торы (школы для бедных детей и сирот). Предполагалось открыть в ней второе отделение для тех, «кто пожелает сами из первого отделения обучаться гражданским наукам, письму польскому, русскому или немецкому»⁴, однако и этот проект не был осуществлен.

К 1830 г. относится дело «О дозволении экзаменовавшимся в Виленской гимназии евреям Матысу Ицковичу, Вольфу Мордоховичу

и Шавелю Шмуиловичу заняться обучением еврейских детей предметам, для приходских школ предписанных». Предполагалось преподавание предметов, «для приходских училищ предписанных, а именно чтению на российском, польском, немецком и французском языках». Рассматривая этот вопрос, ректор университета В. Пеликан в письме к попечителю ВУО Новосильцеву указывал, «что по указу Правительствующего Сената от 16 августа 1828 года евреи не должны быть определены на службу, но, с другой стороны... те из них, которые добровольно посвящаются распространению образования между еврейским юношеством, могут сим принести пользу для государства, без причисления их к состоящим в какой-либо службе чиновникам... полагает, что можно бы позволить вышеперечисленным евреям к обучению в Вильне еврейских детей предметам, для приходских училищ предписанным, не почитая их в казенной службе»⁵. Новосильцев в письме от 8 января 1831 г. дал согласие на открытие школы «с тем, однако же, условием, чтобы сказанные евреи непременно обучали детей русскому языку»⁶. Эта первая действовавшая в Вильно многие годы светская еврейская школа получила в дальнейшем название «школы Шавеля Переля».

По-видимому, первоначально эта школа была смешанной: в ней учились как мальчики, так и девочки. Об этом свидетельствует письмо директора училищ Виленской губернии от 9 декабря 1849 г.: «Виленский мещанин Шавель Перель с... 8 января 1831 года... содержит школу для евреев девятнадцать лет, в течение которых выпущено им по окончании курса 284 учеников мужского пола и 794 женского пола, всего 1078 учеников. Предметы обучения те же самые, что и в приходских училищах, однако впоследствии присоединилось обучение немецкого и французского языков, танцеванию и рукоделию»⁷.

Еще одна светская еврейская школа была открыта в Вильно в начале 1841 г. Л. Гермайзе. Сохранилось прошение содержателя и учителя частного еврейского училища Левина Гермайзе от 29 сентября 1844 г., в котором он указывает, что «еще 28 декабря 1840 года получил разрешение и 16 февраля 1841 года такое училище открылось». В прошении сообщается, что училище состоит из одного приготовительного класса, в котором преподаются чистописание и чтение русского, немецкого, еврейского языков и начало арифметики.

Л. Гермайзе просит, чтобы ему разрешили открыть «отдельное училище для израильских девиц».

В ответном письме директор училищ Виленской губернии раз-

решает открыть такую школу: «она будет считаться нераздельною с содержимой им мужской школой, только что девичья школа для приличия будет помещаться в особом доме»⁸.

Третья еврейская школа открылась в Вильно летом 1841 г. Запись об ее открытии содержится в журнале Цензурного комитета за 1841 г., в котором зафиксированы речи, произнесенные Г. Клячко и общественным раввином И. Гордоном на открытии училища, «учрежденного в городе Вильне М. Гинцбургом⁹ и С. Залкиндо¹⁰ под ближайшим надзором купца Клячко в 25 день июня 1841 года»¹¹. Это трехклассное училище, в которое принимали только мальчиков, просуществовало семь лет, до 1847 г., когда оно было преобразовано в казенное училище, а преподававшие в нем С. Залкинд, С. Фин¹² и А. Шрайбер перешли в открывшееся в городе раввинское училище. Интересная информация об этой наиболее известной виленской светской еврейской школе содержится в письме ее содержателя Г. Клячко от 18 декабря 1847 г. на имя попечителя ВУО Э. Грубера: «...от семи уже лет я, по благосклонности своей к просвещению, предпринял оказать моим единоверцам услугу, которая никогда ими... в вверенном Вам округе не была предпринимаема, т. е. основал училище для еврейского юношества... ныне преобразованное в казенное училище 2-го разряда... Утешительные плоды моих трудов состоят в том: 1) убедил и доказал своим единоверцам, что наука вере не противится... 2) в том, что ныне до 80 учеников находится в гимназии и 25 переходят из моего училища в таковое раввинское»¹³.

Некоторые сведения об этой школе приводятся в свидетельствах, выданных С. Залкинду и С. Фину виленским общественным раввином И. Гордоном в июле 1847 г., в частности, указывается, что при открытии трехклассного еврейского училища они «выдержали испытания в еврейских предметах, как-то: в Библии, в грамматике еврейского языка, в Талмуде (т. е. Мишне и Гемаре) и в раввинском израильском Законе Божиим», которые преподавались в описываемом училище¹⁴.

В 1841 и 1842 гг. в Вильно по указанию министра народного просвещения графа С. Уварова дважды приезжал директор Рижского еврейского училища М. Лилиенталь. Целью его поездки, как пишет С. Уваров, было «изведать расположение умов... равно как и успокоить евреев на счет предположений правительства». В первой поездке Лилиенталь сопровождал богатый виленский купец и ревностный сторонник просвещения евреев Н. Розенталь. «Не сомневаясь, что в деле образования евреев участие благонамеренных

людей сей нации, пользующихся уважением своих единоверцев, может способствовать видам правительства, я дозволил Розенталю на возвратном пути из Санкт-Петербурга в Вильно заехать в Ригу и пригласить с собой управляющего Рижским еврейским училищем доктора Лилиенталя, известного мне по благонамеренности и познаниям своим, войти с ним в ближайшее соображение помянутых обстоятельств на месте и обдумать меры к удобнейшему устройству виленских еврейских училищ...» — писал С. Уваров 27 ноября 1841 г. попечителю Белорусского учебного округа (БУО) Э. Груберу¹⁵. В Вильно М. Лилиенталь и Н. Розенталь неоднократно совещались с руководством кагала и благотворительных обществ, а также богатыми виленскими купцами об изыскании средств на создание училищ¹⁶, но оптимальное решение так и не было найдено. Это не помешало виленскому гражданскому губернатору в 1842 г. отчитываться, что в 1841 г. в Вильно были созданы два еврейских училища, соответственно под руководством Н. Розенталя и Г. Клячко, и просить для этих училищ, а также училища Переля единовременные пособия, соответственно — 300, 300 и 100 рублей, которые и были вскоре выделены¹⁷.

Школа, созданная под руководством Н. Розенталя, по-видимому, вначале была двухклассной, а позже трехклассной... В ней преподавали А. Гиттельс и А. Шрайбер. Подписанный ими документ от 25 сентября 1846 г. («Уведомление об открытии двухклассного девичьего училища») начинается словами: «Мы, нижеподписавшиеся, содержатели Виленского 3-классного для еврейских юношей училища, состоящего под ближайшим надзором Виленского Почетного гражданина Н. Розенталя...»¹⁸ По-видимому, в 1846—1847 гг. училища Н. Розенталя и Г. Клячко объединились, так как в документах от февраля и мая 1847 г. упоминается только одно училище «под наблюдением г. г. Н. Розенталя и Клячко, содержимое евреем Залкиндом»¹⁹. В частности, это училище названо в письме «содержателей и преподавателей Виленского израильянского трехклассного училища С. Залкинда, С. Фина, А. Гиттельса и А. Шрайбера» от февраля 1847 г. на имя попечителя БУО Э. Грубера. Авторы письма указывают, что их училище основано в 1841 г. «собственными нашими издержками под наблюдением г. г. Н. Розенталя и Клячки»²⁰.

В 1846 г. в Вильно было создано еще одно еврейское училище — «двухклассное израильянское девичье училище» А. Гиттельса и А. Шрайбера. Как указывали содержатели этого училища, в программе его работы в 1-м классе должны были преподаваться «чтение на

русском, польском, немецком, французском и еврейском языках, четыре арифметических действия и чистописание, а во 2-м классе грамматики вышперечисленных языков и переводы текстов на них, а также география, русская история, все прочие действия арифметики, чистописание и черчение»²¹.

В 1847 г. А. Шрайбер перешел работать в раввинское училище, и девичьим училищем три года, до своей смерти в 1850 г., руководил один А. Гиттельс. В дальнейшем этой школой стал вновь руководить А. Шрайбер.

В черновике письма попечителя БУО от 31 мая 1847 г. на имя министра народного просвещения указывается: «Еще до... Высочайшего повеления об учреждении учебных заведений для образования евреев в Вильнюсе... существовало уже несколько школ для еврейских юношей обоего пола, в коих, кроме Закона Божия и еврейского языка, преподавались и некоторые общие предметы. Таковых школ... имеется здесь ныне четыре: 1) Еврея Залкинда... с разрешения Вашего Сиятельства от 14 апреля 1841 г. № 3836 на [открытие] двухклассного приходского училища, но впоследствии преобразованного в трехклассное... 2) Еврея Гермайзе, который первоначально на основании [разрешения] Вашего Сиятельства от 28 декабря 1840 г. содержал здесь, совместно с евреями Зайберлингом, Шрейбером и Гиттельсом, двухклассную школу, а потом по выбытии Зайберлинга, отделившись от прочих своих товарищей, закрыл 2-й класс; 3) Одноклассная школа для начального обучения еврейских детей женского пола, содержащаяся евреем Шевелем Перелем с 1828 года (в действительности с 1831 г.— Г. А.), и, наконец, 4) Таковая же школа, учрежденная в минувшем году, с дозволения моего, бывшими товарищами Гермайзе, евреями Шрейбером и Гиттельсом...»²²

В архиве отсутствуют сведения о наличии светских еврейских школ в других городах Литвы. Единственным исключением является школа Б. Шульдинера, основанная им в 1844 г. в местечке Новожагоры (Жагаре), а затем переехавшая (1846 г.) в Тельши (Тельшай)²³. Из документов не ясно, успел ли он перевести свою школу в Ковно (Каунас), что он предполагал осуществить в 1848 г.

В начале 40-х гг. XIX столетия сформировалась более четкая позиция правительства в отношении еврейского просвещения. После многолетних споров в 1844 г. было принято решение создавать «с целью борьбы с еврейским фанатизмом» в городах с крупным еврейским населением специальные казенные еврейские училища (КЕУ). Средства для этих целей решено было использовать из сумм

«свечного сбора», то есть денег, собираемых с продажи субботних свечей. В письме министра народного просвещения графа С. Уварова от 28 декабря 1846 г. указывалось: «Высочайшим именным указом 13 ноября 1844 года между прочим повелено: "для образования еврейского юношества учредить особые училища двух родов: первоначальные, или первого разряда, соответствующие приходским, и второстепенные, или второго разряда, в объеме уездных училищ, преимущественно реальные..."»²⁴.

Первое из казенных училищ, училище 2-го разряда, было открыто в Вильно на основе школы Залкинда²⁵. 8 октября 1847 г. директор училищ Виленской губернии Скарабелли сообщил попечителю БУО: «Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 30 прошлого месяца № 3003 имею честь донести, что казенное еврейское 2-го разряда училище 6 сего месяца открыто и прием в оном учеников начался»²⁶. На территории Литвы это было единственное училище 2-го разряда²⁷. В других крупных городах БУО в 1847—1849 гг. открылись такие училища 1-го разряда: в Минске — 1 октября 1847 г., в Вильно — 15 декабря 1848 г., в Гродно — 6 декабря 1848 г., в Ковно — 2 января 1849 г.²⁸.

Представляет интерес «Ведомость об учителях еврейских предметов для училищ 1-го и 2-го разряда, которые изъявили желание поступить в Белорусский учебный округ». В списке содержатся имена 20 человек, среди них известные просветители Исаак (Айзик Меер) Дик, Марк Плунгянский, Л. Гурвич, К. Шульман, Исаак Бен-Якоб, предлагаемые для работы в Вильно; Б. Шульдинер и Абраам Маппе (Абрам Мапу), предложенные в качестве учителей в Ковенское училище 1-го разряда²⁹. Сохранились заявления Б. Шульдинера, Л. Гурвича, М. Плунгянского, К. Шульмана, А. М. Дика и других о приеме их учителями³⁰.

Из заявления К. Шульмана от 1 ноября 1849 г. следует, что реально в это время Виленское училище 2-го разряда (а возможно, также и Минское училище) не функционировало. К. Шульман пишет: «Будучи определен Министерством народного просвещения в учителя казенного еврейского 2-го разряда училища, которое до сих пор не открыто... прошу определить меня... в вакантное место казенного еврейского 1-го разряда училище в городе Гродно...» Аналогичная просьба о приеме в Гродненское училище содержится и в письме А. М. Дика³¹ (от 22.12.1848), который, как и К. Шульман, жил в Вильно. По-видимому, однако, этот вопрос вскоре решился, так как из биографий К. Шульмана и А. М. Дика известно, что они работали учителями в Вильно.

Сведения о еврейских предметах, преподававшихся в КЕУ, сохранились в письме начальника отделения Министерства народного просвещения Дукшта-Дукштинского от 8 октября 1848 г.: «В каждом училище полагается два учителя еврейских предметов для обоих классов: первый из них преподаёт молитвы, Библию и еврейскую грамматику, а второй излагает учение веры по Маймониду и Шульхан-Аруху. На них возлагается также обязанность читать по пятницам и субботам Сидру и Гафтару, или Псалтырь, которые будут разделены между ими по указанию местного начальства.

Учитель, излагающий учение веры по Маймониду или Шульхан-Аруху, обязан также преподавать Мишну для желающих слушать этот предмет»³².

По-видимому, после открытия в Вильно казенных школ изменился тип частных школ Переля и Гермайзе. Если первоначально в этих школах учились и мальчики и девочки, то в конце 40-х или в начале 50-х гг. эти школы стали только для девочек. В документе от 8 ноября 1850 г. указывается, что в школе Гермайзе ежегодно занимаются от 40 до 60 учениц³³. Школа Переля в 50-х гг. упоминается только как девичья.

В документе от 1851 г. сообщается: «Трёхклассная содержимая евреем Шевелем Перелем [школа] открыта в 1831 и преобразована в 1850-м году, с пособием от казны по 500 рублей в год. В ней преподаются следующие предметы: еврейский закон, языки — русский, немецкий, французский и еврейский, история Российского государства и чистописание. В этом заведении находится учениц 80»³⁴.

В 1854 г. Перель сообщал следующие сведения о своей школе: «Приход: Из дирекции отпускается в год 500 рублей, от учениц всего в год 75 рублей 50 копеек. Итого — 575,50. Расход: За помещение, отопление и освещение — 300. Учителям русского языка, истории и географии во 2-м и 3-м классах — 200. Учителю чистописания — 50. За очищение классов и сторожу — 25,50. Итого — 575,50. Прочие же предметы, как-то: французский, немецкий языки, Закон Божий и арифметику во всех классах и чистописание в 1-м классе, преподаются самим содержателем и детьми его, без платежа. Содержатель училища и учитель Шевель Перель»³⁵.

Шевель Перель содержал школу вплоть до своей смерти в 1867 г. В дальнейшем содержателем этой школы был Вульф Каган. В год смерти Ш. Переля в школе был один приговорительный и три высших класса, число учащихся — 85³⁶.

Школа Гермайзе существовала также несколько десятилетий.

(После смерти Левина Гермайзе ее возглавил его сын Исаак.) Л. Гермайзе сам составлял учебники для своей школы, в журналах Цензурного комитета зарегистрированы его рукописи: «Российско-немецкое начальное чтение» (1841), «Ширен Неимот, т. е. приятные песни» (1842), «Матик Милин, т. е. переводчик слов» (1843), «Таблицы (по-видимому, словарь.— Г. А.) российско-немецко-польские, составленные в пользу юношества» (совместно с М. Орковином; 1843) и др.³⁷.

Длительное время существовала и школа А. Шрайбера. В 1867 г. в ней училось 70 девочек. Девичьи школы В. Кагана (Переля), Гермайзе и Шрайбера упоминаются и в документах 70-х гг.

В 1855/56 учебном году в девичьих школах училось:

школа Переля — 105,
школа Гермайзе — 92,
школа Шрайбера — 80.

В том же году в виленских казенных школах училось: в училище 2-го разряда — 57, 1-го разряда — 30 учеников³⁸.

То, что количество мальчиков, занимавшихся в государственных школах, было значительно меньшим, чем количество девочек, занимавшихся в частных школах, объясняется недоверием, которое испытывало большинство еврейского населения к «казенному» просвещению. В основном в эти школы шли дети бедноты. Дети более богатых родителей или обучались дома, или старались поступить в Виленское раввинское училище, питомцы которого имели ряд льгот: не призывались в кантонисты, а после 1856 г. имели право на поступление в высшие учебные заведения (хотя в первые годы деятельности раввинское училище также подвергалось бойкоту со стороны еврейского населения).

В начале 50-х гг. казенные школы появились не только в губернских городах Виленского учебного округа³⁹. В 1851 г. КЕУ 1-го разряда были созданы в уездных городах Лиде, Свенцянах (Швенченис), Бресте, Слониме, Россиенах (Расейняй), Поневеже (Паневежис) и в других городах ВУО⁴⁰. В Ковно в 1851 г. было создано училище 2-го разряда с торгово-промышленным направлением⁴¹. В ноябре 1853 г. училище 1-го разряда было открыто в Шавлях (Шяуляе)⁴². Из переписки чиновников следует, что в большинстве открываемых училищ было мало учеников; петербургское начальство было также недовольно незначительным количеством открываемых училищ. В июне 1853 г. товарищ министра народного просвещения писал управляющему ВУО, что «с того времени (то

есть с момента принятия указа от 13 ноября 1844 г.— Г. А.) почти в продолжение 10 лет открыто в Виленском учебном округе только Раввинское училище, 3 училища второго разряда и 12 училищ первого разряда... почему в отношении к числу еврейского населения, простирающего в вверенных Вам губерниях до 160 000 душ, приходится одно училище на 10 000 душ. По такому незначительному числу казенных училищ, в сравнении с народонаселением и с числом частных еврейских училищ, едва ли можно вывести положительное заключение об успехах оных... малочисленность учащихся в казенных еврейских училищах не должна, по моему мнению, останавливать распространение сих заведений...»⁴³. Постепенно, однако, количество училищ увеличивалось. В 1854 г. казенные училища были созданы в Вилейке (Виленская губерния), Тельшах (Ковенская губерния), в ряде городов Гродненской губернии⁴⁴.

Определенные проблемы создавались из-за отсутствия кадров учителей для казенных училищ. Первый выпуск учителей в Виленском раввинском училище состоялся в 1852 г. и насчитывал 5 человек, которые были посланы в различные губернии Черты оседлости. В 1853 и в 1854 гг. выпуск учителей составлял соответственно 5 и 7 человек. Поэтому большинство еврейских учителей, направляемых в казенные училища, были самоучками. Право на преподавательскую деятельность претенденты получали, сдавая экзамены экстерном в раввинском училище или проходя испытания в специально созданных губернских «еврейских училищных комиссиях». В подобных комиссиях получили право на преподавание «еврейских предметов», в частности, крупнейший еврейский поэт XIX столетия И. Л. Гордон (Вильно, 1852 г.)⁴⁵, отец художника И. Левитана Элияш Левитан (Ковно, 1854 г.)⁴⁶.

Список учителей «еврейских предметов», работавших в Литве в «казенных школах» в середине 50-х гг., очень немногочислен. В 1855 г. в этом списке числились:

Виленское КЕУ 2-го разряда: Израиль Соловейчик и Калман Шульман;

Виленское КЕУ 1-го разряда: Исаак Дик и Марк Плуноганский;

Лидское КЕУ 1-го разряда: Бейрах Гордон и Файва Кабачник;

Шавельское КЕУ 1-го разряда: Абрам Закс, Иосель Эпштейн, Мовша Зунт (учитель чистописания);

Ковенское КЕУ 1-го разряда: Берель Шульдинер, Авраам Мапу, Шмуель Аронсон (учитель чистописания);

Ковенское КЕУ 2-го разряда: Самуил Монасевич, Абель Абельсон; Тельшевское КЕУ 1-го разряда: Абрам Мапу⁴⁷, Меер Шапиро; Росиенское КЕУ 1-го разряда: Зельман Гинзбург, Пророков-Подшкольник (учитель чистописания); Понежевское КЕУ 1-го разряда: Лейба Гордон, Ицка Румш, Хаим Локуб (учитель чистописания)⁴⁸.

По утвержденной в 1852 г. программе, «из 24 недельных часов еврейским предметам отводилось 13,5... предметы эти преподавались по учебникам Л. О. Мандельштама⁴⁹ на немецком языке... В последующий период, с постепенным сокращением числа еврейских предметов, происходит замена немецкого языка... русским»⁵⁰.

В середине 50-х гг. КЕУ были во всех крупнейших городах Виленской и Ковенской губерний. Всего в четырех губерниях ВУО в 1854/55 г. было 25 КЕУ. Несомненно, что казенные училища способствовали аккультурации части еврейского населения, к чему и стремилось царское правительство. Но также несомненно, что именно в среде окончивших КЕУ зародился феномен русско-еврейской интеллигенции.

¹ Сохранился документ о попытке открыть светскую школу для евреев в Бресте (Виленский учебный округ) еще в 1803 г. местным евреем Моргенштерном. Но, как сообщается в письме литовского военного губернатора Л. Бенигсена, «живущие в г. Брест евреи не хотят отдавать детей своих по неизвестной сему Моргенштерну причине» (Литовский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 378 BS (1803), д. 1513).

² Там же, ф. 721, оп. 1, д. 73, лл. 93—94.

³ Там же, ф. 567, оп. 2, д. 175 «Об учреждении в городе Вильне училища для еврейского юношества (1808—1820)», лл. 1—2.

⁴ Там же, лл. 24—27, 30—31.

⁵ Там же, д. 2730, лл. 1—2. Школа Переля находилась в доме Шишки на Немецкой улице (теперь ул. Вокечю, 26).

⁶ Там же, л. 3.

⁷ Там же, д. 6154, л. 1.

⁸ Там же, д. 5392, лл. 2, 3.

⁹ Мордехай Гинцбург (1796—1846) — известный писатель, один из основоположников современного иврита.

¹⁰ Соломон Залкинд (1808—1868) — поэт, известный просветитель.

¹¹ ЛГИА, ф. 1240, оп. 1, д. 58, лл. 2, 3.

¹² С. Фин (Финн; 1818—1890) — известный ученый, автор первой на иврите истории еврейской общины Вильно.

¹³ ЛГИА, ф. 567, оп. 2, д. 5928 «Об определении Гирши Клячко инспектором

Виленского раввинского училища или цензором еврейских книг». Раввинское училище было открыто в 1847 г.

¹⁴ Там же, ф. 378 В (1847), д. 2022 «Об учреждении в городе Вильнюс еврейского училища», лл. 21, 22.

¹⁵ Там же, ф. 378 BS (1837) «Об учреждении еврейских училищ», лл. 48, 118—120. ВУО в 1832 г. был переименован в Белорусский учебный округ (БУО) с центром вначале в Витебске (до 1840 г.), а затем снова в Вильно.

¹⁶ Там же, с. 35—40, 67—68, 104—106.

¹⁷ Там же, с. 128—129, 184.

¹⁸ Там же, ф. 567, оп. 2, д. 5898, л. 16.

¹⁹ Там же, д. 5881 «Об учреждении казенных училищ 2-го разряда», л. 1.

²⁰ Там же, л. 10.

²¹ Там же, д. 5803 «О дозволении содержателям Виленского еврейского училища Аарону Гиттелсу и Абраму Шрейберу (так в документе.— Г. А.) открыть в Вильне двухклассное еврейское училище для девиц», лл. 1, 2.

²² Там же, д. 5898, л. 31.

²³ Там же, д. 5460 «О дозволении еврею Бер Шимховичу Шульдинеру открыть в местечке Новожагорах частную еврейскую школу для детей обоего пола, переводя оную в Тельши, а потом в Ковно», лл. 1—4.

²⁴ Там же, д. 5916, л. 2.

²⁵ Там же, д. 5881, л. 14.

²⁶ Там же, лл. 20, 42. Училище располагалось в доме Фридберга, ныне ул. Субачяус, д. 6.

²⁷ Почти одновременно в октябре 1847 г. было открыто училище 2-го разряда в Минске.

²⁸ ЛГИА, ф. 567, оп. 2, д. 5864 «Об открытии казенных еврейских училищ в Вильне, Минске, Гродне и Ковне», лл. 78, 80, 95, 105.

²⁹ Там же, л. 34. Л. Гурвич — бывший учитель в школе С. Залкинда; А. М. Дик, М. Плунянский, К. Шульман, А. Мапу — писатели; И. Бен-Якоб — библиограф.

³⁰ Там же, лл. 4, 14, 59, 75—76; ф. 567, оп. 2, д. 6108, лл. 1, 8.

³¹ Там же, д. 5979, лл. 1, 8.

³² Там же, д. 5864, л. 33.

³³ Там же, д. 5896, л. 21.

³⁴ Там же, оп. 6, д. 13, л. 67.

³⁵ Там же, д. 229, лл. 54—56.

³⁶ Там же, ф. 577, оп. 1, д. 14 «Годовой отчет раввинского училища за 1867 год», л. 117.

³⁷ Там же, ф. 1240, оп. 1, д. 58, лл. 37, 72; д. 45, л. 28; д. 67, л. 50.

³⁸ Там же, ф. 567, оп. 6, д. 433 «Обозрение казенных и частных еврейских учебных заведений в 1856 г.», лл. 5—8.

³⁹ В 1850 г. Белорусский учебный округ был снова переименован в Виленский. Он включал четыре губернии — Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Минскую.

⁴⁰ ЛГИА, ф. 567, оп. 6, д. 6 «Об открытии казенных еврейских училищ в Лиде, Свенцянах, Бобруйске, Пинске, Бресте, Слониме, Россиенах и Поневеже и в Ковно — 2-го разряда», л. 153.

⁴¹ Там же, лл. 74, 153.

⁴² Там же, д. 102, л. 85.

⁴³ Там же, л. 12.

⁴⁴ Там же, д. 188, л. 34.

⁴⁵ Там же, д. 6, л. 66.

⁴⁶ Там же, д. 246 «О допущении еврея Левитана к испытаниям на звание учителя казенного еврейского училища 1-го разряда».

⁴⁷ Абрам Мапу — однофамилец (или родственник) писателя Авраама (Абрама) Мапу. С 1854 г. работал учителем в Тельшах.

⁴⁸ ЛГИА, ф. 567, оп. 6, д. 417 «Списки чиновникам, учителям и должностным лицам Виленского учебного округа», лл. 23, 24, 58, 59, 61.

⁴⁹ Л. О. Мандельштам (1819, Жагаре, Литва — 1889) — преемник М. Лилиенталя в должности «ученого еврея» при министре народного просвещения, один из руководителей еврейской школьной реформы.

⁵⁰ Еврейская энциклопедия. СПб., 1908—1913. Т. 9. Стлб. 111—113.

М. Гончарок (Иерусалим)

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕССЫ ЕВРЕЙСКОГО АНАРХИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Более чем за сто лет еврейской журналистики, с 80-х гг. XIX в., до начала 90-х гг. XX в., насчитывается не менее полутора десятка газет и журналов на идише, принадлежавших анархистскому движению.

Тем не менее до сих пор не существует ни одного исследования, посвященного теме истории газет и журналов — органов еврейского анархистского движения в целом. В частности, нет ни одной работы, связанной с анализом анархистской прессы на идише, выходившей в США, Аргентине, Восточной Европе, Израиле. Историки вынуждены использовать отрывочные сведения, имеющиеся в классической книге Герца Бургина «История еврейского рабочего движения в Америке, России и Англии, 1888—1913»¹, в воспоминаниях Б. Вайнштейна «Сорок лет в еврейском рабочем движении»², а также пользоваться информацией, в весьма урезанном виде поданной «Альгемайне энциклопедие», выходившей в Нью-Йорке с 1940-х гг. на идише³.

Несколько больше повезло прессе анархо-идишистов Англии. Ей посвящены два научных исследования: прежде всего прекрасная книга проф. У. Фишмана «Еврейские радикалы Ист-Энда»⁴, а также статья д-ра Мины Грауэр «Анархистское движение на идише в Англии»⁵.

Известно, что значительное число евреев участвовало в анархистском движении. В 80—90-х гг. прошлого века именно анархисты составляли большинство в еврейском рабочем движении в США и странах Западной Европы. Массовую поддержку анархисты имели у евреев-эмигрантов в США, Англии, Аргентине, бежавших в эти страны из Российской империи.

Российскими эмигрантами были почти все издатели, редакторы и корреспонденты всех газет и журналов на идише того времени, а также подавляющее большинство их читателей.

Первой анархистской газетой на идише принято считать «Арбейтер фрайнд», основанную в 1885 г. в Лондоне. Собственно, это был ежемесячник. В числе создателей его был знаменитый радикальный социалист, еврейский писатель Морис Винчевский (1856—1932), а

также Ф. Кранц, А. Каган и др. Наряду с приверженцами анархизма в редакции были представители «социально-революционной партии» — эмигранты-неонародники. С течением времени «Арбейтер фрайнд» стал приобретать все более явную анархистскую окраску. В конце концов Винчевский с единомышленниками-социалистами вышли из состава редакции, оставив поле боя за анархистами. Чисто анархистским «Арбейтер фрайнд» становится лишь в 1891—1892 гг. Винчевский довольно подробно рассказывает об этом расколе в своих мемуарах⁶.

Большую помощь в издании «Арбейтер фрайнд» оказали английские анархисты, а также князь П. А. Кропоткин, к тому времени бежавший из России и обосновавшийся в Лондоне. Моральную и интеллектуальную поддержку еврейским анархистам князь оказывал, вероятно, не без влияния жены — Софьи Григорьевны Рабинович.

Очень любопытно внешнее оформление этого анархистского ежемесячника. Под названием, расположенным полукругом в верхней части первой страницы, стоит цитата из Талмуда на иврите: «Им эйн ани ли — ми ли, ве-кше ани ле ацми — ма ани?» («Если не я за себя — то кто за меня, но если я только за себя — то что я такое?»).

Первый номер вышел 15 июля 1885 г., и собственно анархистских материалов в нем не было; дается реклама социалистических и социал-демократических организаций Британии, обзор политических событий, происходивших в мире, а также стихи революционного содержания без подписи. Материалы, посвященные анархистскому течению в еврейской среде, появляются начиная со второго номера (16 августа того же года). Язык ежемесячника приближен к немецким грамматическим конструкциям, довольно упрощен (в силу того, что основная масса читателей принадлежала к необразованным слоям эмигрантской публики) и в целом весьма далек от тех норм литературного идиша, которые были приняты лингвистами ИВО в 20—30-х гг. нашего века. Интересно отметить, что примечания к статьям журнала даются на идише курсивом Раши.

«Арбейтер фрайнд» выходил регулярно на протяжении 31 года. Его первым анархистским редактором был очень известный еврейский писатель, переводчик, общественный деятель Шауль-Йосеф Яновский (1864—1939), но главной фигурой в составе редакции был Рудольф Рокер (1873—1958) — человек во всех отношениях необычный. Немец из бюргерской семьи, друг П. А. Кропоткина, специально выучивший идиш для пропаганды идей анархизма в среде еврейских рабочих, Рокер, как и большинство его друзей, был политэмигран-

том, большую часть жизни провел в Лондоне, женился на еврейке. Все более и более погружаясь в еврейскую среду, писал на идише не только статьи и брошюры, но и философские и социологические исследования⁷.

В июле 1916 г. «Арбейтер фрайнд» был закрыт полицией за антимилитаристскую пропаганду в годы войны. В 1920—1927 гг. ежемесячник выходил с перерывами, а после этого еще функционировал в 1930—1932 гг., когда окончательно закрылся ввиду нехватки денежных средств. Большая часть его читателей к тому времени сосредоточилась в США. Поскольку собственно анархистским «Арбейтер фрайнд» стал лишь к началу 1890-х гг., то едва ли корректно считать его первым в мире анархистским периодическим изданием на идише.

Примерно в середине 1880-х гг. волна еврейских эмигрантов из России наряду с Англией направилась в США, где в Нью-Йорке, Чикаго и Сан-Франциско еврейские рабочие и ремесленники создали свои первые профсоюзные организации.

Самой популярной группой в еврейском рабочем движении стали «Пионеры свободы», организованные Романом Луисом и поэтом Давидом Эдельштатом — имя, знакомое всем ценителям поэзии на идише. Правда, не все знают, что Эдельштат был анархистом. Именно Эдельштат совместно с Я.-А. Мэрисоном, Р. Луисом и М. Кацем основали первую анархистскую еврейскую газету в мире «Вархайт», увидевшую свет в Нью-Йорке в 1889 г. Главным редактором был еврейский журналист И. Яффе, весьма популярный в кругах американского и британского анархистского движения. Правда, газета просуществовала недолго, всего пять месяцев.

Вышеупомянутый выходец из России Роман Луис (год рождения неизвестен, умер в 1918 г.) был причастен не только к деятельности анархистской группы «Пионеры свободы», но и к работе анархистской еврейской группы в Нью-Йорке «Русское прогрессивное объединение». Когда «Вархайт» закрылась за недостатком средств, то Луис организовал через своих «Пионеров» конференцию всех еврейских рабочих движений, федераций и союзов США, на которой встал вопрос о создании единой еврейской рабочей газеты с привлечением сотрудников — анархистов и социал-демократов. Но на шестой день этой конференции социал-демократы покинули ее из-за идеологических разногласий с организаторами мероприятия. Обе стороны провели две отдельные конференции, и тогда же были созданы две соперничающие газеты: у эсдеков — ныне совершенно

забытая «Ди арбейтер цайтунг», у анархистов — легендарная «Ди фрайе арбейтер штиме» (июль 1890 г.).

Луис был первым редактором «Ди фрайе арбейтер штиме». Короткое время редактором был Давид Эдельштат, но он умер в 1892 г. от туберкулеза легких. Некоторое время газету редактировал Мэрисон, а позднее М. Кац. Среди редакторов был и знаменитый террорист Александр Беркман, близкий к не менее знаменитой анархистке-пропагандистке и литератору, вождю американских евреев-анархистов Эмме Голдман.

Газета, редактировавшаяся столь легендарными личностями, побила все рекорды долголетия и просуществовала до декабря 1977 г. (последний редактор — П. Констан). Вплоть до 50-х гг. XX в. «Ди фрайе арбейтер штиме» имела массового читателя. Почти все они в свое время приехали из России и неплохо знали русский язык. Забавно читать русские поговорки и идиомы, вкрапленные в текст статей и читательских писем. Газета имела в 1905 г. тираж 12 тыс. экземпляров (по непроверенным данным, «Вархайт» в первые недели своего существования имела тираж 60 тыс. экземпляров!).

Интересно отметить, как менялся подход к национальному вопросу у анархистской прессы на идише с течением времени.

Позиция «Арбейтер фрайнд» долгое время была сугубо антинационалистической. Когда американский поэт-анархист Морис Розенфельд начал публиковать произведения, где прослеживались национальные мотивы, «Арбейтер фрайнд», долгие годы печатавшая его стихи, немедленно огрызнулась: «Ярый революционер Розенфельд стал плакальщиком Сиона!» (1899). Позиция «Вархайт» многим отличалась от позиции лондонских товарищей.

В 1895 г. в Нью-Йорке возник анархистский ежемесячник на идише «Ди фрайе гезелшафт». Его первыми редакторами были Леон Моисеев (Леонтьев) и Моше Кац. Первые три года подзаголовок журнала гласил: «Ежемесячник социальной науки, литературы и вопросов времени». Когда редактором стал Шауль Яновский, подзаголовок был изменен: издание посвящалось «литературе и дискуссиям о социальных проблемах». Тираж достигал 8 тыс. экземпляров⁸.

На страницах «Ди фрайе гезелшафт» печатались произведения таких известных еврейских писателей и поэтов, как Давид Эдельштат, Морис Розенфельд, Йосеф Бовшовер и др.

Яновский редактировал и другую анархистскую газету на идише — «Ди овнт-цайтунг», или «Абендцайтунг». Это издание было ежедневной газетой, выходившей очень короткое время — с 18 марта

по 12 мая 1906 г., но странным образом объединившей в редакции людей самых разных политических взглядов — убежденного сиониста-анархиста Г. Золотарева, «политического анархиста» Мэрисона и социал-демократа У. Барондеса. В каждом номере под заголовком печаталась следующая программа, ярко характеризующая взгляды большинства еврейских анархистов конца XIX — начала XX в.:

«Для нас все люди одинаково благородны. Мы не делаем различия между евреем и христианином, между женщиной и женщиной, между белым и черным. Всякий имеет право жить и быть счастливым на свой лад... Общество без богатых и бедных, без господ и угнетенных, без хозяев и наемных рабочих, без нищих и благотворителей, без зависти и ненависти. Общество из свободных, здоровых, пользующихся жизнью людей — таков наш идеал. Разве мы заслуживаем за это порицание?»

Позиция «Ди фрайе арбейтер штиме» по национальному вопросу претерпела значительные изменения за почти девять десятилетий своего существования. Если взгляды редакторов и авторов в 90-х гг. XIX в. — 30-х гг. XX в. примерно совпадали с программой, публиковавшейся в «Ди овнт-цайтунг», то с середины 30-х гг., в связи с усилением нацизма и антисемитизма в Европе и США, они начали претерпевать значительные изменения. Ослабло сопротивление сионизму, приветствовались известия о «подпольной борьбе еврейских партизан с британским колониализмом в Палестине». После провозглашения независимости многие сотрудники и читатели газеты посетили Израиль. Член редколлегии «Ди фрайе арбейтер штиме», бывший лидер Московской федерации анархистов в 1918 г., политэмигрант из СССР Аба Гордин в 1957 г. переселился в Израиль. Его старый друг литератор Марк Мрачный (Кливанский), во время гражданской войны в России редактировавший махновские повстанческие газеты «Набат» и «Путь к свободе», стал постоянным политическим обозревателем «Ди фрайе арбейтер штиме» и резко критиковал империалистические устремления арабских диктаторов. На страницах «Ди фрайе арбейтер штиме» постоянно поднимались проблемы израильских киббуцев. Старейший орган американских анархистов на идише был одной из немногих радикальных газет еврейской общины США, открыто поддержавших Израиль в ходе Шестидневной войны. Позитивное отношение к еврейскому государству со стороны еврейского анархистского движения значительно превышает небольшие «реверансы» в том же направлении со стороны Бунда, имевшие место в 1948—1973 гг.

Еврейские анархисты были первыми, кто во второй половине

60-х гг. нарушил табу на проблему черного расизма в США. На страницах «Ди фрайе арбеттер штиме» в 1968—1971 гг. открыто заявлялось, что в среде угнетенных белыми расистами негров зреет ничуть не менее страшный «расизм наоборот», первыми жертвами которого могут стать евреи. Корреспонденты «Ди фрайе арбеттер штиме» писали, что «черные мусульмане» — расисты и антисемиты, что в политической программе «Черных пантер» антисемитизм занимает доминирующее место...

Нападение Египта и Сирии на Израиль в 1973 г. редакция «Ди фрайе арбеттер штиме» сравнила с гитлеровской попыткой окончательного решения еврейского вопроса.

В середине 1960-х гг. количество читателей газеты, оставшейся единственной анархистской газетой на идише в США, начинает уменьшаться. Большинство из них переступает порог 70—80-летия. Знавшие и любившие еврейскую литературу, помнившие великие битвы начала века, общавшиеся со знаменитейшими ораторами, мыслителями и властителями дум еврейских масс, они не смогли передать своим детям, выросшим уже в американском плавильном котле, ни своей любви к идишкэйт, ни даже знания самого языка.

В последние годы газета выходила раз в два месяца. В декабре 1977 г. редактор с последними журналистами (средний возраст которых достиг 85 лет) объявили о закрытии последнего органа еврейского анархистского движения в США. Число подписчиков газеты в 1977 г. не превышало нескольких сотен человек. «Ди фрайе арбеттер штиме» скончалась от старости, но напарники и соперники по совместной работе в «Арбеттер ринг» — бундовцы — не соизволили напечатать даже некролога в своих партийных изданиях.

Кроме вышеперечисленных газет и журналов, мы знаем о существовании еще по крайней мере одного анархистского органа на идише — «Идише шрифтн», выходившего в 50-е гг. в Нью-Йорке под редакцией Абы Гордина. Издание было посвящено «еврейским этическим, культурным, хозяйственным вопросам и вопросам времени». В 1957 г. этот журнал перестал выходить в связи с отъездом редактора в Израиль.

В Аргентине довольно долгое время, на протяжении 1950—1970-х гг., выходила анархистская газета на идише, основанная эмигрантами из Восточной Европы, — «Дос фрайе ворт». Как регулярно сообщала «Ди фрайе арбеттер штиме», это был их «братский орган» в Латинской Америке. «Дос фрайе ворт», концентрируясь в основном на вопросах развития культурной жизни на идише, печатала

тала статьи и письма двух своих иностранных корреспондентов — израильтян Симхи Гамбурга (Хайфа) и того же Гордина (Рамат-Ган). Особенно интересовал читателей-анархистов вопрос о деятельности израильских киббуцев.

Нью-йоркская «Ди фрайе арбейтер штиме» и «Дос фрайе ворт», выходящая в свет в Буэнос-Айресе, являлись двумя последними печатными органами анархистов-идишистов в Америке.

В Европе, кроме «Арбейтер фрайнд», о котором уже шла речь, существовали, по нашим подсчетам, еще пять анархистских газет и журналов на идише. В первую очередь нужно упомянуть «Жерминаль», основным редактором которого был Рудольф Рокер. Это был солидный революционный журнал с теоретическими статьями и переводами Бакунина, Кропоткина, с рассказами о деятельности французских, немецких, польских, американских анархистских движений. Одновременно «Жерминаль», как и «Ди фрайе арбейтер штиме», предоставлял свои страницы многочисленным еврейским писателям и поэтам, как начинающим, так и классикам. Там появлялись стихи Эдельштата, рассказы И.-Л. Перца.

«Жерминаль» редактировался в Лондоне и был предназначен для нелегальной переправки в Россию через Швейцарию. Первый номер вышел в свет 16 марта 1906 г. и продолжал выходить на протяжении всех лет первой русской революции.

Необходимо отметить, что такие анархистские органы, как «Ди фрайе арбейтер штиме», «Арбейтер фрайнд» и «Жерминаль», сыграли заметную роль в становлении и развитии еврейской литературы конца XIX — первой четверти XX в. Они охотно предоставляли свои страницы поэтам, журналистам, публицистам, даже не имевшим никакого отношения к анархизму. Если раскрыть такое, например, энциклопедическое издание, как «Лексикон фун дер идишер литератур, прессе ун филологие» З. Рейзена, то становится совершенно ясно: абсолютное большинство молодых писателей, связанных с творчеством на идише на рубеже веков, начинали публиковаться именно в этих анархистских изданиях.

В Лондоне, под редакцией того же Р. Рокера, с сентября 1910 по июнь 1914 г. на идише и русском выходило издание «Дер г'ильф-руф». Всего вышло шесть выпусков⁹.

В Женеве в августе 1908 г. вышел один выпуск газеты на идише «Ди анархие». В подзаголовке значится: «Орган говорящих на идише русских анархистов». Издание предназначалось для нелегальной переправки в Россию¹⁰.

В Варшаве 10 октября 1906 г. вышел один номер анархистского журнала «Ди революцион штиме». По-видимому, издатели хотели выпускать это издание ежемесячно, что, однако, не удалось из-за преследований царской полиции¹¹.

В Вильно в сентябре-октябре 1911 г. был выпущен первый и последний номер анархистского журнала на идише «Дер юнгер ид» под редакцией Зеева-Вольфа Гордина, брата Абы Гордина. Подзаголовок гласит: «Ежемесячник педагогики, общественной жизни и философии при поддержке анархистов»¹².

По косвенным данным, в Белостоке также существовала подпольная типография газеты «Анархия» под редакцией Энгеля, распространявшаяся в Белостокском регионе. Типография была разгромлена полицией и черносотенцами в ходе знаменитого Белостокского погрома.

Одновременно с газетами и журналами еврейское анархистское движение выпускало многочисленные книги и брошюры на идише. Особую известность имело издательство им. Кропоткина (США), публиковавшее в 1910—1930-е гг. книги по еврейской филологии, философии, естествознанию. Существовали издательские группы: им. Давида Эдельштата (в Аргентине был подготовлен знаменитый «Кропоткин-замлбух», Буэнос-Айрес, 1947, сборник, в котором были собраны воспоминания евреев-анархистов, лично знакомых с князем-революционером), им. Шауля Яновского, им. Шалома-Шмуэля Шварцбарда. Комитет Шварцбарда выпустил две книги воспоминаний этого анархиста, отомстившего за еврейские погромы на Украине и застрелившего в 1926 г. в Париже С. Петлюру (в первую очередь нужно отметить прекрасно оформленную книгу «Ин кригмит зих алейн», вышедшую в 1933 г. в Чикаго).

Анархистская пресса на идише в Израиле представлена журналом «Проблемот — Проблемен» («Хойдеш шрифт фар гезелшафт ун культур-фрагес» — «Ежемесячник общественных и культурных вопросов»), выпускавшимся анархистским клубом идишистов «Агудат шохрей-хофеш» в 50-е гг. В общество входило несколько сот человек, все они являлись выходцами из Польши, Литвы, Румынии. С течением времени в силу естественных причин число их уменьшалось, а дети, как и в других странах, были далеки от идей отцов.

В заключение коротко перечислим самых известных литераторов-анархистов, писавших на идише в конце XIX — первой трети XX в.

Давид Эдельштат (1866, Калуга — 1892, Колорадо, США) — поэт, публицист. Первый редактор нью-йоркской анархистской га-

зеты «Вархайт», редактор «Ди фрайе арбейтер штиме», сотрудник «Арбейтер фрайнд» (Лондон). Автор многочисленных политических памфлетов и скетчей. Его песни на идише пели еврейские рабочие США и Британии спустя десятилетия после кончины автора. В 1910 г. в Лондоне вышел полный сборник его произведений. Умер в 1892 г. от туберкулеза в возрасте 26 лет.

Шауль-Йосеф Яновский (1864, Пинск — 1939, США) — журналист, переводчик. В Америке — с 1885 г. Редактировал «Вархайт», «Арбейтер фрайнд», «Ди фрайе арбейтер штиме», «Ди овнт-цайтунг», «Ди фрайе гезелшафт». С 1917 г. был связан и с нееврейской анархистской прессой США, в частности с анархо-синдикалистской всеамериканской федерацией «Индустриальные рабочие мира». Печатался в еврейской англоязычной газете «Джуиш дейли форвард». Переводил на идиш произведения Л. Толстого, Кропоткина, Шоу, Ибсена и др. Переводил на немецкий анархистские брошюры, выходившие в США. Помог выйти на литературную арену многим начинающим еврейским писателям. Друг Шолома Аша. Аба Гордин посвятил ему брошюру, которая так и называется: «Шауль Яновский» (на идише; Нью-Йорк, 1957).

Гиллель Золотарев (1865, Елизаветград — 1921, США) — публицист, переводчик, филолог. Его отец был другом известного поэта И.-Л.Гордона, участником первых попыток организовать еврейские анархистские коммуны. Врач по специальности, закончил медицинский факультет Нью-Йоркского университета. В анархистской прессе на идише публиковал монографии о Прудоне, Ницше и др. Сотрудник «Ди фрайе арбейтер штиме», «Ди овнт-цайтунг», «Ди фрайе гезелшафт». Выпустил брошюру «Ди эрнсте фрагн», в которой выступил против ассимиляционных тенденций, распространенных в среде еврейских радикалов. Будучи ортодоксальным анархистом, считал себя сионистом, приветствовал возвращение евреев в Эрец-Исраэль. Вместе с Д. Эдельштатом редактировал первый номер газеты «Вархайт» в 1889 г. Автор ряда статей в лондонских «Арбейтер фрайнд» и «Жерминаль». В 1912 г. — сотрудник д-ра Х. Житловского, еврейского автономиста, бывшего эсера, печатался в его журнале «Дос найе лебен». Опубликовал капитальную работу «Социология» в газете «Ди цукунфт». Выступал также как беллетрист под псевдонимом «Г. Ордичев». Участвовал в сборнике публицистики, посвященном судьбам российских евреев-эмигрантов в Америке, — «Ин штром фун лебен». Его драма «Дер лецтер шомрони» («Последний самаритянин») была поставлена также как опера в нью-йоркском еврейском театре (музыка Бориса Левинсо-

на). Считается вместе с Бернаром Лазаром представителем так называемого «анархо-сионизма».

Морис Розенфельд (наст. имя Моше-Яков Алтер; 1862, под Варшавой — 1923, Бруклин) — поэт. Самостоятельно изучил многие европейские языки, блестяще знал иврит. Жил в Лондоне и Нью-Йорке, печатался в анархистских «Вархайт», «Арбейтер фрайнд», а помимо того, практически во всех газетах на идише, выходивших в Нью-Йорке, — «Нью-Йоркер идише фолксцайтунг», «Форвертс», «Ди арбейтер цайтунг», «Идишес тагеблат» и др. Почти 20 лет работал гладильщиком в портняжных мастерских Нью-Йорка, что привело его к тяжелой болезни. Самые известные произведения: «Песни гетто» (на идише с прозаическим переводом на английский; переведена эта книга была также на немецкий, польский, словацкий, венгерский языки:— 1898); написал либретто для оперы «Дер лецтер коэн годл, одер религион ун либе» («Последний первосвященник, или Религия и любовь»; поставлена в 1896 г. в Нью-Йорке); вышли шесть томов «Шрифтн» («Сочинения»), Нью-Йорк, 1908—1910; «Гевейлте шрифтн» («Избранные сочинения») в 3-х томах, Нью-Йорк, 1912; художественные биографии Г. Гейне (Нью-Йорк, 1906) и Йегуды Галеви (Нью-Йорк, 1907). Не считая себя сионистом, участвовал в работе Сионистского конгресса в Лондоне (1900 г.) в качестве делегата от еврейских рабочих.

Умер и похоронен рядом с Шолом-Алейхемом на кладбище Маунт-Кармел в Бруклине. Наряду с М. Винчевским, Й. Бовшовером, Д. Эдельштатом считается классиком еврейской пролетарской поэзии.

Мэрисон Яков-Авраам (наст. фамилия Ерухимович; 1866, Виленская губерния — ?) — писатель, филолог, переводчик. Происходил из известной раввинской семьи. Блестящий знаток иврита и арамейского. В детстве зарекомендовал себя как илуй, то есть особо одаренный ребенок. Учился в Слободской иешиве под руководством А. Гирша Хайеса, одного из выдающихся представителей движения Мусар. В юности — член Ховевей-Цион. В возрасте 21 года переехал в США. Врач, выпускник Колумбийского университета, где учился вместе с Ш. Яновским, Г. Золотаревым и другими анархистами. Один из вождей еврейского анархистского движения США. Редактировал в разное время газеты и журналы: «Вархайт», «Ди фрайе гезелшафт», «Унзер кинд» (издание Культур-лиги Нью-Йорка). Вместе с Ф. А. Франком издавал «Фолкс-вертербух» («Народный словарь»). Сотрудничал в «Ди фрайе арбейтер штиме», «Арбейтер фрайнд», «Ди овнт-блат», «Ди цукунфт» и др. Автор

брошюры «Анархизм и политическая действительность» (Нью-Йорк, 1906), вызвавшей раскол в еврейском анархистском движении того времени. Считал необходимым участие анархистов в парламентских выборах, что категорически отвергалось Рудольфом Рокером, М. Коганом, Ш. Яновским, Й. Каганом, Л. Левин, Бертой Либ и другими публицистами — представителями ортодоксального анархизма.

Мэрисон выступал с научными статьями в области философии, социологии, физиологии и педагогики. Являясь признанным авторитетом в области еврейской литературы, он был первым, кто переводил на идиш произведения европейских мыслителей и обогатил научно-философскую лексику и стиль языка идиш. Переводы: «Свобода» Дж. Стюарта Милля (изд. «Интернациональной библиотеки» А. Н. Зваленко, предисловие Х. Житловского, Нью-Йорк, 1909); «Первые принципы системы синтетической философии» Г. Спенсера (1910); переводил произведения Генри Торо, Ибсена, Дж. Артура Томсона (Нью-Йорк, 1921). В 1913 г. при активном участии Мэрисона основано «Кропоткин-литератур-гезелшафт» — «Кропоткинское литературное общество».

Жена Мэрисона, Катерина (урожденная Евзорова), родилась в 1870 г. в ортодоксальной еврейской семье. К 10-ти годам овладела ивритом, самостоятельно познакомилась с Талмудом, интересовалась хасидским учением. После эмиграции в США печаталась в «Дифрайе арбейтер штиме», а также в газете «Цукунфт», «Дер тог», в «Жерминаль». Псевдонимы: «Роза Зисерман», «Эзра Сойфер». Приятельница Эммы Голдман, вместе с ней разрабатывала тему проблемы труда несовершеннолетних на американских промышленных предприятиях, а также проблемы феминизма. Говорят, послужила прототипом главного действующего лица в рассказе И. Башевиса-Зингера «Ентл-ешиботник».

Аба Гордин (1887, Сморгонь, под Вильно — 1964, Рамат-Ган, Израиль) — филолог, философ, историк еврейской литературы, писал на идише и иврите, русском. Родился в известной раввинской семье. Знаток Танаха, Мишны и Гемары, средневековой еврейской философии. Руководитель движения российского пананархизма. В 1918 г. — один из руководителей Московской федерации анархистов. Истоки анархистского учения выводил из идей древнееврейских пророков. Во время гражданской войны вместе с Эммой Голдман и Александром Беркманом, лидерами американского еврейского анархизма, посетил Гуляй-Поле, общался с Н. Махно. Его брат Зеев-Вольф (Залман) во время революции участвовал в деятельности молодежной сионистской организации «Цеирей-Цион».

Жил в Москве и Ленинграде. Сослан по личному указанию Дзержинского на маньчжурскую границу (после неудачного покушения чекистов на его жизнь за Гордина заступилась Н. Крупская). В середине 20-х гг. выехал в США. Жил в Нью-Йорке. Выпускал на идише анархистское издание «Идише шрифтн», а также журнал «Проблемс» на английском языке (40-е гг.). Автор большого количества книг по литературоведению, социологии и истории языка идиш. Главные работы — «Зихройнес ун хешбойнес» («Времена и счеты», 1955—1957) и «Драйцик йор ин Лите ун Пойлн» («Тридцать лет в Литве и Польше», 1958) — являются ценным вкладом в изучение советской истории и истории российского революционного движения начала XX в.

Последние семь лет жизни провел в Израиле. Здесь основал и редактировал анархистский журнал «Проблемот—Проблемен» с текстами на иврите и идише. Кажется, это было единственное в мире анархистское издание, хотя бы частично использовавшее иврит.

После смерти Гордина журнал продолжал выходить под редакцией Йосефа Людена, выходца из Польши. Люден ликвидировал колонки с текстами на иврите, оставив лишь статьи на идише. Журнал расходился по всему миру, пока еще существовали немногочисленные кружки евреев-анархистов. Последние годы число экземпляров не превышало 300, журнал выходил раз в два месяца. Общество «Агудат шохрей-хофеш» прекратило существование в середине 1980-х гг., так как у оставшихся в живых его членов не хватало уже денег на аренду зала в Тель-Авиве, где десятки лет проходили культурные мероприятия и встречи. Знакомые Абы Гордина, охотно поддерживавшие его, умерли один за другим (из самых известных имен можно упомянуть Мартина Бубера и Гершома Шолема).

Последний номер израильского анархистского журнала, который назывался уже просто «Проблемен», вышел в свет в декабре 1989 г. и имел 32 страницы. Редакции, как при жизни Гордина, уже не существовало. Йосеф Люден выпускал его у себя дома. Всего вышло 165 выпусков.

Вероятно, почти никто не знает, что была предпринята еще одна попытка реанимировать анархистскую прессу в Израиле. В 1991 г., в сентябре, в Тель-Авиве увидел свет первый и последний выпуск журнала «Фрайе штиме» (20 страниц), изданный Йосефом Люденом на собственные средства. Кстати сказать, родной брат издателя — Ицхак Люден — и по сей день является редактором израильского бундовского журнала «Лебенс-фраген».

В настоящее время в живых остались лишь двое израильских анархистов-идишистов — Йосеф Люден и Симха Гамбург. Людену 89 лет, Гамбург на четыре года моложе.

Вместе с тем нельзя сказать, что анархистская печать в Израиле полностью прекратила свое существование. Издательство «Проблемен», являющееся наследником одноименного журнала, основанного А. Гординым, на протяжении 1960—1990-х гг. выпустило около 15 книг на идише: литературоведческие эссе, сборники стихов, романы. Книга Йосефа Людена «Краткая история анархистской мысли»¹³ была переведена на иврит, в кратчайшие сроки раскуплена и стала библиографической редкостью. Фактически это единственная работа, в которой приводится информация об анархистском движении в Израиле¹⁴.

¹ *Бургин Г.* Гешихте фун дер идишер арбейтер бевегунг ин Америке, Русланд ун Энгланд, 1888—1913. Нью-Йорк, 1915 (на яз. идиш).

² *Вайнштейн Б.* Ферциг йор ин дер идишер арбейтер бевегунг. Нью-Йорк, 1924 (на яз. идиш).

³ Альгемайне энциклопедия. Б. 2—5. Нью-Йорк (на яз. идиш); Идн ин Энгланд. Штудизс ун материалн, 1880—1940. Библиотек фун ИВО. Нью-Йорк, 1966. С. 40—71, 273—282 (на яз. идиш).

⁴ *Fishman W.* East-End Jewish Radicals 1875—1914. L., 1975.

⁵ *Грауэр М.* Ха-тнуа ха-анархистит бе-идиш бе-Англия, 1885—1914//Кешер. 1989. № 6, ноябрь (на яз. иврит).

⁶ *Винчевский М.* Гезамлте верк. Центер банд. Нью-Йорк, 1927. С. 188—217.

⁷ *Рокер Р.* Ин штурэм. Лондонер групе «Фрайе арбейтер шггеме». 1952 (на яз. идиш); *Фрумкин А.* Ин фрилинг фун идишн социализм. Нью-Йорк, 1940 (на яз. идиш).

⁸ *Рейзен З.* Лексикон фун дер идишер литератур, прессе ун филологие. Вильна, 1926—1929. Тейл I (на яз. идиш).

⁹ The Periodical Publications of the Jewish Labor and Revolutionary Movements in Eastern and Southeastern Europe 1877—1916. An Annotated Bibliography / Compiled by Avraham Greenbaum. P. 1.

¹⁰ *Idem.* P. 87.

¹¹ *Idem.* P. 177.

¹² *Idem.* P. 240.

¹³ *Люден Й.* Курце гешихте фун анархистишн геданк. Фарлаг «Проблемен», Тель-Авив, 1984 (на яз. идиш).

¹⁴ *Op. cit.* З. 122: Анархизм ин Исроэл.

No. 1

JANUARY, 1910

Vol. I.

„די פרייע געזעלשאפט“ און איהר הויפט-אויפגאבע

ווער עס איז געווען, וואס קען האַבען אַ פרעמעניע צו האַבען געווען דער ערשטער, וועלכער האָט אַרויסגעזאָגט דעם געדאַנק, אז איצט דאַרף מען דענקען פֿון דער אַרויסגאַבע פֿון אַ מאָנאַטליכען זשורנאַל, ווייסען מיר ניט. מעגליך, דאָס, ווי ביי אַלע נרויסע און ניצליכע אירעען, איז גאָרניט געווען קיין ערשטער, נור פּיעלע מיט אַמאָל זיינען געקומען צו דעזעלבער אירעע. מיר ווייסען נור אונגעפֿער די צייט, ווען דיזע אירעע פֿון אַ מאָנאַטליכען זשורנאַל האָט אָנגענומען נרויספֿאַרע און בער שטימטע פֿאַרנען אין די מוחות פֿון די לעזער פֿון דער „פ. א. ש.“ דאָס איז געווען ווען אַ גענויער יאָהר יאָרטיק, ווען דער פֿריי פֿון דער „פ. א. ש.“ איז געהעכערט געוואָרען פֿון איין סענס אויף צוויי, און קיין איינציגער לעזער איז ניט פֿערלאָרען געלאָנגען. עס איז געוואָרען קלאָר דאַן פֿאַר אַלעמען, אז די „פרייע אַרבייטער שטימע“ וועט זיך שוין מער ניט נרויסען אין אַ בעדייטענדער זייט מינער שטימע, און די מייסטע פֿריינד און לעזער איהרע האַבען זיך געשמעלט אַ פֿראַגע: וואָרום וואָרען די עקזיסטירענדע הילפֿס-קוועלען פֿאַר די „פ. א. ש.“ ניט פֿערווענדעט ווערען אויף אַ מאָנאַטליכען זשורנאַל? וואָרום זאָל די פֿערהאַנדענע ענערגיע ניט אויסגענוצט ווערען?

און פֿון יענער צייט אָן איז כמעט ניט אוועק אַ וואָך, ווען מיר האַבען ניט געקראָגען פֿון פֿערשינדענע אונזרע לעזער אָנפֿראַגען און אויפֿפֿאַררעוונגען זיך צו געהעסען צו דער אַרבייט.

מיר ווילען זיין אָפֿענהערציג מיט אונזרע לעזער: מיר האַבען צו דיזעזער אונטערנעמונג ניט געהאַט קיין נרויסען חישק. ערשט אַ בעפֿרייט דעם קאַפֿ פֿון די אייביגע זאָרען, ווי צו האַלטען די „פ. א. ש.“ איבער'ן וואַסער, און איצט, אז מען קען שוין אַכטעל אויפֿהאַטעמען, געה, געהם זיך נייע זאָרע און נייע אַרבייט, וועגען וועלכע מיר האַבען זיך ניט געקענט מאַכען קיינע גלענצענדע איללוציאָנען. מיר האַבען געוואוסט, אז די אַרויסגאַבע פֿון אַ מאָנאַטליכען זשורנאַל איז פֿער-בונדען מיט גאָר זעהר שווערע קאַסטען. און אַ חוץ די קאַסטען, איז עס גלאַט ניט קיין גרינגע אַרבייט צו געפינען אַמח'נוטע אירישיע שרייבער פֿאַר אַ זשורנאַל. ווייל עס מוז געזאָגט ווערען, אז שווער ווי עס איז צו קריגען נומע לעזער פֿאַר אַ נומע שריפט, איז עס אָבער נאָך שווערער צו קריגען נומע שרייבער. ווי זיינען זעהר וועניג אין צאָהל די, וועלכע זיינען דאָ, און דיזעזע אַלע זיינען איבעראַרבייט; און דערפֿאַר אַליין אַפֿשר קענען זיי ניט אימער פֿאַרוואַרען דאָס בעסטע, וואָס זיי וואָלטען געקאָנט אונטער אַנדערע אומשטענדען.

און וואָס מער ברעך מיר האַבען ערוואַלטען, אין וועלכע מען האָט אונט געשמייכלען, אז אונטער אונזער רעדאַקציען קען עס גאָר אַנדערש ניט זיין, ווי אַ נומער, ווי אַן אויסגעצייכענטער זשורנאַל, דאָס וועניגער האַבען זיך די הענט געהויבען פֿאַר די אויפֿגאַבע. נאָרע דיזעזער נרויסער צוטרוי צו אונזרע כחות, וועלכער איז געווען אַזוי שמויכלעדיג און ריהרעגער, האָט אונט אין דער זעלבער צייט געמאַכט שוואַך. מיר האַבען געפֿיהלט, וואָס פֿאַר אַ נרויסע פֿערהאַנדענע ליכקייט מיר געהמען אויף זיך, און מיר האַבען זיך געפֿרענט: וועלען מיר כאַטש אַ האַרעלע קענען רעכטפֿערטיגען דיזעזע נרויסען צוטרוי?

און מיר האַבען אַלץ געווינט זיך צווישען יא און ניין, און אימער מער אויף זיין, ווי אויף יא, ביז מיר האַבען איין געוויסען פֿרויהאַרגען געפֿונען אין אונזער

«Идише шрифтен». Нью-Йорк.

פרובלימות

ירחון לבעיות החברה והתרבות

תל אביב: אבא גולדין, 6 בתחנת המערכת, רחוב רשי"ב 6, תל אביב. אש"ח. תשלום שנתה 1961

ה ת ו כ ו נ

א. כהנא	הגם הסגל כבוד
ב. ברוך	לדפוס - מיתרונות ונביא
ג. גולדין	העיתונות
ד. דוב	כתיבת התעמולה
ה. הורביץ	רשימות נאמן
ו. ורדי	א.ב. כהנא

אינהאלט:

פסקה ה	פסקה ז
א.ב. גולדין	ב. גולדין
ג. גולדין	ד. גולדין
ה. גולדין	ו. גולדין
ז. גולדין	ח. גולדין
ט. גולדין	י. גולדין

פרובלעמען

חודש-רשימת פאר געזעלשאפט און קולטור-פראגען

תל אביב: אבא גולדין, אדרעס פון דערמעדיע: רחוב רשי"ב 6, תל אביב, אש"ח. (תשלום שנתה 1961)

דפוס א. ב. סגל, תל אביב, רחוב רשי"ב 6, תל אביב, 1961

תל אביב: אבא גולדין

פראבלעמען

צייטשריפט פאַר געזעלשאפט און קולטור-פראגן

פאר א מענטשלעכע לייזונג

יידן און אונדערע יידישע רעסיסן קעגן די אַראַבער און אַראַבישע רעסיסן קעגן יידן. די רעסיסן אײף דער גאַנצער וועלט וועלן שטענדיק העצן און ניט קענען לעבן צוזאַמען מיט אַן אַנדערער פּאַלק. אָבער ביי אונדז די לינקע, סאַרוואַס ציטערן ווי צו לעבן צוזאַמען מיט די פּאַלעסטינעזער? אַט לעבן דאָר יידן מיט אַראַבער אין יטא, אין שכנישע פּרייזנ-שאַט. אויך אין אַרמלע, לור. לעבן דאָרט אין נגב די בעדוו אינער און דינען אסילו אין דער ישראל-אַרמיי, אויך זיי זענען אַראַבער. אויך די דרוון זענען אַראַבער, נאָר האָבן אַן אַנדערן גאַט און מיר לעבן מיט זיי בשלום. סאַרוואַס קענען מיר ניט לעבן מיט די פּאַלעסטינעזער צוזאַמען? צו זאָלן מיר ניט זוכן די זולד ביי זיך, ביי אונדזערע אייגענע רעסיסן און דעאַקציאָנערן?

אָבער אויך די פּאַלעסטינעזישע פּאַליטיקערס חלומען וועגן אַן אייגענעם סעסאָס, מיט אייגענע מיינסטראָן, מיט אייגן מיליטער, אייגענע פּאַליציי און אייגענע טורמעס. אָבער אויך אין אייגענע אַראַבישע סעסאָס קענען אַדאָבער זיך סאַרדן ביים אַראַבער, ווי אין לבנון (לייוואַנא) און אַראַבישע מדינות קעגן מירן צווישן צווישן זיך בלוטיקע מלחמות, ווי צווישן צפון און דרום תימן (טימאן) אויך צווי מוסולמענישע מדינות, ווי איראַן מיט איראַק קענען שיקן אַ מיליאָן גליביקע צו אַלאַן אין גן עדן, עס דער הילף פון סאַניק און גאַז, ווייל נאָר צוליב פּאַליטישע און מאַכט-אינטערעסן ווערן פעלקער געטריבן צום טויט און צום מרד. מעגן דאָך אונדזערע לינקע ניט זוכן קיין פּאַליטישע לייזונגען נאָר באַטראַכטן דעם פּאַ-

א פּאַקט איז אַן די פּאַלעסטינעזישע אינטימאָדע האַט געצווונגען די ישראלדיקע פּאַרטיי-מנהיגים אַנצונעמען אַ שטע-לונג און צו זוכן אַ לייזונג פאַר דעם פּאַלעסטינעזישן פּראָבלעם. ווי סאַרשידן עס זאָלן ניט זיין וויערע מיינונגען גייען טיי די עקס רעכטע, ווי די לינקע צו דעם פּראָבלעם נאָר פון אַ פּאַליטישן שטענדרונקט און ניט פון מענטשלעכן. די עקס רעכטע, אונדזערע אייגענע רעסיסן, רעדן אַסן וועגן אַ טראַגיק סעפּער. ווי זוכן פּשוט אַ מיטל, ווי אַזוי צונעמען די ערר אונטער די מיט פון די פּאַלעסטינעזער. דער פּאַלעסטינעזער אַלס מענטש גייט ווי גאַנציק אָן. פּונקט, ווי די פּיילישע אָנטי-סעמיטן וואָס האָבן גערופן צו סאַרטרייבן די יידן פון פּוילן אַזוי שטרעבן ווי פּאַר צו ווערן פון די פּאַלעסטינעזער. צו זענען היינט די פּאַלאַקען מער גליקלעך?

אָבער אויך די לינקע ציטערן פאַר דער דעמאָגראַפּיע. אויך ווי אַסן גערעדט, ווילן פּוור ווערן פון די פּאַלעסטינעזער, דורך שאַפן אַ באַזונדער פּאַלעסטינעזישן סעסאָס. לעבן דאָר אויך דער וועלט אַזוי פיל פעלקער צוזאַמען אין איין יסעאַס, ווי זיי באַהעפטן זיך צוזאַמען, וויפיל נעמישישע חתונות האָבן כּיז צווישן פעלקער, ראַסן און קאָלירן אין אַמדיקע, אין אייראָפּע און אויסטראַליע. אַס פּאַראַייניקן זיך די פעלקער אין אייראָפּע אין אַ בשותפותדיקן מאַרק, וואָס דאָרף אַוווישן די באַזונדערקייט, די גרענעצן און דערמיט די שינאה, קאָנ-פּליקטן און מלחמות. די רעסיסן אין אַלע לענדער העצן קעגן יעדער מינעדורדייט. די דייטשע רעסיסן קעגן טערקן און יידן, די מראַנצוווישע רעסיסן קעגן די אַראַבער און

FREIE STIMME

FREE VOICE

פרייע שטימע

ציטשריפט פאר געזעלשאפט און קולטור-פראגן

א פאר ווערטער פאר די לייענער

דערקלערן אז מיר האבן ניט אונטער זיך קיין פארטייאישע קרעמל און מיר זענען געווען אין גאנצן אויסגעשטעלט אויף דער אויסשליסלעכער חילף פון אונדזער לייענער און פריינד, פון וועלכע דער סעקטער טייל געמינט זיך שוין ניט צוריקן די לעבעדיקע. דאנען אונדזער יוגנט לייענט ניט קיין יידיש. מיר זענען דעריבער געווען געבוהען נאך 30 יאר אויפצומעבן דאס דערשינען פון די "פראבלעמען".

די צייטשריפט "פרייע שטימע" טראגט די זעלבע אידעאלן וואס די "פראבלעמען" מיר ניבן דערוויל ארויס אן איינמאליקע אויסגאבע, אויב דאס וועט מעגליך זיין וועלן מיר דאס פארזעצן. מיר טראגן צו די אויסגאבע מיט באפרוהיקונג פאר אונדזערע נאך געבליבענע לייענער.

סוף

מיר ניבן אייך איבער די דאזיקע איינמאליקע אויסגאבע, ווייל נאך א יאר זינט עס האט אויפגעהערט דאס דערשיינען פון דער איינציקער פריי סאציאליסטישע צייטשריפט אין יידיש "פראבלעמען", זענען פארגעקומען טרויערע היסטארישע און שטורמישע געשעענישן אויף דער וועלט. דער אידעיש פאליטישער באקראנט פון וועלט קאמוניזם, דאס צעמאלן זיך פון דער טאזיעטישער איספעריע, דאס פאדערט פון אונדז, כאטש אין א קארטע פאס די געשעענישן צו באלייכטן.

דאס איינפירן פון דערשיינען די "פראבלעמען" האט ארויסגענופן א טרויער באדויערן ביי אונדזערע געטרייע לייענער און פריינד. ניט נאר אין לאנד, מיר באקומען כרויו און טעלעפאנען פון די פארשידנסטע לענדער מיט דער פראגע פארוואס מיר שיקן ווי מער ניט די "פראבלעמען"!

מיר האלטן דעריבער פאר אונדזער חוב נאך אמאל צו

Б. Фрезинский (С.-Петербург)

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА МЕМУАРОВ И. ЭРЕНБУРГА «ЛЮДИ, ГОДЫ, ЖИЗНЬ» — В ПОЧТЕ «НОВОГО МИРА» за 1961 г.

Журнальная, а также газетная и радиопочта послевоенных десятилетий — ценный источник информации о взглядах «читательских масс» на те или иные политические, общественные, литературные вопросы. Литературные журналы в ту пору были предметом пристрастного внимания общества; журнальные публикации не раз становились эпицентром резонансных реакций, участие в которых людей образованных и интеллигентных казалось привычным, естественным и даже, пользуясь нынешним словом, престижным. Не от нечего делать и не от дешевизны почты (хотя и не без того) писали люди в редакции литературных журналов — в этом был элемент политической жизни, удовлетворялась потребность публичного высказывания.

Нельзя сказать, чтобы почта журналов, как и газет и радио, не была предметом сознательного изучения, но занимались этим специалисты узкого профиля; во многих (наверное, в подавляющем большинстве) изданиях почта регулярно просматривалась «научными» кадрами КГБ, и результаты такого отлова становились не только сюжетами соответствующих аналитических записок, но — при случае — сказывались, и подчас серьезно, на судьбах не в меру несдержанных авторов писем.

Основой этих заметок служит почта «Нового мира» той его поры, когда редактируемый Твардовским журнал печатал мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Высокий общественный авторитет Твардовского был таким, что как-то неловко представлять себе унижение редакции, предоставляющей читательскую почту чинам в штатском. Замечу, что когда письма читателей, адресованные Илье Эренбургу домой, передавались в РГАЛИ, близкие писателя тщательно просмотрели всю почту, и то, что могло привлечь неусыпное око известного ведомства, в государственный архив сдано не было.

В читательской почте «Нового мира», хранящейся в РГАЛИ, сегодняшний исследователь найдет немало интересных документов

эпохи, отражающих тогдашний политический и интеллектуальный уровень общества. «Новый мир» имел устойчивую репутацию журнала оппозиционного. С середины 60-х гг. постепенно начали формироваться два крыла этой оппозиции: национал-патриотическое и либеральное, если пользоваться современной лексикой. Читатели «Нового мира» в подавляющем большинстве своем принадлежали к либеральному крылу; именно идеями «социализма с человеческим лицом» так или иначе проникнуто множество читательских писем (сужу только по той, достаточно обширной, почте, которую в 1960—1967 гг. порождали эренбургские мемуары) — при всем разбросе оценок в остроте, точности, глубине и основательности высказываемых суждений. Процент критической почты «с другого берега» был незначительным и в социальном плане в меньшей степени соответствовал взглядам интеллигенции.

Еврейская проблематика в те годы еще не была в эпицентре обсуждаемых обществом проблем, и это отражается в журнальной почте, однако публикация мемуаров Эренбурга соответствующие показатели заметно увеличила. Уже первые две части мемуаров (1960—1961 гг.), в которых повествование доведено до 1921 г., то есть включало, в частности, события гражданской войны, затрагивали напрямую еврейскую тему, и почта журнала фиксирует, что читатели обратили на это внимание. Однако, прежде чем говорить о читательской почте, целесообразно сказать об отношении редакции к публикуемому материалу.

Работая над первой книгой мемуаров, Эренбург понимал, что печатать их сможет лишь у Твардовского. Их никогда не связывали дружеские отношения: Твардовский не скрывал, что не является поклонником Эренбурга, и было немало поэтов, которых Эренбург ценил выше автора «Теркина». В 1959 г. Твардовский напечатал в журнале эссе Эренбурга «Перечитывая Чехова» (тема дела Дрейфуса, кстати сказать, была одним из важных компонентов эренбургского эссе); это и позволило Эренбургу предложить свои мемуары «Новому миру». Рукопись была прочтена немедленно, и сразу же автору сообщили, что его работа принимается журналом. При этом не было секретом, что многое в мемуарах осталось Твардовскому далеким — городская и европейская психология мемуариста, еврейские мотивы и т.д.

Третья часть мемуаров печаталась в 9—11 номерах журнала за 1961 г. Она посвящена событиям 1921—1933 гг. Автор провел эти годы за рубежом — в Германии, Франции, Италии, Испании; среди памятных для него встреч тех лет много общений именно с ино-

страницами, что проявилось в портретных главах — они посвящены Тувиму, Белому, Ремизову, Незвалу, Маркишу, Бабелю, Десносу, Мерлю, Истрати, Роту, Паскину и Толлеру. В целом третья часть сравнительно легко прошла цензуру, не вызвав тех трудностей, что сопровождали публикацию первой и второй части, и тем более тех, что ждали последующие четвертую—шестую части. В редакции были рады, что на сей раз все обошлось благополучно, и Твардовский (в первый и, как оказалось, в последний раз) отправил Эренбургу исключительно благосклонное письмо:

«Барвиха, 12 августа, 1961. Дорогой Илья Григорьевич!

Простите, что с таким опозданием отзываюсь на продолжение Вашей книги, идущей в «Новом мире», да и отзываюсь только на первую часть, верстку которой мне прислали сюда.

С не меньшим, а местами — с еще большим интересом, чем предыдущие, прочел эти страницы. Книга очевиднейшим образом вырастает в своем идейном и художественном значении. Могут сказать, что угол зрения повествователя не всегда совпадает с иными, может быть более точными, углами (они, эти «углы», тем более правильны, чем дольше остаются вне применения), что сектор обзора у автора обужен особым пристрастием к судьбам искусства и людей искусства,— мало ли что могут сказать. Но этой Вашей книге, может быть, суждена куда большая долговечность, чем иным «эпохальным полотнам» «чисто художественного жанра».

Первый признак настоящей большой книги — читательское ощущение необходимости появления ее на свет божий. Эту книгу Вы не могли не написать, а если бы не написали, то поступили бы плохо. Вот что главное и решающее. Это книга долга, книга совести, мужественного осознания своих заблуждений, готовности поступиться литературным престижем (порой, мне кажется, даже с излишком) ради более дорогих вещей на свете.

Словом, покамест Вы единственный из Вашего поколения писатель, переступивший некую запретную грань (в сущности, никто этого «запрета» не накладывал, но наша лень и трусость перед самими собой так любят ссылаться на эти «запреты»). При всех возможных, мыслимых и реальных изъянах Вашей повести прожитых лет Вам удалось сделать то, чего и пробовать не посмели другие.

Я не буду в этом письме говорить о том, что, в частности, текстуально, так сказать, мне особенно нравится или не нравится в книге. Но как хорош Тувим, в которого я, кстати сказать, вчитался только после его смерти и увидел, что это поэт никак не менее,

скажем, Блока и, может быть, еще теплее и демократичнее Блока. Хорош В. Незвал (жаль только, что Вы заставили его восторгаться плохим, крайне несамостоятельным Л. Мартыновым, но это дело Ваше). Хорош и Бабель, хотя страницы, посвященные памяти этого писателя, не обладают особой новизной содержания,— был уже похожий Бабель у Паустовского и, кажется, у Вас же.

Но дело не в отдельных портретах, характеристиках, авторских отступлениях,— в книге есть магия глубоко искреннего высказывания-исповеди...»¹

Заметим, что, высоко оценив главу о Тувиме (действительно одну из самых прочувствованных в мемуарах) и отметив главу о Бабеле (пусть и с оговорками), Твардовский ни словом не упомянул главу о Маркише, в которой, в частности, речь шла и о Еврейском антифашистском комитете, о событиях 1949 г. и о расстреле в 1952 г. деятелей советской еврейской культуры.

Среди конкретных замечаний Твардовского применительно к нашей теме важно одно, но оно словесно отсылает нас к другому месту письма, с которого и начнем.

Была в тексте Эренбурга фраза, безусловно продуманная автором. Говоря о «ножницах» между успехами технического прогресса и потерями в духовной сфере на Западе, Эренбург заметил, что то же самое наблюдается и в «другом лагере». Твардовский отреагировал на это резко и безапелляционно: «Можно, я считаю, предъявлять счет и Советской власти по разным статьям, но на отдельном бланке,— это непереносимое условие»².

Эта позиция проявилась и в той реплике, которая имеет уже непосредственное отношение к нашему сюжету. Это было последнее, шестое по счету, замечание главного редактора: «В двух-трех случаях, где возникает память «еврейской крови»,— очень просил бы Вас уточнить адрес, куда обращается этот исторический упрек (в смысле опять же «отдельного бланка»)»³. Твардовскому-редактору представлялось недопустимым, чтобы при чтении его журнала (рядовыми читателями, а не только цензорами!) кому-нибудь пришла мысль, что антисемитизм был политической практикой не только в гитлеровской Германии, но и в сталинском СССР.

Тема «еврейской крови», как выразился Твардовский, возникала в третьей книге «Люди, годы, жизнь» не раз — и там, где действие глав протекало в Германии времен вызревания национал-социализма, и в портретных главах, посвященных Тувиму, Бабелю, Маркишу, Роту. Причем речь шла,— если воспользоваться крылатым выраже-

нием Тувима, которое Эренбург часто использовал,— о крови, что «текла не в жилах, а из жил».

Антиюдофобская направленность книги Эренбурга читателями была замечена уже в первых частях. Так, прочитав вторую часть, читатель Д. Каменецкий писал в редакцию: «Несомненная заслуга Эренбурга в том, что он обличает антисемитизм на русской почве во всех его проявлениях: начиная с обывательского юдофобства, продолжая в виде царско-белогвардейской кроваво-погромной эпопеи и кончая трагедией фашистско-людоедского геноцида. С таким же сочувствием и с не меньшей болью Эренбург пишет о жертвах незаконных репрессий»⁴.

Это интересное письмо, содержащее и справедливые замечания в адрес писателя⁵, и просьбу к редакции напечатать письмо в журнале, не могло не привлечь внимания обратным адресом, редким для редакционной почты тех лет: Хайфа, Израиль. Адрес этот редакцию не испугал, ответ Д. Каменецкому написал заместитель Твардовского А. И. Кондратович: «Мы благодарим Вас за интересное и точное по своим оценкам (! — Б. Ф.) письмо о воспоминаниях И. Эренбурга. Но напечатать это письмо мы, к сожалению, не можем, так как очень редко практикуем публикацию критических и иных замечаний о произведениях, появившихся в нашем журнале»⁶.

А теперь — письмо, которое было не очень характерно для редакционной почты «Нового мира» и для того социального слоя, к которому принадлежал его автор; однако насыщавший его заряд ненависти, столь неуправляемый, что местами автору изменяла и логика, и здравый смысл,— заряд этот несомненно обращал на себя внимание. Письмо было адресовано лично главному редактору:

«Уважаемый товарищ Твардовский!

Простите, что я занимаю Ваше время, мне хочется поделиться с Вами своими сомнениями и, может быть, узнать Ваше мнение.

В журнале «Новый мир», главным редактором которого Вы являетесь, печатаются мемуары Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

Воспоминания — это такой литературный жанр, где особенно отчетливо выявляются личные отношения авторов, и, вероятно, нельзя возражать, если Эренбург питает большие симпатии к такому незначительному поэту, как Осип Мандельштам, чем к Маяковскому, это дело его вкуса?!

Но в последней части Эренбург проявляет постоянно субъективные оценки, на что мне хотелось бы возразить.

Эренбургу пришлось побывать в Германии и в Италии в очень

ответственное время: в период становления в этих странах фашизма; как же он воспринимает эту эпоху? Для него фашизм — это гонение на евреев, никаких других черт Эренбург не замечает! В калейдоскопе событий и лиц читатель невольно задерживается на легендах о «цадиках», на судьбах «мудрых рэбэ»!

Имя Эренбург чрезвычайно популярно (с моей точки зрения, совсем незаслуженно, так как он никак не может быть в одном ряду с нашими крупными писателями, ведь по существу у него нет равноценных произведений), но факт остается фактом: его цитируют, как некоего мудреца, и это его положение имеет различный резонанс: и нелепое выступление Евтушенко, и горькие разговоры, которые приходится слышать среди молодежи: «Да, нам в науку не пробраться!»

Мне пришлось руководить работой пяти аспирантов-филологов; из них только одна, Берлин, вовсе не самая лучшая, имела возможность напечатать статьи по своей работе и защитить диссертацию; другие постоянно наталкиваются на всяческие неожиданные затруднения.

Я понимаю, что, вероятно, нельзя отказывать печатать Эренбургу, но есть же какой-то предел развязности?

С уважением Н. Д.Гедеонова.

Ленинград, 1961 год, 20 ноября»⁷.

При всей сумбурности и беспомощности в изложении мыслей, непостижимых для ленинградского филолога с ученой степенью, письмо не оставляет никаких сомнений в его изначальной антисемитской мотивации. По существу мемуары Эренбурга здесь лишь повод для разговора о «еврейском засилье», и пример Эренбурга, бездарного, с точки зрения автора письма, писателя, которого всюду печатают, цитируют и почитают благодаря еврейским его связям (Гедеонова и обращается-то к русскому поэту, надеясь, что он-то правильно ее поймет и хотя бы в своем журнале «положит предел» несправедливости),— этот пример, по мысли автора письма, лишь иллюстрирует общее положение дел.

Понятно, что аргументированное опровержение изложенных в этом письме соображений не требует великого ума, эрудиции и темперамента. Это письмо интересно, как мне кажется, не столько с точки зрения отражения общественного сознания того времени, сколько в контексте конкретной личной судьбы его автора. Именно с этой позиции я предпринял некоторые розыски.

В книжном каталоге Российской национальной библиотеки за

Н. Д.Гедеоновой значится одна работа: «Опыт научного обоснования методики преподавания французской разговорной речи (в условиях языкового вуза)», Ленинград, 1952» — машинописная брошюрка, выполненная во 2-м Ленинградском педагогическом институте иностранных языков.

Институт этот давно уже влился в нынешний Генценовский педагогический университет; вот что мне удалось выяснить у старых сотрудников кафедры французского языка, еще помнящих Гедеонову.

Надежда Дмитриевна Гедеонова (1898—1973), доцент и заведующая кафедрой французского языка, в 1972 г. выехала в США, чтобы навестить там свою родную сестру, давно эмигрировавшую. Уже из США Гедеонова официально обратилась к Советскому правительству за разрешением остаться там, и такое разрешение ей было получено. Она была дворянского происхождения, закончила Смольный институт и в 20-е гг. испытала немало трудностей в части трудоустройства. Одна из сотрудниц кафедры, относившаяся к Гедеоновой с несомненным пиететом, а к ее взглядам, как мне показалось, — с безусловной солидарностью, рассказывала, что в довоенную пору Гедеоновой не удалось устроиться на работу в Эрмитаж, где ей якобы сказали: «Вот если бы вы были еврейкой, тогда другое дело!» Разыскивать документы относительно деятельности Гедеоновой в пору «борьбы с космополитизмом» мне, признаться, не захотелось, хотя нетрудно представить себе, какую возможность отыграть она тогда имела. Вполне хорошо представляю себе, чего натерпелась Гедеонова в первое десятилетие советской власти, в том числе и от евреев, самозабвенно плясавших на чужой свадьбе, но говорить о «еврейском засилье» после гитлеровского геноцида и сталинских чисток, в пору стабильной антисемитской государственной политики СССР мог лишь человек, зациклившийся на своих переживаниях давних лет.

Надо думать, что Твардовский прочел адресованное ему лично письмо, но отвечать не стал, поручив это А. И.Кондратовичу. Оперативность, с которой Алексей Иванович ответил Гедеоновой, впечатляет не меньше самого ответа. 27 ноября в Ленинград ушло следующее письмо:

«Мы не согласны с Вашей оценкой воспоминаний И. Эренбурга и его творчества в целом. Эта оценка субъективна. Достаточно сказать, что в главах о Германии и Италии Вы смогли увидеть лишь «еврейский вопрос». Кстати говоря, фашизм — это и гонение на евреев. И. Эренбург же пишет не только об этом: его понимание

фашизма шире, и только раздраженный и предубежденный взгляд может в его воспоминаниях «задерживаться на легендах (?) о «цадиках», на судьбах "мудрых рэбэ"».

В самом конце письма Вы уже совсем не задумываетесь над тем, что пишете. Почему из пяти руководимых Вами аспирантов лишь менее способная аспирантка Берлин⁸ смогла напечататься, а другие, более способные, «постоянно наталкиваются на всяческие неожиданные затруднения»? На что Вы намекаете? И где же были Вы со своей принципиальностью, если не смогли поддержать более способных?

Зам. главного редактора А. Кондратович⁹.

Ответ этот в комментариях не нуждается.

---

¹ РГАЛИ, ф. 1204, оп. 2, ед.хр. 2218, лл. 2—3.

² Там же, л. 3.

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, ф. 1702, оп. 9, ед.хр. 61, л. 44.

⁵ Одно из них касалось неправильно рассказанного Эренбургом американского анекдота («Новый мир». 1961. № 2. С. 110); видимо, редакция ознакомила писателя с замечанием израильского читателя и, публикуя мемуары в собрании сочинений (Т. 8. М., 1966), Эренбург этот анекдот опустил.

⁶ РГАЛИ, ф. 1702, оп. 9, ед.хр. 61, л. 43.

⁷ Там же, л. 11.

⁸ М. И. Берлин приехала в Ленинград учиться в аспирантуре из провинции, куда и вернулась после успешной защиты диссертации.

⁹ РГАЛИ, ф. 1702, оп. 9, ед.хр. 61, л. 10.

**ОЧЕРКИ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ**

Р. Гензелева (Иерусалим)

РУФЬ ЗЕРНОВА. ПУТИ ЕВРЕЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Национальная самоидентификация укорененных в русской культуре писателей-евреев до и после их репатриации в Израиль практически не привлекала внимания исследователей¹.

Применительно к Руфи Зерновой (р. 1919, Одесса) такое исследование представляет особый интерес: в биографии писательницы концентрированно воплотились основные вехи исторической судьбы русско-еврейской интеллигенции ее поколения. Внучка казенного раввина из бессарабского местечка Калараш, она выросла в семье уже аккультурированных родителей².

Добровольное участие в качестве переводчицы в интернациональной войне в Испании (1938—1939)³; осуждение на десять лет за антисоветскую пропаганду (1949); пять лет в сибирских лагерях (1949—1954); репатриация в Израиль (1976), — уже простое перечисление этапов ее жизни свидетельствует о динамике ее национального самосознания.

Подобно ее старшим современникам Василию Гроссману (1905—1964), Борису Ямпольскому (1912—1972), Израилю Меттеру (1909—1996), Руфь Зернова была причастна к процессу национального возрождения советского еврейства в 50—80-е гг. Но, в отличие от этих писателей, она была в числе тех, кого этот процесс в 70-е гг. привел не в США или одну из стран Европы, а в Израиль, где ее невероятный жизненный опыт, широта духовных интересов и писательский талант были реализованы в мемуарно-биографических рассказах, отразивших новый уровень еврейского самосознания «русской» израильтянки.

Отклики на созданные в Израиле произведения Руфи Зерновой, переведившиеся на английский, итальянский, польский, чешский языки, содержат высокую оценку авторского мастерства. Ее характеризуют как «зоркую и умную писательницу»⁴, которую отличает «необыкновенное понимание жизни»⁵, как «реалиста и восприимчивого наблюдателя, умеющего проникнуть в тонкости человеческих взаимоотношений»⁶.

Ее рассказы оценивают как «важный новый литературный

эксперимент»⁷, как «вполн профессиональную беллетристику»⁸; их называют «прекрасными рассказами»⁹, характеризуют как литературу, отмеченную значительностью и высоким искусством¹⁰, понятную и волнующую читателей независимо от страны их проживания¹¹.

Критики и литературоведы видят специфику ее новеллистики в сочетании показа личной судьбы героев с осмыслением судьбы общества¹²; в строгой соподчиненности формы и содержания¹³; в иронии и юморе, пронизывающих повествование¹⁴; в свежих и новых поворотах тем, уже знакомых читателям¹⁵.

Многие рецензенты пишут о Р. Зерновой как о «женской писательнице». Веским основанием для этого служит заглавие и авторское предисловие к сборнику «Женские рассказы», опубликованному в 1981 г.¹⁶. Сама писательница определяет женскую литературу как созданную «женщинами и о женщинах», осмысливающую своеобразный «женский душевный опыт»¹⁷. Вне всякого сомнения, женский взгляд писательницы определил некоторые особенности ее прозы. Однако предлагаемое исследование обращено к тем сторонам ее художественного мира, которые предопределены не специфически женским, но общим национальным опытом и исторической судьбою российского еврейства, включая ту его часть, которая репатриировалась в Израиль.

Критики и рецензенты многократно упоминали о «еврейских» сторонах творчества писательницы. По наблюдению Жозефин Вул, Зернову занимает вопрос об особенностях еврейской самоидентификации в Советском Союзе и на Западе: «...в каждом автобиографическом рассказе, повествуя о подробностях повседневной жизни, она касалась антисемитизма и еврейской идентификации...»¹⁸. Рецензент «Belles Letters» заметил: «Рассказы Руфи Зерновой обнаруживают ее взгляд на то, что значило в Советском Союзе быть еврейкой и испытывать антисемитизм»¹⁹. Об обращении писательницы к теме антисемитизма упоминали и другие рецензенты²⁰.

Эволюция национального самосознания писательницы с конца 50-х гг. по настоящее время — одно из выразительных свидетельств духовной истории российского еврейства.

В ранних рассказах Руфи Зерновой нет еврейской темы и еврейских персонажей. Тем не менее они отразили ее «еврейский опыт»²¹, воплотившийся в авторском отборе жизненного материала, в расстановке акцентов, в системе авторских ценностей, в

ее отношении к общепринятым стереотипам, в самой структуре художественного текста.

Уже первые рассказы Руфи Зерновой не несли следов ученичества, отсюда успех ее дебютного рассказа «Скорпионовы ягоды» (1959), сразу принесшего ей признание и известность. События разворачиваются в небольшом украинском городке в двух временных измерениях — в годы войны и в конце 50-х гг. Основа сюжета — смертельная вражда живущих по соседству пожилых сестер. Старшая из них, по прозвищу «Скорпион», во время немецкой оккупации выдала фашистам Катю, беременную дочь другой сестры, скрывавшуюся в доме возлюбленного. Истинную причину вражды между близкими родственниками писательница видит в не укладывающейся в социальные схемы природе человека. Причина вражды — утрата личностью нравственного инстинкта. В противовес официальной идеологии и нормативной поэтике советской литературы писательница не связывает напрямую этот феномен с классово-идеологической позицией персонажей, не представляет явление «пережитком прошлого».

В ряду признаков утраченного нравственного инстинкта едва ли не на первое место писательница ставит национальную нетерпимость. Именно она лежит в основе ненависти старшей сестры — Скорпион к Славке, возлюбленному Кати. Юношу, названного в рассказе славянским именем, писательница настойчиво идентифицирует как чужеродного по отношению к жителям украинского городка. Он наделен приметами внешности, характерными для евреев: «невысокий, курчавый, глаза так и горят, на цыгана похож». Именно эти черты внешности указывались в циркулярах гестапо в качестве характерных примет, помогающих опознанию евреев: «плоский лоб, черные, часто выющиеся волосы, блестящие глаза»²². Его сходство с цыганом, то есть его этническая чужеродность, — лейтмотив образа. Донося немцам, Скорпион не знает о связи Славки с партизанами, ею движет давняя, еще довоенная ненависть к насмешливому парню. За насмешливость (свойство, также инкриминируемое евреям) «его и учителя не любили»^{22а}. Ненависть Скорпиона к чужеродному парню настолько велика, что она переносит ее на Галю, дочь Славки. Девочка ловит на себе ненавидящие взгляды бабушкиной сестры. В глазах Скорпиона Галя — «цыганская байстрючка». О чужеродности Славки постоянно помнит не только Скорпион, но и по-доброму относящаяся к нему мать Кати.

За вниманием писательницы к национальной нетерпимости,

за авторским взглядом на эту нетерпимость как на признак утраченного нравственного инстинкта, за расстановкой акцентов, за своеобразной «замаскированностью» еврейского прототипа стоял еврейский опыт писательницы, ее еврейская самоидентификация²³.

Опровержение идеологических и литературных стереотипов составляло особенность ранних рассказов Руфи Зерновой. Она охотно обращалась к хорошо знакомым сюжетным коллизиям, наполняя их своим, как правило полемичным, содержанием.

В рассказе «Помидора» (1959) легко узнается коллизия детского хрестоматийного рассказа Леонида Пантелеева «Честное слово» (1941). Герой пантелеевского рассказа во время игры дает честное слово, что не покинет своего поста, пока его не сменят. Игра давно закончилась, о мальчике забыли, но он упорно стоял на посту, сохраняя верность слову. Руфь Зернова сообщает известной коллизии совсем иное содержание.

Как и в других ранних рассказах, в «Помидоре» нет еврейской темы. Писательница устраняет прямолинейную дидактичность пантелеевского рассказа и кардинально меняет идейно-художественное наполнение знакомого читателю сюжета. Вместо прославления верности слову Р. Зернова представила трагедию попорченной доверчивости, а за психологической мотивацией поведения девочки стоял отнюдь не детский опыт.

Женя, главный персонаж рассказа, ощущает себя одинокой не потому, что она живет у тети на даче без родителей. Причина ее одиночества — отношение со стороны детей, которые видят в ней чужака. Женю дразнят за физическую непохожесть на остальных — за рыжие волосы и веснушчатое лицо. Женю не любят за поступки, которых она не совершала, — мальчишки подозревают ее в подсматривании и доносительстве. Девочка мечтает стать похожей на других, чтобы избавиться от неприязни окружающих: «...она будет она — и совсем не она: может быть, у нее даже сойдут веснушки и она станет совсем коричневая, как Гришка...» (с. 45). Ее согласие на нелепую роль «помидоры» писательница мотивирует ориентацией девочки на ожидания среды: ей вовсе не хотелось сидеть под помидорным кустом, но она делает это, так как «чувствовала, что все мальчики — и Жорка — ждали от нее именно такого ответа» (с. 43). В конце рассказа девочка бурно и не по-детски переживает, узнав, что ее доверие обмануто: «Я не хочу тут жить. Мне тут... Меня тут... Меня тут никто не любит!» (с. 46). Прямая аналогия с еврейством наверняка не входила в

художественный замысел автора. Однако за выбором персонажа, отторгаемого средой из-за непохожести, за психологическими мотивами поведения девочки, за ее острой реакцией на всеобщую неприязнь и обманутое доверие стоял аккумулированный автором опыт советского еврейства.

При огромном отрицательном опыте писательницы ее рассказы, созданные во второй половине 50-х — начале 60-х гг., характеризуются поиском позитивных начал жизни.

Направление этого поиска совпадает с устремлениями других писателей-евреев, в частности с Василием Гроссманом и Израилем Меттером.

Во второй половине 50-х гг., когда у Василия Гроссмана уже не было никаких иллюзий относительно советской системы, а надежды на хрущевскую «оттепель» не оправдались, он пытался разглядеть некие положительные начала жизни, напряженно размышлял над тем, что есть «добро»²⁴. В роман-эпопею «Жизнь и судьба» включены записки одного из идейных героев автора — гуманиста и правдоискателя Иконникова. Автор записок приходит к мысли, что единственная вечная, непреходящая ценность — «частная доброта отдельного человека к отдельному человеку, доброта без свидетелей... Доброта людей вне религиозного и общественного добра... Это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному, доброта солдата, напоившего из фляги раненого врага... доброта крестьянина, прячущего на сеновале старика еврея»²⁵.

Гроссман акцентирует отсутствие связи подобной доброты с какой-либо идеологией. В том же направлении ищет позитивные начала жизни Израиль Меттер. В финале повести «Пятый угол» (1958—1964) автобиографический герой задает своему второму «я», максимально приближенному к автору, сокровенный вопрос: «Но ты во что-нибудь веришь?» Ответ близок к позиции гроссмановского идейного героя: «Я пришел к выводу, который, возможно, покажется тебе горьким... Я просто и незамысловато верю в добро... Нет у меня знамени. Но если у меня отнять то, что осталось, несмотря ни на что, то я же совсем пропал. Без этой веры я пропал гораздо сильнее, нежели пропадал раньше... Я перебрал все, что есть в мире, все, что придумано человечеством...»²⁶ Надежда только на «частную доброту отдельного человека к отдельному человеку», на «добро» вне классов, партий и национальностей у писателей-евреев в русской литературе середины 50-х — первой половины 60-х гг. свидетельствовала об

освобождении от официальных ценностей, представляла собою оппозицию государственно-партийной идеологии. Позднее, в 70—90-е гг., представления писателей-евреев о «добре» обретут конкретность и национальное наполнение. Это, в частности, можно наблюдать в повести Б. Ямпольского «Табор» (1970), в постперестроечной повести И. Меттера «Родословная» (1992), в израильских рассказах Руфи Зерновой.

Направление поисков «добра», представления о доброте, отразившиеся в ранних рассказах Руфи Зерновой, существенны для понимания начального этапа ее эволюции, сопряженного с аналогичными поисками современных ей писателей-евреев.

Писательница пытается разглядеть доброту «вне религиозного и общественного добра», среди тусклых будней советской глубинки и большого города. Она обнаруживает ее в заброшенном таежном поселке (рассказ «Письмо»), в большом городе («Городской романс»), в воюющей Испании конца 30-х гг. («Два дня в восточных Пиренеях»). Ее носители — люди разных возрастов, положений, образовательных уровней.

В рассказе «Кузькина мать» она находит доброту за колючей проволокой исправительно-трудового лагеря.

Рассказ «Кузькина мать» был создан по самым свежим следам: он датирован 1956 г. (опубликован только в 1981 г. — уже после репатриации из СССР). Здесь нет невероятных человеческих судеб, какими изобилует «лагерная проза», таких, к примеру, как участь героя обороны Мадрида генерала Клебера из повести А. Жигулина «Черные камни»²⁷, как судьба жены «всесоюзного старосты» Калинина, которая «стеклышком очищала гнидс серых арестантских кальсон» в книге Л. Разгона «Непридуманное», или изложенная там же история афганского принца, отбывающего наказание в советском лагере²⁸.

У Руфи Зерновой нет описаний страшного лагерного быта²⁹. Отличительная особенность ее ранних лагерных рассказов — превалирующий интерес к добрым началам в человеке, сохраненным в условиях «зоны».

Шестидневная война 1967 г. всколыхнула самосознание советского еврейства. В творчестве Руфи Зерновой это нашло выражение в повести «Солнечная сторона», опубликованной в том же году в журнале «Звезда»³⁰.

Как и произведения В. Гроссмана, И. Меттера, Б. Ямпольского, отразившие национальное пробуждение советского еврейства, эта повесть включала еврейский материал и еврейских

персонажей, затрагивала вопрос о судьбах советских евреев. Однако «Жизнь и судьба» (1953—1960) Гроссмана, «Мальчик с Голубиной улицы» (завершена в 1959 г.) Ямпольского, в известной степени «Пятый угол» (1958—1964) Меттера были задуманы и создавались в период хрущевской «оттепели», когда надежды авторов на изменение положения советского еврейства были неразделимы с верой в то, что «еврейские» страницы их произведений увидят свет³¹.

Повесть Руфи зерновой готовилась к печати и вышла в свет в иной обстановке. После Шестидневной войны антисемитская (то есть антиеврейская) кампания достигла своей высшей точки³².

Шимон Маркиш, характеризуя русскую подцензурную литературу периода 53—70-х гг., справедливо писал, что «попытки самовыражения русских литераторов-евреев воспринимались с чрезвычайной чуткостью, но были крайне немногочисленны, очень смутны (или тщательно замаскированы) и нередко просто не доходили до читателя»³³. Повесть Руфи зерновой выделялась на фоне подцензурной прозы еврейских авторов, опубликованной после Шестидневной войны. И это особенно очевидно в сравнении с произведениями, увидевшими свет одновременно с «Солнечной стороной». В декабре 1967 г. была подписана к печати повесть Михаила Гроссмана «За пределами разума»³⁴. Тогда же, в декабре 1967 г., в журнале «Октябрь» появился роман Давида Галкина «Цимбалисты»³⁵.

В отличие от «Солнечной стороны», оба эти произведения не касались проблем современного советского еврейства; оба они отвечали разрешенным официальным стандартам еврейской тематики. Повесть М. Гроссмана рассказывала о судьбе еврейского населения польского городка во время войны. Изображая еврейское Соппротивление, М. Гроссман представляет идиллические отношения поляков с евреями. Здесь нет поляков-антисемитов и немецких пособников, зато широко представлены пособники фашистов — евреи: доносчики, члены «Юденрата», внутренняя полиция в гетто, еврейские богачи, дающие взятки немцам. «Заядлый националист» «с орлиным носом на полном лице, в сюртуке и ермолке», староста гетто Гольфедер восседает под портретом фюрера. Обличения этого еврея в ермолке участниками еврейского Соппротивления будто списаны с антисемитских статей в советской периодике: «этот заядлый националист стоит

немецкого фашиста»; «буржуазный националист и гитлеровец — оба одной масти»³⁶.

Роман Д. Галкина «Цимбалисты» рассказывал о судьбе трех поколений еврейской семьи — до революции, во время революции и в довоенные годы при советской власти. Хотя это произведение не столь беззастенчиво официозно, как повесть М. Гроссмана, в нем присутствуют все набившие оскомину идеологические и пропагандистские стереотипы. Жизнь российского еврейства делится на два периода: полный страданий, обид и несправедливости — до революции и нелегкий, но счастливый — после нее; люди размежеваны не по национальному, а по классовому признаку; интернациональное братство народов — завоевание революции и пр. Не случайно Константин Симонов сопроводил «Цимбалистов» похвальной рецензией, где особо высоко отозвался о подходе автора к национальной проблеме: «Именно такой подход ...сколько бы ни было охотников объявлять его то примитивным, то устарелым, продолжает и сейчас больнее всего бить по откровенно националистическим воззрениям и по националистической духовной пропаганде всех мастей и оттенков»³⁷.

В отличие от этих авторов, Руфь Зернова представляет читателям согретыми симпатией и юмором еврейские типы современников, напоминает о Катастрофе, говорит о немногих сохранившихся еврейских традициях, изображает современного антисемита.

Основу сюжета «Солнечной стороны» составляет нехарактерная для прежних произведений Руфи Зерновой любовно-детективная история: ленинградская студентка Ксана во время летнего отдыха попадает в новую среду, встречает свою любовь, оказывается свидетельницей убийства, в котором обвиняют ее любимого, помогает найти настоящего убийцу. Яков Блюм, автор исследования об образе еврея в советской литературе, назвал «Солнечную сторону» «прекрасной любовной историей». В числе достоинств этой повести исследователь отметил свободу от политических обертонов, от традиционной для советской литературы пропагандистской манеры при упоминании о спасении нееврейкой еврейской девочки³⁸.

Однако еврейский аспект повести не исчерпывается историей выразительного, но второстепенного по своей сюжетной функции персонажа — Татьяны Давидовны, спасенной во время ок-

купации многодетной ассирийкой. В «Солнечной стороне» писательница впервые в своем творчестве обратилась к еврейскому материалу, заглянув вместе с читателем в современный еврейский мир.

Возможности еврейских авторов обращаться в своих произведениях к национальным традициям еврейства были ограничены не только необходимостью учитывать антисемитские настроения читателей и требования цензуры: действительность уже не давала для этого жизненного материала. Отсюда известная повторяемость у весьма непохожих художников сходной сюжетной коллизии — *знакомства с еврейским миром* (или вариантом такого знакомства — воспоминанием о давно минувшем и забытом). У Василия Гроссмана в «Жизни и судьбе» ассимилированная Софья Левинтон встречается с миром местечка в душном вагоне, везущем евреев в лагерь смерти. В том же романе шестилетнего Давида перед самой войной привозят в украинско-еврейский городок, где звучит еврейская речь, где старцы в молитвенных одеждах идут в синагогу, где бабушка несет зарезать курицу старичку в ермолке. У Бориса Ямпольского в повести «Табор» (1971) автобиографический герой приезжает в городок, где когда-то было его родное местечко, и встреча с руинами еврейского мира будит воспоминания о том, каким он был прежде. У Израиля Меттера интерес к этнической специфике реализуется в воспоминаниях о своей еврейской родословной.

Приезд Ксаны, героини повести «Солнечная сторона», в незнакомую Одессу представляет собою встречу и знакомство с современным еврейским миром. Как Бердичев для Василия Гроссмана, как старый Харьков для Израиля Меттера, как местечко под Киевом для Бориса Ямпольского, так Одесса 20-х — начала 30-х гг. была для Руфи Зерновой главным источником ее еврейских впечатлений. В те годы евреи составляли здесь от 30 до 36 процентов населения³⁹. Одессу отличал «особенный, еврейско-русский воздух»⁴⁰. Особая еврейско-русская атмосфера этого города была мифологизирована во многом благодаря творчеству писателей так называемой юго-западной школы, и в первую очередь — творчеству И. Бабеля и И. Ильфа и Е. Петрова. Примечательно, что героиня «Солнечной стороны» упоминает о писателях-одесситах как источнике своих представлений об Одессе, и это упоминание призвано было вызвать у читателя ассоциацию с колоритным национальным миром былой Одессы.

Об особенном «еврейско-русском воздухе» Одессы читателю

«Солнечной стороны» напоминает обилие еврейских имен, которые слышит вокруг себя приехавшая из Ленинграда студентка Ксана.

Первая фраза, услышанная ею в Одессе, однозначно ассоциировалась с еврейством: «Гарик Левинтон, твоя мама ждет тебя на трансляционном узле!» Эмик, Роза, Мика, Люсик — эти непривычные для русского уха имена постоянно звучат в семье, где поселилась девушка. Автор сочла нужным особо акцентировать непривычность имен сыновей квартирных хозяев, включив размышление Ксаны над именем старшего сына Елены Матвеевны: «...Мика (что за имя?! Михаил, наверное)» (с.10). Намеком на еврейство Кордаковых призван был служить выражено неславянский облик младшего сына, Люсика: «черный, курчавый, с томно-огненным взглядом, похож на свою мать во всем, но больше всего — неукротимым темпераментом» (с. 10).

Однако не только эти немногие приметы служат в повести опознанию еврейских персонажей.

В исследовании, опубликованном через два десятилетия после выхода повести Руфи Зерновой, проф. Цви Гительман свидетельствовал, что в послесталинский период в СССР «еврейство определялось неформально и неофициально, социальными характеристиками, а не культурой в узком смысле слова». Исследователь называет такие «неформальные» приметы советского еврейства, как концентрация в больших городах, особый стиль жизни, особое проведение свободного времени, высокий уровень образования, преимущественное занятие наукой и искусством, специфический юмор⁴¹.

Приметы, отобранные автором «Солнечной стороны» для национальной характеристики семьи Кордаковых, могли бы служить иллюстрацией этих положений. Один из персонажей, имея в виду евреев, иносказательно называет их «горожанами». За чрезмерным беспокойством Елены Матвеевны об образовании сыновей; за ее упорными усилиями заставить младшего музицировать вопреки его желанию; за ее стремлением определить сына только в лучшую школу; за ее заботой о продолжительности музыкальных упражнений старшего сына, уже кончающего консерваторию, — особое отношение евреев к образованию как едва ли не единственному способу самоутверждения в условиях национальной дискриминации. Мотивы выбора матерью профессии для сыновей не связаны с их склонностями: младший вовсе не расположен к музыке. Женщина исходит только из того, какая

профессия может быть доступна для них, может позволить ее сыновьям преуспеть: «...когда-то из Одессы выпорхнула и сразу взмыла «стая славных» — Гилельс, Ойстрах и еще многие. И слава их до сих пор будоражит сердца одесских матерей: а вдруг?» (с. 10). Имена прославленных музыкантов-евреев указывают на еврейский опыт как основу для подобного выбора. В таком контексте «одесские матери» — очевидный синоним понятия «еврейские матери».

Национальной идентификации служит и иронический тон, в каком Елена Матвеевна говорит о черте своего облика, составляющей непрременную часть антисемитского стереотипа еврейской внешности. Ее муж вспоминает о знакомстве с будущей женой: «А тут каникулы, а вот она... в Ленинград приехала. Худенькая тогда была, одни глаза». «Нос, между прочим, тоже!» — не без юмора уточняет Елена Матвеевна (с. 40). Речь Елены Матвеевны насыщена безошибочно узнаваемыми еврейскими интонациями: «...как он хочет поступать в эту школу! Я смотрю на этих хулиганов, так с меня прямо куски падают!» (с. 11). Или: «Смотри на него! И он еще хочет быть космонавтом, а не музыкантом!» (с. 69) и т. п. Этот женский персонаж олицетворяет стереотип «еврейской мамы». Неусыпная забота и постоянное беспокойство о сыновьях составляют доминанту образа. Примечательно, что возникновение подобной доминанты автор также связывает с еврейским опытом. Елена Матвеевна объясняет Ксане, что страх за сыновей появился у нее после того, как, вернувшись в освобожденную от немецкой оккупации Одессу, она узнала, «что здесь делали с детьми... с маленькими грудными детьми» (с. 92)⁴².

Таким образом, опознание еврейских персонажей в повести базируется не на национально-культурных особенностях, не на приметах «исконной этничности», но преимущественно на неких социально-психологических характеристиках, сложившихся в специфических условиях существования советского еврейства.

«Солнечная сторона» отразила интерес писательницы к сохранившимся у современных евреев этническим традициям. В период работы над повестью воплощение такого интереса в подцензурном произведении было отнюдь не простой задачей. Несмотря на то, что культурная ассимилированность большинства советского еврейства стала свершившимся фактом, советская цензура продолжала бдительно следить за недопущением к публикации упоминаний об этнической специфике евреев. В исследовании о репрессивных санкциях против изданий, касав-

шихся еврейства, А. В. Блюм приводит данные о том, как в 1957 г. был опубликован альбом литографий А. Я. Каплана, иллюстрировавшего «Заколдованного портного» Шолом-Алейхема. После его выхода в свет ответственные за публикацию альбома были подвергнуты наказаниям по партийной и административной линиям: среди прочего им вменялось в вину, что альбом отразил «чрезмерное внимание к узконациональным деталям». Перед самым опубликованием «Солнечной стороны», в 1966—1968 гг., были запрещены к прокату фильмы А. Аскольдова «Комиссар» и Г. Полок «Интервенция», содержавшие такие «узконациональные детали»⁴³.

Писатели-евреи, касавшиеся этнических традиций и желавшие увидеть свое произведение напечатанным, должны были тщательно просеивать еврейский материал. Борис Ямпольский, создававший повесть «Мальчик с Голубиной улицы» (1959) во времена «оттепели», рассчитывая на ее опубликование (в отличие от повестей «Табор» или «Ваша явка обязательна», писавшихся заведомо «в стол»), вынужден был прибегать к некоему идеологическому «оправданию» еврейского материала. Включив в повесть описание пасхального седера, он привязывает к нему идею интернационального братства всех угнетенных. Глава о пасхальном празднестве в доме дедушки насыщена интернационалистской символикой: кули Ван жмет мозолистую руку местечкового кузнеца Давида; китаец во время рассказа о выходе евреев из Египта нянчит на руках «черноглазого, кучерявого соседского мальчишку» и хватается за гранаты, показывая, «как надо было поступить с фараоном»⁴⁴.

Изображая в разгар антисиионистской кампании еврейскую свадьбу в Одессе, Руфь Зернова вынуждена была предпринять нечто подобное. С этой точки зрения «Солнечная сторона» — это еще и историко-литературный документ, свидетельствующий об усилиях и ухищрениях писателя-еврея, желавшего прорваться к читателям с еврейским материалом сквозь антисемитскую цензуру и критику. В качестве заслона от неизбежных претензий писатель акцентирует «интернациональный» характер происходящего. Во имя этого рядом с преобладавшими на свадьбе «черноглазыми» дедушками и бабушками, рядом с отцом жениха с его «причудливо изогнутым носом» в свадебной толпе упоминаются «запорожские усы» одного из гостей, «светлый ежик и отчаянный теркинский нос» другого, а «еврейская мама» Елена Матвеевна, отплясав зажигательный фрейлехс, поет вятские ча-

штушки. Писательница не называет евреев, прибегая вместо этого к умолчанию или иносказанию. Заметив, что «седые черноглазые люди... смеялись и весело разговаривали — а когда замолкали, становились похожи на рембрандтовские портреты» (с. 72), автор далее постоянно именуется евреев «рембрандтами», как бы намекая на их принадлежность к некогда полнокровному и самоценному, как искусство Ренессанса, но уже ушедшему в прошлое еврейскому миру.

Внимание к немногим сохранившимся еврейским традициям (к примеру, к особенностям национального танца фрейлехс, с его характерными движениями — «большие пальцы рук, засунутые под мышки», «рука накрест на плече у партнерши» и т. п.) художественно оправдано позицией молодой повествовательницы, впервые попавшей на подобную экзотическую свадьбу. Однако эмоциональная окраска описания еврейской свадьбы принадлежит не приехавшей «извне» молоденькой героине: «Какая хорошая свадьба! Какая веселая! И как это тут устраивают, что нет пьяных?.. Не было здесь потухших, пожелтевших лиц, не было тяжелых пьяных разговоров» (с. 75). За скрытым в этой оценке противопоставлением еврейского веселья традиционному русскому и за явным предпочтением, которое отдается при этом еврейскому веселью, стояла еврейская самоидентификация автора. Она дает о себе знать в ностальгической ноте, то и дело возникающей при описании современной еврейской свадьбы. «Веселая» и «хорошая» свадьба — только жалкое подобие того, что ушло в прошлое. «Рембрандты» не без грусти вспоминают о былом: «раньше на такую свадьбу позвали бы оркестр музыкантов, да что я говорю! Два оркестра!..»; «раньше на свадьбе непременно подавался золотой бульон. Конечно, я уже так не умею, вот моя покойная мама варила!» Автору, а не молодой повествовательнице, принадлежит и чувство жалости при взгляде на старых «рембрандтов», танцующих свой национальный танец. В основе этого чувства — печаль по навсегда исчезнувшему национальному миру. Печаль автора по исчезнувшему национальному миру, хотя и выраженная в иной тональности, чем в бесцензурной повести Б. Ямпольского «Табор», чем в опубликованной после падения СССР повести И. Меттера «Родословная», объединяла Руфь Зернову с этими еврейскими писателями, причастными к пробуждению российского еврейства.

Антисемитизм был запретной темой в советской литературе. Историко-философское осмысление сути этого явления в романе

В. Гроссмана «Жизнь и судьба» многие годы не было известно читателям. Глава об антисемитизме была изъята даже из первой публикации романа в СССР, осуществленной уже в перестроечный период журналом «Октябрь» (1988, № 1—4). Не была доступна читателям 60-х гг. и касавшаяся проблемы антисемитизма повесть Израиля Метгера «Пятый угол», на двадцать лет осевшая в ящике авторского стола без надежды на публикацию. Материалы еврейского самиздата, содержавшие информацию об антисемитизме в СССР и смелые инвективы против него, стали распространяться подпольно с 1970 г.⁴⁵

В «Солнечной стороне» антисемитом представлен один из центральных персонажей — молодой человек по имени Виктор, сочетающий черты супермена из интеллигентной среды и уголовника. Не будучи знаком с Кордаковыми, он испытывает к ним неприязнь только из-за принадлежности этого семейства к «горожанам»: «Потомственные горожане. Не люблю потомственных горожан. Золотушный, гриппозный народ... Имею я право не любить горожан?» (с. 21). Ненависть к некоей человеческой общности в целом, вне зависимости от свойств конкретных индивидов, представляющих эту общность, не единственное, что объединяет Виктора с антисемитами. Он ненавидит в Кордаковых именно то, что традиционно приписывали евреям: «...семейство типичное. Небось вам здорово противно? И этот крик, и обязательная скрипочка, и — «Мои мальчики? Так они же гении!» Ох, до чего же я все это ненавижу!» (с. 20—21). Писательница представляет Виктора выразителем наиболее распространенных мифов бытового антисемитизма. Измышлением о том, что евреи во время войны отсиживались в тылу, вызван и вопрос Виктора о муже Елены Матвеевны: «А что, он воевал, ваш Леонид Петрович, или ковал победу в тылу?» (с. 21). Не осталось обойденным и приписываемое евреям сознание своего превосходства: «— А что, собственно, должно быть так противно? — спросила я... — Неужели не чувствуете? Пошлость, связанная с глубоким сознанием превосходства...» (с. 21). Не упомянув самого понятия «антисемитизм», Руфь Зернова, в противовес официальному толкованию, представила его не «пережитком прошлого», но непоколебимым убеждением и чувствованием вполне современного молодого человека, профессорского сына, «референта какого-то НИИ». Включив предвзятость к евреям в структуру наиболее отталкивающего персонажа, Руфь Зернова выразила свою оценку

бытового антисемитизма, как правило, замалчиваемого советской литературой.

Старшие современники Руфи Зерновой, размышляя над тем, что произошло с еврейством за годы советской власти, задумывались над степенью и характером его собственной вины⁴⁶. Отголосок таких размышлений находим и в повести «Солнечная сторона». Если старших современников писательницы занимал вопрос о вине евреев в сфере общественных отношений — автора «Солнечной стороны», произведения с любовно-детективным сюжетом и нравственно-психологической проблематикой, интересовали в первую очередь психологические мотивы поведения ее персонажей. В их числе — реакция Ксаны на бытовой антисемитизм. Хотя этот персонаж не отождествлен с еврейством, в данном случае, как это уже наблюдалось в повести, писательница наделяет эту героиню собственным мироощущением. После деклараций Виктора о своей нелюбви к «горожанам», после того как он в разговоре с Ксаной приписал семье Кордаковых весьма полный набор пороков, позаимствованных из антисемитских мифов, девушка испытывает чувство вины. Она угрызается тем, что принимала участие в таком разговоре и не сумела дать отпор нападкам Виктора: «...что-то мне чудилось, что я вела себя не так» (с. 99). «...Будь оно чуть получше, я не слонялась бы здесь со своими угрызениями; я бы полностью выдала Виктору все, что сейчас кипит в моей голове. Удивительно, какие колкие и остроумные ответы у меня сейчас набегают. Мама говорит, что это называется «треппенвитц» — лестничное остроумие. Выслушал ты всякие несправедливые вещи, повесил голову, вежливо попрощался и ушел. Только вышел на лестницу — и тебя осеняют разные мысли, и откуда только что берется» (с. 23). Психологическая основа внутренней неудовлетворенности и самообвинений персонажа — растерянность перед бытовым антисемитизмом, неспособность противостоять убежденной ненависти антисемита. Воссоздание такой разновидности еврейской вины было одной из граней проблемы, занимавшей старших предшественников писательницы. Само обращение к еврейской вине было типологической особенностью мировосприятия писателей-евреев, причастных к национальному возрождению.

Рассказы и очерки Руфи Зерновой, написанные после репатриации, составили пять книг. Четыре из них опубликованы в Израиле и США⁴⁷, выход из печати пятой книги состоится в 1998 г.

Широкие пласты жизненного опыта (и того, который не мог быть донесен до читателей в Советском Союзе, и того, который писательница обрела после репатриации), полная независимость от идеологических запретов и охраняемых цензурой стереотипов, ориентация на иных читателей, новый угол авторского видения — все это определило иное содержание и иную жанровую форму израильского периода творчества Руфи Зерновой.

С конца 70-х гг. по сегодняшний день основным жанром ее прозы является мемуарно-биографический рассказ. Писательница сохраняет главные эстетические особенности биографической прозы: «установка на подлинность, которая никогда не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности»; раскрытие в непридуманных фактах «латентной энергии исторических, философских, психологических обобщений»; превращение факта в «форму, образ, представителя идеи»; «открытое и настойчивое присутствие автора»⁴⁸; напряженный историзм⁴⁹. Эти черты мемуарно-биографической прозы объединены в ее произведениях с жанровыми особенностями «малой прозы» — новеллы и рассказа. Здесь сосуществуют идущие от новеллы выраженная проблемность и особая концентрированность художественных деталей с присущими современному рассказу свободным построением сюжета, свободным повествованием, позволяющими воссоздать продолжительность, неограниченность жизни⁵⁰. Сюжетные рамки ее мемуарно-биографических рассказов разомкнуты, открыты для одновременных фактов и воспоминаний, подчиненных ассоциативной логике. Свобода и видимая произвольность авторских ассоциаций, как будто бы противоречащие лаконичности и концентрированности «малой прозы», на деле лишь кажущиеся. Они позволили автору вольно оперировать материалом разных стран и эпох, следуя собственной художественной логике. Но за обилием ассоциаций биографического героя-повествователя неизменно стоит художественная целесообразность и строгий авторский отбор.

На жанровой специфике рассказов Руфи Зерновой не могло не отразиться освобождение от необходимости ориентироваться на массового читателя, воспитанного на определенных идеологических стереотипах. Они обращены к людям, в понимании и духовности которых она нимало не сомневается. Писательница исходит из внутренней убежденности, что ее читатели разделят с ней жгучий интерес к духовной жизни Ленинграда 30-х гг.; уловят юмор стихов Олейникова, улыбнутся прозвищу «маршакиды»

применительно к помощницам Маршака по Детгизу (рассказ «Я влюблен в Генриетту Давыдовну»); почувствуют высокий настрой строки «...Умбрии ласкающая мгла...», вынесенной в заглавие одного из рассказов; представят себе, как выглядел персонаж, вызвавший у повествователя ассоциацию с именем Эль Греко (рассказ «Пифке»). Автор не сомневается, что ее литературные и историко-культурные ассоциации, по своей численности не уступающие воспоминаниям из ее «лагерного» опыта, интересны читательской аудитории. Все это расширяло изобразительные возможности мемуарно-биографических рассказов писательницы.

Художественный мир произведений, созданных после репатриации в Израиль, выраженно мультикультурен. Эта его особенность уходила корнями в идущую еще из юности непреходящую увлеченность будущей писательницей русской и мировой классикой⁵¹; базировалась на раннем знании нескольких европейских языков и фундаментальном филологическом образовании; на открывшейся после репатриации возможности соприкосновения с недоступными прежде художественными ценностями и пластами мировой культуры. При этом существенно, что художественный мир Руфи Зерновой после репатриации вобрал в себя и элементы культуры мирового еврейства, отсутствовавшие в ее творчестве советского периода.

Еврейский аспект «израильских» рассказов Руфи Зерновой имеет две стороны. Первая из них — отображение судьбы и самосознания советского еврейства, преимущественно интеллигенции ее поколения (рассказы «Лена», «Элизабет Арден», «Время надежд», «Гликоль», «Суды», «Я влюблен в Генриетту Давыдовну», «Наши дороги домой» и др.). Антиеврейские кампании и суды над евреями, антисемитизм и его восприятие евреями на разных этапах советской истории, еврейский нонконформизм, психология евреев и их юмор — все это, увиденное глазами пронизательного очевидца и тонкого художника, представляет волнующий интерес не только для любителей хорошей литературы, но и для историка российского еврейства. Вторая сторона, составляющая предмет анализа в предлагаемой статье, — отражение в «израильских» рассказах Руфи Зерновой специфического национального самосознания русской писательницы-еврейки, ставшей израильтянкой.

Проблема национального самосознания современного еврейства, и собственной самоидентификации в частности, стала

объектом специального осмысления в рассказе «Попутчики», вошедшем в первый сборник Руфи Зерновой, написанный после репатриации и опубликованный в США⁵². Этот рассказ был создан в 1979 г., спустя три года после отъезда из России. Его сюжетная основа — беседа повествовательницы, персонажа биографического, с двумя французами, соседями по купе, в поезде Париж — Бордо. Хотя время действия ограничено продолжительностью пути, пространственно-временные и событийные рамки «Попутчиков» раздвинуты вкраплениями воспоминаний, сопоставлений, авторских ассоциаций, литературных реминисценций. Важная жанровая особенность этого рассказа — его диалогичность. В «Попутчиках» получают слово французские евреи, испанский филолог, недавний репатриант из России — поволжский немец, бывшая москвичка из Бостона, русская заключенная из сибирского лагеря, российские интеллигенты-евреи хрущевского периода. Им противостоит автор, говорящий устами автобиографического повествователя. Она выслушивает, отвечает, полемизирует с соседями по купе, реагирует на позиции разных лиц, возникающих в ее сознании по ассоциации. Диалогичность дает возможность сконцентрировать в ограниченных рамках рассказа наиболее актуальные проблемы современного еврейства. Диалогичность позволяет отразить многослойный исторический и историко-культурный опыт евреев и выразить авторское отношение к нему.

Одна из проблем «Попутчиков» — судьба и национальная специфика современного европейского еврейства.

В первых впечатлениях о соседях по купе, составляющих экспозицию рассказа, повествовательница исходит из сугубо литературных источников. Она видит в них подтверждение представления о французских буржуа, почерпнутого из романов Франсуа Мориака: «Пассажир был средних лет и одет по возрасту. Никаких джинсов: модная тройка, белоснежная рубашка, галстук. Бордо, страна Мориака, крупная буржуазия, крупные деньги, крупные дела. Все было похоже» (с. 76). С той же исходной позиции воспринимает она беседу, завязавшуюся между французами: «Мориак продолжался» (с. 76—77). Завязкой рассказа служит упоминание попугачиков о своем еврействе. Оно тотчас меняет угол авторского видения. Наметившееся в начале произведения моделирование этих персонажей как социальных типов (в данном случае — французских буржуа) с этого момента уступает место модели носителей национального сознания: все худо-

жественные средства, отобранные для их воплощения, отныне подчинены исключительно интересу к национальной специфике образов. С этого же момента берет свое начало один из конфликтов рассказа, базирующийся на противопоставлении разных типов еврейского самосознания — французских евреев сефардского и ашкеназского происхождения, с одной стороны, и израильтянки, «русской» еврейки, — с другой.

Национальные «координаты» автора и ее «alter ego» — повествовательницы обозначены в самом начале рассказа: «Мы из Иерусалима... То есть мы русские, но мы из Иерусалима. То есть мы русские евреи...» Особенность авторской самохарактеристики — осознанная неоднозначность национально-культурной принадлежности и выдвижение на первый план связи с Иерусалимом.

Национальное самосознание израильтянки, «русской» еврейки, является предметом особых раздумий писателя. В то же время оно составляет структурный элемент рассказа, воплощенный в разных компонентах его художественной системы: в авторских ценностях, соотносимых с ценностями персонажей; в отборе и акцентировке свойств действующих лиц; в развитии конфликта; в композиции и построении сюжета; в оттенках интонации и т. д. и т. п.

В частности, специфическое еврейское самосознание писательницы заявляет о себе в ее подходе к изображению французских евреев. Соседи по купе с самого начала дифференцированы как представители разных субэтнических групп еврейства. Во внимании к этнокультурным различиям между ашкеназом и сефардом, в их противопоставлении сказался уже израильский опыт писательницы, репатриировавшейся в середине 70-х гг., в разгар сложных взаимоотношений между выходцами из Европы и Северной Африки.

Характерные черты внешнего облика сефарда и ашкеназа обозначены с самого начала и затем многократно акцентированы: они используются в качестве формул узнавания этих персонажей — «блондин» и «брюнет». Однако основные различия между ними писательница видит в несходных проявлениях национального самосознания, мотивированных разными историческими судьбами ашкеназского и сефардского еврейства.

Доминирующим национальным свойством ашкеназа представлена его обостренная чувствительность к антисемитизму, уходящая корнями в пережитый Холокост: родители «блондина», уроженца Голландии и внука выходцев из Восточной Европы,

погибли в Освенциме, сам же он был спасен иезуитами. Настороженность к проявлениям антисемитизма характеризует повседневную практику «блондина», или «голландца», как его иногда именуется автор («я о-чень к этому внимателен», «я привык при-сматриваться»). Этой настороженностью определяется шкала жизненных ценностей ашкеназа — он отказался от работы в престижной фирме, заподозрив ее руководителя в антисемитизме. По той же причине ему не понравилась Америка: «Знаете, какой антисемитизм сейчас в Америке?» (с. 79). Его связь с еврейством базируется только на сознании общей национальной судьбы и общей опасности — антисемитизма. Устойчивость такой основы национальной самоидентификации продемонстрирована на жизненной судьбе этого персонажа и акцентирована повторением особого обстоятельства: воспитанный иезуитами, до двадцати двух лет ходивший в церковь, он по собственной воле все-таки вернулся к еврейству.

Не испытывший Холокоста сефард, выходец из Алжира, к антисемитизму нечувствителен. Концентрированным воплощением этого различия между ними служит весьма выразительная подробность: «брюнет» породнен с тем, с кем «блондин» не пожелал иметь дела, заметив в нем «что-то антисемитское». Зато там, где сефард приходит в волнение при упоминании об Израиле, его собеседник спокойно констатирует: «Я еврей, но не сионист».

Общность сефарда с еврейством основана на идущих от семьи, охраняемых матерью религиозных традициях. В разговоре с еврейскими спутниками он подчеркивает свою связь с «исконной» этничностью: говорит о привязанности сефардских евреев к иудаизму, упоминает о своих посещениях синагоги, живо интересуется Израилем и, по его словам, мечтает об Иерусалиме. Большая приверженность национально-религиозным традициям служит для сефарда основанием для противопоставления своей этнической группы ашкеназам: «Я, например, хожу в синагогу! Мы, сефарды, вообще очень привязаны к своей религии, больше, чем ашкеназийцы» (с. 79). Связь с религиозными основами еврейства доминирует в его национальной самохарактеристике. Как выясняется по ходу рассказа, эта связь больше декларируемая, чем действительная. Однако его самохарактеристика отражает представления французского еврея сефардского происхождения о норме, о должном поведении и чувствовании еврея, которых «блондин» уже лишен.

Противопоставляя два типа евреев, писательница не занимает

позиции стороннего наблюдателя. Национальная самохарактеристика «брюнета» подвергнута ненавязчивой, но последовательной дискредитации, а ценности, из которых исходит автор, обнаруживают специфику ее самосознания. Поведение и логика «брюнета» полны противоречий. Заявляя о своей мечте об Иерусалиме, о горячей приверженности Израилю, он никогда там не бывал и никогда туда не переедет, несмотря на желание матери: «Мы все очень хорошо устроены во Франции, и я, и мои братья...» (с. 78). Гордо противопоставляя сефардских евреев европейским, он в то же время: а) огорчен, что собеседник опознал в нем сефарда («...меня часто принимают за итальянца!.. Да, вот меня сразу принимают за итальянца, а вы сразу... Нет, я не скрываю, что я еврей» — с. 78); б) чувствует себя задетым, когда его, родившегося в Алжире, принимают за выходца из Марокко; в) основанием для превосходства своей алжирской общины над другими сефардскими общинами он считает то, что она — «самая *европейская*» (с. 79; курсив мой.— *P. I.*). В разговоре с евреями он кичится большей привязанностью своей общины к иудаизму, но, беседуя с неевреями, предпочитает не отвечать на вопрос о своем вероисповедании: «А если меня спрашивают: какой вы религии? — я спрашиваю: а вы? Это я всегда делаю, спрашиваю: а вы?.. По-моему, это очень правильно, спрашивать: а вы? В конце концов, я так же мало обязан отвечать, как он! Франция — свободная страна! Здесь можно быть кем угодно!» (с. 79). Негативное отношение автора к этому персонажу, заявляющее о себе в акцентировке ущербной логики, противоречий между словами и поступками, непоследовательности, позволяет судить о позитивных ценностях писателя: непоказном сионизме, национальном достоинстве еврея, согласии между разными субэтническими группами еврейства. Эти авторские ценности, особенно первая и последняя из них, предопределены новым, уже израильским опытом писательницы.

Критическое изображение национального самосознания сефарда не свидетельствовало о предпочтительном отношении автора к ашкеназу. В связи с этим персонажем автор задается вопросом о «перспективности», основательности еврейской идентичности, базирующейся только на чувстве национальной ущемленности и не связанной с традиционной этничностью.

Авторским ответом на этот вопрос служит вставной эпизод с поволжским немцем. В свою бытность в России он подвергался дискриминации, страдал от нее, мечтал о родине предков и

боролся за право вернуться в Германию. В России он чувствовал себя немцем. Оказавшись в Германии, поволжский немец ощутил себя чужаком: «Все, все было ему тут чужое — и больше всего язык...» То, что питало его национальные чувства в России, что «много лет составляло там содержание его жизни», — кончилось, а другое содержание «не пришло». Несмотря на выраженные черты этнического облика, позволившие повествовательнице и ее спутнику тотчас опознать в нем немца, «коренному» жителю Германии «профессору Л.» этот выходец из России не кажется похожим на немца: «Глаза другие. Или, точнее, из глаз другое» (с. 82). В контексте рассказа этот эпизод свидетельствует: национальная идентификация, базирующаяся исключительно на чувствах преследуемого национального меньшинства, неуниверсальна, в какой-то мере ограничена. Еще более несостоятельно национальное отождествление индивида исключительно на основании внешних примет, характерных для этнической общности.

Для автора «Попутчиков» неприемлемо убеждение «блондина», будто национальная самоидентификация определяется свободным выбором индивида. Факт, что четверо его детей ходят не в синагогу, а в церковь, его не тревожит: «Я тоже ходил в церковь до двадцати двух лет. И, как видите, остался евреем. Или, вернее, опять стал им... Все зависит от них самих...» (с. 80). Отношение писателя к возможности свободного выбора национально-религиозной принадлежности нашло воплощение во вставном эпизоде о «мусульманине по выбору». В молодости, оказавшись в Марокко, молодой человек «услышал призывы муэдзина и пошел в мечеть.— Может быть,— говорил он,— если бы меня позвали евреи...» (с. 83). Доминирующим свойством этого персонажа представлено отсутствие выраженного личностного начала: «Лицо у него русское, акцент польский, манеры американские, деньги швейцарские — он там работает» (с. 83). Произвольность и случайность национально-религиозного самоопределения в воспроизведении Руфи Зерновой — первое из проявлений этой негативной доминанты.

Автора занимают не только различия в национальном самосознании представителей разных субэтнических групп европейских евреев. Ее интересует и то, что их объединяет как евреев диаспоры.

При всех различиях, при несходных основаниях для причисления себя к еврейству, при разном национально-историческом

опыте оба этих персонажа чувствуют себя принадлежащими к одной общности. Они интересуются теми, кто еще принадлежит к ней: «А они перебирают: — ...Энрике Масиас тоже еврей. — ...Да неужели? Я не знал. Я знал, что Ги Беар... — Ну, этот — всем известно. Он ходит в синагогу» (с. 81). Автор видит в этом чувстве причастности к особой, отдельной общности специфическую черту еврейской идентичности в странах диаспоры. Отсюда — реакция повествовательницы, «русской» еврейки, на приведенный выше диалог французских евреев: «Похоже на наши разговоры в России». Интерес французских евреев касается не только еврейства их страны, но распространяется и на евреев других стран: оба они читали книгу Владимира Буковского и единодушны в ее оценке, оба осведомлены о положении советских евреев, оба со знанием дела обсуждают переговоры Бегина с Садатом, вздыхают при упоминании о палестинцах. Интерес к мировому еврейству — то, что объединяет столь несхожих французских буржуа с израильтянкой из России. Но наряду с этим особенностью современной европейской диаспоры автору видится активный процесс растворения в нееврейской среде. Воплощению такого представления автора служит особая сюжетная коллизия: оба спутника — последние евреи в собственной семье, на них обрывается их еврейский род. И сефард, и ашкеназ женаты на католичках, и тот и другой жалуются на связанные с этим проблемы, дети того и другого, вне зависимости от оснований еврейской самоидентификации отцов, ходят не в синагогу, а в церковь. Эта коллизия имеет символическое значение, содержит авторский взгляд на одну из перспектив европейского еврейства.

Автора интересует вероятность полного слияния евреев с народом, в среде которого они живут; возможность стран рассеяния стать подлинным домом для евреев; роль евреев в истории и культуре этих стран.

В возможности счастливого сосуществования евреев с иноэтничным большинством убежден удачливый французский буржуа сефардского происхождения. Он не желает замечать всего того, что могло бы свидетельствовать о чужеродности евреев в странах проживания, его радует каждый факт доброго отношения к ним со стороны неевреев. Отсюда его жаркие уверения, что руководитель компании, заподозренный ашкеназом в антисемитизме, — не антисемит; что графиня, помогавшая его семье, — исконная французенка, не связанная национальной общностью с теми, кому она оказывала поддержку; что в Испании евреям-сефардам

сразу дают гражданство и пр. Как и французский еврей, в свою неразделимость с Россией уверовал и недавний репатриант из Советского Союза, именуемый «иерусалимским знакомым». Пожив в Израиле, он вдруг почувствовал: «Я там был дома... — Там, на Третьей Мещанской! Я рвался сюда, я был сионистом! А теперь я понял — я русский» (с. 84). Писательница вновь и вновь убеждает читателя в прочности связи евреев со страной их рождения. Именно такую художественно-смысловую функцию в «Попутчиках» выполняют воспоминания испанца, бывшего комиссара республиканской дивизии, о том, как сорок лет назад в Болгарии он встречал евреев, изгнанных из Испании в тот год, когда Колумб открыл Америку. Они сохранили испанский язык, сходство с испанцами, ключи от своих домов в Толедо и веру, что вернуться туда, где, по их убеждению, они, как и «иерусалимский знакомый» в России, «были дома».

Привязанность и любовь евреев к стране рождения и ее народу вовсе не означают, что такое отношение было взаимным, — это убеждение писательницы обосновано в рассказе весьма широко и многосторонне. Авторскую позицию концентрированно отразил язвительный вопрос повествовательницы к «иерусалимскому знакомому»: «А в России вас считали русским?» В этом вопросе — и отмежевание от позиции персонажа, и убежденность в том, что иноэтничное большинство в диаспоре неизбежно отторгает евреев как чужаков.

Содержание, последовательность и логика авторских ассоциаций обнаруживают ее позицию не менее выразительно, чем прямые суждения. Ее ассоциации не знают временных и географических границ, затрагивают разнообразные исторические, идеологические и культурные слои человеческого опыта.

Опровержением оптимистичного взгляда на судьбу евреев в странах рассеяния служат рассуждения испанского знакомого, специалиста по арабо-еврейским влияниям на испанскую культуру.

Литературное противостояние писателей XVI — начала XVII в. и взгляд на него современного испанского интеллектуала обнаруживают сходное отношение к евреям как к инородному началу. Арабофил, испытывающий к евреям неприязнь, не отрицает их влияния на испанскую культуру. «Новых христиан», как в Испании называли крестившихся в XIV—XV вв. евреев, причисляемых к ним писателей Сервантеса, Рохаса, Гонгоры⁵³, современный ученый-арабофил по-прежнему именует «острыми и беспокой-

ными». Эти их качества он противопоставляет «спокойствию, степенству и неторопливости» «старых христиан», то есть коренных испанцев. Отражившаяся в испанской литературе средневековья неприкрытая вражда к крестившимся евреям, с их «другим» чувством юмора и взглядом на мир, видится автору рассказа симптомом явления общеевропейского и вневременного. В этом убеждает художественная логика писательницы, в соответствии с которой отобраны и вмонтированы в текст разнообразные внесюжетные эпизоды и факты. Упомянув впервые об испанских «острых и беспокойных», Руфь Зернова как бы между прочим, в скобках, сообщает: («Сейчас в России говорят "шустрые"» — с. 88). Мимоходом брошенное замечание сообщает факту — отношению к евреям как к чужакам — значение явления, не имеющего временных рамок и географических границ. В этом призван убедить и московский эпизод 1953 г., возникший по ассоциации с рассуждениями недолголюбившего евреев арабофила, с враждебностью к «новым христианам» в старой Испании. Советская школьная учительница реагирует на усмешку ученика с фамилией, похожей на еврейскую: «Чему вы улыбаетесь, Визен? Ирония — не русская черта» (с. 90). Разновременные факты, имевшие место в разных странах, призваны были убедить читателей в непреходящем отношении к евреям как инородцам, в невозможности их слияния с народами стран рассеяния.

Руфь Зернова не обошла вниманием иллюзию, весьма распространенную в среде европейского еврейства в XX в., — будто конец их отчуждению способны положить политические движения, начертавшие интернационализм на своих знаменах. Дискредитации этой иллюзии служит эпизод периода интернациональной борьбы с испанским фашизмом. Солдат-республиканец рассказывает советскому военному переводчику Исааку Цукернику о том, что «видел еврея» (с. 91), догадавшись о его еврействе по тому, как тот молился. Эпизод завершается диалогом: «— И что же ты сделал? — А ничего. Все равно в той деревне уже ни церкви не было, ни падре — кому скажешь? — А надо было сказать? — Ну, все-таки... С виду никогда не подумаешь. Такой, как все». Испанский солдат-антифашист конца 40-х гг. нынешнего века, как и авторы протоколов Святой Инквизиции в XIV—XV вв., как и «старые христиане» в XVI—XVII вв., как и образованный арабофил в конце 70-х гг. XX в., как советская учительница начала 50-х гг., убежден: евреи — не «как все».

Предлагаемое автором рассказа решение проблемы «еврейст-

во и страны рассеяния» базируется на ее собственном совокупном опыте израильтянки, европейски образованного интеллектуала, «русской» еврейки. Этот совокупный опыт определяет ее оппозицию по отношению к обоим французским евреям, один из которых не верит в возможность равноправной интеграции своих соплеменников в среду других народов, но при этом равнодушен к Израилю, а другой, проявляя видимый интерес к Израилю, уверен, что страны рассеяния, в частности Франция, — благополучный и надежный дом для евреев. «Я скажу вам правду: нигде бы я не хотел жить, кроме Франции», — признается сефард. И его позиция сходна с позицией испанских евреев, более трех веков хранивших ключи от своих домов в Толедо, — они тоже нигде не хотели бы жить, кроме Испании. Альтернативная точка зрения автора аргументирована, логика неопровержима, тон уверен и ироничен благодаря израильскому опыту, из которого она исходит: у евреев есть настоящая родина.

Автор «Попутчиков», однако, не считает, что все евреи должны жить только в Израиле. Коснувшись проблемы «евреи и страны диаспоры», она соглашается с утверждением Бердяева: евреи — «дрожжи в любом обществе» (с. 85), но подвергает это суждение своему осмыслению, основанному на упомянутом собственном опыте. Именно такой опыт позволяет Руфи Зерновой избежать национальной узости, с одной стороны, и «растворения» в мультикультуры — с другой.

Писательница убеждена: процесс воздействия евреев на историю и культуру стран их проживания — процесс обоюдный: «Мы говорим самодовольно: Египту мы дали Иосифа, Польше — Мицкевича, Испании ... ну, скажем, литературу «новых христиан». Только надо помнить, что не было бы Иосифа без Египта, и Мицкевича без Польши, и Дон Кихота без Испании. Потому что сами по себе дрожжи теста не дадут» (с. 85)⁵⁴. Убеждение в обоюдности культурного взаимообогащения обретает в рассказе объемность благодаря реминисценции из исследования Америко Кастро (1885—1972) «Испания в ее историческом развитии. Христиане, мавры и евреи», датированного 1957 г. Испанский филолог и историк культуры показывает, что характерное для XVI в. противостояние «старых» и «новых» христиан, «межкастовые» связи между ними сделали из испанской цивилизации нечто единое и неповторимое. Однако позиция автора «Попутчиков» отличается и от выводов испанского филолога, и от взгляда русского философа.

Основой этого различия является еврейское самосознание, идущее от обобщенного национального опыта, включая его древнейшую историю, отраженную в Танахе.

«Вечный жид», извините, как вы это понимаете? — спрашивает русская женщина, отбывавшая вместе с автором срок в сибирском лагере. Ответ на этот общий вопрос в рассказе неразделим с ответом на конкретные вопросы французских и израильских собеседников о причине отъезда автобиографической героини из России. Автор вновь и вновь поясняет, что причина исхода из СССР вовсе не отсутствие квартир и телевизоров и не желание устроиться получше. Причина исхода — основанное на «пресловутой народной памяти» осознанное или неосознанное массовое ощущение — «пора, дело сделано, роль сыграна», «наша жизнь в России кончилась» (с. 101).

Писательница убеждена: то же чувство испытывали испанские евреи XV в. и «те, в Египте, у которых горшки с мясом так и остались дымиться на огне». «Одних выгнали, другие ушли сами, одни были рабами, другие — банкирами. Ни те, ни другие не хотели уходить, но — ушли. Не могли не уйти» (с. 100). Ощущение общей еврейской судьбы, с библейских времен до современности, чувство причастности к древнему народу составляют важную особенность национального самосознания автора.

Другой его важнейшей стороной явилось восприятие Израиля как национального дома. На нем базируется ее противостояние «попутчикам».

С решением проблемы «евреи и диаспора» связано название рассказа. Оно имеет символическое значение, являет собою своеобразную оценку обобщенной судьбы еврейства в диаспоре. Семантика слова «попутчики» — временно движущиеся рядом, те, кто следует вместе с идущими только часть пути, не объединяясь, не сливаясь с ними. Такова, как явствует из рассказа, историческая позиция евреев диаспоры, хотя они того или не хотят. Их историческая роль — нести «молодым нациям свой старый, свой вечный заквас» (с. 101). Рано или поздно эта роль оказывается исчерпанной, рано или поздно наступает момент, когда им — «пора». Но такая оценка судьбы еврейства в рассеянии не придает рассказу пессимистического звучания.

Отношение к Израилю составляет предмет особых раздумий автора. На дважды прозвучавший вопрос: «вам нравится в Израиле?» — повествовательница отвечает одним и тем же восклицанием: «О да!» Содержание и эмоционально-экспрессивная форма

ответа, как и причина такого ее отношения к стране далеких предков, представляют собой откровенную оппозицию «иерусалимскому знакомому», видевшему своим домом Россию. «Мы там дома», — говорит об Израиле автобиографическая героиня (с. 83). Эта фраза проходит сквозь весь рассказ, звучит то в ответе французскому буржуа, то в разговоре с «мусульманином по выбору», то повторяется как связующее звено при переходе от французских впечатлений к разговору об Израиле, вновь и вновь утверждая самоотождествление автора со страной Израиля.

Восприятие Израиля еврейкой из России как своего дома противопоставлено не только взгляду «иерусалимского знакомого», но и позиции целой группы персонажей, с каждым из которых автор устами повествовательницы ведет прямую или подразумеваемую полемику. Америка за пять лет не стала домом для «москвички из Беркли» («...мы не стали американцами» — с. 84). Германия не стала домом для поволжского немца, так упорно добивавшегося права вернуться на землю предков («...мы здесь совершенно одиноки... Не с кем слова сказать» — с. 82). «Мусульманину по выбору», сыну эмигрантов второй волны из России, выросшему в Америке, ощущение дома неведомо вовсе.

Связь с Израилем автора и ее биографического персонажа основана не на общности языка и, стало быть, не на общности культуры. Повествовательница весьма невысоко оценивает свое знание иврита, а реагируя на откровение «москвички из Беркли», признается: «Наш телефон тоже звонит по-русски». Источники ее информации о мире не израильские «масс-медиа»: «По телевидению смотрим «Французский час» и английские детективы» (с. 85). Ее чувство общности не базируется и на национально-религиозном образе жизни: «Я не зажигаю свеч — не хожу в синагогу — не знаю молитв, негодую на отсутствие транспорта по субботам». Однако, глядя в лицо «человека в шляпе», ведущего за руки по знойной улице июльского Иерусалима маленьких девочек в толстых чулках и зашнурованных ботинках, повествовательница видит в нем «лицо своего деда, своего отца, своего дяди, своего одноклассника в советской одесской школе» (с. 85). Оно определяется чем-то глубинным, труднообъяснимым: «то, что идет из глаз,— знакомо, узнаваемо, передает, сообщает какой-то знакомый код» (с. 85). Существует неоспоримая соотнесенность по контрасту между узнаванием «русской» израильтянкой некоего «кода», читаемого во взгляде религиозного еврея на иерусалимской улице, и ощущением немецкого

«профессора Л.», который видит в глазах поволжского немца только чужое: «из глаз другое».

За отстраненностью биографического повествователя от национально-религиозного образа жизни стояло не только светское семейное воспитание и образование писательницы, не только довлевшая многие годы советская идеология. Отход русско-еврейской интеллигенции от иудаизма имел давние корни. Они уходили в историю российского еврейства начиная с эпохи Гаскалы. Эта тенденция особенно укрепилась после 1881 г., с началом погромов в Российской империи, когда русско-еврейская интеллигенция пыталась решить еврейский вопрос не путем возвращения к традиционному иудаизму, но с помощью радикальной идеологии, сочетавшей национализм и социализм⁵⁵. И вопреки столь давней традиции отстраненности русско-еврейской интеллигенции от иудаизма, вопреки полностью атеистическому воспитанию, после репатриации писательница оценивает исключительную роль иудаизма в сохранении евреев как народа не только в прошлом, но и в будущем. Вспомнив чью-то мысль о религиозном еврействе — «это наше мясо», Руфь Зернова вносит в нее свое уточнение: «Не мясо — хребет... Не будет этого хребта, не будет окостенелого позвоночника — все размякнет, расплывется, растворится в национальном перегное» (с. 85). Такая позиция была невозможна без израильского опыта писателя, без отождествления себя с мировым еврейством.

Израильский опыт автора вовсе не безоблачен. Она иронизирует над склонностью части евреев в рассеянии к идеализации Израиля. Несостоятельность такой идеализации составляет содержание эпизода в ленинградской пересыльной тюрьме 1949 г., где польская еврейка восторженно рассказывала об израильтянах: «Вы думаете, это такие же люди? Вы знаете, какая там молодежь? Это полубоги! Рослые, сильные, прямые! И знаете, что удивительно? Они блондины!» (с. 87). Вопреки польской еврейке автор знает негативные стороны израильской действительности, и самой неприглядной из них ей видится межэтническая разобщенность евреев в еврейском государстве. Оценка такого явления — в аналогии между переживаниями двух еврейских девочек: израильтянки и еврейки в России. Восемилетняя израильская девочка жалуется: «Мама, почему я ашкенази?.. Я не хочу быть ашкенази. Я хочу быть сфарадит». Это побуждает автора вспомнить жалобу еврейской девочки в России: «Мама, разве я еврейка?.. Я не хочу быть еврейкой. Я хочу быть как все» (с. 86). Свобода от иллюзий

при взгляде на еврейское государство делает тем более впечатляющим авторское восприятие Израиля как своего дома.

В финале рассказа звучит еще одна важная идея, отразившая самосознание израильтянки, озабоченной судьбой своего народа, часть которого уже «вернулась». «Пригодится ли он здесь, дома», — спрашивает повествовательница об этом «старом, вечном заквасе». Условие, при котором еврейство у себя дома, в Израиле, не потеряет себя, сохранит свою специфику, свой старый, свой «вечный заквас», — возможность использовать его «здесь, дома».

Рассказ «Попутчики» запечатлел существенные изменения еврейского самосознания автора. Ее ценностные критерии теперь сопряжены с ее представлениями о национальном достоинстве, интересах, благе евреев. Этические ценности израильтянки, освободившейся от национальных ограничений, определяют ее критическое отношение к французским евреям, к учительнице-антисемитке, к испанскому ученому-арабофилу, к российскому еврейству с его «пониманием» антисемитов, к канонизированным литературным классикам: «Как мы любим понимать! Понимаем Гоголя (как Янкель понимал Тараса Бульбу), понимаем Тургенева, понимаем Чехова. Понимаем Булгакова, понимаем Хемингуэя... который на заре тридцатых годов вошел в славу, объяснив восхищенному читателю, что не любит он еврея Кона просто потому, что он такой, — не любит, и basta!» (с. 93—94). Столь несхожие писатели объединены негативной оценкой автора, в основе которой — ее национальные чувства, ее открытое неприятие предвзятости к евреям. Национально-этические ценности превалируют у писательницы над иными критериями оценки. В упоминавшемся эпизоде с евреем в шляпе, ведущим по знойной иерусалимской улице двух девочек в толстых чулках и зашнурованных ботинках, первоначальное отношение к ним базируется на общих эстетических представлениях о современной моде, на соображениях удобства («я их жалею и возмущаюсь нелепостью их вида»). Однако эти критерии оценки отстают перед критериями национально-этическими: «И я думаю, что без них мы не были бы собой... Может, одна из этих девочек в ботинках родит человека, который забродит и пойдет бродить по миру, оставляя на пути свои дрожжевые грибки, свой заквас. И будет вино для всех...» (с. 85).

Традиции русской литературы были определяющими и превалирующими в творчестве писателей-евреев в русской советской литературе. Идеалы, стереотипы, реминисценции преимущест-

венно из русской классики определялись не только тем, что писатели-евреи были воспитаны на русской культуре, но и ориентированностью их произведений на русских читателей.

Рассказ «Попутчики» уже не обнаруживает преимущественной концентрированности автора в сфере русской культуры. Здесь отчетливо видна мультикультурность художественного мира писательницы. Ее художественное видение, ее восприятие и объяснение мира опираются на широкий духовный и культурный опыт многих народов, в том числе и еврейского. Представления о французских буржуа, почерпнутые из романов Франсуа Мориака, отношение к «новым христианам» в испанской литературе XVI в., нелюбовь Хемингуэя к еврею Кону, образы из Танаха и т. п. у автора «Попутчиков» так же служат осмыслению еврейской проблематики, как ассоциация с тургеневским стихотворением в прозе «Старуха» (1878) или реминисценция из стихов Булата Окуджавы. В национальном мироощущении писательницы, запечатленном в ее произведениях израильского периода, можно видеть компоненты, отсутствовавшие в ее прежнем творчестве.

В национальном мироощущении писательницы, запечатленном в ее произведениях израильского периода, можно видеть компоненты, отсутствовавшие в ее прежнем творчестве.

Вся художественная система рассказа «Попутчики» отразила новый этап в национальном самосознании писателя. Иная, чем прежде, проблематика, иной угол художественного видения, иные этические ценности были предопределены новым национальным самоопределением писательницы, израильянки, еврейки из России.

Отношение писательницы к Израилю, к Иерусалиму имеет иную основу, чем ее привязанность к Одессе, где она родилась и выросла, с которой связана светлыми воспоминаниями детства и юности. К земле Израиля, к его холмам она испытывает *«странное живое чувство»*, которое определяет как *«чувство принадлежности, общности, кровности»* (с. 19). Это для нее та самая *«историческая территория, или отечество»*, с которой связаны *«общие мифы и историческая память»*, составляющие, по Энтони Смиту, одну из *«фундаментальных особенностей национального самосознания»*⁵⁶.

Творчество писательницы, ощутившей своим домом — страну далеких предков, себя — причастной к мировому еврейству, не утратившей при этом связи с российской культурой и продолжающей писать по-русски, являет собою особый феномен.

Ощущение страны Израиля как главного для себя места на земле нашло отражение в заглавии сборника «Израиль и окрестности». Только в одном из четырнадцати рассказов этого сборника основным местом действия является Израиль (рассказ «Лаборантка Орна»). События в прочих разворачиваются то в старой Одессе, то в Ленинграде, то в исправительно-трудовом лагере Хабаровского края, то в Америке. Объяснение заглавия содержится в рассказе «Изумрудный перстень» (1983), с мягкой иронией рисуя нравы и характеры современных американцев и не связанном с еврейской проблематикой. О возвращении в Израиль здесь сказано: «Мы вернулись в страну. Здесь не говорят «в Израиль», просто говорят «в страну». Словно только одна страна и есть на свете, а все остальное — окрестности»⁵⁷. Названием сборника писательница декларировала свое отношение к Израилю как к главному для нее месту на земле, солидаризировалась с любовным взглядом израильтян на свою маленькую и для многих из них не так уж давно обретенную страну. Восприятие ее как отечества, как национального дома призвана акцентировать и композиция сборника. Его открывает рассказ «Попутчики», где впервые прозвучало утверждение: «Мы здесь дома». Завершает сборник большой рассказ с красноречивым заглавием «Наши дороги домой» (1990), где дом — еврейское государство.

Ощущая себя частью этого государства, писательница не может не задумываться о специфике живущих здесь людей, о том, что Энтони Смит выразительно назвал «моральной географией»⁵⁸. Рассказ «Наши дороги домой» открывает описание израильского детского сада, жизнь которого повествующий автобиографический персонаж наблюдает из окна квартиры в иерусалимском квартале. Писательница сочла необходимым напомнить своим читателям о другом детском саде, рассказ о котором составил содержание ее давнего произведения «Длинное-длинное лето» (1967). Различия в подходе к изображению детей в советском и израильском детских садах весьма выразительны. Там интерес повествовательницы к своеобразной личности каждого малыша объяснен особыми обстоятельствами собственной судьбы — вынужденной пятилетней разлукой со своими детьми: «...своих детей в этом возрасте я не видела. Рассталась с ними, когда старшей было четыре года, а младшему — два, а встретила опять уже школьниками. Их детство мне недодано, — потому, наверное, меня так интересуют чужие»⁵⁹. Внимание к индивидуальности малышей в раннем рассказе было также обусловлено его общим

замыслом — идеей активной доброты, единственной позитивной силы, на которую на том этапе творчества уповала писательница. Неповторимая индивидуальность каждого ребенка была своеобразной мотивацией необходимости такой доброты.

В «Наших дорогах домой» интерес к детскому саду в Иерусалиме имеет иную основу: автор концентрирует внимание не на индивидуальности — на *общих* особенностях поведения израильских детей, за которыми она улавливает специфические черты психологии и морали израильтян. Все дети — блондины и «чернокудрявые», в кипах и без них — не агрессивны: «ни разу не видела я, чтобы дети играли в войну. Это в агрессивном Израиле». И чтобы «укрупнить» это наблюдение, сообщить замеченному свойству всеобщность, типизировать его, писательница приводит недавно услышанное суждение «новых олим»: «Подумать только! Тут дети не играют в войну!!»⁶⁰ Руфь Зернова отнюдь не равнодушно относится к особенности, которую считает специфической для своего народа, — его миролюбию. Ирония в адрес тех, кто обвиняет Израиль в агрессивности, интонационное оформление суждений «новых олим», несвойственная автору патетичность фразы, завершающий пассаж о детском саде («Так и тянет сказать: свободные дети на своей земле»), — все это было проявлением национального мироощущения «русской» израильтянки.

Израильские рассказы Руфи Зерновой обнаруживают новый для писательницы интерес к судьбе еврейской культуры в России. В «Наших дорогах домой» она задается вопросом: «А собственно говоря, кем мы были? Евреями, воспитанными на Пушкине? Евреями по названию — без религии, без обрядов, без языка? Евреями, принявшими культуру за религию? Усвоившими культуру вместо религии?» (с. 263). По-своему отвечает на этот вопрос рассказ «Все обеты» (1988). Национально-культурное достояние, о котором здесь идет речь, — древнее искусство канторского пения.

Между «Попутчиками», созданными девятью годами ранее, и этим рассказом существует несомненная связь.

Отношение автора к предмету изображения декларировано уже в самом начале произведения: речь пойдет о том, что она долго «откладывала в *заветный* ящик...» (курсив мой. — Р. Г.)⁶¹.

Биографический персонаж, тринадцатилетняя девочка начала 30-х гг., становится свидетельницей того, как бабушка ее любимой подруги Милки обучает канторскому пению (хазануту) молодого человека, наделенного редким «оперным» голосом. Мать

Милки и обе девочки не понимают талантливого певца и пытаются убедить его поступать в консерваторию. Конфликт между евреями представлен не столько как противоборство сторон, сколько как контрверза — непреодолимое расхождение, разногласие между ними. Хотя непосредственным поводом для разногласия служит выбор, сделанный одаренным певцом, суть расхождения между двумя группами евреев — в несходном отношении к судьбам еврейства. Именно с этим различием связана сформулированная бабушкой дилемма «Бог или шансонеткес»: верность непреходящему — вековечным национальным основам, с одной стороны, и отказ от них ради ложных ценностей, ради сиюминутного, легковесного, преходящего — с другой.

Время основного действия обозначено в рассказе немногочисленными целенаправленно отобранными приметами. Все они характеризуют этот период исключительно с точки зрения отношения к иудаизму. Именно такова функция несколько раз повторенной подробности: окно, выходящее на улицу, тотчас закрывали, как только бабушка и его ученик начинали напевать мелодии хазанута. Выразительной характеристикой эпохи служат мотивы, побуждавшие тринадцатилетнюю девочку никому не рассказывать о том, что она видела в доме у подруги. Она молчит, потому что не хочет повредить Милке «эстетически»: еврейское ритуальное пение бабушки и его ученика «ощущалось как безобразное, смешное и немного постыдное» (с. 51). Но основная причина молчания была «политическая». Девочка не могла позволить себе распространяться об этом, как не смела бы на уроке обществоведения рассказать о критических рассуждениях няни о советской власти. Психологическая мотивировка поведения еврейской девочки-подростка начала 30-х гг. концентрированно выразила отношение государства и общества к иудаизму. В то же время эта мотивировка опосредованно отразила состояние еврейского мира в советской России той поры, в своем большинстве отвернувшегося от своих этнических основ, от своей древней культуры. Такая характеристика времени в рассказе расширяла частный конфликт до масштабов конфликта национально-исторического.

Противостоящих друг другу персонажей,— мать Милки, с одной стороны, бабушку и его ученика — с другой,— автор наделила рядом сходных особенностей. Женщина, как и ее отец (бабушка), как и молодой певец, хорошо знакома с традициями, с ритуальным пением. Как и они, мать Милки обладает музы-

кальным даром: сам дедушка соглашается с ней, когда она замечает неточность в исполнении «Кол нидрей». Подобно тому как ее отец был наставником и авторитетом для молодого певца, так и мать Милки хотела быть для дочери и ее подруг «чем-то вроде нашей вожатой»: «она была в курсе всех дел, советовала, рассказывала сама» (с. 48). Некоторое сходство между противостоящими сторонами делает тем более очевидными различия между ними. Верность старика и его ученика древней традиции канторского пения, не замутненная соображениями успеха, благополучия, личной безопасности, противопоставлена полному отказу его дочери от национальных традиций. Доминантой образа женщины, антипода учителя и молодого певца, представлено желание соответствовать духу времени. Оно заявлено и в ее портретной характеристике — «короткой мальчишеской стрижке с косой челкой» — «бубекопф», пришедшей из Германии; и в ее нарочитом желании вести себя «на равных» с молодежью; и в демонстрации увлечения Маяковским («Сегодня натошак объедалась Маяковским!» — с. 49); и во взгляде на приверженность национально-религиозным традициям как на «дикость», на удел «слепых и глухих», для которых «как будто не было революции» (с. 53).

Позиция автора в этом конфликте заявляет о себе последовательным утверждением превосходства дедушки и его ученика над Милкиной матерью. Это превосходство особенно очевидно там, где между сторонами имелось некоторое сходство.

Писательница акцентирует гармонию между учителем хазнута и его учеником: «Ученик и учитель, рядом, за одним столом, локоть в локоть, над одной книгой; они поглощены, они переводят дыхание одновременно, они делают то, ради чего родились на свет, это как любовь. У дедушки на губах что-то вроде улыбки — может, так он складывает губы для пения, а может быть, он просто счастлив своим вернувшимся мужеством, мужеством творца, сеятеля, обретшего наконец благодатную почву, которая сохранит и взрастит его посев, сделает его жизнь не напрасной» (с. 56—57). Лексический строй и эмоциональная тональность описания душевной близости между певцом и его наставником не оставляют сомнения в авторской позиции. Гармония между хранителем еврейской традиции и его учеником противопоставлена безуспешности попыток Милкиной матери стать наставницей девочек («чем-то вроде нашей вожатой»). Одним из лейтмотивных ощущений биографического персонажа по отно-

шению к этой женщине представлено полное неприятие ее усилий: «Мне не были интересны ее рассказы, ее советы и разговоры; мне все в ней казалось неуместным, даже внешность». Или: «И зачем она все время между нами, как какая-то старая девочка?» (с. 48). Или: «Мне все казалось, что она притворяется...» (с. 49).

В отличие от талантливого молодого певца, дочь его учителя, одаренная от природы, растратила свой талант на сиюминутное и преходящее: «У меня был голос. Я его прокурила, прокричала» (с. 49).

В превосходстве хранителей национальной традиции призван убедить и последовательно проводимый автором контраст поведения противостоящих сторон. В отличие от Милкиной матери, кричавшей, «распалывшейся» от собственных слов, дедушка и его ученик исполнены спокойной уверенности и сознания важности своего дела: дедушка «усмехается», «спокойно возражает», «отключается». Его ученик смотрит на еврейских девочек, на их наставницу «скорбно, с каким-то сожалением». «Скорбно-презрительное выражение» его лица, не то «досадливое пренебрежение», не то «презрительное сострадание» в его взгляде запомнились биографическому персонажу столь же отчетливо, как его дивное пение (с. 53—54).

Повествовательница представлена в этом биографическом рассказе в двух ипостасях: одесской девочки начала 30-х гг. и «alter ego» современного автора. В Иерусалиме 80-х гг. повествовательница-израильтянка слышит по радио рассказ и пение молодого хазана из Ташкента. Как и ученик дедушки в начале 30-х гг., молодой ташкентец тоже стоял перед выбором: «Бог или шансонеткес»: живя «во время гитары», он избрал канторское пение. Причиной такого выбора, по его словам, была не только «традиционная» семья, но и потрясшее его в юности исполнение неким приезжим кантором молитвы «Кол нидрей». У современной повествовательницы нет ни единого свидетельства, что этим дивным исполнителем был тот самый ученик Милкиного дедушки. Но она хочет верить, она горячо настаивает на том, что это был именно он: «Не мешайте мне! Я хочу думать, что тот молодой кантор, которого даже имени я не знаю, оказался однажды в Ташкенте. И это с ним старается сравняться ташкентский певец-хасид...» (с. 57). За таким желанием, за эмоциональностью современной повествовательницы — новое отношение автора к национально-культурной традиции. И оно отличает автора-израильтянку от евреев «по названию», как не без

горечи назвала она себя и других евреев — интеллигентов своего поколения — в рассказе «Наши дороги домой». За этой горечью и за утверждением необходимости национально-культурной преемственности в рассказе «Все обеты» стояло новое самосознание и новый, уже израильский, опыт Руфи Зерновой.

Отражение нового самосознания автора обнаруживаем в тех ее произведениях, которые были созданы в Израиле исключительно на русском материале, и в частности в рассказе с названием на иврите «Ба эмца а мидбар» («Посреди пустыни») из сборника «Длинные тени».

Сюжет этого рассказа — давняя поездка в гости «к коллеге по исправительно-трудовому лагерю» в глухой таежный поселок. Писательница с командировочным удостоверением журнала «Огонек» — биографический персонаж, литературный герой. Ее мировосприятие «датировано» конкретным периодом советской истории — концом 50-х гг., хрущевской «оттепелью». Время обнаруживает себя в ее настроении радостного ожидания близких перемен: «Оттепель, оттепель, всюду оттепель. И настоящая весна не за горами» (с. 99). ИЯи: «Ведь все-таки, все-таки дышать стало легче. Дышать стало легче» (с. 98). Соотнесенность биографического персонажа с той конкретной эпохой проявилась и в том, что ее мироощущение запечатлело неизбежную несостоятельность надежд на кардинальные перемены. Эти надежды в авторском изображении были связаны с давними и вновь созданными официальными стереотипами: «Я ехала за жизнью обычной, трудовой, простой жизнью, какой она стала. Какой она стала теперь, после двадцатого съезда, после тех перемен, тех возвращений, тех слов, тех слез на Московском вокзале в шесть сорок утра — когда приходил поезд, которым возвращались с Колымы, из Красноярского края, Алтайского края, Уссурийского края...» (с. 98). Естественная опьяненность недавним освобождением из лагеря сочетается здесь с характерным для того времени заблуждением относительно близких перемен, с официальными идеологическими ценностями («обычная, трудовая, простая жизнь»).

Драматизм рассказа базируется на несоответствии между надеждами биографического персонажа и открывшейся ей беспросветной духовной пустыней российской глубинки. Ожидаемая «трудовая жизнь» предстала перед нею привычной газетной ложью о «лучших производственниках» и «соцобязательствах»;

непосильной работой пятнадцатилетней девочки, содержащей пьяницу-мать и ее сожителя; неженским трудом Магды на бетономешалке. «Простая жизнь» оказалась дикостью, пьянством, «длющимся живым шестнадцатым веком» с верой в привороты, заговоры, привидения (с. 109). Страшные приметы советской системы представлены здесь необратимыми.

Однако это составляет только одну сторону рассказа. Она органично сплавлена с другим планом произведения, более емким и обобщенным. Автора рассказа «Ба эмца а мидбар» занимает вопрос о возможности людей сохранять надежду, «верить в чудо», об условиях и пределах этой возможности. Как это уже имело место в прежних рассказах Руфи Зерновой, отправной точкой для решения столь общей проблемы она избирает некий постулат, претендующий на универсальность, выверенный вековой практикой. Изображаемые конкретные явления она соотносит с вневременными, претендующими на всеобщность истинами, отраженными в мировой культуре. Интерес к истинам, базирующимся на духовных ценностях и опыте других народов, был проявлением мультикультурности художественного мира Руфи Зерновой. Такое соотнесение, в частности, уже наблюдалось в рассказе «Кузькина мать», где справедливость французской пословицы «plus je connais les hommes, plus j'aime les animaux!» — «чем больше я знаю людей, тем больше люблю животных» — опровергалась во имя утверждения человеческой доброты как единственной непреходящей ценности. В «Ба эмца а мидбар» объектом осмысления стал афоризм немецкого писателя Жана Поля (Рихтера)⁶²: «самое большое чудо — то, что люди продолжают верить в чудо. И молиться о нем, — добавил потом Тургенев».

Упоминание в связи с афоризмом немецкого писателя XVIII — первой четверти XIX в. о русском писателе второй половины XIX в., уточнившем, дополнившем мысль Жана Поля и, следовательно, разделявшем эту мысль; указание на временную дистанцию между писателями (Тургенев нечто добавил к афоризму «*потом*») — все это призвано было свидетельствовать о выверенности такого суждения долговременным и многонациональным опытом.

Обитатели таежного лесопункта в своей значительной части прошли через жернова репрессий и высылки («у нас лагерь — обычное дело, тут таких много» — с. 101). Судьбы пьяницы Ирки, внушки священника, дочери репрессированного дьякона; пьющего капитана, некогда сумевшего вывести свою часть из окружения

и угодившего в лагерь; честной Магды, «пульнувшей» камнем в бюст Сталина; доверчивой Зины, с жаром читавшей в лагере стихи о вожде, — все эти судьбы концентрированно воплощают духовные и нравственные последствия советской системы. Безнадежность, полная утрата «веры в чудо» — доминирующее настроение этой части рассказа. Безнадежность лежит в основе тоски по лагерю бывшей заключенной Зины: «В лагере люди воли ждут — а тут уже воля, вот такая она, воля... Чего же людям тут ждать?» (с. 102). «Без надежды», — говорит о себе капитан. Безнадежность отзывается ощущением удушья, которое преследует биографического персонажа в таежном поселке: «Словно духота на меня навалилась всей тяжестью, и было не вздохнуть...» (с. 104); «Душно вдруг стало...» (с. 110); «И опять вернулось ощущение духоты» (с. 112) и т. п. Выверенная многолетним общечеловеческим опытом истина о замечательной способности людей вопреки всему надеяться и «верить в чудо» оказалась нерелевантной для советской системы, изломавшей судьбы и опустошившей души людей.

Однако утверждение о способности человека вопреки всему надеяться и «верить в чудо» представлено в рассказе вполне справедливым по отношению к другой стране — Израилю.

Писательница начинает рассказ с изложения израильской детской песенки: «Мальчик поет, что ничего еще не совершил: еще не построил дома, еще не нашел воды посреди пустыни... Но вы заметили словечко «еще»? Еще не построил, еще не нашел — значит, все впереди: и дом построит, и воду посреди пустыни отыщет» (с. 97). Подобно тому, как при описании таежного поселка акцентировано отсутствие надежды, так в песенке израильского мальчика акцентирована уверенность в преобразении безводной пустыни. Веру в возможность чуда писательница связывает не с наивной легковерностью ребенка. Эту веру она объясняет условиями существования молодого государства: «Только там, думаю, где безводная пустыня подстерегает человека с трех сторон, могла сложиться такая детская песенка» (с. 97). География, политическое положение Израиля неотделимы от «моральной географии» его народа.

Середина пустыни — это и беспредельные зыбучие пески бездуховного, безнадежного существования российской глубинки, возникшие в результате советской системы. Середина пустыни (эмца а мидбар) — это и те особые сложные условия, вопреки которым народ Израиля «верит в чудо» и творит чудо.

Их противопоставление, как и факт, что носителем «самого большого чуда» автор видит народ Израиля, свидетельствует о новом еврейском самосознании русской писательницы-израильянки.

---

¹ Известное исключение составляет глава о Давиде Маркише в книге Алисы Стоун Нахимовски (см.: *Nachimovsky A. Russian-Jewish Literature and Identity*. Baltimore; London, 1992. P. 198—214).

² Понятием «аккультурированность» (acculturation) обозначают принятие национальным меньшинством образа жизни и культуры национального большинства, не исключавшее самоотождествления со своим национальным меньшинством (см.: *Pincus B. The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority*. Cambridge University Press, 1989. P. 305).

³ Уже много лет спустя Р. Зернова писала о «высоком чувстве международного братства», которое одушевляло тогда участников борьбы с испанским фашизмом (Новый мир. 1961. № 11. С. 256).

⁴ *Slavic Review*. 1990. Sept.

⁵ *Publishers Weekly*. 1991. Oct. 18.

⁶ «Ruth Zernova is a realist... She is a sensitive observer of people and the subtleties of how they interact...» (*Belles Letters*. Spring 1992).

⁷ *Horgan P. Ruth Zernova. Mute Phone Calls and Other Stories*. New Brunswick; New Jersey, 1992.

⁸ *Ibidem*.

⁹ *Library Journal*. 1991.11.01.

¹⁰ *World Literature Today*, Summer 1983.

¹¹ *Ross R.* (*Library Journal*. 1991.11.01).

¹² *Heldt B.* (*World Literature Today*. Summer 1983).

¹³ *Leong A.* (*Slavic Review*. XLIII, Spring 1984).

¹⁴ *Marshall B.* (*World Literature Today*. Winter 1993). О том же — *Woll J.* (*The Russian Review*. 1984. Vol. 43. № 4).

¹⁵ «...These themes are familiar to readers of Russian and Soviet literature, but Ruth Zernova delivers them with refreshingly new twists» (*Horgan P. Ruth Zernova. Mute Phone Calls and Other Stories*).

¹⁶ *Зернова Р.* Женские рассказы. Анн-Арбор, 1981.

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ «...In each she attempts to examine an idea — antisemitism, Jewish identity...» (*The Russian Review*. 1984. Vol. 43. № 4. P. 383).

¹⁹ *Belles Letters*. Spring 1992. P. 31.

²⁰ *World Literature Today*. Summer 1983; *Slavic Review*. XLIII. Spring 1984.

²¹ Терминология Артура Левина (*Levin A. Introduction to a History of Russian-Jewish Literature // Lvov-Rogachevsky V. A History of Russian-Jewish Literature*. Ann Arbor, 1979. P. 40—41).

²² Архивы гестапо. Яд Вашем. Цит. по ст.: *Мерлин В.* Гуманизм как антисемитизм // *Зеркало*. Иерусалим, 1996. С. 204.

^{22a} *Зернова Р.* Скорпионовы ягоды // *Свет и тень*. М.; Л., 1963. С. 15. Далее цитирую это издание, страницы указываю в тексте.

²³ Когда автор данной работы познакомил Р. Зернову с изложенной трактовкой ее рассказа, писательница подтвердила, что прототипом Славки был полуеврей. Это свидетельствует о заданности национальной узнаваемости персонажа.

²⁴ Какое бы то ни было прямое влияние старшего современника на начинающую писательницу в данном случае было исключено: роман-эпопея «Жизнь и судьба», завершённый в 1960 г., в феврале 1961 г. был конфискован КГБ. В 1980 г., почти четверть века спустя после создания анализируемых рассказов, рукопись «Жизни и судьбы» была переправлена на Запад и издана в Швейцарии. В СССР роман был опубликован через 28 лет после написания — в 1988 г.

²⁵ *Гроссман В.* Жизнь и судьба. М., 1988. С. 382.

²⁶ *Меттер И.* Пятый угол // *Меттер И.* Не порастет быльем. Повести. Рассказы. Поселковые заметки. Воспоминания. Л., 1989. С. 126.

²⁷ *Жигулин А.* Черные камни // *Знамя*. 1988. № 8. С. 58—59.

²⁸ *Разгон Л.* Непридуманное // Библиотека «Огонька». М., 1988. № 44. С. 3—9, 10—15.

²⁹ В рассказе «Время надежд» Руфь Зернова писала о том, что «после того шума, который подняли Элеонора Рузвельт и Герберт Моррисон,— после книги Кравченко «Я выбираю свободу»... в лагерях уже не голодали — во всяком случае, в тех, где я была. Конечно, хлеб на столах, как в шарагах, не лежал, но работягам выдавалось 800 грамм исправно» (Это было при нас. Иерусалим, 1988. С. 58).

³⁰ *Зернова Р.* Солнечная сторона // *Звезда*. 1967. № 8—10. В следующем году повесть вошла в состав одноименного сборника произведений писательницы: *Зернова Р.* Солнечная сторона. Л., 1968. Далее цитирую это издание, страницы указываю в тексте.

³¹ Трилогия Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль...» (1956—1961) и мемуары С. Маршака «В начале жизни. Страницы воспоминаний» (окончены в 1961 г.) появились на той же волне, что и упомянутые произведения Гроссмана, Ямпольского и Меттера.

³² Как свидетельствует Бениамин Пинкус, между 5 июня 1967 и 5 июня 1972 г. в 44-х русских газетах, освещавших арабо-израильский конфликт, были напечатаны 1107 антиеврейских карикатур. Газеты, выходявшие миллионными тиражами, публиковали статьи, представлявшие евреев разлагающими мир с целью захвата власти над ним. В 10% от общего числа публикаций сионизм связывался с нацизмом. Средством распространения антиеврейской пропаганды были массовые лекции в университетах, клубах, в общественных и на рабочих местах (см.: *Pincus B.* Op. cit. P. 223—229).

³³ *Маркиш Ш.* Бабель и другие. Москва; Иерусалим, 1997. С. 232.

³⁴ К читателям повесть попала несколько позже: *Гроссман М.* За пределами разума. М., 1968.

³⁵ Отдельным изданием роман Д. Галкина вышел в 1970 г.: *Галкин Д.* Цимбалисты. М., 1970.

³⁶ *Гроссман М.* Указ. соч. С. 70.

³⁷ *Симонов К.* Предисловие к роману «Цимбалисты» // *Галкин Д.* Цимбалисты. С. 6.

³⁸ *Blum J.* The image of the Jew in Soviet literature // Institute of Jewish Affairs. 1983. P. 44.

³⁹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1992. Т. 6. С. 124.

⁴⁰ В очерке о Софье Прегель Р. Зернова цитирует строки Довида Кнута: «Особенный, еврейско-русский воздух... Блажен, кто им когда-либо дышал», полностью солидаризируясь и с поэтом, и с Софьей Прегель, избравшей эти строки эпиграфом к книге об одесском детстве (см.: Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1994. Т. 3. С. 61).

⁴¹ *Gitelman Z.* The evolution of Jewish culture and identity // Jewish Culture and Identity in the Soviet Union. N.Y., 1990. P. 15.

⁴² Психологическая связь между поведением «еврейской мамы» и обреченностью евреев на жизнь в неприязненном или враждебном окружении нашла отражение и у Исаака Бабеля в рассказе «История моей голубятни» (1925). Отец биографического героя был безмерно счастлив, узнав о зачислении сына в гимназию. Но мать мальчика смотрела на сына «с горькой жалостью, как на калечку, потому что одна она знала, как несчастлива наша семья» (*Бабель И.* Соч.: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 144).

⁴³ *Блюм А. В.* Еврейский вопрос под советской цензурой. СПб., 1996. С. 121, 136.

⁴⁴ *Ямпольский Б.* Мальчик с Голубиной улицы // *Ямпольский Б.* Повести. М., 1964. С. 382 и след.

⁴⁵ Первая такая брошюра появилась в Риге в феврале 1970 г. (см.: Евреи и Еврейский народ. Еврейский самиздат. Т. 1—27. Иерусалим, 1974—1992).

⁴⁶ В. Гроссман в романе «Жизнь и судьба» видел эту вину в приверженности евреев давно дискредитированной иллюзии интернационализма, в боязни расстаться с заманчивой и такой сладостной для советского еврея иллюзией возможности национального равенства и братства. Б. Ямпольский в повести «Табор» видел вину евреев в уходе из местечек, в готовности, с какой его сверстники в 20—30-е гг. ринулись в «чужой мир», чтобы раствориться в нем. Израиль Меттер в повести «Родословная» видел вину евреев в том, с каким рвением они участвовали в гонениях на свою национальную культуру и еврейское образование.

⁴⁷ Женские рассказы. Анн-Арбор, 1981; Это было при нас. Иерусалим, 1988; Израиль и окрестности. Иерусалим, 1990; Длинные тени. Иерусалим, 1995.

⁴⁸ *Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л., 1971. С. 10, 11, 137.

⁴⁹ А. И. Герцен выразительно охарактеризовал это свойство мемуарно-биографической прозы, назвав свои мемуары «Былое и думы» «отражением истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге» (Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 10. С. 9).

⁵⁰ См.: *Виноградов И.* О теории новеллы: Борьба за стиль: Сб. ст. М., 1937; *Шкловский В.* Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1961; Шу-

бин Э. Современный русский рассказ. Л., 1974; *Rimmon-Kenan S. Narrative Fiction. Contemporary poetics.* L.; N.Y., 1992.

⁵¹ В рассказе «Лена» Р. Зернова вспоминает о литературных увлечениях своей юности. В круг чтения девочки-подростка, наряду с Аверченко, Пастернаком, Гумилевым, Ахматовой, А. Белым, Лаврениевым, входили Вольтер, Голсуорси, Цвейг, Мопассан и др. Интерес к литературе объединял пятерых подруг, чтение было радостью: «Мы жили хорошо, книжный ручеек не истощался никогда» (Длинные тени. С. 50).

⁵² Зернова Р. Женские рассказы. С. 76—102. Далее цитирую это издание рассказа, страницы указываю в тексте.

⁵³ Луис де Гонгора-и-Арготе (1561—1627); Фернандо де Рохас (ок. 1465—1541); Мигель де Сервантес (1547—1616).

⁵⁴ К этой мысли Руфь Зернова возвращалась неоднократно. В написанном спустя одиннадцать лет, в 1990 г., рассказе «Наши дороги домой» она замечает: «Евреи тысячи лет вкладывали все, что могли, в цивилизацию и культуру тех, кто давал им приют. И кончалось это всегда одинаково. Их изгоняли. В лучшем случае, конечно. И все-таки что-то они всегда уносили с собой. Не материальные сокровища. Память. Добрую и недобрую. Они никогда ничего не забывали. Среди других народов они были и учителями, и учениками — иначе не бывает» (Израиль и окрестности. С. 286—287).

⁵⁵ Об идеологических исканиях русского еврейства в период с 1862 по 1917 г. см.: *Frankel J. Prophesy and Politics: Socialism, Nationalism and Russian Jews, 1862—1917.* Cambridge, 1981.

⁵⁶ *Smith A. National Identity.* L.; N.Y., 1991. P. 14.

⁵⁷ Зернова Р. Изумрудный перстень // Зернова Р. Израиль и окрестности. С. 235.

⁵⁸ *Smith A.* Op. cit. P. 16.

⁵⁹ Зернова Р. Длинное-длинное лето // Библиотека «Огонька». М., 1967. С. 4.

⁶⁰ Зернова Р. Наши дороги домой // Зернова Р. Израиль и окрестности. С. 251.

⁶¹ Зернова Р. Все обеты // Зернова Р. Израиль и окрестности. С. 47. Далее цитирую это издание рассказа, страницы указываю в тексте.

⁶² Жан Поль — псевдоним Иоганна Пауля Фридриха Рихтера (1763—1825), немецкого писателя, способствовавшего формированию эстетики европейского романтизма.

АРХИВ

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА Л. Б. ЯФФЕ К М. О. ГЕРШЕНЗОНУ

Впервые публикуются письма Льва Борисовича Яффе к Михаилу Осиповичу Гершензону, находящиеся в Российской государственной библиотеке в Москве, в фонде Гершензона (ф. 746, № 44, ед. хр. 58). Эти письма знакомят с двумя важными фигурами тех лет и дополняют наше знание об интеллектуальной жизни российского еврейства в начале XX в. Для понимания сути этих писем следует обратить внимание на местопребывание адресантов. Яффе пишет Гершензону из Москвы и позже из Иерусалима.

Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) известен прежде всего как автор многочисленных работ о русской интеллигенции. Его перу принадлежат такие исторические исследования, как «История молодой России» (1908), «П. Я. Чаадаев» (1908) и «Образы прошлого» (1912). Кроме того, он был редактором и одним из авторов сборника «Вехи» (1909), написал такие классические произведения, как «Мудрость Пушкина» (1919), «Мечта и мысль И. С. Тургенева» (1919) и «Грибоедовская Москва» (1914).

Гершензон, еврей по происхождению, родился в купеческой семье в Кишиневе. Хотя у него было очень сложное отношение к своим еврейским корням, он не крестился и не скрывал своей национальной принадлежности¹. Особенно ярко проявились его национальные чувства в период дела Бейлиса и гонений в годы первой мировой войны². Именно в этот момент он особенно интенсивно переписывался с Яффе. Пересмысление связи со своими национальными корнями находит отражение в его статье в сборнике «Еврейская антология: сборник еврейских поэтов» (1918), в статьях в русско-еврейской прессе и его книгах «Ключ веры» (1921) и «Судьбы еврейского народа» (1922)³. Последние годы своей жизни Гершензон прожил в Москве, терпя голод и лишения. Он умер в 1925 г. в возрасте 56-ти лет.

Лев Борисович Яффе (1876—1948) родился в Гродно, в религиозной семье — его дед был известным раввином. В отличие от Гершензона Яффе никогда не сомневался в единственности избранного им пути и посвятил всю свою жизнь и творчество осуществлению сионистских идей. Он участвовал в сионистских конгрессах, был членом Демократической фракции сионистского движения и высказывался против так называемого угандийского проекта⁴. В 1906 г. он был избран в Цент-

ральный комитет Российской сионистской организации. Во время первой мировой войны Яффе работал в ЕКОПО и после эмиграции, последовавшей вслед за Октябрем 1917 г., — несколько лет в Литве, избирался президентом сионистской организации и стал редактором газеты на идише «Лецге Найе». Позже, в Палестине, он был избран в Ва'ад Ха-Зирим (сионистская комиссия) и стал редактором ведущей газеты «Ха-арец». В 20-е гг. он активно пропагандировал сионистские идеи в разных странах Европы и погиб в результате террористического акта в 1948 г. в Тель-Авиве.

Было бы неправильно воспринимать Иерусалим и Москву только в их традиционном смысле. Иерусалим, древняя столица евреев, становится домом сиониста Яффе, и Москва, столица русского народа, — домом Гершензона, историка русской культуры. Можно на это посмотреть и иначе. Москва и Иерусалим здесь не совсем противоположны; как для Гершензона, так и для Яффе они неразрывно связаны и с российским еврейством. Москва была одним из центров сионистского движения в России, в то время как Иерусалим уже в 20-е гг. стал одним из центров русско-еврейской культуры в изгнании.

Последующие события нарушили это равновесие. Попытка большевиков уничтожить еврейское самосознание и основание еврейского государства Израиль после второй мировой войны совершенно изменили историческую ситуацию.

---

¹ См. публикацию В. Кельнера «...Интимно понять русских я не в состоянии» (Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 4. С. 230—232).

² Более подробно об отношении Гершензона к еврейству и своим еврейским корням см.: докторская диссертация Б. Горовица «М. О. Гершензон и интеллектуальная жизнь серебряного века». Калифорнийский ун-т, 1993. С. 463—521.

³ Еврейская антология: сборник еврейских поэтов / Под ред. В. Ходасевича и Л. Яффе. М., 1918; статьи Гершензона, посвященные проблеме еврейства; «Народ, испытываемый огнем» (Еврейская неделя. 1916. 3 янв. С. 26—28); «Ярмо и гений» (Еврейская жизнь. 1916. № 14-15. С. 13—14); «Шалом Аш» (Вестник Европы. 1907. 1 авг. С. 787—790).

⁴ В дни работы IV сионистского конгресса (1900) сформировалась так называемая Демократическая фракция, члены которой требовали демократизации руководства Всемирной сионистской организации и усиления воспитательной и поселенческой работы.

21/9 Juni 1897

Милостивый Государь.

Мы, г. Гинзбург¹ и я, к сожалению, не можем согласиться на Ваши условия, о чем Вас извещаем. Если будет возможность

рекомендовать Вам кого-либо из моих знакомых, я это с удовольствием сделаю.

Готовый к услугам
Л. Яффе.

16-го августа 1897-го г.

Завтра утром еду во Франкфурт. Адрес мой: А. J. Judah, Klein obermain str.

Журнал Министерства народ[ного] просв[ещения] еще не получен. Если до завтрашнего дня получится, исполню Вашу просьбу.

Л. Яффе.

Редакция и контора
«Еврейская Жизнь»
Москва, Солянка № 8
телефон 5-49-54

Москва 25/II²

Глубокоуважаемый Михаил Осипович.

В ближайшие дни исполняется двадцатипятилетие литературной деятельности самого яркого представителя новоеврейской поэзии Х.-Н. Бялика³.

Мы намерены дать специальный номер, посвященный характеристике и оценке поэта⁴.

Помимо еврейских поэтов и писателей в юбилейном номере примут участие некоторые лучшие представители русской литературы.

Для нас было бы чрезвычайно важно и ценно, если бы Вы нашли возможным принять участие в этом номере и дать нам хотя бы небольшую статью о Бялике⁵.

С глубоким волнением читал я Вашу статью «Народ, испытанный огнем»⁶.

Может быть, Вы еще помните молодого студента, который в Гейдельберге писал под Вашу диктовку и который затем посещал Вас во Франкфурте⁷.

В ожидании Вашего ответа
с глубоким уважением

Л. Б. Яффе.

Редакция и контора
«Еврейская Жизнь»
Москва, Солянка № 8
телефон 5-49-54
Москва, 15 III 1915

Дорогой и многоуважаемый Михаил Осипович.

От души благодарен Вам за Вашу прекрасную статью о Бялике⁸. Я не откликнулся и не поблагодарил Вас до сих пор, потому что я уже некоторое время болен, лежу.

Юбилейный № выйдет в последних числах марта, несколько позже, чем мы предполагали. Материал мало-помалу получается. Сегодня получил статью от М. Горького⁹. В Брюсов согласился дать нам перевод из Бялика¹⁰. Послал ему несколько стихотворений с транскрипцией оригинала и дословным переводом. Должен был посетить 19-го Вячеслава Иванова, но тогда уже лежал. На днях поднимусь и пойду к нему¹¹.

Лев Шестов был у меня в редакции. Результат разговора: он статьи не даст. Не умеет писать на публицистические темы, к тому же еврейские темы его слишком волнуют, когда он думает о них, и он не в состоянии писать об этом¹².

Когда поднимусь, посету Вас, если позволите.

Низкий поклон Вашей уважаемой супруге.

Жму Вашу руку.

С глубоким уважением

Л. Б. Яффе.

Многоуважаемый и дорогой Михаил Осипович.

Я очень извиняюсь, что до сих пор не сообщил Вам о ходе работ для сборника¹³. Состояние моего здоровья было таково, что меня насильно оторвали от работы и услали отдохнуть и полегчить. Перед отъездом успел только побывать у Валерия Брюсова. Он охотно будет переводить для сборника. К Вячеславу Иванову, к сожалению, не успел заехать. Был бы Вам очень благодарен, если б Вы мне сообщили его адрес. Пока читаю еврейских поэтов, составляю подстрочники, списываюсь с авторами. У Валерия Брюсова я видел произведения новейшей евр[ейской] поэзии, которые должны войти в хрестоматию, издаваемую М. Горьким. Всего этих стих[отворений] — от Бялика и после него — около 10-ти¹⁴. Из них — только одно, всего только

одно, которое мне очень хотелось бы иметь в нашем сборнике,—
небольшая поэма Бялика.

Где проведете это лето?

Низко кланяюсь Вашей супруге.

С сердечным приветом и глубоким уважением

Л. Б. Яффе.

6.VI.1916

Мой адрес до 15-го июня:

ст. Подсолнечная Никол. ж. д. № 9 Санаторий.

Редакция и контора
«Еврейская Жизнь»
Москва, Солянка № 8
телефон 5-49-54

Москва 8.VIII.1916

Дорогой Михаил Осипович.

Шлю Вам сердечный привет. Книжка, о которой я Вам говорил, выходит на днях. Сейчас же по получении пришлю ее Вам.

По Вашему совету послал Вяч[еславу] Иванову телеграмму с уплоченным ответом, но ответа не получил. Очень огорчает меня это невнимание, тем более что неполучение от него ответа задерживает всю мою дальнейшую работу¹⁵.

Низкий поклон Вашей супруге.

Преданный Вам

Л. Яффе.

Редакция и контора
«Еврейская Жизнь»
Москва, Солянка № 8
телефон 5-49-54

1.X.1916

Дорогой Михаил Осипович.

Лежу уже седьмой день в лечебнице д-ра Герценберга. Так плохо себя почувствовал, что меня ночью в карете скорой помощи пришлось отправить в лечебницу. Поправляюсь, но еще придется полежать.

Фрида Вениаминовна¹⁶ принята на курсы Полторацкой, хотела зайти к Вам, сообщить об этом и поблагодарить Вас, но в тот же день она узнала о смерти отца.

Сердечно жму Вашу руку. Привет Вашей супруге.

Ваш Л. Яффе.

15 XII¹⁷

Дорогой Михаил Осипович.

Устроители вечера в память Л. С. Пинскера просили меня передать Вам приглашаемый почетный билет¹⁸.

Жму Вашу руку, привет Вашей супруге.

Преданный Вам Л. Яффе.

Редакция и контора
«Еврейская Жизнь»
Москва, Солянка № 8
телефон 5-49-54

Москва, 6.VI.1917 г.

Дорогой Михаил Осипович.

Шлю сердечный привет Вам, Марье Борисовне и детям¹⁹. Как живется Вам в Крыму? Отдохнули ли?

Я в ближайшие дни освобождаюсь от «Еврейской жизни», приступил к своему издательскому делу²⁰.

Очень прошу Вас, Михаил Осипович, прислать обещанную статью для первого сборника нашего издательства. Дадим ее, если понадобится, с примечанием, которое раньше Вам, конечно, будет предъявлено, как мы условились. В этих сборниках, которые скорее всего будут книжками ежемесячника, будет меньше всего политики²¹. Основная цель — углубление в сущность еврейства, в его проблемы. В первом сборнике идет также «Галаха и Агада» Бялика. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли мне прислать статью к 10—15 июля. К концу августа хотим выпустить сборник.

Мы живем на даче в окрестностях Москвы. В городе этим летом совсем невыносимо. Моя жена Вам очень кланяется. Жму сердечно Вашу руку.

Преданный Вам Л. Яффе.

От 2-го 8 месяц 1917 г.

Очень прошу обещанную статью [к] двадцатому августа Приступили к печатанию первой книги Без вашей статьи не выпустить.

Яффе

Книгоиздательство

«Сафрут»

Москва

Солянка 8.1

3.VIII.1917

Дорогой Михаил Осипович.

Отправил Вам вчера телеграмму с просьбой ускорить высылку Вашей статьи. Не хотелось Вас беспокоить и нарушать Ваш летний отдых, но нужда заставила. Мы, несмотря на все трудности, приступили к печатанию нескольких книг. В ближайшие дни недели мы, по условию, должны сдать в типографии первую книгу нашего журнала, который на первых порах будет носить характер периодических сборников. В первую книгу войдут кроме Вашей статьи — статьи Бялика, Бруцкуса, Марголина, Эфроса, литературные статьи Баал-Махшовеса и Брюлловой-Шаскольской, рассказы Ан-ского, Андрея Соболя и т. д.²². Объединяет весь этот материал серьезное и вдумчивое отношение к проблемам еврейской жизни и мысли. Я Вас очень, очень прошу, Михаил Осипович, дать мне Вашу статью для сборника. Без нее не выпущу сборника²³.

Невероятно трудно теперь печатать книги, но мы решились пойти на это. Нашли две типографии, купили вагон бумаги. Мы спешим, потому что чем дальше, тем труднее будет. Уже несколько лет нет серьезных книг в еврейской журналистике на русском языке. Постараемся хоть несколько восполнить этот пробел. Печатаются уже книги «Основные течения в евр[ейской] истории» М. М. Марголина, «Судьбы еврейского народа» Д. С. Пасманика, сборник национально-евр[ейских] мотивов в мировой поэзии. Готовим к печатанию в первую очередь первую книгу наших сборников, затем рассказы Бялика, том избранных статей Ахад-Гаама, плач Иеремии Эфроса и т. д.²⁴.

Мы живем на даче. Здесь хорошо, но, полагаю, не так, как у Вас. Лучшее, что у нас есть, это собственный огород, в котором все возимся. Есть собственные огурцы, свекла, капуста, морковь

В городе все это теперь предметы роскоши. Здесь вообще легче жить. В городе становится с каждым днем труднее во всех отношениях. Впереди тяжелая осень и зима. Томительно жду конца войны, как набожный еврей пришествия Мессии.

Жду, дорогой Михаил Осипович, Вашего отклика и статьи. Вы ею придадите блеск и значение первому сборнику. Очень прошу прислать ее к 20-му августа.

Сердечный привет Марье Борисовне и детям.

Фрида Вениаминовна кланяется.

Жму сердечно Вашу руку.

Ваш Л. Яффе.

27.IX.1917

Дорогой Михаил Осипович

Шлю Вам сердечный привет из моего родного города²⁵. Добрались сюда после восьми суток езды. До Двинска ехали эшелонам, а от Двинска скорым поездом. По приезде все простудились и до сих пор не можем оправиться как следует. Присматриваемся и прислушиваемся к окружающей жизни, такой необычной и непохожей на ту жизнь, которую мы недавно видели вокруг себя. На днях едем в Вильну и тогда решится вопрос, где будем жить, в Гродне или Вильне. Буду Вам очень благодарен, если черкнете нам несколько слов о себе, о Вашей жизни. Сердечный привет Марье Борисовне и детям.

Фрида Вениаминовна и детки кланяются.

Будьте здоровы, жму сердечно руку.

Ваш Л. Яффе.

15.I.1919

Дорогой Михаил Осипович.

Около четырех месяцев не имею известий из Москвы. Писал туда много раз, но не знаю, получились ли мои письма. Тревожусь за всех вас. В известиях, которые иногда прорывались к нам, мало было радостного²⁶.

Мы уже около трех месяцев в Вильне. Мечтал об отдыхе после Москвы, но больше одной, двух недель он не продолжался. Пришлось войти в общественную жизнь. Здесь она тяжелее, чем в Москве. За время оккупации все обеднело, притупилось. Не было интеллигент[ских] сил. Сказался гнет трех мучительных лет.

Еврейство Литвы придавлено и измучено. Пришлось мне взять на себя редактирование ежедневной газеты на разговорно-евр[ейском] языке²⁷.

В одном отношении было несравнимо легче, чем в Москве. Не голодали и не мерзли. Теперь, кажется, будем уравнимы с Вами и в этом отношении.

Фрида Вениаминовна занималась хозяйством, детьми и каждую свободную минуту Фаустом, Тургеневым и др. работами, кот[орые] она взяла на себя.

Теперь наступили новые времена. Как это преломится на литовском еврействе, скоро увидим.

Напишите нам, дорогой Михаил Осипович. Как Вы живете, работаете? Сыты ли, тепло ли Вам, хотя бы относительно. Это теперь самый главный вопрос. Как поживает Марья Борисовна, дети.

Ждем с нетерпением и будем рады каждому слову.

Горячий привет Вам, душевно преданный Вам Л. Яффе.

Вильна

1-ая Песчаная д. 7, кв. 6.

6.I.1921

Дорогой Михаил Осипович.

Пытаюсь писать Вам, может быть, письмо дойдет к Вам. Часто думаем о Вас и Марье Борисовне. Хотели бы знать, что с Вам, с Вашей семьей. Если получится от Вас отклик, напишу подробнее. Мы живем в Иерусалиме, уже год в Палестине, здоровы и довольны. Если для Вас не трудно, узнайте, что с матерью моей жены, Анной Моисеевной Зельдович, и с ее семьей. Они жили на Нижней Кисловке д. 5, кв. 11.

Моя жена кланяется.

С любовью вспоминаем Вас,
напишите.

Ваш Л. Я. Яффе.

Адрес мой:

Jerusalem (Palestine) «Haaretz».

Писать можно через Еврейский комиссариат или, кажется, прямо по почте.

3.VII.1921

Дорогой Михаил Осипович.

Несколько месяцев т[ому] н[азад] писал Вам, но не получил ответа. Весьма возможно, что письмо мое не дошло к Вам.

Пытаюсь еще раз послать Вам привет. Хочу очень знать, как живете Вы, Марья Борисовна и дети. Мы уже свыше полутора лет в Иерусалиме. Жизнь нелегка, но мы довольны.

Если откликнетесь, напишу подробнее.

Фрида Вениаминовна кланяется Вам и Марье Борисовне. Будьте здоровы. Где Вячеслав Иванович? Низкий поклон ему²⁸. Здесь у подошвы Масличной горы, у древней стены Иерусалима, мимо которой ежедневно прохожу, часто читаю русские стихи и по-прежнему люблю их.

Жму сердечно Вашу руку. Очень кланяюсь Марье Борисовне. Не могу Вам сказать, как буду рад вести от Вас.

Преданный Вам Л. Яффе.

Адрес мой: L. Jaffe, Jerusalem (Palestine) «Haaretz».

8.I.1922

Дорогой Михаил Осипович.

Писал Вам, но не получил ответа. Передавали мне только устные поклоны от Вас. Часто думаю о Вас, очень хотел бы знать, что у Вас, как живете, как Ваше здоровье, как Марья Борисовна и дети, какими работами Вы заняты.

Читал где-то, что вышла Ваша книжка — переписка с Вячеславом Ивановичем²⁹. Был бы очень благодарен Вам, если б Вы нашли возможность послать ее мне. Кажется, можно послать по почте. Мы здоровы. Работаем тяжело. Много забот личных и общественных. Недавно провел несколько месяцев в Европе. Заехал в Гродно — повидаться со старушкой матерью — и в Вильну. Был по делу в Германии и Англии. Жизнь там легче и привольнее, но не променял бы на нее все наши тревоги и заботы.

Если откликнетесь, напишу подробнее. Где теперь Вячеслав Иванович?

Хотел бы заглянуть в Вашу тихую келью, видеть Вас за работой³⁰. До сих пор с отрадным чувством вспоминаю о моих посещениях у Вас, о часах, проведенных в В[ашем] доме. Горячий привет Марье Борисовне от меня и Фриды Вениаминовны. Мы оба теперь читаем Герцена³¹ в новом издании. Стараемся не прервать связи с русской литературой.

Обнимаю Вас.

Любящий Вас Л. Яффе.

Адрес мой: «Haaretz», Jerusalem. Мне.

6 мая 1922 г.

Дорогой Михаил Осипович.

Большой радостью было для нас Ваше письмо³². Мне стыдно, что я не ответил немедленно же. Много и часто думал о Вас, но было так много работы и забот в последнее время, что не мог засесть за письмо. Ограничиться несколькими словами не хотел. Через несколько дней после получения письма пришла Ваша книжка. С большим интересом читали ее. Искали в ней Ваши мысли и переживания. Она была для нас также просветом в непроницаемой стене, отделившей нас до недавнего времени от России. В последнее время стали доходить к нам книги из России, получили даже на днях из Москвы подарок — «Алло Domini» Ахматовой. Появляются в Берлине издания, рассказывающие о России без политических тенденций. Особенно интересна была для нас статья Андрея Белого «О культуре в России», появившаяся в «Новой русской книге», библиографическом журнале Яценко³³.

О нашей жизни не расскажешь в письме. Год пробыли в Вильне. Были тяжелые времена. Во время занятия Вильны поляками и жестокого польского погрома вытащили меня с двумя товарищами из дому, обвинили в стрельбе из окна, одного из нас, писателя Вайтера³⁴, тут же расстреляли. Нас спасла случайность. Затем нас увели в Лиду, там ждали 6 дней расстрела³⁵. Не было надежды на спасение. Спасло нас чудо. Самое ужасное было то, что дети видели погром, видели, как меня вытащили из дому. Только здесь они освободились от страха и нервной дрожи при виде солдата.

В Палестине мы уже два года и четыре месяца. Живем в Иерусалиме. Жизнь наша здесь была нелегкая. Условия жизни чуждые, непривычные, нелегко сразу акклиматизироваться во многих отношениях. Многие силы, которые должны уходить на цветение, уходят на мучительное вращение в почву. Чувствуется несоответствие между тем, что следует творить, и между тем, что мы в силах делать. По тем уголкам, которые здесь создали, видно, каким культурным и цветущим уголком можно сделать Палестину, если б были силы и средства. На каждом шагу чувствуем разрушение и обнищание восточноевропейского еврейства.

Здесь — если б меня просили одним словом определить, как нам живется, — тяжело и светло. Недавно я объехал целый ряд стран и с большой ясностью увидел, что самые мучительные дни здесь не променял бы на блеск и радость других стран.

Я редактирую евр[ейскую] газету³⁶. Условия работы и зарплата трудные. Дети выросли, есть у меня хороший мальчонка

одного года и четырех месяцев. Девочки учатся, говорят по-еврейски. Им здесь хорошо, как нигде.

Что у Вас, дорогой Михаил Осипович, расскажите подробнее о Вашей жизни, работе. Как себя чувствуют Марья Борисовна, дети. Писал в Лондон, чтобы через америк[анский] к[омитет] Вам послали посылку.

На днях пошлю Вам и отсюда. Надеюсь, дойдут к Вам.

Бялик в Берлине, занимается большими издательскими делами. На днях напечатан его перевод Вильгельма Телля.

Сердечно кланяется Вам Фрида Вениаминовна. Привет от нас обоим Марье Борисовне и детям.

Обнимаю Вас, Ваш Л. Яффе.

L. Jaffe, Jerusalem «Haaretz».

10.11.1922

Дорогой Михаил Осипович.

Дошло ли к Вам мое предыдущее письмо, откликнулись ли Вы? Сюда аккуратно доходят письма из Москвы. Напишите. Отправил Вам небольшую посылочку. Если получится, пошлю еще одну. Как живете, как себя чувствуете. Как Марья Борисовна и дети. Моя жена сердечно кланяется Вам, сидит теперь над биографией Толстого — Бирюкова.

Не можете ли сообщить мне адрес Анны Ахматовой. Мы донныне внимательно следим за русской литературой, поскольку она нам доступна. Жму сердечно Вашу руку.

Преданный Вам Л. Яффе.

Адрес: Newspaper «Haaretz», Jerusalem. L. Jaffe.

23.9/X/1922

Привет из Иерихона. Оторвался на день от работы. Купался в Мертвом море, катался в лодке по Иордану, были у открытых руин древнего Иерихона, у источника Элиши.

Жму руку Вам и Марье Борисовне.

Привет от д-ра Вейсмана.

Ваш Л. Яффе.

---

¹ Имеется в виду С. М. Гинзбург (1866—1940), историк российского еврейства. В это время Гинзбург сотрудничал в журнале «Восход». В 1897 г. Гершензон ездил с матерью в Германию отдохнуть. Из писем к брату от 4(16) июля 1897 г. Он пишет домой: «Вчера веч[ером] на горе у меня родился такой план, который мамаша

вполне одобряет: эти 3 недели я буду переводить по 8 час[ов]; числа 3(15) мы переедем в Франкфурт; там я совсем не буду переводить — буду отдыхать недели три, до отъезда мамыши; потом я несколько дней посвящу поездке по Райну, затем, чрез Лейпциг и Дрезден, поеду на месяц в Берлин, где по утрам буду диктовать перевод, а с 1 ч[аса] заниматься. Хорошо!..» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 746, № 18, ед. хр. 20, л. 6).

² Письмо было написано в 1916 г.

³ Бялик Хаим-Нахман (1873—1934)— поэт, классик новой литературы на иврите. Гершензон был лично знаком с Бяликом. В письме к брату Аврааму от 23 апреля 1917 г. он описывает их встречу: «Вчера вечером Яффе привез к нам Бялика; была еще только жена Яффе. Они просидели часа три. Итак, скажу: много я видел замечательных людей, но такого большого, как Бялик, еще не было за нашим столом. Маруся говорит, что из такого теста могли быть разве Кант или Шекспир» (*Гершензон М. Письма к брату. Избранные места.* М., 1927. С. 184).

⁴ Вып. № 14-15. 3 апреля 1916 г. «Еврейской жизни» был посвящен двадцатипятилетию литературной деятельности Х.-Н. Бялика.

⁵ Статья Гершензона «Ярмо и гений» напечатана в этом особом выпуске «Еврейской жизни» (с. 13—15). В письме от 11 марта 1916 г. к матери — Гитле Гершензон — он пишет: «Я писал Вам недавно о Яффе, мамаша. Его журнал — «Евр[ейская] жизнь» — собирается дать номер, посвященный Бялику, и Яффе просил меня написать что-нибудь для этого №; я и написал статейку. Поэзию Бялика я знаю по его книге на жаргоне, которую привез из Одессы по переводу Жаботинского и т. п.; да когда-то Дизенгоф читал мне и буквально переводил его стихи древнееврейские. Еще я познакомил Яффе с Булгаковым, Шестовым и Вяч[еславом] Ивановым, у которых он также хотел просить статей» (ОР РГБ, ф. 746, № 20, ед. хр. 26, л. 11).

⁶ Статья Гершензона «Народ, испытываемый огнем» появилась впервые в журнале «Еврейская неделя» (1916. 3 янв. С. 26—28) и была перепечатана в сборнике «При свете войны» (М., 1916. С. 10—13). В этом сборнике появились статьи Е. В. Членова, С. К. Гепштейна, Х. И. Гринберга и Л. Б. Яффе. Статья Яффе называлась «В эти дни». Статья «Народ, испытываемый огнем» произвела большое впечатление на Яффе потому, что в ней Гершензон излагает свое видение будущей «миссии» еврейского народа. По сути, хотя и со значительными оговорками, Гершензон выражает самые основные сионистские чаяния: веру в высшую цель и смысл еврейской истории.

⁷ Гершензон, конечно, вспомнил своего давнего знакомого. В письме к родным от 4 марта 1916 г. он пишет: «Знаете, мамаша, кто у меня был дня два назад? Яффе, который в Гейдельберге писал у меня под диктовку, помните? — блондин. Он здесь редактор журнала «Евр[ейская] жизнь», все такой же пламенный сионист. На днях он написал мне, прося дать статью, и напомнил о нашем знакомстве; я по телефону пригласил его зайти, и он просидел целый вечер. Очень симпатичен» (ОР РГБ, ф. 746, № 20, ед. хр. 26, л. 9).

⁸ В статье Гершензон утверждает, что Бялик гениальный поэт и его творчество не может служить каким-либо национальным целям, «его гений не хочет знать ни еврейства, ни рассеяния, ни русского правительства; он рад бы забыть все это и вольно парить, если бы по-человечески мог» («Ярмо и гений» // *Еврейская жизнь.* 1916. № 14-15. С. 14).

⁹ Максим Горький (1868—1936) — писатель, организатор «Общества изуче-

ния жизни евреев». Его статья «О Х. Н. Бялике» была опубликована в том же номере «Еврейской жизни».

¹⁰ Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт-символист. Для выпуска он перевел стихи Бялика «Где ты?». В сборнике «Еврейская антология», изданном под редакцией В. Ходасевича и Л. Яффе, появились переводы стихов Бялика, сделанные Валерием Брюсовым: «Последний» и «Где ты?».

¹¹ Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, драматург, критик, филолог, теоретик символизма. Для выпуска он перевел стихотворение Бялика «Истинно, и это — кара Божья...». В 1916 г. Вяч. Иванов жил в Москве и дружил с Гершензоном.

¹² Шестов Лев (Лев Исаакович Шварцман; 1866—1938) — русский философ и писатель. Он тоже был близким другом Гершензона; см. публикацию В. Аллоя и А. д'Амелии «М. О. Гершензон. Письма к Льву Шестову (1920—1925)» // Минувшее. Париж. 1988. № 6. С. 237—312.

¹³ Речь идет о «Еврейской антологии» (под ред. В. Ходасевича и Л. Яффе). В сборнике имеются два предисловия, одно написано Гершензоном, другое — Ходасевичем и Яффе. В последнем Ходасевич и Яффе так объясняют смысл сборника: «Под влиянием национального пробуждения еврейства, под влиянием общения с исторической родиной народа и новой жизнью, создаваемой в ней, под влиянием обогащения национальной еврейской жизни лучшими элементами западной культуры — еврейская поэзия наполнилась новым, неизвестным до сих пор содержанием, расцвела новыми красками. В ней, как и во всей мировой поэзии нового времени, находим мы отражение проблем, волнующих современного человека. Но яснее всего звучат в ней тонкие и сложные переживания души нового еврея, ищущей освобождения от раздвоенности, от духовного гнета чужбины, стремящейся к цельности и единству» (с. XII).

¹⁴ В 1917 г. Валерий Брюсов был приглашен редактировать сборник стихов еврейских писателей для «Общества изучения жизни евреев». В письме от 23 февраля 1917 г. Максим Горький пишет Брюсову: «О-во желало бы выпустить в свет ряд книжек на темы библейских романов и легенд. Точнее: нужно выпустить Эсфирь, Товия, Руфь... Так вот, Валерий Яковлевич, не возьмете ли вы на себя организацию этого дела?» (Максим Горький 1868—1936. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос / Под ред. М. Агурского и М. Шкловской. Иерусалим, 1986. С. 255). Сборник Брюсова никогда не был издан, Февральская революция сорвала эти планы.

¹⁵ В архиве Л. Яффе в Иерусалиме находится телеграмма Гершензона (без даты) к Вячеславу Иванову с таким текстом: «Яффе убедительно просит телеграфного согласия. Привет всем» (Гершензон М. к Яффе Л. Б. — Еврейская национальная библиотека в Иерусалиме, ф. Яффе, л. 2).

¹⁶ Гершензон был лично знаком с Фридой Вениаминовной Яффе. В письме к матери от 18 ноября 1916 г. он пишет: «Недавно, мамаша, — на прошлой неделе, — Яффе был у нас с женою, приводил ее знакомиться. Они оба очень хорошие, и оба с хорошими манерами, из богатых домов. Он пользуется здесь в евр[ейском] обществе большим уважением. Мы с ним все спорим о сионизме, я — против» (ОР РГБ, ф. 746, № 20, ед. хр. 26, л. 41).

¹⁷ Это письмо написано в 1916 г., потому что в письме к родным от 27 декабря 1916 г. он пишет: «Недавно Яффе увлек меня на заседание памяти д-ра Пинскера; говорили речи видные сионисты — Мазэ, Членов; и все это было весьма слабо, одна риторика» (ОР РГБ, ф. 746, № 20, ед. хр. 26, л. 46).

¹⁸ Пинскер Леон (Лев Семенович; 1821—1891) — общественный деятель и

лидер движения Ховевей Цион. Автор известной брошюры «Автоэмансипация» (1892).

¹⁹ Мария Борисовна Гершензон — дочь кишиневского присяжного поверенного Б. С. Гольденвейзера — сблизилась с Гершензоном, когда последний был студентом в Москве. По причине его еврейства они долго не могли жениться, и только в 1907 г., когда Мария Борисовна перешла в лютеранство, они могли легализовать свои отношения. У Гершензонов было двое детей: Сергей (р. 1906) и Наталья (р. 1907).

²⁰ С 1916 г. Яффе редактировал журнал «Еврейская жизнь», но в 1917 г. он стал издавать книги по еврейскому вопросу и редактировать сборник «Сафрут» (Сафрут. Т. 1—3. М., 1917—1918; «Сафрут»: литературно-художественный сборник. Берлин, 1922).

²¹ В предисловии к первому выпуску «Сафрута» Яффе объясняет цель и причину издания: «За годы войны почти совершенно исчезла еврейская книга. Газета и брошюры заменили также еврейскую книгу на русском языке, предназначенную для тех читательских кругов, которым недоступен еврейский язык.

Сборники «Сафрут» являются скромной попыткой хотя бы отчасти восполнить этот пробел, ставший в последнее время особенно ошутительным, — до той поры, когда окажется возможным создание еврейского ежемесячника на русском языке.

Сборники «Сафрут» будут посвящены обсуждению и углублению основных проблем еврейской национальной мысли, выяснению вопросов еврейской ответственности и сионистского движения, а также ознакомлению с еврейской литературой и искусством» (Сафрут. Т. 1. С. 3).

²² Бруцкус Борис (Бер Дов; 1874—1938) — общественный деятель и специалист по вопросам экономики; Марголин Моисей Маркович (1862—?) — сионист и общественный деятель; Эфрос Абрам Маркович (1880—1954) — литературовед, переводчик; Баал-Махшовес (псевдоним И. И. Эльяшев; 1873—1924) — литературовед, общественный деятель, создатель литературной критики на идише; Брюллова-Шаскольская Надежда Владимировна (1886—1937) — политический деятель, член ЦК Партии социалистов-революционеров, историк и литературовед. Она не печаталась в сборнике; Ан-ский Семен Акимович (Шлойме-Зейнвил Аронович Раппопорт; 1863—1920) — эсер, видный еврейский общественный деятель, писатель и фольклорист; Андрей Соболев (Юлий Михайлович; 1888—1926) — еврейский беллетрист; Гершензон в конце концов не успел написать статью для этого сборника.

²³ В письме от 7 августа 1917 г. из Судака (единственном от Гершензона в иерусалимском архиве Яффе) Гершензон отвечает Яффе так: «Ваша телеграмма путешествовала со 2-го по 6-ое число. Она меня огорчила: я невольно, оказывается, причиняю Вам неудобства. Я писал Вам, что здесь, я знаю, сочинять невозможно, что написать статью я смогу только в Москве. — Зачем же Вы ждете меня, хотите задержать первую книжку? Не все ли равно, пустить меня в 1-й или во 2-й? Мне это безразлично; хотел бы, чтобы и для Вас это было так же. Заказать себе статью к сроку я не умею; вопрос надо решить так: когда статья будет написана, я Вам ее отдам; я помню о ней, и все дело в том, чтобы, встав утром, я сознал, что во мне сама собою возникла мысль: «сегодня буду писать ту статью, о назначении еврейства». Так я всегда берусь за перо — когда внутри созревает охота к данному писанию. А теперь, повторяю, и вообще не пишется. Итак, выпускайте же спокойно 1-ую книжку, а я, когда приду, приду» (Гершензон М. к Яффе Л. Б. — Еврейская национальная библиотека в Иерусалиме, ф. Яффе, л. 4).

²⁴ Пасманик Даниил Самойлович (1869—1930) — литературовед, сионистский публицист и общественный деятель; Ахад-Гаам (Ашер Гириш Гинцберг; 1856—1927) — философ, лидер «духовного сионизма».

²⁵ Из Гродно.

²⁶ Послереволюционные годы были очень трудными для семьи Гершензона. В письме к Аврааму Гершензону от лета 1919 г. он описывает ситуацию: «Деньги только половина дела, главное — ничего нельзя достать; сносно питаются только те, кто весной или раньше затратили несколько тысяч и сделали запасы, когда еще мешочники возили продукты, а у кого тогда, как у нас, свободных тысяч не было, те должны питаться по карточкам, потому что теперь все взято на учет, даже картофель и капуста и дрова... Во многом похоже на жизнь в осажденном городе — это в смысле продовольствия; 100 руб. равны 7—8 рублям, часто меньше; кругом люди ужасно исхудавшие, часто раздраженные, унылые; потерявшие треть веса — обычное явление» (ОР РГБ, ф. 746, № 21, ед. хр. 3, л. 17).

²⁷ Яффе редактировал «Лецге Найе»; позже газета стала называться «Ди Идише Цейтунг».

²⁸ С 1920 по 1924 г. Вячеслав Иванов с дочерью и сыном жил в Баку, где преподавал классическую филологию в местном университете. О жизни Иванова в Баку и его научной деятельности см.: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов — профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1968. Вып. 11. С. 326—339.

²⁹ Имеется в виду книга Гершензона и Вячеслава Иванова «Переписка из двух углов» (Пг., 1921).

³⁰ «Тихая келья» — имеется в виду кабинет Гершензона в мансарде его дома в Никольском переулке. Об этом кабинете многие известные люди эпохи писали в своих воспоминаниях. Андрей Белый, например, так пишет: «Надо было подняться по лестнице вверх; из передней — подняться вторично, чтобы очутиться в двух маленьких, чистых светелочках, где Гершензон совершал свои волшебства, опрыскивая мертвые музейные данные, им собираемые, живой водою; в этих действиях он мне казался каким-то Мерлином...» (*Белый А.* Между двух революций. Л., 1934. С. 284).

³¹ Герцен Александр Иванович (1812—1870) — русский писатель, публицист, политический деятель.

³² Кроме одного письма (1916) и телеграммы Гершензона, писем Гершензона к Яффе в фонде Яффе в Иерусалиме нет. Место нахождения других писем Гершензона неизвестно.

³³ Об истории «Новой русской книги» см.: Русский Берлин. 1921—1923 / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюза и О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983.

³⁴ Вайтер (Арон Девенишский; 1878—1919) — журналист, драматург, член Бунда.

³⁵ Лида — уездный город Виленской губернии.

³⁶ Имеется в виду еврейская газета «Ха-арец».

³⁷ Эта строка неразборчива.

*Публикация, предисловие и комментарии Б. ГОРОВИЦА
(Университет Небраски, Линкольн, США).*

«ЕВРЕЙСКИЙ МИР»*(Глава из воспоминаний)*

Мой дед, Арон Филиппович (Фишелевич) Перельман (1876—1954), родился в Одессе, куда его семья несколькими годами ранее переехала из австрийской Галиции. Как и старшие братья, он получил традиционное образование, но этим не довольствовался — сдал экстерном гимназические экзамены и отправился в Германию изучать химию. К модной науке он вскоре остыл, зато, меняя университеты и в конце концов перебравшись в Швейцарию, постепенно познакомился со всей той русской и особенно русско-еврейской политической богемой, которой так много было в ту пору от Кракова до Цюриха. В Швейцарии А. Ф. встретился с Идой Израилевной Картужанской (1881—1950), молодой медичкой из России; года через два они сдали выпускные экзамены и в 1906 г. уехали в Петербург, где и обвенчались у казенного раввина.

Еще студентом А. Ф. пописывал в журналы (например, в «Еврейскую жизнь»), и так как работать в соответствии с полученным в Бернском университете дипломом химика ему по-прежнему не хотелось, он и в Петербурге искал себе какого-нибудь литературного (в широком смысле этого слова) места и вскоре устроился на небольшую должность в издательство «Брокгауз—Ефрон», где готовились дополнительные тома уже вышедшей энциклопедии. Хотя связи его с еврейской журналистикой продолжались и укреплялись, в издательстве он работал так много и успешно, что уже во время войны был его директором. Между тем умер старый Ефрон, талант-самородок, сумевший превратить свою типографию в один из интеллектуальных центров России. Его сын не интересовался делами и, кажется, в жизни ценил главным образом предоставляемые ею удовольствия, — итак, он продал издательство. А мой дед издательство купил. Затем молодой Ефрон с деньгами уехал за границу; вскоре случилась революция.

Здесь пора сказать несколько слов о политических взглядах А. Ф. Он был, несомненно, человеком социально активным (сочувствовал кадетам, дружил и сотрудничал с Дубновым, организовывал журналы), но проецировать парламентскую дискуссию на житейские отношения не считал возможным и этим отличался от многих своих современников. Конечно, и его терпимость была небеспредельна (он уважал любую точку зрения, лишь если признавал ее честной), однако

для кругов, в которых он вращался, криминальный радикализм большевистского или черносотенного толка не был характерен, поэтому человеческие (хотя бы и деловые) связи А. Ф. не замутнились политической склокой, и он поддерживал хорошие, а то и дружеские отношения с очень разными по «направлению» людьми, общим у которых было, пожалуй, лишь то, что они умели уважать его терпимость, даже если сами ею и не отличались.

После революции издательство сначала продолжало работать очень продуктивно. Некоторые долгосрочные проекты вынужденно замедлились, зато вышло немало дешевых изданий научного направления: в «Брокгаузе» стали печататься молодой Струве, молодой Анцыферов и другие. Иногда А. Ф. вдруг забирали в ЧК, но, к счастью, всякий раз вскоре отпускали, — в общем же, творческая атмосфера 20-х гг. отчасти компенсировала опасности тогдашней жизни. В 1929 г., однако, издательство, вместе с другими частными издательствами, после многих стеснительных мер закрыли, типографию в Прачешном переулке национализировали, и А. Ф. превратился в литератора, работающего по договорам. Занимался он в основном альбомами (пушкинскими, герценовскими и т. д.), иногда вместе с Н. П. Анцыферовым, вернувшимся к тому времени с Соловков и переселившимся в Москву. Издательский архив — более трехсот папок — лежал в нашем доме на углу Суворовского и Таврической, в квартире, где дедушка прожил всю вторую половину своей жизни и где после войны родилась я. Между тем настал 1933 г., и моя мать, студентка, вместе с другими студентами была арестована по делу, как-то соприкасавшемуся, кажется, с «академическим», но подробности стали выясняться гораздо позже, а тогда просто взяли всех членов «философского кружка», читавших или слушавших доклады о Фихте и прочем подобном. При обыске весь архив издательства был изъят.

Всю войну мои дед и бабка оставались в Ленинграде, и дедушка в первую блокадную зиму оказался не у дел; только через несколько месяцев он устроился в радиокомитет, где и проработал до 1945 г., после чего просто ушел на пенсию. Условия первой блокадной зимы известны; добавлю, что А. Ф., вдобавок к далеко уже не молодому возрасту и неважному сердцу, был чрезвычайно рослым, — таким, как он, даже в лагерях полагалась дополнительная порция и такие, как он, умирали от голода первыми. Именно тогда бабушка, любящая жена и хороший врач, посоветовала ему, впервые в жизни не имевшему срочных дел, взяться за мемуары, — она знала, что так он вернее выживет. Он послушался и написал первые несколько глав, которые сразу же организовал по тематическому (хотя и достаточно свободному) принципу: темой мог быть человек, журнал, издательство, домашний праздник; объемы глав тоже были свободными. Будущую книгу он, едва написав первые несколько десятков страниц, посвятил бабушке, попросив будущего издателя непременно это посвящение сохранить.

Затем, как сказано, он работал в радиокомитете (и однажды, возвращаясь ночью домой, поймал и скрутил немецкого сигнальщика, наводившего бомбовозы на водокачку), затем закончилась война, но он уже привык к своей книге и продолжал ее писать. Я отлично помню, как он сидел — высокий, худой, с коротко стриженными «английскими» усами — в своей теплой домашней куртке за красивым ампирным (впоследствии окончательно разошедшимся) секретером, макал перо в бронзовую чернильницу и писал нечто мне непонятное («по-письменному»); я, однако, знала, что дедушка пишет свои воспоминания и что это — дело серьезное. Писал он по памяти, так как практически все бумаги сгинули в НКВД, хотя не имели ни малейшего отношения к студенческому кружку, из-за которого были изъяты.

Оказалось, однако, что доблестное ведомство хранило наши триста папок лет тридцать, а потом вдруг решило в них разобраться. Некоторую часть архива составляли, естественно, бухгалтерские книги издательства «Брокгауз—Ефрон», — эта часть, как-никак относящаяся к деньгам, пусть давно истраченным, была сочтена полезной и хранится в архиве до сих пор; прочее за ненадобностью попросту уничтожили. Остались только воспоминания, главы которых и публикуются.

Приехав в Петербург в августе 1906 года, я зашел в редакцию журнала «Рассвет»¹. Как сотрудник «Еврейской жизни»², в которой я, живя за границей, вел «Заграничную хронику» и поместил несколько статей, я сохранил связь и с редакцией «Рассвета». Редактор журнала А. Д. Идельсон³ принял меня как старого знакомого, хотя мы лично не были знакомы, а от сионизма я к тому времени уже отошел. Согласившись на его предложение продолжать участвовать в журнале, я дал ему статью, направленную против «антижаргонизма» Клаузнера⁴. Идельсон статью принял, но без моего ведома «смягчил» ее. После этого я уже больше не писал для «Рассвета».

В редакции «Рассвета» я встретился со старым своим знакомым по Одессе — Я. Н. Теплицким⁵. Теплицкий работал в эмиграционном отделе ЕКО*. Он познакомил меня с Г. М. Португаловым⁶, работавшим в том же отделе ЕКО. Оба они были сотрудниками «Рассвета» и были недовольны позицией журнала в вопросах еврейской культуры. По их мнению, позиция журнала не соответствовала «Гельсингфорсской программе»⁷, принятой на незадолго до этого состоявшемся сионистском съезде.

Они меня уверяли, что таково отношение к редакции журнала

---

* Еврейское колонизационное общество.— *Ред.*

не только их, но и многих других сотрудников его, и предложили мне принять участие в созываемом ими совещании «недовольных» для обсуждения программы журнала и возможного изменения состава редакции. Я отказался от участия в таком совещании, так как не считал себя — отошедшего от сионизма — вправе участвовать в обсуждении программы партийного журнала.

Со своей стороны я предложил подумать о создании беспартийного литературно-научного журнала, в котором могли бы участвовать представители разных течений русского еврейства, за исключением поборников ассимиляции.

Предложение это было ими принято.

Я вызвался привлечь к нашему делу Дубнова⁸, Браудо⁹ и Ратнера¹⁰, с которыми я к тому времени уже находился в более или менее дружеских отношениях.

Португалов взялся найти издателя. Но все его попытки в этом направлении ни к чему не привели. Тем не менее мы от мысли создать журнал не отказались и время от времени при встречах продолжали обсуждать план такого издания.

Наконец летом 1908 года мы решили организовать этот журнал на общественных началах.

Мы составили циркулярное письмо и от имени фактически не существующей еще редакции «Еврейского Ежемесячника» (так мы предполагали назвать наш журнал) разослали его предполагаемым сотрудникам и некоторым петербургским еврейским общественным деятелям. Не знаю, сохранился ли еще где-нибудь этот циркуляр, и потому привожу его по имеющемуся у меня экземпляру.

«Тяжелое положение, — писали мы, — переживаемое в настоящее время русским еврейством, разгром общественных и ослабление национальных сил обязывают еврейскую интеллигенцию так или иначе реагировать на это явление: искать причины наступившей слабости, противодействовать ее дальнейшему развитию и доискиваться методов ее лечения.

Найти причины кризиса можно только путем всестороннего, объективного изучения социального материала, представляемого всем комплексом еврейской жизни в ее внутренних и внешних проявлениях, и беспристрастным исследованием всего пережитого, а укрепить национальный организм мы, в настоящее критическое время, можем и должны путем накопления национально-культурных сил.

Изучение еврейской действительности и накопление новых культурных сил — вот та **подготовительная** работа, которая может указать нам новые, не замеченные до сих пор пути. Приступить к этой работе — задача русско-еврейской интеллигенции. Задача велика, ответственна и неотложна.

Казалось бы, что теперь, во время общего смятения, при отсутствии возможности широкой политической работы, когда невольно освободившиеся силы могли бы отдаться объективному анализу пройденного пути, когда так необходимо раскрыть смысл переживаемого момента и осветить путь к будущему, — казалось бы, что русско-еврейская серьезная публицистика должна была бы играть руководящую роль в жизни народа. Между тем именно теперь, когда так велика нужда в серьезном литературном органе, который мог бы осуществить все указанные неотложные задачи, русско-еврейская периодическая печать почти совершенно уничтожена. Конечно, наблюдаемый в нашей политической жизни распад обусловлен, главным образом, общим политическим кризисом и дезорганизацией активных литературных сил. Однако, помимо общих причин, этот распад объясняется и специально — малочисленностью литературных работников и разобщенностью их среди различных партийных органов. Последнее явление, необходимое при нормальном строе жизни, приводит в нашей, еще не окрепшей, политической литературе к отрицательному результату: к отсутствию продуктов широкой публицистической мысли. А между тем в такой научной разработке жгучих вопросов еврейской жизни ощущается неудержимая потребность, культурная и национальная. И для удовлетворения ее нет иного пути, кроме пути объединения всех наличных литературных сил. Эту задачу поставила себе редакция «Еврейского Ежемесячника», уже успевшая привлечь к себе некоторые лучшие силы русско-еврейской литературы.

Мы не хотели бы быть ложно понятыми и поэтому подчеркиваем, что не в единении или слиянии различных **течений** усматриваем мы нашу задачу, а в единении **литературных** сил. Мы хотим создать внепартийный орган, в котором культурные вопросы еврейской жизни займут главное место. От своих сотрудников редакция ожидает не партийной публицистики, а материала, опирающегося на объективные научные данные. Редакция стремится создать литературный и научный журнал не только по названию, но и по содержанию.

Но отказываясь от всякой **партийной** окраски, редакция тем не менее считает необходимым поставить известные рамки вокруг журнала, рамки достаточно широкие для того, чтобы различные течения могли найти в них место, но вместе с тем достаточно определенные, чтобы журнал из беспартийного не превратился в беспрограммный: Эти рамки редакция видит в лозунге **борьбы за гражданское и национальное полноправие еврейского народа.**

Уделяя место объективному изучению существующих в еврействе общественных течений, выходящих за рамки данной программы, и избегая при этом партийно-полемиического тона, редакция не допустит, однако, уклонения вправо или влево от намеченных границ.

При таких условиях мы надеемся объединить вокруг нашего издания все наличные силы русско-еврейской литературы, всех тех, которые стремятся к плодотворной национально-культурной работе».

При помощи А. И. Браудо и С. М. Дубнова была организована небольшая группа, которая взяла на себя финансовые заботы о журнале. Наиболее активными ее членами были А. И. Браудо и В. С. Мандель¹¹. Участвовал в этой группе и сионист С. Е. Вейсенберг¹², а уж затем были привлечены М. М. Винавер¹³ и М. И. Шефтель¹⁴.

К тому времени наступивший было застой в еврейской общественно-политической жизни стал рассасываться. Петербургские еврейские партийные группы стали оживать. Вследствие этого задуманный нами чисто научный и литературный журнал не удовлетворял уже тех общественных деятелей, которых мы привлекли. Они потребовали, чтобы журнал уделял должное внимание и текущим общественно-политическим вопросам. Тем самым осложнилась задача организации редакции. Для научно-литературного журнала вопрос о составе редакции и его главном редакторе решался значительно легче, чем для журнала общественно-политического. Мы было наметили Дубнова в главные редакторы. С изменением программы журнала встал вопрос о привлечении в редакцию представителей различных групп и течений. Надо было обеспечить «равновесие» в составе редакции, и роль главного редактора уже не сводилась только к роли литературного и научного руководителя журнала; он должен был обеспечить беспартийность журнала в межпартийной редакции.

Лично меня, стоявшего вне всяких петербургских партийных групп, привлекал научно-литературный журнал, без «коалиционной» редакции и без необходимости постоянных компромиссов, без которых общественно-политический журнал с межпартийной редакцией невозможен. Такого же мнения держались Теплицкий и Португалов. Но, поскольку мы согласились, хотя и без особого энтузиазма, на расширенную программу, пришлось сделать соответствующие выводы и по вопросу о составе редакции.

Первые организационные редакционные совещания происходили на квартире Дубнова. Участвовали в них Дубнов, Браудо и три инициатора. Ратнер в то время был уже за границей. Его участие в редакционной коллегии было только номинальным. Вскоре в коллегию вошел Ан-ский¹⁵. С привлечением в финансовую комиссию Винавера и Шефтеля пришлось привлечь в редакцию и представителей «Народной группы»¹⁶, возглавляемой Винавером.

Теплицкий и, главным образом, Португалов рекомендовали пригласить М. Л. Тривуса («Шми»)¹⁷, которого Португалов характеризовал как наиболее терпимого «групписта» и как очень приличного и уживчивого человека. Иного мнения был Дубнов: он настаивал на привлечении Л. А. Сева¹⁸ и рекомендовал его как опытного редактора и широко образованного человека. Сам Дубнов уклонялся от роли главного редактора и считал, что эту должность может занять Сев.

Кандидатура Сева вызывала возражения не только со стороны Португалова и Теплицкого, считавших его заядлым антисоциалистом, но и со стороны Браудо и Ан-ского. Я не знал ни Сева, ни Тривуса и относился к этому спору безразлично.

В конце концов в редакцию вошли и Сев, и Тривус. Таким образом в составе редакции оказались: С. М. Дубнов, А. И. Браудо, С. А. Ан-ский, Л. А. Сев, М. Л. Тривус, Я. Н. Теплицкий, Г. М. Португалов и я. Кроме того, числился еще М. Б. Ратнер.

Все отделы журнала были распределены между членами редакции, причем каждый отдел обязательно должен был редактироваться двумя членами редакции. Одним из этих двух должны были обязательно быть Дубнов или Сев. Председателем коллегии был избран Дубнов. Мне передали секретарство и всю организационную часть.

В ноябре 1903 года редакция приступила к подготовке первых номеров журнала «Еврейский Мир». Был разослан краткий проспект за подписью всех членов редакции, в котором было сказано:

«Еврейский Мир» видит свою задачу в объективном исследовании научных, общественных и политических вопросов еврейства, в художественном воспроизведении еврейского быта и вообще в содействии развитию культурных ценностей нации.

Для выполнения этой задачи необходимо объединение наших литературных сил, ныне разбросанных между различными партийными течениями. «Еврейский Мир», не отрицая законности общественной дифференциации, стремится к возможному объединению в общей культурно-национальной работе всех тех литературных деятелей, которые видят в свободном развитии еврейской нации и ее культуры основную цель своих программ.

Уделяя главное внимание всестороннему освещению жизни русского еврейства, переживающего в настоящее время сложный исторический кризис, «Еврейский Мир» будет в то же время следить за жизнью и культурным творчеством нации во всех других местах. В этой области журнал будет с особым вниманием следить за великим фактором современности — эмиграционным движением и ростом двух новых центров еврейства, складывающихся в Америке и Палестине».

В январе 1909 года вышла первая книга журнала «Еврейский Мир».

Прежде чем рассказать о редакционной работе в журнале, я попытаюсь кратко охарактеризовать членов редакции и их взаимоотношения.

С. М. Дубнов, несмотря на большой интерес к журналу, старался по возможности ограничить свою работу в нем. Он не переставал твердить, что главная и основная цель его жизни — работа над историей еврейства, а всякая другая работа отрывает его от этой основной работы. Аккуратно участвуя во всех редакционных совещаниях, он просил не загружать его редакционными работами. Это было вскоре после ухода его из редакции Еврейской Энциклопедии, откуда он ушел из-за разногласий с издателем и для того, чтобы всецело отдаться работе над «Историей».

Будучи идейным противником «Группы», он сохранил дружеские отношения с Винавером лично, а тот со своей стороны всегда относился к Дубнову с максимальным вниманием и предупредительностью. Дубнов ценил несомненные таланты Винавера и считал его крупным общественно-политическим деятелем.

В редакции Дубнов старался быть лояльным по отношению к «Группе» и ее представителям, которые сразу очутились там в

недружелюбном окружении. В особенности он их поддерживал, когда дело касалось общей политики, в которой он сам примыкал к кадетской партии. Надо, однако, сказать, что «надпартийная» или «беспартийная» позиция ему редко давалась: будучи по темпераменту публицистом не без задора, он часто срывался с занятой позиции «надпартийного» арбитра.

Об **Александре Исаевиче Браудо** надо было бы говорить особо и много. Это один из самых замечательных по своим душевным качествам людей, которых я встречал на своем долгом жизненном пути. Хотелось бы посвятить ему особый очерк, но боюсь, что мне не удастся дать надлежащий очерк — портрет этого исключительного человека. Для этого нужно гораздо более умелое и сильное перо. Незадолго до смерти Горнфельда¹⁹ я его уговаривал писать свои воспоминания. В частности, мне хотелось, чтобы он написал о двух близких мне и любимых также им людях — об А. И. Браудо и С. Л. Цинберге²⁰. Мне хотелось, чтобы он оставил портреты этих двух столь разных, казалось бы, но столь близких по душевным качествам своим, по благородству, скромности и неисчерпаемой работоспособности людей. Но Горнфельд был того мнения, что о петербургском периоде своей жизни ему писать не следует. Он думал, что ему легче будет писать о детстве и ранней юности своей. (Оставил ли он такие записи — не знаю.) Пользуюсь первым поводом, чтобы, хотя вкратце и по мере сил своих, рассказать кое-что из того, что я знаю о Браудо. Может быть, я последний из близко знавших его друзей*.

В русско-еврейской жизни самых последних годов прошлого века и первых двух десятилетий нашего века А. И. Браудо был одним из наиболее активных, беззаветно преданных своему народу деятелей. Всегда скромный, мало заметный для непосвященных, Браудо без всякого шума, без лишних слов, систематически, изо дня в день отдавал свои силы, свое время делу еврейства, так, как он его понимал, и на том участке, который он считал в данное время наиболее актуальным. Надо ли было организовать общественное мнение Европы против еврейских

---

* После того как этот очерк был мною написан, я узнал, что друзья Браудо выпустили в Париже в 1937 году сборник, посвященный его памяти. К моему глубокому сожалению, я не имел возможности ознакомиться с ним. Июль, 1943²¹.

гонений со стороны царского правительства; надо ли было бороться внутри страны за равноправие и полноправие еврейства; надо ли было разоблачить перед Европой гнусный процесс Бейлиса и обеспечить надлежащую защиту на суде, которая должна была перейти из защиты в обвинение против инициаторов процесса; надо ли было бороться против злых наветов во время первой мировой войны; надо ли было организовать помощь беженцам и насильственно выселенным из мест близких к фронту; затевалось ли новое культурное предприятие — Александр Исаевич всегда стоял в первом ряду наиболее активных деятелей. Его энергия и активность были неисчерпаемы. Но о его кипучей деятельности знали, как я уже сказал, весьма немногие. Помню, на Ковенском съезде²², когда его имя было названо среди назначенных и избранных членов Комитета общественных деятелей, сидевший рядом со мной за корреспондентским столом провинциальный журналист спросил своего соседа: «А кто такой Браудо?» — «Должно быть, какой-то петербургский богач», — последовал ответ. Я не мог удержаться от смеха и на недоуменный вопрос моих соседей объяснил им, что этот «богач» живет на весьма скромный оклад библиотекаря Петербургской Публичной библиотеки, еле сводит концы с концами и часто вынужден прибегать к мелким займам у приятелей, чтобы дожить до дня выплаты «жалованья».

В Императорской Публичной библиотеке А. И. Браудо заведовал самым крупным в то время отделом — «Rossica».

Кроме него, в Библиотеке был еще один еврей — А. Я. Гаркави²³. После Октябрьской революции Браудо очутился как-то в поезде в одном купе с военным моряком из «бывших». Моряк, между прочим, заговорил с Браудо о нарождавшейся в то время Красной Армии и с увлечением рассказывал о способностях Лейбуша²⁴ и его умении легко схватывать чисто военные вопросы. И наконец, не подозревая, что его собеседник — старый видный работник Императорской Публичной библиотеки, типичный европеец по виду и манерам — еврей, перешел на тему о «еврейском засилье» и спросил: «А у вас в Библиотеке «они» (евреи) тоже захватили все в свои руки?» — «Кроме меня и Гаркави у нас нет евреев», — спокойно ответил Браудо.

Связи А. И. в ученом, литературном и чиновном мирах были огромны. У него, как у всякого человека, причастного к обще-

ственным делам, было много противников, но никогда я не слышал, чтобы кто-либо из его противников позволил себе сказать что-нибудь плохое лично о нем. Его реноме абсолютно чистого человека для всех без исключения знавших его лично было вне всяких сомнений.

Я сблизился с Браудо вскоре после того, как мы познакомились, и наши дружеские отношения сохранились до самого конца его жизни, до отъезда его в командировку за границу, откуда он уже не вернулся, скончавшись от паралича сердца в Лондоне. Последнее письмо от него я получил из Парижа, где жила его дочь²⁵. Письмо было грустное; дочери жилось плохо. Чувствовал он себя нехорошо в кругах старых друзей и знакомых—эмигрантов. К сожалению, переписка с ним, как и весь мой архив, исчезла в 1933 году²⁶.

Познакомился я с А. И. в конце 1906 года. Я тогда интересовался вопросом об участии евреев в революционном движении в России и добивался разрешения работать в Рукописном отделе Публичной библиотеки, где хранились фонды «нелегальной литературы». Надо было для этого получить разрешение директора Библиотеки. Дубнов познакомил меня с Браудо, а последний представил меня Кобеко²⁷, тогдашнему директору Библиотеки.

Д. Ф. Кобеко, «либеральный» сановник, член Государственного совета, придворный, сторонник еврейского равноправия, дал мне требуемое разрешение, заметив при этом с ехидной улыбкой, что я зря трачу на это время, что он знает точно и может меня в этом уверить, — для этого вовсе не требуются мои архивные изыскания, — что участие евреев в революционном движении велико и несомненно, что вопрос этот уже достаточно обследован, и на основании гораздо большего материала, чем тот, который находится в Библиотеке.

Между прочим, этот же Кобеко рассказал А. И., что, говоря с царицей по еврейскому вопросу и считая, что на царицу, воспитывавшуюся в Англии, произведет впечатление ссылка на эту страну, он указал ей, что английские евреи давно уже пользуются равноправием. «Ну, а результаты, — с возмущением парировала царица, — получились весьма печальные. Ведь они пролезли не только в нижнюю, но и верхнюю палату».

Работа Браудо в Публичной библиотеке немало способствовала его обширным связям в различных кругах петербургского общества. Кто раз встретился с Александром Исаевичем, тот не

мог не поддаться обаянию его личности. Он пользовался любовью и уважением как в кругах «кадетской» «Речи» и народно-социалистического «Русского Богатства», так и в кругах более левых элементов, до большевиков включительно.

Когда директор Департамента полиции Лопухин²⁸ после отставки своей решил разоблачить Азефа²⁹, он через Браудо связался с Бурцевым³⁰. После ареста Лопухина Браудо некоторое время ждал репрессий против себя и, опасаясь ареста, короткое время даже не ночевал дома. Но, очевидно, у правительства не было достаточных данных, чтобы привлечь к суду Браудо. Однако «под подозрением» он остался до конца существования царской власти.

В еврейской общественности Браудо занимал особое место. Происходя из интеллигентной ассимилированной семьи — отец его был военным врачом и жил с семьей вне «черты оседлости», — Браудо в детстве и в дни юности почти не общался с евреями, еврейского языка не знал, и быт еврейский ему не был знаком. Попав в Петербург (учился он в немецком университете в Юрьеве, где он принимал участие в жизни еврейского студенческого кружка), он включился в еврейскую общественную жизнь.

Обширные связи в оппозиционных политических кругах, с одной стороны, и знакомство со многими видными чиновниками — с другой, давали Браудо возможность узнать заранее о мероприятиях, подготавливаемых царским правительством по отношению к евреям. Таким образом, среди петербургских еврейских деятелей за ним как бы установилась репутация уполномоченного еврейского общества по внешним делам. В отличие от барона Гинцбурга³¹, на которого в официальном мире смотрели как на всееврейского ходатая, на Браудо смотрели в оппозиционных кругах русского общества как на авторитетного представителя борющегося за свои права русского еврейства. Эта репутация настолько укрепилась за ним, что и заграничные еврейские деятели смотрели на него как на одного из наиболее осведомленных и признанных представителей русского еврейства.

Во время процесса Бейлиса, когда пришлось заинтересовать европейское общественное мнение этим процессом, грозившим возродить средневековый навет, Браудо — об этом знали очень немногие — был связующим звеном между русско-еврейской общественностью и еврейскими деятелями за границей. Бывало, в пятницу вечером А. И. выезжал курьерским поездом за границу

для свидания с нужными людьми, с тем чтобы в понедельник утром явиться в обычное время на службу, пропуская под каким-нибудь предлогом один только служебный день.

После революции 1905 года Браудо формально пристал к петербургской еврейской «Демократической группе»³², насчитывавшей десятка полтора членов. По существу он, однако, не принадлежал ни к одной группе, как и не принадлежал ни к одной русской политической партии. Если возможна «надпартийность», то Браудо был одним из редких представителей ее. Именно не внепартийным, а надпартийным он был. В строго парламентской стране такие люди занимают крупные государственные посты, пользуются всеобщим доверием и остаются на своих местах независимо от смены правительств.

После Октября он был назначен заместителем директора Библиотеки и фактически был единственным руководителем ее. Официально место директора одно время занимал бывший нововременец, перешедший в «коммунисты», — Андерсен³³. Браудо спас тогда чрезвычайно ценные фонды Библиотеки от посягательств поляков. Он принял экстренные меры, о которых сообщил Ленину. Ленин внимательно выслушал его и, улыбаясь, сказал: «Извините, Александр Исаевич, я не слышал, что вы мне сказали».

Кстати, расскажу характерный для того времени факт, смахивающий больше на анекдот. Как-то я сидел у Браудо в его кабинете в Библиотеке, когда к нему явился молодой человек, представил мандат соответствующего учреждения и потребовал «списки всех книг, находящихся в Библиотеке». Я с любопытством посмотрел не на этого молодого человека, а на Браудо, ожидая его ответа. Но А. И. с обычным для него спокойствием ответил: «Чтобы выполнить ваше требование, мне нужен большой штат квалифицированных работников и не меньше 8—9 месяцев срока».

Выполняя фактически обязанности директора Библиотеки, Браудо, по скромности своей, устранился от звания директора, несмотря на то, что оно ему было предложено и что он по существу был наиболее подходящим кандидатом на пост директора. Браудо считал, что во главе Библиотеки должен стоять ученый с крупным именем. По его предложению был приглашен Э. Л. Радлов³⁴, а затем академик Марр³⁵. Но и при первом и при втором фактическое руководство Библиотекой оставалось в руках А. И. Браудо.

В Библиотеке он пользовался всеобщей любовью. Работники Библиотеки рассказывали мне, что, никогда не оперируя своими

правами начальника, он умел стимулировать своим поведением и преданностью делам Библиотеки активность подчиненных и сослуживцев и их преданность делу.

Величайший интерес ко всяким общегосударственным вопросам, как и глубокая связь с русской культурой, не отвлекал, однако, Браудо от еврейских интересов, не ослаблял его крепкую связь с еврейством.

Характерно отношение Браудо — еврея, выросшего в ассимилированной семье, — к народному языку, к «жаргону», который вызывал такое раздражение у многих «просвещенных» евреев. В Одессе, где он, не помню точно, в каком году, отдыхал на одном из «Фонтанов», в пансионе за табльдотом двое из присутствующих как-то обменялись несколькими фразами по-еврейски. Сидевший за столом русский радикал, старый знакомый Браудо, счел возможным сделать им замечание, что за общим столом не говорят на непонятном всем «наречии». Между тем этот же радикал до того говорил по-французски с соседом, плохо говорившим по-русски. Браудо возмутило это замечание. «Вы что, как хозяин русской земли, не допускаете «наречия» малых национальностей, или вы действительно считаете, что за общим столом не следует говорить на языке, непонятном всем присутствующим? Но как же вы позволяете себе разговаривать за общим столом по-французски? Разве все, сидящие за этим столом, обязаны знать французский язык?»

Александр Исаевич не был идишистом. Еврейского языка не знал и не только никогда не говорил по-еврейски, но и не жил никогда среди людей, говоривших на этом языке. Однако недостойное отношение некоторых еврейских интеллигентов к «жаргону» возмущало его. Он жалел, что не знал родного для еврейских масс языка, и не понимал, как можно относиться к нему высокомерно. Когда я как-то поспорил с женой его, Любовью Ильиной³⁶, и близким родственником ее, известным в свое время московским адвокатом и еврейским общественным деятелем В. О. Гаркави³⁷, о национальном значении «идиш», Александр Исаевич порицал их за то, что они, выросшие в еврейской среде в Вильно, так пренебрежительно относятся к «жаргону».

Л. И. Браудо, урожденная Гаркави, как и В. О. Гаркави, происходила из известной семьи виленских талмудистов Страшун³⁸. Тем не менее эта интеллигентная, хорошая, воспитывавшаяся в семье со старыми еврейскими традициями женщина

относилась в первые годы замужества, как она сама мне рассказывала, весьма критически и даже насмешливо к «еврейскому патриотизму» Александра Исаевича и лишь впоследствии поддавалась его влиянию.

Незадолго до смерти, вернувшись после смерти Александра Исаевича из-за границы, она с грустью рассказывала жене моей и мне о двух днях, проведенных ею в Берлине, по дороге из Парижа в Ленинград, в семье покойного уже тогда В. О. Гаркави.

Гаркави, как я уже сказал, происходил из знатной еврейской семьи со старыми традициями. Он хорошо знал древнееврейский язык и даже старую письменность и занимался еврейскими общественными делами. В его столовой висели портреты его предков в традиционной еврейской одежде. «Пусть там, наверху (на верхнем этаже его особняка жила его дочь, бывшая замужем за русским дворянином Угримовым), не подумают, что я стыжусь своих стариков,— сказал он мне.— Я ими горжусь не менее, чем они своими предками».

Как-то Дубнов, Браудо и я были одновременно в Москве и завтракали у В. О. Гаркави. После завтрака Гаркави шуточно предложил Александру Исаевичу совершить застольную молитву, которую полагается совершать, когда трое евреев едят вместе. И он потешался над Александром Исаевичем, который понятия не имел о том, что значит *Mesumen bentschen**.

У вдовы и дочери этого Гаркави остановилась Л. И. Браудо на обратном пути в Ленинград. Угримовы вместе со старухой Гаркави жили в среде белой эмиграции, в одном пансионе с известным в свое время черносотенцем и антисемитом епископом Евлогием³⁹. Являясь к столу, все — и Гаркави в том числе — подходили под благословение «Владыки». Родственницы Л. И. были шокированы тем, что она не последовала их примеру. С своей стороны Л. И. была так потрясена поведением своих родственниц, что поспешила оставить их дом**.

---

* *Mesumen bentschen* — талмудический обычай, устанавливающий, что если три или больше евреев едят за одним столом, то один из них обязан перед чтением молитвы о пище совершить обряд зимун — обратиться к собравшимся с призывом воздать хвалу Всевышнему за съеденную пищу.

** В. О. Гаркави был одним из тех старых «ассимиляторов», у которых идея ассимиляции еврейского народа уживалась с привязанностью к национальному прошлому и преданностью всем народным интересам. На каждого антисемита он смотрел как на личного лютого врага. Предложение явиться на поклон к «попу»

Я здесь говорил почти исключительно о Браудо как об общественном деятеле и ничего не сказал о частной жизни его. А между тем я за двадцать с лишним лет личных дружеских отношений имел возможность присмотреться не только к общественной жизни А. И. Браудо. Но, повторяю, я не чувствую себя в силах дать общий портрет этого замечательного человека. Помню, сидя как-то с ним в 1920 или 1921 году в садике перед Румянцевским музеем и слушая его рассказ о его личных материальных затруднениях и о помощи, которую он должен оказать одному мало ему знакомому человеку, я сказал ему: «Вы, Александр Исаевич, редкий объект для музейного экспоната. Ведь тот, о котором вы так хлопчете, находится в лучшем положении, чем вы!» Браудо действительно представлял собой редкий экземпляр человека, сохраняющего при всех обстоятельствах жизни душевную чистоту и благородство характера. Личные невзгоды или общественная работа никогда не заслоняли от него нужды не только друзей, но и просто знакомых, если он мог им чем-нибудь помочь. Со свойственной ему деликатностью он молчаливо, без лишнего слова, иногда в ущерб своим личным интересам делал все для него возможное, чтобы помочь человеку, обратившемуся к нему за помощью. Вместе с тем он не любил, когда ему говорили о его непрактичности, о том, что он пренебрегает своими материальными интересами. Наоборот, он считал себя, — и в известной степени не без основания, — человеком практического ума. Когда дело касалось не его узколичных интересов, Александр Исаевич был

и антисемиту Евлогию он, без сомнения, отверг бы с презрением. Смешанные браки, вероятно, — по крайней мере когда он был моложе, — представлялись ему как браки между людьми, «освободившимися от религиозных и национальных предрассудков». Но «освобождение», думалось ему, будет обоюдное, на основе равноправия. Результаты такого опыта в его семье поколебали, надо полагать, его веру в «равноправие» и **обоюдное** «освобождение от религиозных и национальных предрассудков» при смешанных браках. И это, должно быть, пришлось ему не по вкусу. В то время, когда я с ним встречался, он с особой болезненностью переживал всякое проявление национального неравенства и с острой ненавистью относился к антисемитизму и антисемитам. Случайно я как-то при нем купил на улице очередной номер газеты «Новое Время» Суворина⁴⁰. «Зачем вы своими деньгами поддерживаете этого людоеда? — сказал он мне с укоризной. — Я тоже читаю эту газету, — надо же знать, что они пишут о нас. «Знай, что отвечать», — процитировал он мне старинное еврейское изречение. — Но, — продолжал он, — чтоб я содействовал этому изданию хотя бы пятаком — этого Суворину не дожидаться!»

человеком дела. Он не чуждался практических дел, никогда не ссылался, как многие русские интеллигенты любили это делать, на свою неприспособленность к практическим делам.

В «Еврейском Мире» Браудо состоял и членом редакции, и активным членом хозяйственного комитета. Как член редакции он занимал «антигруппистскую» позицию, несмотря на то, что по своим еврейским настроениям он был гораздо ближе к ним, чем остальные члены редакции. Его глубокое демократическое чувство отталкивало его от «группистов», стремившихся занять место руководителей русского еврейства.

Семен Акимович Ан-ский был привлечен в редакцию по предложению Дубнова и Браудо, как человек, стоящий вне петербургских еврейских групп, и как писатель, которому можно поручить отдел художественной литературы.

В отличие от Дубнова и Браудо, Ан-ский был легко увлекающимся человеком. Он иногда оказывался во власти своего темперамента в ущерб последовательности своих мыслей и взглядов. Старый социалист-революционер, ученик и восторженный поклонник П. Л. Лаврова⁴¹, секретарем которого он одно время состоял, Ан-ский, в сущности, не был человеком строгой политической концепции. Он часто поддавался влиянию окружавших его друзей, — а у него их было много, и не только среди единомышленников. Его любили все его знакомые, ценили его восторженный, подкупающий своей искренностью характер.

Из захолустного еврейского местечка Витебской губернии, где он тайно занимался чтением и распространением «еретических» книг на древнееврейском языке, он перешел к русским народникам, работал в деревне, а затем среди рабочих на угольных шахтах, эмигрировал за границу и впоследствии одним из первых вступил в Партию социалистов-революционеров.

Как и для большинства еврейской радикальной молодежи того времени, «хождение в народ» значило для него идти в деревню, к русскому народу. В местечковом еврейском народе, среди которого они провели свои юные годы, они не видели объекта для своей просветительной и революционной работы.

Лишь в Париже, в Латинском квартале, Ан-ский столкнулся с новой еврейской молодежью, с выходцами из родной ему «черты», с первыми ласточками **еврейского** рабочего движения.

И здесь, в Париже, Ан-ский вновь почувствовал свою крепкую, глубокую связь с еврейством.

Вернувшись в 1906 году в Россию, Ан-ский включился в еврейскую общественную работу. В еврейской, как и в общегосударственной, жизни он всегда оставался народником, убежденным демократом. Однако, как я уже говорил, Ан-ский не был человеком строго политической программы. По существу он был не политическим деятелем, а культуртрегером в лучшем смысле этого слова.

По-настоящему талант Ан-ского проявился в фольклористике. В последние годы своей жизни он всецело отдался собиранию и обнародованию еврейского фольклора. В этом деле он оказался неутомимым и — что, казалось бы, несвойственно ему — незаурядным организатором. Он достал нужные средства, привлек нужных людей и организовал специальную комиссию для содействия делу собирания еврейского фольклора. Он разъезжал сам по самым захолустным еврейским местечкам, отыскивал ценные объекты для организуемого им еврейского музея, создал коллектив сотрудников для будущего музея и для собирания материала. Среди них он привлек и молодого тогда, талантливого художника-ксилографа С. Б. Юдовина⁴². В еврейских местечках он проводил целые дни и вечера в синагоге, в обществе старых синагогальных завсегдатаев, выслушивая и записывая их рассказы, легенды и сказания. Как фольклорист Ан-ский умел критически относиться к собранному материалу, надлежащим образом обрабатывать его. Лучшая его вещь «Среди двух миров» («Гадибук») — это театрализованные сцены из фольклорной поэзии.

Но как редактор художественного отдела журнала Ан-ский не отличался ни большим критическим чутьем, ни хорошим вкусом. Сев как редактор стоял гораздо выше его.

Л. А. Сев был несомненно опытным редактором, широко образованным человеком с хорошим вкусом. Он считал себя философом и, по его словам, всю жизнь работал над каким-то философским трудом, который он готовил к печати. Сам он был уверен, что является идеологом «Народной группы», а Винавер — проводником его программы. Он происходил из состоятельной семьи, был строен, весьма благообразен, всегда следил за своей внешностью. В более молодые годы он, очевидно, считался в семье (он и Винавер были женаты на родных сестрах) более блестящим, чем Винавер. По окончании юридического

факультета Петербургского университета он занимался при Берлинском университете философией, историей и историей литературы и искусства; слушал лекции в Hochschule für jüdische Wissenschaft*.

Быстрый рост Винавера, который его обогнал и оставил далеко позади, задела, вероятно, его самолюбие, и он старался всячески подчеркивать свою независимость от Винавера, и, как мне кажется, только поэтому он не последовал за Винавером в кадетскую партию. В редакции он подчеркивал свое превосходство над Тривусом, своим товарищем по «Народной группе». В отношении же к другим членам редакции он был весьма корректен.

Совершенно другой человек был **М. Л. Тривус**. Уроженец южной России, он в Петербурге, в числе других молодых юристов, попал в Конференцию помощников присяжных поверенных, руководимую А. Я. Пассовером⁴³. По инициативе Пассовера несколько человек из этой конференции образовали группу для составления и издания книги о правовом положении евреев в России. Из этого кружка потом образовалась Историко-этнографическая комиссия, во главе которой стал М. М. Винавер. [Тривус] участвовал во всех общественно-литературных предприятиях последнего и в некоторой степени питался ими и материально.

Человек без твердо установленных взглядов, без определенных принципов, готовый приспособляться к тому, что в данный момент ему казалось более ходким. С пренебрежением говорил о «жаргоне» и «жаргонной литературе», а на банкете в честь приехавшего в Петербурге Переца⁴⁴ патетически воскликнул: «Morituri te salutant»**, приветствуя Переца от имени «смертников» — евреев, говорящих и пишущих по-русски. Горячо возражал противникам конфессиональной еврейской общины, с пафосом говорил о нашем «великом наследии», об Исаии и Иеремии, которых он знал, вероятно, очень мало, о наших «дивных молитвах», которых он никогда не произносил. А как только укрепилась советская власть, он заявил, как мне передавал Л. Я. Штернберг⁴⁵, что он не испытывает никакого интереса к еврейству и его прошлому, что заниматься еврейской стариной (речь шла о журнале «Еврейская Старина») он считает «редакционной глупостью». Он, «убежденный противник революционных

---

* Высшая школа иудаики.

** «Идущие на смерть приветствуют тебя» (лат.).

эксцессов», как он до Октября рекомендовал себя, вдруг превратился в столь же «убежденного» большевика. На старости лет он женился на какой-то молодой русской женщине и, кажется, вступил в партию.

В редакции «Еврейского Мира» он считал себя стражем «Народной группы» и лично Винавера, который посадил его туда.

Мне остается сказать еще несколько слов о моих ближайших товарищах по редакции — Якове Наумовиче Теплицком и Григории Марковиче Португалове.

Я. Н. Теплицкий — человек высокой порядочности, глубоко убежденный сионист, хотя и не вполне правоверный, чрезвычайно скромный, говорил мало и тихо, но всегда определенно и уверенно. Несколько болезненный, он жил всегда как-то уединенно и, поскольку я знаю, мало где бывал. При других условиях занимался бы наукой и делал бы ученую карьеру, к которой он был склонен. Но в царской России он вынужден был довольствоваться скромным местом в эмиграционном отделе ЕКО. Для журнальной деятельности он по своему темпераменту мало подходил и в редакции держался несколько в стороне. Я, к сожалению, затем потерял его из виду и дальнейшую судьбу его не знаю, но навсегда сохранил о нем теплое воспоминание.

Иным человеком был **Григорий Маркович Португалов**. Он, как и Теплицкий, работал в эмиграционном отделе ЕКО. Приятный собеседник, хороший товарищ, гостеприимный хозяин, он был человеком слабым не только здоровьем. Летом при малейшем дожде он уже не выходил из дому без галош и зонтика. Я, бывало, дружески подсмеивался над ним за это, а он добродушно отшучивался.

В редакции он пользовался особым благоволением Тривуса, хотя они принадлежали к двум противоположным течениям: Тривус — к наименее национально настроенной «Народной группе», а Португалов — к сионистам. Писал Португалов округлыми фразами, гладко, без страсти. Таким он был и в редакции. Он защищал сионистские позиции, но как-то слабо, без темперамента и без настойчивости. В частых моих спорах и конфликтах с Тривусом он большей частью был на моей стороне, тем не менее Тривус всегда оперировал португаловской «лояльностью» против моей «нелояльности».

Впоследствии он ушел из ЕКО, отдался адвокатской практике, приобрел большое количество мелких клиентов по разным

бытовым делам, а в советское время работал не то управделами, не то юрисконсультom при Петроградском горисполкоме; попал под суд за то, что продолжал заниматься частной юридической практикой, после недолгого заключения был освобожден и умер, после непродолжительной болезни, от простуды. Знаю, что он по возможности использовал свое служебное положение, чтобы помогать старым ученым, находившимся в тяжелых материальных условиях.

Таков был первоначальный состав нашей редакции.

Когда мы приступили к изданию «Еврейского Мира», в еврейской общественности чувствовался, как я уже говорил, некоторый подъем. Незадолго до этого возникли Еврейское литературное общество, Еврейское музыкальное общество, Историко-этнографическое общество, Общество для урегулирования еврейской эмиграции; образовался совещательный орган при еврейских депутатах Государственной думы. Трудно было при этих условиях и при столь многоголосой и разношерстной редакции сохранить всегда беспартийность, не впадая при этом в беспринципность. Даже при желании выдержать марку беспартийности члены редакции и стоящие за ними сотрудники журнала тянули каждый в свою сторону. Вопрос был только в том, кто сильнее тянет.

Более или менее согласованно, без особых трений проходили в редакции в первое время вопросы, связанные с правовым положением евреев и отношением к ним со стороны правительства и думского большинства. Более или менее одинаково было и отношение к еврейским депутатам в Государственной думе.

Еврейские депутаты III Думы — Л. Н. Нисселович⁴⁶ и Н. М. Фридман⁴⁷, в особенности первый, — вызывали постоянные нарекания со стороны еврейских общественных деятелей. Оба они примыкали в Думе к кадетской фракции. Сами они смотрели на себя как на представителей всего русского еврейства в Думе. Таково и было отчасти отношение к ним со стороны думского большинства. При этом скромный Фридман сознавал свой малый вес в Думе и вместе с тем большую ответственность за каждое свое выступление; поэтому он искал опоры в кругах петербургских еврейских деятелей и стремился создать организованное совещание из представителей всех существовавших в Петербурге еврейских групп, которое разделило бы с депута-

тами-евреями ответственность за их работу в Думе, поскольку она касалась еврейского вопроса.

Иначе представлял себе свою роль Нисселович. Бывший чиновник Министерства финансов, по поручению которого он написал и опубликовал несколько работ, уроженец города Бауска, Курляндской губернии, и депутат Курляндской губернии в III Думе, он возомнил себя «великим во Израиле», призванным стать всееврейским ходатаем и представителем всего русского еврейства.

Как адвокат и бывший чиновник Министерства финансов, пользовавшийся доверием самого министра, Нисселович был, должно быть, популярен в своем родном городе, но для роли политического деятеля, в особенности для роли депутата, претендующего быть представителем шестимиллионного русского еврейства, Нисселович, надо сказать, был неподходящей фигурой, и поэтому почти все его выступления вызвали нарекания.

Конечно, депутаты-евреи III и IV Думы находились в тяжелом положении: с одной стороны, они несравненно менее пригодны были для парламентской деятельности, чем депутаты-евреи I Думы, а с другой стороны, тенденция представлять в Думе все русское еврейство у них была сильнее. Поэтому они не могли не являться мишенью для бесконечных нападков с разных сторон. Обидно было за еврейство, представителями которого они как будто бы являлись, и вместе с тем жалко было их, попавших в такое незавидное положение.

Итак, по вопросам борьбы за еврейское равноправие в рамках существующего строя, как и в отношении к политике Нисселовича, разногласия между членами редакции были незначительны, хотя в вопросах общей политики члены редакции были далеко не единодушны. Отношение к думскому большинству, к правительству Столыпина было резко отрицательным у всех. Советательный орган при еврейских депутатах тогда только зародился, и острые разногласия, возникшие уже потом в среде этого совещания, еще не успели проявиться. По вопросам политики еврейских депутатов в Государственной думе редакции удалось сохранить какую-то среднюю межпартийную линию. И когда один из сотрудников журнала, сотрудник «Русских Ведомостей» И. О. Левин⁴⁸, выступил в защиту приспособленческой, «угодливой» политики Нисселовича, редакция, правда, поместила его

статью, но дала ему тут же должную отповедь. Ответ от имени редакции написал Сев.

Гораздо сложнее дело обстояло с вопросами внутренней еврейской политики. Когда дело касалось «политики дальнего прицела», как, например, вопроса о национальной культурной автономии, тех именно вопросов, которые впоследствии, после ухода «группистов», вызвали наиболее острые трения в составе редакции, тогда противники этой доктрины не мешали сторонникам заниматься пропагандой ее. Но когда дело касалось борьбы петербургских групп между собой за их влияние в еврейской общественности, тогда разногласия проявлялись с особой остротой. В этих вопросах «групписты» часто сталкивались с единым фронтом всех остальных членов редакции.

Менее бурно, но не менее резко проявлялись разногласия в двух принципиальных вопросах, стоявших тогда на очереди в порядке дня: в вопросе о языке и о характере будущей еврейской общины.

Возникновение Еврейского литературного общества и инцидент Чирикова—Аша⁴⁹ обострили вопрос о литературе на разговорно-еврейском языке идиш, или, как принято было в кругах большей части интеллигенции называть этот язык,— «жаргоне».

Еврейское литературное общество вызвало исключительный интерес к себе со стороны демократической части петербургской еврейской интеллигенции, которая проявила свою приверженность к идишистскому течению. Между тем, по мысли инициаторов этого общества, оно должно было быть нейтральным в вопросе о языке.

На одном из первых публичных вечеров Общества выступил один из его инициаторов — С. А. Ан-ский с докладом «Равноправие языков в еврейской литературе». С обычной для Ан-ского импульсивностью он утверждал, что к еврейской литературе должно быть отнесено творчество еврейских писателей на еврейские темы, независимо от языка, на котором написаны их произведения; что для еврейской национальной культуры одинаково ценна еврейская литература на древнееврейском, разговорно-еврейском (идиш) или русском языке.

Этот доклад, конечно, только обострил разногласия и не мог не вызвать резкого отпора как со стороны гебраистов, так и со

стороны идишистов. И те и другие справедливо утверждали, что художественная литература может лишь тогда считаться национальной, когда она национальна по своей форме, когда она творится на языке данного народа, а не на чужом языке.

На этот вопрос откликнулся и «Еврейский Мир» в первой своей книжке (январь 1909 г.).

В небольшой заметке «Вопрос о языке» я пытался разобраться в сущности этой проблемы, которая, по моему мнению, была упрощена и втиснута в слишком узкие для нее рамки. Из широкого национально-политического вопроса ее превратили в мелкий безжизненный спор о «равноправии» языков. Речь, в данном случае, писал я, идет не о «**равноправии**» языков, а о национальной **равноценности** еврейской художественной литературы на разных языках. Конечно, каждый еврейский писатель вправе писать на языке наиболее близком ему. Против этого никакой разумный человек не может возражать, так же как нельзя спорить против того, что каждый еврей вправе читать на языке, более всего ему доступном. Но и о равноценности для еврейской национальной культуры художественной литературы, независимо от языка, на котором она написана, также нельзя говорить серьезно. Художественная литература, независимо от ее тематики, должна, конечно, быть отнесена к культуре того народа, на языке которого она написана.

Поэтому весь вопрос должен быть рассмотрен с национально-политической точки зрения — с точки зрения значимости данного языка в дальнейшей судьбе еврейской нации. Те, которые, в конце концов, видят решение еврейского вопроса в слиянии с коренным населением, предпочитают, конечно, литературу на языке коренного населения; те, которые стремятся к возрождению евреев на исторической родине, естественно, смотрят на древнееврейский язык как на единственный национальный язык; те же, которые не верят в осуществление сионизма, но вместе с тем верят в возможность сохранения и дальнейшего развития еврейской национальной культуры в странах рассеяния, те видят в языке широких масс — в идиш — язык еврейской нации.

Хотя заметка эта носила явно идишистский характер, она, благодаря ее спокойному, не резко партийному тону, прошла в редакции без особых возражений, несмотря на то, что она не

соответствовала установкам Ан-ского, которые совпадали в той или иной степени со взглядами большинства редакции*.

Не столь мирно прошла в редакции помещенная в той же первой книжке журнала вторая статья, затрагивающая вопрос о языке, — интересная статья А. Г. Горнфельда «Жаргонная литература на русском книжном рынке».

Не останавливаясь непосредственно на инциденте Чириков—Аш, Горнфельд, отталкиваясь от этого инцидента, высказал с обычной для него яркостью ряд интересных мыслей о состоянии и будущем идишитской литературы и ее писателей.

Но уже название «**жаргонная** литература» вызвало возражения со стороны части редакции. И надо признать, что усвоенное и отстаиваемое старой интеллигенцией и сионистами название народного языка «жаргоном» было нетерпимым и недостойным названием для языка огромного большинства народа. Не мог «Еврейский Мир» без всяких пояснений согласиться на название «жаргонная литература». Не могла редакция пропустить без примечания и вторую часть статьи. Нельзя было безоговорочно солидаризироваться с некоторыми, вскользь высказанными, суждениями Горнфельда об идишитской литературе. Но и первая и вторая главы этой статьи были только преддверием к третьей, основной части ее. В основном вся статья была направлена против появившегося тогда устремления еврейских писателей писать с расчетом на перевод на русский язык, стремления, ведущего к обезличиванию литературы, к уничтожению ее национального и тем самым общего значения.

Переговорить с Горнфельдом по поводу этой статьи поручили Ан-скому, а Ан-ский привлек меня к этим переговорам. Переговоры наши с Горнфельдом привели только к тому, что Горнфельд прибавил примечание, объяснявшее название статьи. В остальном, поскольку я помню, он ничего, или почти ничего, не изменил.

Мне тогда пришлось впервые столкнуться с Горнфельдом. До этого я с ним не был знаком. В первые дни моего приезда в

---

* В одной из моих статей «Из жизни и литературы», появившихся в дальнейших книгах «Еврейского Мира» под псевдонимом «Евр. Обзор.», я выступил против экстремистов, которые утверждали, что национальное значение всяких трудов еврейской мысли и науки, появившихся или появляющихся не на еврейском языке, равно нулю, отрицавших, следовательно, национально-культурное значение крупнейших трудов еврейской средневековой философии и новейших работ по еврейской истории и истории литературы.

Петербург я увидел в кабинете моего приятеля с юных лет, талантливое художника, а затем известного издателя З. И. Гржебина⁵⁰, его работу — незаконченный портрет карлика-калеки с огромной головой, сидящего за большим рабочим столом, за которым его еле видно было. Портрет этот произвел на меня сильное впечатление, в особенности когда Гржебин сказал мне, что это портрет известного критика, сотрудника «Русского Богатства» Горнфельда. Когда я через некоторое время прочитал статьи Горнфельда о знаменитой балерине Дункан, выступавшей в то время в Петербурге, я, признаться, подумал, что Гржебин окарικатурил Горнфельда. Не может же, казалось мне, такой калека писать с таким увлечением, с такой бодростью о новых формах хореографического искусства. Но через несколько дней я увидел Горнфельда на одном из выступлений Дункан и убедился, что портрет Горнфельда не карикатура. Горбатый, хромой, маленького роста, с большой головой, он передвигался при помощи палок-костылей и обращал на себя всеобщее внимание.

После первого моего свидания с Горнфельдом по поводу вышеупомянутой статьи я несколько раз встречался с ним случайно, а затем уже, как руководителю издательства «Брокгауз—Ефрон», мне пришлось несколько раз говорить с ним по телефону. Прошло несколько лет, и мой друг С. Л. Цинберг уговорил меня поехать с ним к Горнфельду, чтобы просто навестить его. Он жил на шестом этаже, лифт не действовал, он годами не выходил из своей квартиры и, чтобы подышать свежим воздухом, пользовался только балконом.

Я знал, что живется ему нелегко, что он, еще полный творческих сил, весьма ограничен в средствах, и думал встретить подавленного, ропщущего старика. Как же я был удивлен, когда навстречу нам в переднюю выбежал на костылях, вернее, при помощи двух палок, заменявших ему костыли, веселый, бодрый Горнфельд. Я вспоминал, как много лет назад меня поразило несходство его статей о Дункан со всей его внешностью. В течение двух часов, которые мы у него провели, он очаровал нас своим ясным умом, бесконечным оптимизмом и обычным для него *esprit**. Он просил меня, жившего поблизости от него, заходить к нему. Я после этого навестил его несколько раз, но затем как-то не бывал у него несколько лет.

---

* дух (франц.).

В 1938 году, когда стряслась беда над Цинбергом⁵¹, которого и он очень любил, я зашел к нему, чтоб рассказать и посоветоваться. Он меня добродушно пожурил за то, что я так долго у него не был. В разговоре он был, как обычно, оживлен, но от былого оптимизма осталось мало; он жаловался на состояние здоровья, на отсутствие работы, на материальную необеспеченность. Ему уже тогда было за семьдесят. Я его очень уговаривал писать свои мемуары. Он признался, что и сам часто об этом думает, но его останавливает то, что его воспоминания не могут быть напечатаны. Ему, сказал он, трудно, почти невозможно писать, если он заранее знает, что его работа не будет напечатана. Его еще останавливали опасения, как бы эти воспоминания не попали случайно в нежелательные руки. Тем не менее он собирался начать с воспоминаний юности. Он полагал, очевидно, что эта часть его мемуаров может быть напечатана, и она не вызывала у него опасений насчет нескромного глаза. Меня, конечно, интересовали его рассказы о петербургском периоде его жизни, но, судя по тем небольшим, отрывочным воспоминаниям о днях его юности, которые он вскользь мне рассказал, думаю, что и они были бы в его рассказе очень интересны. Не знаю, успел ли он что-нибудь написать и сохранилось ли написанное.

В последний раз я был у Горнфельда в конце 1940 года. Вспоминаю, между прочим, с каким увлечением он тогда рассказывал мне о встрече на каком-то курорте с дочерью известного сиониста Златопольского⁵², которая разговаривала с мужем своим по-древнееврейски. До того он не представлял себе, что это возможно. Это произвело на него огромное впечатление.

И наконец, я увидел его уже только в гробу, в покойнице Военно-медицинской академии. На похороны явилось человек 25—30, главным образом старые друзья и знакомые. Союз писателей никого не делегировал. Присутствовавшие на похоронах 3—4 члена Союза явились как личные друзья, но не были уполномочены выступать от имени Союза. Из почти исчезнувшего старого Петербургского еврейского общества были М. М. Марголин⁵³ и вдова С. Л. Цинберга, Роза Владимировна Цинберг. Пушкинский Дом уполномочил молодого ученого, профессора Г. Бялого⁵⁴ быть его представителем на похоронах. У открытой могилы на Волковом кладбище (ближайшие друзья Горнфельда хотели похоронить его на «Литераторских мостках», но не получили надлежащего разрешения от исполкома и похоронили его

на лютеранском кладбище) Бялый произнес прекрасную речь. Охарактеризовав, без всяких казенных фраз, литературную, научную и общественную деятельность покойного, Бялый, без всяких оговорок, говорил о принадлежности Горнфельда к группе «Русского Богатства», о его работе в русско-еврейской прессе и участии в еврейской общественной жизни. Утешительно было слышать это теплое и дельное слово о Горнфельде от представителя молодого поколения. Глядя на небольшую группу людей, собравшихся в больнице, и еще меньшую, дошедшую до кладбища, грустно было думать, что этот человек, так печально закончивший свою долгую жизнь, еще сравнительно недавно пользовался популярностью и глубоким уважением русских писательских кругов, петербургской интеллигенции и еврейской общечности.

Статья Горнфельда была наиболее спорной в первой книжке журнала. Она вызвала дискуссию не только внутри редакции, но и в кругах читателей, главным образом Петербургского еврейского общества. Противники «жаргона», среди них сионисты, встретили ее сочувственно, сторонники — с некоторой обидой. На самом деле ни первые, ни вторые не были правы. По существу Горнфельд занял по отношению к «идиш» положительную позицию, и если он и был не вполне справедлив к существовавшей идишистской литературе, проглядев, например, такого большого писателя, как Шолом-Алейхем, то в своем подходе против обезличения идишистской литературы в чаянии перевода на русский язык и из желания подогнать свое произведение под вкус читателя-нееврея он был безусловно прав. В этой острой критике беспочвенной, оторванной от жизни, «повсеместной» (как один из таких писателей определил место действия своей драмы) литературы лежал центр тяжести статьи Горнфельда.

Во второй книжке журнала разногласия в редакции вызвала статья С. О. Марголина⁵⁵ «Торговля и промышленность, как факторы коллективного творчества». Эта статья, как и статья Горнфельда, появилась с примечанием от редакции.

Попытку Марголина обосновать «еврейскую коллективность» (национальную общность) творчеством евреев в области торговли и промышленности Дубнов охарактеризовал как концепцию «кожевенно-промышленного национализма». Тем не менее статья эта была помещена, насколько я помню, без всяких изменений. Однако Марголин уверовал в то, что его концепция

является новым словом еврейской историографии, почувствовал себя обиженным тем, что статья его не была помещена в первой книжке журнала, хотя он ее сдал задолго до ее выхода в свет. И это послужило поводом для недовольства Марголина мною. Я это отмечаю потому, что за время моей работы в «Еврейском Мире» я неоднократно, без какой бы то ни было вины с моей стороны, вызывал недовольство и недружелюбное отношение к себе со стороны некоторых сотрудников журнала. Будучи только одним из членов редакции, и одним из младших ее членов, я, конечно, не мог гарантировать прием и даже очередность помещения статей. Между тем по обязанностям своим я больше, чем кто-либо из членов редакции, сталкивался с авторами, и все свои претензии они предъявляли мне. К тому же я всегда считал себя обязанным защищать позицию редакции, даже в тех случаях, когда внутри редакции я оставался в меньшинстве. Таким образом, у авторов создавалось мнение, что я главный виновник их «обид», и они затаивали недоброе чувство ко мне. К числу таких моих врагов принадлежал и Марголин, человек безусловно не банальный, но страдавший обидчивостью «непризнанного гения».

Помещенная во втором номере журнала под псевдонимом «Аяк Бахар» заметка Дубнова «Нигилизм или одичание» явилась для сионистского «Рассвета» поводом для выступления против «Еврейского Мира» как против «воинствующего антисионистского органа».

Заметка Дубнова была направлена против редактора «Рассвета» А. Д. Идельсона.

А. Д. Идельсон, милейший человек, вызывавший к себе симпатии друзей и знакомых, остряк с большим чувством юмора и с большой дозой чисто еврейского скепсиса, искал всегда во всякой высказанной мысли ее отрицательные, поддающиеся высмеиванию стороны. В шутовском разговоре он однажды мне сказал: «Вы, антисионисты, понятия не имеете, как и что писать против сионизма; поручили бы это мне, я бы вам показал, как можно писать против сионизма».

Его фельетоны были остроумны и бывали едки, но Идельсон был не только фельетонистом «Рассвета», а и руководителем его, автором большинства руководящих статей партийного органа. Шутки и парадоксы, годные для фельетона, не всегда уместны в руководящей статье. А Идельсон оперировал парадоксами и

шутками. Дубнова, в литературной деятельности которого главенствовал пафос положительных идей, раздражали парадоксы Идельсона и его презрительное отношение ко всякой культурной работе в странах рассеяния — в «Голусе». Как публицист Дубнов умел разить противника и в своих полемических приемах отнюдь не избегал резкостей. Психология Идельсона и склонность его превращать серьезный вопрос в материал для фельетона были чужды Дубнову и вызывали в нем раздражение. В заметке «Нигилизм или одичание» он дал волю своему раздражению и резко обрушился на «Рассвет» и его редактора. Редакция «Рассвета» приняла эту заметку как «casus belli»* и объявила «Еврейский Мир» антисионистским агрессором, подлежащим бойкоту. Если бы Идельсон был в это время в Петербурге (насколько я помню, Идельсон в это время находился за границей на сионистском совещании), он, я уверен, вместо резкого и даже грубого выступления против «Еврейского Мира» использовал бы этот инцидент для очередного фельетона. Но товарищи его обиделись, главным образом, за любимого и почитаемого руководителя журнала и объявили «Еврейскому Миру» «священную войну».

Однако грозный и грубый окрик «Рассвета» прошел для нашего журнала без всяких последствий, так как он не встретил отклика не только у сионистов из нашей редакции, но и в сионистской прессе, а на Гамбургской конференции русских сионистов некоторые делегаты стали на сторону «Еврейского Мира» в его споре с «Рассветом» и резко высказались против выступлений этого журнала по вопросу о еврейской культуре в диаспоре.

Тем не менее в редакции с каждым номером все больше проявлялась невозможность сохранить строгую беспартийность журнала.

Как я уже сказал, в конце 1908 и в 1909 году — время возникновения нашего журнала — петербургские еврейские общественные круги вновь зашевелились. Вновь ожили распри и споры между разными кружками и группами. Как мы ни старались держаться в стороне от этих кружковых споров, нам это не удавалось. Представители «Группы» стремились к «беспартийности», неприемлемой для других членов редакции. Они очутились в незначительном меньшинстве. Между тем их по-

---

* «повод для войны» (*лат.*).

ложение в редакции не соответствовало их удельному весу в деле финансирования журнала. Большинство «пайщиков» журнала было привлечено при помощи Винавера, который сам относился к журналу осторожно и не скрывал своего недоверия. «Я ведь не Э. М. (один из «пайщиков» журнала), — сказал он мне как-то, — который дает деньги только потому, что брат (деятельный член хозяйственного комитета журнала) привлек его, а сам не читает журнал и не интересуется им». Винавер, конечно, понимал значение прессы, и, когда ему было нужно, он и свои деньги давал, и других умел привлекать. «Восход» существовал только его заботами. Наш же журнал находился в каком-то странном положении. Большинство людей, дававших деньги на его издание, давали их не потому, что сознавали его необходимость, а потому, что Винавер пригласил их на чашку чая и сказал, что такой журнал нужен и что на это дело надо дать всего несколько сот рублей. Были, конечно, и «пайщики», следившие за журналом и сочувствовавшие ему, но их было совсем мало; лишь после ухода «группистов» они взяли на себя заботу об издании «Еврейского Мира», но ненадолго.

Финансовое положение журнала было с самого начала его существования весьма необеспеченным. Не было случая, чтобы журнал заранее был обеспечен хотя бы на 5—6 месяцев. Все время средства собирались на самое ближайшее время, а когда эти средства иссякали, Винавер привлекал новых «пайщиков», вернее, жертвователей, которые поддерживали журнал еще на короткое время. Очевидно, Винавер не считал нужным обеспечить журнал на длительный срок и таким образом сделать его более или менее независимым.

Так или иначе, но главными финансистами журнала были «групписты». Поэтому представители их в редакции считали себя богатыми женихами и при этом всегда обойденными. Особенно подчеркивал это Тривус, и в особенности он возмущался мной, самым молодым членом редакции, не имевшим за собой никакой группы.

Тривус был мне крайне несимпатичен. Меня раздражала его благочестиво-лживая речь, его постоянная игра на несколько фронтов, вся его позиция лояльного чиновника, хитро подмигивающего оппозиции. Я мало скрывал свою антипатию к нему, что, может быть, и было не вполне деликатно. Если я и с Севом большей частью расходился, то эти расхождения не носили

личного характера. С Тривусом же мы просто не выносили друг друга, и редко редакционное заседание проходило без личных столкновений между нами. Тривус меня ненавидел, и, когда «групписты» уже ушли из «Еврейского Мира», Тривус в поздравительном письме Ан-скому по поводу его юбилея не мог удержаться от личного выпада против меня. Ан-ский показал мне это письмо, прибавив, что он, Ан-ский, меня ценит именно за то, что Тривус меня так не любит. При этом он мне рассказывал, что Тривус, Сев и сам Винавер его долго уговаривали уйти из «Еврейского Мира» и перейти в «Восход».

Особенно обострились отношения в редакции перед Ковенским совещанием.

Подготовленное Винавером и Слиозбергом⁵⁶ втайне от других общественных деятелей совещание и приглашенные на него по их указаниям «представители еврейских общин» должны были, очевидно, создать еврейский «представительный орган», в котором за «группистами» осталась бы руководящая роль. Способы подготовки этого совещания и методы созыва его не могли не вызвать недовольства еврейской демократической общественности. В особенности же против них восстали петербургские круги и кружки, усмотрев, не без основания, в этой акции желание создать под видом беспартийного съезда одностороннюю «группистскую» организацию. Этот «группистский» маневр обострил взаимоотношения и в составе нашей редакции. Если до этого «групписты» шли по разным вопросам на уступки, то в вопросе о съезде они заняли непримиримую позицию. До самого съезда журнал вынужден был обходить вопрос о его организации полным молчанием, и лишь в последней перед съездом книжке, во «Внутренней хронике», дана была небольшая, никого не удовлетворившая заметка о созыве совещания.

Между тем борьба вокруг предстоящего съезда все больше усиливалась, главным образом в петербургских еврейских кругах. Беспартийность «Еврейского Мира» потеряла всякий интерес для «группистов», готовившихся «захватить власть». Им нужен был **свой** «беспартийный» орган. И втайне от остальных членов редакции они стали готовиться к возобновлению с начала 1910 года еженедельника «Восход». До конца же 1909 года они оставались в редакции «Еврейского Мира».

Когда редакция решила послать в Ковно на съезд своего специального корреспондента, Дубнов и Браудо предложили

послать меня. Сев и Тривус — последний очень запальчиво — возражали против моей кандидатуры и горячо рекомендовали послать Ан-ского. Но Ан-ский отказался в мою пользу и всеми голосами против Сева и Тривуса решено было послать меня.

К тому времени «секрет» возобновления «Восхода» уже был нам известен, и мы, со своей стороны, стали также готовиться к переходу «Еврейского Мира» на еженедельное издание.

Моя статья о Ковенском совещании поступила в редакцию, когда раскол в ней уже был совершившимся фактом, хотя формально Сев и Тривус еще числились членами редакции. В той же книжке, в которой была напечатана моя статья, появилось и заявление Сева и Тривуса о выходе из состава редакции. Вместе с этой книжкой был разослан проспект новой еженедельной газеты «Еврейский Мир». Тем более «групписты» были удивлены спокойным тоном моей статьи. Позиция моя в вопросе о принудительной принадлежности к общине расходилась не с позицией Винавера, а с позицией Ландау и Сакера, новых моих товарищей по редакции. Слегка коснувшись вопроса о методах организации съезда, я не считал нужным еще раз, *post factum**, поднимать спор о них. Не оправдывал я и бойкота съезда, приведшего лишь к ослаблению позиции демократических кругов на съезде. Не отрицал я и положительной роли съезда.

Все это удивило «группистов», считавших меня, по характеристике Тривуса, одним из «злостствующих» врагов «Группы», хотя я никогда, ни до ухода «группистов» из редакции, ни после их ухода, не участвовал в межгрупповых спорах и склоках петербургских еврейских деятелей, держась всегда в стороне от них.

Встретившись со мной после появления моей статьи, Винавер отдал должное беспристрастному тону моей статьи и только «пожалел», что я не захотел познакомиться с материалами о созыве съезда. Я бы тогда, по его мнению, не поддержал упреков по поводу методов созыва его. Я ему ответил, что ознакомление с материалами его архива вряд ли способствовало бы большей моей объективности. Тем не менее в конце 1914 года, когда беженцев-евреев из Западного края пустили в запретные губернии вне «черты» и я задумал создать в Петербурге ежедневную газету на еврейском языке, Винавер предложил мне свою помощь, не ставя никаких условий насчет состава редакции, довольствуясь только

---

* после всего (*лат.*).

моим заявлением, что я стою на оборонческой точке зрения и пораженческих выступлений в газете не допущу.

С возобновлением «Восхода» перед общественными деятелями, не примыкавшими ни к сионистам, ни к «группистам», встал вопрос о создании своего органа. Но этот «свой» орган должен был, в отличие от «Рассвета» и «Восхода», опять-таки быть межпартийным.

С нового 1910 года русско-еврейская пресса обогатилась двумя новыми еженедельниками: «Новый Восход» и «Еврейский Мир».

В состав редакции «Еврейского Мира» вошли «демократы» — А. И. Браудо, Г. А. Ландау⁵⁷, Я. Л. Сакер⁵⁸, сионисты — Теплицкий и Португалов, Фолкспартай — Дубнов, который фактически устранился от редакции, беспартийные — С. А. Ан-ский, С. Л. Цинберг и я.

О Сергее Лазаревиче Цинберге, трагически погибшем в 1938 году, с которым у меня в то время установились, а затем сохранились до самой его гибели самые тесные дружеские отношения, мне еще придется много говорить, когда я буду писать о последнем периоде моей жизни. Вдали от близких, в полном одиночестве безвинно погиб этот безупречный человек с голубиной душой, с могучей работоспособностью в хрупком теле, державшемся только благодаря постоянным и неослабным заботам верного друга всей его жизни, умной и энергичной жены его Розы Владимировны.

Вскоре из редакции устранился Теплицкий, а затем и Португалов. Фактическое ведение редакции было поручено Сакеру и мне, а на время отсутствия Сакера (Сакер сдавал в Москве магистерские экзамены) его заменял Ландау.

Первые пять месяцев Сакер жил большей частью в Москве и в делах редакции мало участвовал, но и после того, как он вступил в свои права, за Ландау фактически осталось первое место в редакции.

Внешне скромный, очень деликатный, Григорий Адольфович Ландау привлекал нас своим тонким аналитическим умом, обширными и разносторонними познаниями и безукоризненной порядочностью. Ландау был одним из любимейших учеников известного профессора Петражицкого и готовился к академической карьере. Его магистерская работа обратила на него внимание ученых кругов, и он имел все основания занять видное место

среди профессуры Петербургского университета. Однако у него, как у еврея, не было никаких шансов на это. Даже преподавание в педагогическом классе частной женской гимназии Стоюниной он, по требованию высшей администрации, должен был оставить. Будучи материально обеспеченным человеком, он, несмотря на безнадежность академической карьеры, продолжал, однако, свои научные работы. Подоспевшая революция 1905 года увлекла его в сторону общественной деятельности. Во время существования I Государственной думы он вращался среди трудовиков⁵⁹, а в «Союзе полноправия»⁶⁰ он выступал и против сионистов, и против Винаверской группы⁶¹.

Яков Львович Сакер был очень эрудированный человек, но не журналист. При иных условиях он был бы профессором университета, пользовался бы любовью своих учеников, интересовался бы и политикой, но в основном занимался бы академической работой. В еврейской жизни он принадлежал бы к адептам «еврейской миссии» и был бы горячим сторонником «еврейской науки». В царской России, где каждый порядочный человек считал себя обязанным бороться против прогнившего строя, Сакер, в ущерб своим основным способностям и интересам, втянулся в общественно-политическую жизнь. Для журналистской работы он не обладал нужными дарованиями. Его друзья и товарищи уважали его за моральные качества, но особым влиянием в их кругу он не пользовался.

Сакер, как и Ландау, принадлежал к Еврейской демократической партии, состоявшей из небольшого кружка петербургских интеллигентов. В эту партию, которую, по определению А. Д. Идельсона, можно было бы усадить всю на одном диване, входили Л. М. Брамсон⁶², А. И. Браудо, И. М. Биккерман⁶³, Н. Р. Ботвинник⁶⁴, Я. Г. Фрумкин⁶⁵ и еще несколько человек. К ним одно время примыкали С. Л. Цинберг и С. Я. Розенфельд⁶⁶, но и тот и другой со временем отошли от них. Во всяком случае, кружок этот был богат интеллектуальными силами.

Идеологом этой группы и наиболее тонким и глубоким умом ее был, несомненно, Ландау. Наиболее боевым членом ее был Биккерман.

Один из самых крупных русских журналистов того времени, Иосиф Менассиевич Биккерман не отличался скромностью. Он был искренно уверен в своем умственном превосходстве над всеми окружавшими его. Его пламенно-бурные статьи в общей

прессе, как и политические статьи его в нашем журнале, метко были по противнику. Но ум у него был не конструктивный, а, я бы сказал, деструктивный. Он любил говорить о своем здоровом практическом подходе к каждому вопросу, но когда он от критики пытался перейти к **своим** «практическим» планам, когда он пытался развивать свои планы строительства, то эти планы были безжизненны, мелки, без широких перспектив, без объединяющей творческой мысли. После прихода советской власти он в эмиграции докатился до монархизма и якшался с епископом Евлогием, который был тогда синонимом реакции и антисемитизма.

Между прочим, как мне рассказывали, Евлогий стал в эмиграции героем некоторых бежавших от советской власти интеллигентных евреев. Биккерман же проповедовал, что евреи должны «искупить свой грех», состоявший в том, что они участвовали в русской революции, к которой он, Биккерман, в свое время призывал их.

Но в то время, о котором я здесь говорю, Биккерман еще был далек от роли кающегося грешника. Его статьи в «Еврейском Мире», как и в общей прессе, носили всегда резкий антиправительственный характер.

Одна из его статей, задевавшая, между прочим, в очень резкой форме видного правительственного чиновника, послужила поводом к конфликту редакции журнала «Еврейский Мир» с редакцией Еврейской Энциклопедии.

В одном из томов Еврейской Энциклопедии, которая, между прочим, уделяла слишком много места отделу «Personalia», появилась биографическая заметка о сотруднике «Нового времени» и редакторе официозной газеты «Россия», члене Совета Мин. внутренних дел, выкресте и злобствующем юдофобе — И. Я. Гурлянде⁶⁷. В этой заметке Гурлянд характеризовался как поборник идеи присоединения евреев к русской государственности без отказа от своих вероисповедных и национальных стремлений.

Статья о Гурлянде была, как мы полагали, написана, хотя и не подписана, Ю. И. Гессеном⁶⁸. Поскольку же она была помещена редактируемым им 8-м отделом, он все равно полностью отвечал за нее, даже если бы она была написана не им. Эта статейка вызвала в «Еврейском Мире» должную отповедь со стороны Биккермана, который справедливо указал на то, что в таких словах, какими охарактеризована деятельность Гурлянда,

можно было бы говорить о деятельности таких людей, как Оршанский⁶⁹ или Моргулис⁷⁰, но не о деятельности «типичного в средневековом смысле отступника», как Гурлянд.

Считаясь, однако, с особым значением Еврейской Энциклопедии и принимая во внимание дружественные отношения с издательством и членом редакции нашего журнала (хотя Цинберг не отвечал, конечно, за статью, помещенную не в его отделе), мы, прежде чем напечатать заметку Биккермана, послали ее в редакцию Еврейской Энциклопедии с предложением дать в нашем журнале одновременно с появлением этой заметки и свои объяснения. Но, вместо того чтобы признать допущенную ошибку и достойным образом загладить ее, редакция Еврейской Энциклопедии, в основном сам Гессен, прибегла к совершенно недопустимому в данном случае и явно неправдивому и бессмысленному взваливанию вины на «стрелочника». Сделав вид, что редакция сама заметила свою ошибку, и не упомянув о получении от редакции «Еврейского Мира» заметки Биккермана, они разослали циркулярное письмо в русско-еврейские газеты, неискусно взвалив всю вину на метранпажа. Поместив в ближайшем номере «Еврейского Мира» заметку Биккермана и письмо редакции Еврейской Энциклопедии, наша редакция разоблачила всю эту историю.

Статья Биккермана была главным образом направлена против «беспристрастного» тона Гессена, к которому тот считал себя «как историка» обязанным. Этот ложно понятый Гессеном объективизм вызывал против него немало упреков и обвинений с разных сторон. Он мешал противникам его беспристрастно оценить положительные стороны его работ, и поэтому отношение к Гессену часто было гораздо худшим, чем он того заслуживал.

После инцидента с Еврейской Энциклопедией Гессен, с которым я был в личных приятельских отношениях, долгое время упрекал меня в том, что я «пристал к врагам его».

К Гессену я еще как-нибудь вернусь. Не идеализируя его и не преувеличивая его возможности, я нахожу, что он лично заслуживал более объективной оценки, чем та, которой он пользовался в петербургских еврейских литературных кругах. Из большего числа наших общих знакомых только Цинберг, который знал его значительно дольше моего и был с ним гораздо ближе, чем я, беспристрастно относился к нему, не закрывая глаза на его отрицательные стороны и зная цену его положительным качествам.

Недоволен был и И. А. Ефрон⁷¹, который считал, что инцидент этот «раздут под влиянием Дубнова», бывшего, по его мнению, недоброжелателем Энциклопедии. На самом деле Дубнов никакого отношения к этому не имел. К самому же Биккерману Ефрон относился без неприязни и даже пригласил его впоследствии работать в издательстве. Вообще ему нравился «еврейский ум» Биккермана, может быть, потому, что этого практика и грюндера по характеру своему привлекал контрастный, спекулятивный и парадоксальный ум человека, бросающегося в разные стороны с одинаковой запальчивостью.

Характер еженедельной газеты требовал ежедневных встреч и совместной работы основных работников редакции. Если по некоторым вопросам расхождение между новыми членами редакции было не меньшим, чем в старой редакции, то создавшиеся личные отношения между ними были весьма благоприятны для совместной работы. Омолодившийся состав редакции, дружественные отношения между членами ее и общий интерес к журналу создали подходящую почву для дружной работы. Наши споры, иногда острые и серьезные, не переходили в личные споры. Бывало, когда мы с Ландау и Сакером дежурили в типографии, выпуская очередной номер журнала, мы поздно вечером поспорим по поводу какой-нибудь заметки или статьи, пущенной в набор в последний час. В таких случаях мы по телефону вызывали для арбитража кого-нибудь из остальных членов редакции, чаще всего Цинберга, жившего недалеко от типографии. Споры разрешались мирно, и, сговорившись, мы обычно в ожидании, пока весь номер будет сверстан и можно будет его подписать к печати, отправлялись в находившийся близко от типографии сад-ресторан «Буфф», чтобы приятно провести час-другой за поздним ужином и дружеской беседой. Журнал тогда печатался в типографии «Труд», помещавшейся на Фонтанке, в бывшем дворце Разумовского. От давно сгоревшего дворца остались лишь отдельные помещения, наборная помещалась в двух больших комнатах, со стенами, обшитыми дубом, с жалкими остатками расписных потолков. Дворец и дворцовая усадьба занимали большую площадь. На этом месте впоследствии выросло несколько крупных домов, с Бородинской улицей посредине.

Если не считать целого ряда мелких и второстепенных вопросов, по которым мы часто расходились, то основными вопросами, по которым у нас в редакции всегда были разногласия, были

вопросы о языке и о принципах построения общины и принудительной принадлежности к ней.

Теперь, через 36 лет, когда я пишу эти строки, после всего пережитого, после всех потрясений эти старые споры кажутся, может быть, такими далекими от жизни и нынешнему поколению должны казаться такими чуждыми, что рассказ о них может вызвать улыбку. Но в то далекое-близкое время эти вопросы казались нам самыми актуальными, самыми существенными, в особенности вопрос о языке.

Огромное большинство еврейского народа говорило на своем родном языке — на идиш («жаргоне»). Рядом с этим языком — языком новой, нарождающейся еврейской демократической интеллигенции, на котором создавалась литература, существовал старый язык — древнееврейский, на котором нация веками создавала свои ценности и который вновь возрождался как язык литературный. Спор о том, какой язык является в настоящее время национальным и останется языком народа; кто кому должен очистить дорогу — язык миллионов языку традиции или наоборот, — вот что было предметом горячего спора между «идишистами» и «гебраистами». Мы тогда не думали, что язык миллионов может быть так скоро вытеснен из жизни, что сами миллионы, говорящие на этом языке, могут так быстро быть физически истреблены. Это был спор между сторонниками двух концепций, каждая из которых взывала к высоким национальным интересам и идеалам.

В ином положении были те противники идишизма, которые в своих позициях исходили отнюдь не из борьбы за древнееврейский язык, а из недооценки значения языка в еврейской национальной жизни. За ними тянулся хвост противников «жаргона», которые могли только компрометировать их. Это были те интеллигенты и полуинтеллигенты, которые стремились оторваться от еврейской массы; это были отчасти буржуазные сынки, усвоившие внешнюю дешевую культуру, которая им нужна была для коммерческих дел; это были безыдейные люди, желавшие, чтобы окружающее их русское общество возможно скорее забыло о том, что они евреи; это были люди, кичившиеся своей «русской культурой» и преисполненные какого-то тупого снобизма по отношению к «местечковым евреям» и их «презренному языку»; интеллигенты, у которых почему-то не хватало смелости круто порвать с еврейством. Они одинаково открещивались и от иди-

шизма, и от гебраизма. К ним примыкала еще одна категория противников «жаргона» — старые ассимиляторы, считавшие, что евреи должны возможно скорее слиться с коренным населением, сохраняя, однако, еврейскую религию. Эта последняя группа старых ассимиляторов постепенно вымирала, и число ее сторонников с каждым годом уменьшалось.

Из трех существовавших русско-еврейских еженедельников сионистский «Рассвет» громил идишистов со своих позиций, а «Новый Восход» избегал определенных высказываний, не решаясь занять твердую позицию. Его присяжный публицист Шми-Тривус то расшаркивался перед идишистами, то с «благоговением» говорил о «священном языке наших предков». «Еврейский Мир» занял проидишистскую позицию, но в редакции не было единомыслия в этом вопросе. Ан-ский, Цинберг и я придерживались идишистских взглядов, хотя и между нами существовали некоторые мелкие расхождения; Ландау, Браудо и Сакер относились к идишизму критически. Из них троих Браудо, выросший вне черты оседлости, в ассимилированной семье, совершенно не знавший еврейского языка, при критическом отношении к идишизму признавал, однако, национальное значение еврейского языка. Демократ без всяких оговорок, он считался с тем, что огромное большинство народа говорит по-еврейски. Свои сомнения он высказывал только в тесном кругу друзей. Ландау, сын основателя «Восхода»⁷², старого ассимилятора, из дому принес отрицательное отношение к «жаргону». Но Ландау был слишком тонкий и самостоятельный ум, чтобы без критики поддаться влиянию среды. Обычные аргументы против «жаргона» той среды петербургской интеллигенции, в которой он жил, не внушали ему уважения. Но не живши никогда среди еврейских масс, вращаясь только среди евреев, говорящих между собой по-русски, он считал, что еврейский язык умирает естественной смертью, что он лишен будущего, независимо от того, хотим мы этого или нет. В дружеских спорах со мною он всегда бил меня одним аргументом: «А вот вы, горячий идишист, как будете разговаривать со своей дочкой? (У меня тогда только что родилась дочка.) А няня у вас еврейка? А Сергей Лазаревич (Цинберг) говорит со своими детьми по-еврейски?» Все мои возражения, что речь идет не о единицах, живущих вдали от густых еврейских масс, а об огромном большинстве народа, он, не без основания, считал слабыми.

Сакер вырос в Одессе, в городе с 150—170-тысячным еврей-

ским населением, из которого не меньше 90% говорили на идиш, и лишь для незначительной части его интеллигенции, к которой принадлежал Сакер, родным языком был русский. Идеологом лучшей части этой одесской интеллигенции был тогда М. Г. Моргулис, видевший в приобщении еврейской массы к языку окружающего населения средство для улучшения ее материального положения и избавления от безысходной нищеты, в которой она жила. В одесском отделении ОПЕ*, одним из руководящих деятелей которого был Сакер, он вместе с Моргулисом возглавлял противников национализации еврейской школы, которой добивался Ахад-Гаам⁷³, Дубнов и их друзья. В то время вопрос об идиш еще не стоял в порядке дня. Выступая за национализацию школы, Ахад-Гаам не имел, конечно, в виду «жаргон», к которому он относился не менее отрицательно, чем противники его из одесского ОПЕ.

Впоследствии, в период работы в «Еврейском Мире», Сакер признавал «подчас невежественными разговоры интеллигенции о языке», но тем не менее он не мог вполне освободиться от укрепившихся в его среде взглядов на «жаргон». Подсознательно у него осталось не то убеждение, не то привычка думать, что руководящая роль в еврейской общественности должна остаться за интеллигенцией, которая, само собой понятно, казалось ему, говорит по-русски, так как другой русско-еврейской интеллигенции он почти не знал, да, пожалуй, и не признавал. И вдруг появилась новая интеллигенция, признававшая своим родным языком идиш и требовавшая, чтобы ее не только **тоже** допустили к руководящим ролям, но чтобы **ей** именно предоставили то место, которое присвоили себе старые интеллигенты, оторванные, по ее мнению, от еврейской массы и по существу чуждые ей. Такая постановка вопроса казалась Сакеру не только несправедливой, но и оскорбительной. Ведь по существу он не только не признавал превосходства новой интеллигенции, а в глубине души даже не считал ее равноценной старой. С другой же стороны, он не мог мириться с тем, что его, старого демократа и активного еврейского общественного деятеля, обвиняли в оторванности от еврейской массы за то, что он (подумаешь!) не говорит по-еврейски. Это особенно проявилось в его полемике с Нигером⁷⁴. В статье «О сочувствующих» Нигер резко выступил

---

* Общество для распространения просвещения среди евреев России.

против идишистов-интеллигентов, довольствующихся платоническим сочувствием к языку и не делающих для себя должных выводов: не претворяющих свое «сочувствие» в действие, не приобретающих в жизни к языку, за который они на словах горячо ратуют. Отчасти упреки Нигера совпали с теми возражениями Ландау в его спорах со мной, о которых я выше рассказывал. Разница между ними состояла лишь в том, что Ландау в этом расхождении видел слабость и безжизненность идишистского движения, Нигер же в этом усмотрел малодушие и непоследовательность части сторонников идишизма.

По существу у Сакера лично не было основания вступать в спор с Нигером: не против людей его круга была направлена статья Нигера. И Нигер в своем ответе прямо заявил об этом Сакеру. Но Сакер усмотрел в статье Нигера выпад против тех еврейских интеллигентов, к которым он, Сакер, принадлежал и которых идишисты якобы собирались «отлучить от церкви». Это был крик старого интеллигента, испугавшегося «нашествия варваров», восставших против старой канонизированной культуры во имя какой-то новой культуры на «жаргоне». Отсюда и было несколько раздраженное отношение Сакера к идишистам.

Яростным, непримиримым противником идишизма был Биккерман. Сын бедных родителей, воспитанник хедера, Биккерман провел тяжелую юность в маленьком южном городке черты оседлости, бедствовал, служил приказчиком в мелочных лавчонках. Русской грамоте он научился только на 14—15-м году своей жизни. Но, несмотря на тяжелые условия жизни, он усиленно занимался самообразованием. На тридцатом году он сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости и поступил на историко-филологический факультет Одесского университета.

В Одессе он сблизился с деятелями ОПЕ (Моргулисом, Сакером и др.) и присоединился к их борьбе против народившегося тогда сионистского движения. Со своими антисионистскими речами он отправлялся в синагоги, где агитаторы из студенческих кругов занимались пропагандой сионизма. Выступления Биккермана в синагогах произвели фурор среди антисионистической одесской интеллигенции, не представлявшей себе, что против сионизма может выступать в синагоге не религиозный проповедник, а студент в форменном мундире. С другой стороны, контрагитация Биккермана вызвала ярость сионистов, усмотревших в выступлении «ассимилятора» в синагоге недопустимое кощунство.

На короткое время 2—3 синагоги на окраинах города, обычно выступали приезжие религиозные проповедники (магидим), превратились в арену борьбы между новыми «магидами» в студенческих сюртуках, выступавших за и против сионизма.

Но скоро сионисты одержали верх, и Биккермана больше не допускали к проповедям в синагогах. Он остался, однако, жупелом для одесских сионистов, а когда его статья против сионизма появилась в «Русском Богатстве»⁷⁵, он стал известен как противник сионизма далеко за пределами Одессы.

После революции 1905 года Биккерман переехал в Петербург, где сразу выдвинулся как незаурядный журналист и принимал участие в крайних левых органах печати, хотя не принадлежал ни к одной из русских политических партий и не связывал себя их программами. Для этого он был слишком мало дисциплинированным человеком, и слишком он был высокого о себе мнения, чтобы довольствоваться местом рядового члена партии. Еврейское национальное движение, с большими конструктивными планами, было чуждо Биккерману, как чужды были ему всякие обширные конструктивные планы, социальные, государственные или национальные. Как я уже говорил, переходя от критики чужих программ к своей положительной программе действий, он отдавался мелочам. Его отношение к идишизму вытекало из его отношения ко всему комплексу еврейских национальных проблем, против которых он всегда выступал с разного рода парадоксами, но никогда не противопоставлял им другой положительной программы действий.

Кроме этих основных мотивов, в его антиидишизме играл, я думаю, немалую роль еще один психологический момент. В отличие от Ландау и Сакера, для которых еврейский язык был в той или иной мере чужим языком, к которому можно было иногда отнестись более или менее объективно, для Биккермана этот язык был языком безрадостного и бескультурного детства, языком того местечка, из которого он с таким трудом пробрался в центр русской культуры и достиг положения одного из лучших русских журналистов. Идиш остался для него языком старого, отживающего местечка, связанного с самыми тяжелыми годами его жизни. Преодолеть это чувство, подняться до объективной исторической оценки вопроса о языке ему не дано было.

Вторым основным вопросом, вызывавшим в редакции острые споры, был вопрос об идее еврейской автономии и, как следствие

его, о принципах организации еврейской общины. Но этот вопрос не имел в то время того практического значения, какое имел вопрос о языке.

В дискуссионном сборнике «Теоретические и практические вопросы еврейской жизни», который редакция «Еврейского Мира» выпустила в 1910 году, была напечатана статья Биккермана против «националистов», «язычников» и «сеймистов» и мой ответ на эту статью. Статья Биккермана характерна для его «практической» политики и «цельности» его идеологических концепций.

С тех пор прошло свыше 36 лет. Многие из того, что тогда казалось непреложною истиной, не выдержало испытания временем и потерпело полное крушение или вызывает теперь глубокое сомнение. С другой стороны, то, что казалось многим химерой, становится реальностью, хотя и в страшных муках рождения.

Кто тогда мог предсказать, что в середине 20-го века шесть миллионов — $\frac{3}{4}$ европейского еврейства — будут физически уничтожены и крупнейшие еврейские общины исчезнут с лица земли? Те компактные и более или менее организованные массы, на факте существования которых строились программы и надежды еврейского национального движения в диаспоре, исчезли физически, уничтожены фашистскими бандитами. Весь мир лежит в руинах, все понятия меняются. Приходится заново пересмотреть и вопрос о возможности национальной жизни в диаспоре, и вопрос о языке бывших миллионов, и вопрос о возможности и ценности небольшого национально-государственного центра в исторической колыбели еврейства, и вопрос о древнем, вновь оживающем языке этого центра. Все эти проблемы представляются нам теперь по-иному, не так, как мы и наши противники воспринимали их в то время. Одно только осталось вне сомнений: старая вера в вечность Израиля — так или иначе нация пробьет себе путь к дальнейшему бытию. В этом мы еще раз убедились. Чем сильнее удар, тем сильнее сопротивление, тем крепче становится спайка.

И, возвращаясь мысленно к тем, столь давно прошедшим дням, с тоской вспоминаешь их, вспоминаешь о мучительных исканиях и глубоких верованиях, с которыми были связаны жизнь и борьба той части еврейской интеллигенции, к которой и я принадлежал. Были совершены ошибки. Жизнь выявляет и превозмогает всякие ошибки. Но была глубокая вера в будущность нации, и была борьба за эту будущность. А без веры и постоянной

упорной борьбы за свою будущность народ наш не прошел бы свой длинный и тяжелый исторический путь.

Были, конечно, у нас в редакции, как я уже сказал, разногласия и по целому ряду мелких вопросов, и, надо признаться, наш опыт построения журнала на межпартийных началах оказался неудачным*. Но если эти затруднения мы старались преодолеть путем взаимных уступок, то труднее было побороть постоянные финансовые затруднения, от которых мы никак не могли избавиться.

Из существовавших русско-еврейских журналов один только старый «Восход» имел твердую материальную базу. А. Е. Ландау с твердой коммерческой расчетливостью вел свое издательство, и журнал давал ему верную ежегодную прибыль. С переходом журнала от частного владельца Ландау к Винаверской группе журнал существовал уже только благодаря общественной поддержке.

«Новый Восход» был создан на общественных началах и жил заботами Винавера.

«Рассвет» был органом крупнейшей еврейской партии и одно время был единственным русско-еврейским еженедельником. Он имел самую обширную из русско-еврейских органов аудиторию, и его существование было обеспечено.

Из трех существовавших в то время, о котором я пишу, русско-еврейских журналов в наименее благоприятном финансовом положении находился «Еврейский Мир». После ухода Винаверской группы организовалась новая финансовая группа для поддержания журнала.

Наиболее активным членом этой группы был видный адвокат и общественный деятель В. С. Мандель, единственный, у которого был живой интерес к журналу и который по мере своих сил

---

* Почти к концу существования журнала в число членов редакции вошел И. Р. Ефройкин⁷⁶, который незадолго до этого приехал из-за границы. С привлечением Ефройкина, с которым у меня существовало полное единомыслие, соотношение сил в редакции значительно изменилось. Если до вступления Ефройкина я большей частью имел против себя большинство в два голоса — Сакера и Ландау (Ан-ский разъезжал и редко бывал в Петербурге, а Цинберг был перегружен другой работой и редакционной работе в журнале мог уделять очень мало времени), то теперь, с приходом Ефройкина, мы при конфликтах имели равное количество голосов, а вместе с Цинбергом — даже большинство. Это, однако, не облегчало наши редакционные затруднения. Наоборот, они все больше обострялись.

поддерживал его. О. О. Грузенберга⁷⁷, также участвовавшего в этой группе, привлекало то, что журнал был организован вопреки желаниям Винавера, которого он, Грузенберг, остро не любил.

Мандель не мог, конечно, сделать для «Еврейского Мира» то, что Винавер, при его популярности в еврейском обществе, делал для «Нового Восхода». Грузенберга выпускали иногда как свадебного генерала; он в таких случаях и держался как свадебный генерал и никак не способен был заменить Винавера.

Таким образом, еженедельник «Еврейский Мир» полтора года влачил довольно жалкое материальное существование. Число подписчиков не увеличивалось, а может быть — не помню точно — даже уменьшилось. Собранные подписные деньги за второй год были скоро израсходованы, бумажного фонда не было, типографии задолжали, сотрудникам не платили вовремя, и ни одному человеку из состава редакции журнал не мог обеспечить существование.

Да оно и понятно. Не было почвы для существования трех русско-еврейских журналов в Петербурге. Если бы еженедельная русско-еврейская газета сумела должным образом поставить свой газетный материал, не перегружаясь партийно-политическими статьями, она могла бы рассчитывать на большой круг читателей и подписчиков. Но так поставить журнал могло бы только частное издательство. Такого не нашлось. Заполнять же журнал преимущественно партийно-политическими статьями может либо журнал, имеющий за собою большой круг партийных подписчиков, — таков был «Рассвет», либо журнал, существующий на средства партии или группы, — таков был «Новый Восход». У «Еврейского Мира» ни того, ни другого не было. Он никогда не имел достаточно средств, и за ним не стояла значительная группа или партия, которая была бы заинтересована в его существовании.

Если журнал и нашел отклик среди некоторой части интеллигенции в провинции, то большая часть провинциальных читателей не разбиралась в тонкостях споров петербургских групп и группок и либо читала «Рассвет», где все было ясно, либо подписывалась на «Новый Восход», за которым стоял авторитет Винавера, либо — что было чаще всего — обходилась без всякого русско-еврейского журнала.

Так закончилось существование «Еврейского Мира».

¹ «Рассвет» — еженедельный журнал, орган сионистского движения в России, выходил в С.-Петербурге с 1907 по 1915 г.

² «Еврейская жизнь» — журнал, выходивший в 1904—1907 гг. в С.-Петербурге под редакцией А. Идельсона.

³ Идельсон Аврахам (1865—1921) — политический деятель, один из руководителей сионистского движения в России, делегат ряда всемирных сионистских конгрессов, публицист, редактор ряда сионистских периодических изданий на русском языке. С 1919 г. в эмиграции. Жил во Франции, Великобритании и Германии.

⁴ Клаузнер Иосиф Гдалия (1874—1958) — историк, литературовед, публицист, политический деятель, активный участник сионистского движения, редактор журнала «Гашилоах» (1903—1926). С 1919 г. жил в Эрец-Исраэль, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор фундаментальных работ по истории еврейской литературы.

⁵ Теглицкий Яков Наумович — юрист, общественный деятель, публицист, сотрудник Еврейского колонизационного общества, сотрудник ряда еврейских периодических изданий, выходивших в С.-Петербурге. После 1917 г. работал юристом в государственных учреждениях. Автор ряда исследований по юриспруденции.

⁶ Португелов Григорий Маркович — юрист, общественный деятель, сторонник сионизма, редактор и издатель. После 1917 г. работал в государственных учреждениях.

⁷ «Гельсингфорсская программа» — то есть программа национально-политических требований сионистских организаций в России, принятая в 1906 г. на III Всероссийском съезде сионистов в Гельсингфорсе.

⁸ Дубнов Семен Маркович (1860—1941) — историк, публицист, общественный деятель. Автор основополагающих исследований по истории евреев, один из создателей Союза за достижение полноправия евреев в России (1905), лидер и теоретик Фолкспартей. С 1922 г. в эмиграции в Германии и Латвии. Автор мемуаров «Книга жизни». Т. 1—3. Погиб в Рижском гетто.

⁹ Браудо Александр Исаевич (1864—1924) — историк, библиограф и библио-тековед, общественный деятель, участник еврейского национального движения.

¹⁰ Ратнер Марк Борисович (1871—1917) — политический деятель, публицист, юрист. Активно участвовал в еврейском национальном и социалистическом движении. Один из организаторов и теоретиков Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП).

¹¹ Мандель Вениамин Семенович (1863—1931) — юрист, общественный деятель, сторонник Фолкспартей. После 1917 г. — в эмиграции в Германии, член «Отечественного объединения русских евреев за границей» — организации, стоявшей на монархических позициях.

¹² Вейсенберг Семен Ефимович (1863—?) — юрист, общественный деятель, активный участник сионистского движения в России, делегат ряда всемирных конгрессов и съездов сионистов России.

¹³ Винавер Максим Моисеевич (1862—1926) — политический деятель, участник русского освободительного и еврейского национального движения. Один из

лидеров Партии конституционных демократов, один из создателей Союза за достижение полноправия евреев в России. Лидер «Народной группы» — еврейской политической организации, стоявшей на позициях партии кадетов. С 1919 г. в эмиграции во Франции, где руководил изданием журнала «Еврейская трибуна».

¹⁴ Шефтель Михаил Исаакович (1858—?) — юрист, общественный деятель, активный участник еврейского национального движения в Петербурге в начале XX в.

¹⁵ Ан-ский (Рапопорт) Семен (Шимон) Акимович (1863—1920) — писатель, драматург, этнограф, публицист, участник русского народнического движения и еврейского национального движения. Одновременно был членом Партии социалистов-революционеров и ряда еврейских политических организаций.

¹⁶ «Народная группа» — еврейская политическая организация, созданная в 1906 г. Фактически национальное отделение партии кадетов.

¹⁷ Тривус Моисей Львович (1865—1955) — общественный деятель, публицист. Автор статей и книг по различным аспектам еврейского вопроса в России. Многие свои работы подписывал псевдонимом «Шми». После 1917 г. жил в Москве и работал в государственных учреждениях.

¹⁸ Сев Леопольд Александрович (1867—1922) — общественный деятель, публицист, активный участник еврейского национального движения. С начала XX в. редактор ряда еврейских периодических изданий на русском языке. С 1919 г. в эмиграции.

¹⁹ Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941) — критик, литературовед, активно печатался как в русско-еврейской, так и в русской периодической печати (руководил отделом критики в журнале «Русское богатство»).

²⁰ Цинберг Сергей (Израиль) Лазаревич (1872—1939?) — историк, литературовед. Автор фундаментальных исследований по истории еврейской литературы и культуры. Погиб в период массовых репрессий.

²¹ «Александр Исаевич Браудо: 1864—1924: Очерки и воспоминания» (Париж, 1937).

²² Ковенский съезд — совещание еврейских общественных деятелей, проходившее в Ковно 19—22 ноября 1909 г.

²³ Гаркави Авраам Яковлевич (1835—1919) — филолог-гебраист, историк. Автор многочисленных исследований по истории и культуре средневекового еврейства.

²⁴ Лейбуш — Трощкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940) — политический и государственный деятель, социал-демократ с 1896 г. В годы гражданской войны в России — нарком по военным делам.

²⁵ Браудо Надежда Александровна (1891—?) — художник, жила в Германии и Франции. Жена художника Л. В. Зака — приемного сына философа С. Л. Франка.

²⁶ В 1933 г. при аресте дочери А. Ф. Перельмана — Фриды был конфискован семейный архив. Перельман Фрида Ароновна (1910—1985) — переводчик.

²⁷ Кобеко Дмитрий Фомич (1837—1918) — государственный деятель, историк. член-корр. АН. директор Императорской Публичной библиотеки в 1902—1918 гг.

²⁸ Лопухин Алексей Александрович (1864—1928) — директор Департамента полиции в 1903—1905 гг. Содействовал в разоблачении провокатора Е. Азефа. За это был сослан в Сибирь.

²⁹ Азеф Евно Фишелевич (1869—1918) — политический деятель, один из руководителей Партии социалистов-революционеров, провокатор, сотрудничал с полицией с 1893 г. Был разоблачен в 1908 г., что вызвало общественный резонанс.

³⁰ Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — участвовал в русском революционном движении с 80-х гг. XIX в., публицист, прославился как разоблачитель полицейских провокаций. После 1917 г. — в эмиграции во Франции. Мемуарист.

³¹ Гинцбург Гораций Осипович (Нафтали Герц; 1833—1909) — предприниматель, банкир, меценат, общественный деятель.

³² «Демократическая группа» — еврейская политическая организация, созданная в 1906 г.

³³ Андерсен (Андерсон) Владимир Максимилианович (1880—1931) — историк, библиограф, журналист, сотрудник Императорской Публичной библиотеки с 1902 г. С 1917 г. — сторонник советской власти. С 1918 г. — комиссар Публичной библиотеки. Член РКП(б) с 1919 г. В 20-е гг. — на дипломатической работе. В 1929 г. арестован и приговорен к ссылке.

³⁴ Радлов Эрнест Львович (1854—1928) — философ, литературовед, член-корр. АН, сотрудник Императорской Публичной библиотеки, с 1918 по 1924 г. — директор Библиотеки.

³⁵ Марр Николай Яковлевич (1864—1934) — лингвист, востоковед, академик АН с 1912 г. Директор Публичной библиотеки с 1924 по 1930 г.

³⁶ Браудо Любовь Ильинична — жена А. И. Браудо; после его смерти — сотрудник Библиотеки Академии наук.

³⁷ Гаркави Владимир Осипович (1846?—1911) — юрист, общественный деятель, один из руководителей еврейской общины в Москве, мемуарист.

³⁸ Страшун — известная семья, давшая несколько поколений выдающихся талмудистов, литературоведов, коллекционеров, меценатов. Представители этой семьи на протяжении практически всего XIX в. руководили еврейской общиной Вильно.

³⁹ Евлогий (Георгиевский Василий Семенович; 1868—1946) — религиозный и общественный деятель, архиепископ Холмский, депутат II и III Государственной думы, где входил в группу монархистов-националистов. Лидер Всероссийского национального союза. С 1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский. С 1920 г. — в эмиграции управляющий церквами Русской православной церкви в Западной Европе. Мемуарист.

⁴⁰ Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — издатель, журналист, общественный деятель, многолетний издатель газеты «Новое время».

⁴¹ Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — политический деятель, философ, публицист, один из теоретиков русского народничества. С 1871 г. и до конца жизни находился в эмиграции.

⁴² Юдовин Соломон Борисович (1892—1954) — художник, участник еврейских этнографических экспедиций в Черте оседлости в начале века. Сотрудник Еврейского историко-этнографического общества.

⁴³ Пассовер Александр Яковлевич (1840—1910) — юрист, общественный деятель, присяжный поверенный Петербургской судебной палаты.

⁴⁴ Перец Ицхак-Лейбуш (18541—1915) — еврейский писатель, драматург, поэт.

⁴⁵ Штернберг Лев Яковлевич (1861—1927) — историк, этнограф, публицист, общественный деятель. С середины 80-х гг. XIX в. участвовал в русском народническом движении, был сослан в Сибирь. В начале XX в. участвовал как в русском освободительном, так и в еврейском национальном движении. После 1917 г. — последний руководитель Еврейского историко-этнографического общества.

⁴⁶ Нисселович Лазарь Ниссенович (1856—1914) — юрист, общественный деятель, публицист. С 1907 г. — депутат III Государственной думы, входил во фракцию кадетов.

⁴⁷ Фридман Нафталий Маркович (1863—1925) — юрист, общественный деятель, депутат III и IV Государственной думы.

⁴⁸ Левин Исаак Осипович (1876—?) — философ, публицист, с 1906 г. — сотрудник газеты «Русские ведомости»; печатался в русско-еврейской периодической печати.

⁴⁹ Инцидент Чириков—Аш — спор, принявший антисемитское звучание, происшедший в 1909 г. в Петербурге между писателями Г. Ашем и Е. Чириковым. Этот инцидент широко обсуждался в прессе.

⁵⁰ Гржебин Зиновий Исаевич (1877—1929) — издатель, художник, общественный деятель, долгое время был близок к М. Горькому, с которым сотрудничал в многочисленных издательских предприятиях. С 1923 г. перенес свою деятельность за границу.

⁵¹ Имеется в виду арест и гибель С. Л. Цинберга в тюрьме НКВД.

⁵² Златопольский Гилель (Илья; 1868—1932) — общественный деятель, публицист, один из руководителей сионистского движения в России, крупный предприниматель, меценат, пропагандист изучения и распространения иврита. В 1919 г. эмигрировал во Францию. Один из создателей Керен га-Иесод.

⁵³ Марголин Моисей Маркович (1862—1941?) — юрист, общественный деятель, сотрудник издательства Брокгауза и Ефрона, один из редакторов Энциклопедии, выпускавшейся этим издательством. Автор ряда работ по истории евреев.

⁵⁴ Бялый Григорий Абрамович (1905—1987) — литературовед, доктор филологических наук. Автор исследований по истории русской литературы XIX в., преподаватель.

⁵⁵ Марголин Соломон Осипович (1877—?) — экономист, публицист. Автор работ по различным проблемам экономической жизни евреев в России, сотрудник ряда русско-еврейских периодических изданий в начале XX в.

⁵⁶ Слиозберг Генрих Борисович (1863—1937) — юрист, общественный деятель, публицист, специалист по правовому положению евреев в России. С 1919 г. — в эмиграции в Германии, затем во Франции. Автор мемуаров.

⁵⁷ Ландау Григорий Адольфович (1877—1942) — философ, публицист, общественный деятель. печатался в русско-еврейской печати конца XIX — начала XX в., редактировал ряд периодических изданий. С 1919 г. — в эмиграции в Герма-

нии, где был заместителем редактора газеты «Руль». После 1933 г.— в Латвии. В 1940 г. арестован НКВД и погиб в заключении. Мемуарист.

⁵⁸ Сакер Яков Львович (1862—1918) — общественный деятель, публицист, редактор и издатель. С 80-х гг. XIX в. активно участвовал в еврейском национальном движении, сначала в Одессе, затем в Петербурге, в 1905—1906 гг.— член ЦК Союза за достижение полноправия евреев в России. Позднее возглавлял журнал «Северные записки».

⁵⁹ Трудовики — группа депутатов в I Государственной думе, в основном разделявших идеологию русского народничества.

⁶⁰ Союз полноправия — Союз за достижение полноправия евреев в России — первая общенациональная еврейская политическая организация, существовавшая в 1905—1907 гг.

⁶¹ Винаверская группа — «Народная группа» — еврейская политическая организация во главе с М. М. Винавером.

⁶² Брамсон Леонтий Моисеевич (1869—1941) — юрист, общественный деятель, публицист, депутат I Государственной думы, входил в трудовую фракцию. Член «Демократической группы». С 1920 г.— в эмиграции во Франции.

⁶³ Бикерман Иосиф Менанасьевич (1867—1945) — общественный деятель, публицист, активный противник сионизма. После 1917 г. в эмиграции в Германии — сторонник монархических организаций, вел активную издательскую и публицистическую деятельность. После 1933 г. — во Франции. Мемуарист.

⁶⁴ Ботвинник Наум Рафаилович (1872—1939) — врач, общественный деятель, один из руководителей Общества охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ), историк медицины.

⁶⁵ Фрумкин Яков Григорьевич (1880—1971) — юрист, общественный деятель, активно участвовал в деятельности Союза за достижение полноправия евреев в России и организаций содействия евреям-депутатам Государственной думы. После 1917 г.— в эмиграции во Франции и с 1940 г. в США. Мемуарист.

⁶⁶ Розенфельд Самуил Яковлевич (1869—1943) — публицист, редактор, переводчик, работал во многих еврейских периодических изданиях России и Польши. С 1903 г. работал в С.-Петербурге в газете «Фрайнд», выходившей на идише. С 1919 г.— в Польше, затем в США.

⁶⁷ Гурлянд Илья Яковлевич (1868—?) — публицист, драматург, писатель, после крещения — чиновник Министерства внутренних дел. В 1916 г.— директор Петербургского телеграфного агентства. После 1917 г. бежал в Финляндию, затем жил во Франции.

⁶⁸ Гессен Юлий Исидорович (1871—1939) — историк, общественный деятель. Автор многочисленных исследований по истории евреев в России. После 1917 г.— на научной и преподавательской работе.

⁶⁹ Оршанский Илья Григорьевич (1846—1875) — юрист, публицист, еврейский общественный деятель.

⁷⁰ Моргулис Михаил Григорьевич (1837—1912) — юрист, публицист, издатель, общественный деятель, организатор и руководитель ряда еврейских общественных организаций в Одессе. Автор книг и статей по теории и истории еврейского вопроса.

⁷¹ Ефрон Илья Абрамович (1847—1917) — издатель, основатель и владелец акционерного общества «Брокгауз—Ефрон», среди изданий которого была и 16-томная Еврейская Энциклопедия (1908—1913 гг.).

⁷² «...Основатель "Восхода"» — Ландау Адольф Ефимович (1842—1901) — издатель, публицист. С 1881 по 1899 г. издавал журнал «Восход» и «Недельную хронику Восхода», выпустил в свет большое количество книг по истории и культуре евреев в России.

⁷³ Ахад-Гаам (Гинцберг Ушер Исаевич; 1856—1927) — философ, публицист, издатель, теоретик духовного сионизма, выпускал и редактировал ряд периодических изданий на иврите, участвовал в деятельности сионистского движения в России. С 1922 г. жил в Эрец-Исраэль.

⁷⁴ Нигер (Чарни) Шмуэль Вольфович (1883—1955) — филолог, публицист, критик, общественный деятель, один из лидеров Партии сионистов-социалистов, пропагандист идишизма. Автор исследований по истории литературы на этом языке. С 1919 г. — в США.

⁷⁵ Бикерман И. М. О сионизме и по поводу сионизма // Русское богатство. 1902. № 7.

⁷⁶ Ефройкин Израиль (1884—1954) — публицист, общественный деятель, переводчик, активный деятель Фолкспартей. С 1920 г. — во Франции, где участвовал в сионистском движении. С 1940 г. — в Уругвае. В 1946 г. вернулся во Францию. Автор книг и статей по истории еврейской культуры на идише.

⁷⁷ Грузенберг Оскар Оскарович (1866—1940) — юрист, общественный деятель, публицист. Выступал на многих процессах в защиту евреев (в том числе М. Бейлиса, Д. Блондеса, П. Дашевского), член партии кадетов, входил в ряд еврейских политических организаций и в Бюро содействия евреям—депутатам Государственной думы. С 1919 г. — в эмиграции в Германии, Латвии и Франции. Мемуарист.

*Предисловие и публикация Е. РАБИНОВИЧ;
комментарии В. КЕЛЬНЕРА.*

АВТОБИОГРАФИЯ*

(по материалам семейного архива Аронсонов в Нью-Йорке)

В 1896 г. парижские газеты писали о молодом человеке-иностранце, у которого на улице случился голодный обморок. В больнице, придя в себя, он рассказал врачу, что он скульптор, приехавший из российской провинции пять лет тому назад учиться мастерству, и что зовут его Наум Аронсон. Во Франции у него не было ни родственников, ни покровителей и, как у всех начинающих,— ни покупателей, ни средств к существованию. Испытывая глубокое сочувствие к художнику, врач заказал ему портреты своих детей¹. С этого момента жизнь Аронсона изменилась. На смену многих лет лишений к нему стала приходиться известность, а начиная с 20-х гг. и слава международной знаменитости. Его работы выставлялись и покупались лучшими салонами и музеями разных стран, печатались на обложках каталогов и известных журналов. О нем писались многочисленные статьи, где его называли одним из лучших современных скульпторов².

Наум Аронсон принадлежал к тому поколению еврейской молодежи, которое начиная с последней трети XIX в. стало интенсивно вливаться в российскую экономическую и общественную жизнь, вошло в культурное пространство империи. Судьба Аронсона во многом перекликается с судьбами его современников: М. Шагала, Л. Бакста, Х. Сутина, Н. Альтмана. От предыдущей генерации художников-евреев, таких, как И. Левитан, М. Антокольский, И. Аскназий, они отличались большим чувством свободы, нежеланием мириться с «судьбой», общественным темпераментом.

Среди работ, принесших Науму Аронсону наибольшее признание, был созданный им в 1905 г. бюст Бетховена, стоящий в саду перед домом композитора в Бонне³, и скульптура Луи Пастера, законченная к 100-летию со дня рождения ученого в 1922 г. После долгих и сложных перипетий она была установлена в Пастеровском институте в Париже, а ее копии заказаны другими городами мира⁴. Аронсон был автором многих статуй, композиций и портретов великих людей и тех, кто был ему близок по духу. Работал он и в монументальной скульптуре. Еврейская тема постоянно звучала в его творчестве. Работы «Мальчик с

---

* Этот отрывок был частью задуманных художником воспоминаний.

тиффелин», «Моисей», «Старость», «Бац-Мицва» представляют сильных, полных любви и достоинства людей. После Кишиневского погрома 1903 г. были созданы такие работы, как «Погром» и «Кидуш-Хашем». На протяжении многих лет художник получал различные призы и награды, а за работы для Всемирной выставки 1937 г. в Париже удостоился высшей награды Франции — ордена Почетного легиона.

Помимо своих работ, скульптор, отличавшийся независимостью суждений, оставил воспоминания, записи о людях, жизни и искусстве, ставшие неотъемлемой частью его наследия. Большинство из них проникнуто болью за еврейский народ, от которого Аронсон никогда себя не отделял, и размышлениями о его трагической судьбе. Его письменное наследие не только углубляет понимание его как художника и человека, но становится и важным документом своего времени.

Писал он на двух языках — русском и французском⁵ и, за редким исключением, не ставил дат. Он мечтал собрать эти разрозненные записи, доработать их и издать, но этой мечте не суждено было осуществиться. Воспоминания охватывают разные периоды жизни их автора, от детства в Черте оседлости до зрелых впечатлений всемирно известного художника.

В данной публикации используются материалы, хранящиеся в США в семейном архиве Аронсонов.

Большая часть воспоминаний погибла во время оккупации, в основном та, что была написана рукою самого скульптора. Лучше сохранились фрагменты, переписанные рукою его племянницы, г-жи Александр-Аронсон, ставшей заниматься его наследием еще при жизни автора. Это были черновые, неотредактированные записи, они существуют в нескольких вариантах, имеющих незначительные расхождения. В них есть также повторения, оговорки, неясности и даже очевидные ошибки. В наиболее важных случаях, когда детали обогащают наше понимание явлений, я привожу оба варианта, заключая один из них в квадратные скобки. В квадратные скобки заключены также части слов, написанных сокращенно, числительные, написанные Аронсоном цифрами и замененные словами. В данную публикацию включены не только законченные эссе, но и некоторые отдельные зарисовки и отрывки из незавершенных очерков, дающие возможность лучше понять как мир самого художника, так и тот период истории, частью которого он был.

---

⁵ Об этом случае писал журналист Юрий Борин (История одной скульптуры // Даугава. 1978. № 4. С. 100). Мне об этом же рассказала вдова скульптора Элен Аронсон во время наших с ней встреч зимою и весной 1989 г. в ее квартире в Нью-Йорке. Большинство событий и фактов, использованных в этом эссе, стало

известно мне на основании материалов архива госпожи Элен Аронсон и с ее слов. Часть ее воспоминаний записана мною на магнитофонную пленку.

² См.: *Parkes K. The Art of Carved Sculpture. 1925. Vol. 2. Scribners. P. 166; Robinson K. A. Naum Aronson // The Memorah Journal. 1929. Vol. 16. 6 June. P. 516; Dluznowski M. Dreams in Marble // The American Hebrew. 1941. 21 November. P. 6.*

³ На Международной выставке в Льеже в 1905 г. Аронсон получил первую золотую медаль за своего Бетховена.

⁴ Копии бюста Луи Пастера есть в Праге, Токио и в других столицах мира. По некоторым сведениям, копия была также заказана в 1923 г. для Медицинского общества в Нью-Йорке (*Robinson K. A. Op. cit.*). Бронзовый бюст Пастера предположительно стоит в Научно-исследовательском институте эпидемиологии и микробиологии им. Пастера в С.-Петербурге.

⁵ Переводы с французского сделаны Э. Аронсон и Л. Александр-Аронсон.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1872 году в Краславке, захолустаном городке Витебской губ[ернии]. Начинаю себя помнить приблизительно с пятилетнего возраста, и с тех пор все впечатления моего невеселого детства навсегда запечатлелись в моей памяти. Уже в этом возрасте меня неудержимо влекло к искусству. Мне были чужды обыкновенные детские забавы и радости, и я не задумываясь приносил их в жертву удовольствию услышать гармонический взятый аккорд на рояли, а то и просто трубный звук. Особенно влекло меня к скульптуре, о которой я, конечно, тогда не имел никакого понятия. Так как моя прихоть казалась моим близким безумием, ни с чем не вяжущимся, я тайком доставал дерево и гипс, где и вырезывал образы моей детской фантазии. Занимался я также и живописью, и так как изрядно пришлось бы искать в моем окружении художественных образцов, я сделал бубнового короля моим первым натурщиком. Позже я стал знакомиться с живой природой и старался воспроизводить ее. В 12 лет я уже сделал статую в натуральный рост. Она изображала горько плачущего школьника, жертву жестокости и необузданности одичалого и провинциального ментора. Вообще тоскливая жизнь маленького местечка угнетала меня и внушала грустные тенденции.

Так до 16-ти лет я урывками и тайком удовлетворял свои творческие наклонности, порицаемые и осмеянные всеми окружающими. Затем я начал мечтать о Париже. Мечтал страстно, безумно и напрасно... В 16 лет мне удалось поехать в Вильну и поступить в тамошнюю рисовальную школу. Вскоре я был зачис-

лен, и директор школы сказал мне: «Вам необходимо учиться лепить». — «А как же это сделать?» — «Да я сам не знаю, голубчик. Возьмите глину и лепите». Вскоре тогдашний попечитель Виленского учебного округа г. Сергиевский¹⁻² (бюст которого я сделал) предложил мне поехать в Петербург, где обещал помочь мне в моем художественном образовании. Но я отказался не раздумывая; по какой-то странной интуиции³, потому что был очень молод, потому что фанатически мечтал о Париже, который представлялся моему (*нрзб*) воображению великолепным садом, где каждый может найти свое счастье под сенью райских деревьев. Но мечта эта была трудноосуществима. Я не хотел просить материальной поддержки для достижения моей цели у тех, кто ее осмеивал.

Проведши с перерывами (месяцев?) в Виленской рисовальной школе, я снова уехал в Краславку, чтобы там скопить нужные на путешествие в Париж деньги. Прожил год, и я оказался обладателем необходимой суммы и (*нрзб 4 слова*) отправился в Париж. Дорогой я познакомился с одним господином, который, узнав про мою судьбу, с удивлением спросил: «А чем же вы думаете жить в Париже?» На что я с убедительной уверенностью ответил: «В Париже можно жить воздухом!» Это с таким-то наивным мирозерцанием я приехал просить гостеприимства у столицы мира. Надо прибавить, что я не только жизни не знал, но и ни слова по-французски. Вскоре, однако, кое-как освоившись со своим новым положением, я дерзнул даже поступить в школу декоративных искусств, где меня встретили очень неблагоприятно, ссылаясь на мой возраст. (Там начинают очень рано, и профессор сказал мне: «Чтобы быть хорошим скульптором, нужно начинать с 7—8-летнего возраста.»)

Юность

В 16 лет я поступил в Виленскую рисовальную школу. Когда я показал завед[ующему] Ивану Петровичу Трутневу⁴ вырез из гипса, представляющий деревню с многочисленными домиками, дворами, лесом и кладбищем, он внимательно осмотрел и посоветовал мне лепить. «Как лепить — не знаю, принесите глину, работайте». Чуть ли не первую мою работу он отправил на выставку в Петербург. Иван Петрович ценил меня и очень считался со мной, но на почве антисемитизма у нас были неприятные столкновения. Наш заведующий жил при школе, на

первом этаже. Помню хорошо высокую темную лестницу. Мальчишки часто ставили саночки, чтобы товарищи падали,— это зрелище доставляло им огромное удовольствие. Возмущенный, я как-то попросил швейцара убрать саночки. «Это жида нарочно ставят,— услышал в ответ.— Иван Петрович сказал, чтоб бить жидов, как собак». В тот же вечер мы собрались в школе и решили потребовать объяснений у заведующего. Если они нас не удовлетворят, мы все уйдем. Я был выбран делегатом. На следующий день, не дожидаясь прихода Ив[ана] Петр[овича], я спросил учителя, верно ли, что Ив[ан] Петр[ович] считает нас собаками. Я был так возмущен, что наговорил много дерзостей, не считаясь со словами. Жена завед[ующего] стояла у дверей и присутствовала при этой сцене. Когда Ив[ан] Петр[ович] пришел из реального училища, в мундире с орденами, она передала ему о происшедшем. «Это верно, что вы про меня сказали?» — обратился ко мне заведующий. «Не только это, а гораздо больше,— ответил я.— Скажите, правда ли, что вы говорили, будто надо бить жидов, как собак?» — «Нет, неправда»,— «Это все, что я хотел знать. Видите,— я обратился к ученикам, окружающим нас,— Ив[ан] Петр[ович] отказывается от своих слов». — «Если б это был другой ученик, а не вы, не задумываясь я бы его вышвырнул. А вас в наказание прошу не посещать школу в течение [десяти] дней». Я взял свою папку с рисунками и ушел, полагая, что остальные ученики последуют моему примеру. Но все они остались на местах...

В[о] время моего изгнания на последние деньги я взял натурщика, старого нищего, и лепил его бюст. Прошло [десять дней]. Совесть мучила учеников, они стали настаивать, чтобы я вернулся в школу, доказывая, что через несколько месяцев [я] получу диплом. Я пришел в школу. Ив[ан] Петр[ович] обратился ко мне со словами: «Ну что ж, Аронсон, надо взяться за дело». Опять задор или невоспитанность взяли верх, [и] я резко ответил: «Не знаю, где я больше успел в течение этих [десяти] дней, дома или в школе». Я рассказал, что все время работал и сделал бюст. «Принесите»,— коротко ответил Ив[ан] Петр[ович]. Я ушел домой и вернулся, когда ученики разошлись. «Уж если будут ругать, так по крайней мере без свидетелей»,— думал я, волнуясь. Швейцар передал мне, что Ив[ан] Петр[ович] завтракает⁵, но доложит о моем приходе. Немного погодя вышел ко мне заведующий, внимательно осмотрел бюст. «Я хорошо знаю этого старика, он

замечательный. А теперь вам следовало бы сделать бюст попечителя Виленского округа — Сергиевского». Сказано — сделано. Ив[ан] Петр[ович] предоставил мне свою мастерскую, лестницу выложили красным ковром, и каждый раз, когда Сергиевский приходил позировать, [два] городских в парадной обмундировке охраняли вход в мастерскую.

Бюст попечителя отлили в большом количестве и расставили по гимназиям. На прощание Сергиевский подарил мне свою фотографию, сказав: «Приходите ко мне через [две] недели — я поеду с вами в Петербург, и, надеюсь, с моей легкой руки ваша карьера будет обеспечена». Я больше к попечителю не явился — инстинктивно, как еврея, меня в Петербург не тянуло⁶. В моем юношеском воображении я видел Париж, туда я стремился всей душой.

Я вернулся в Краславку, где пробыл почти [два] года. Под конец моего пребывания получил заказ от графа Зиберк-Плятера⁷ — делать его медальоны. За эту работу мне уплатили сто рублей. Имея деньги, я решил уехать в Париж⁸. Я прибыл во Францию в 1891 г. без всякого знания языка, с очень скромными ресурсами, но большой энергией и надеждой не умереть с голоду. Статья, которую когда-то прочел в «Новостях», под заголовком... имела некоторое влияние [на меня]. Как идеалист, я решил, что и такой заработок годится, лишь бы добиться цели и стать художником⁹. После приезда, несколько дней спустя, я встретил товарища по виленской школе. Мы вместе отправились в «École de beaux arts». Для поступления специальных знаний не требовалось, но надо было немедленно уплатить [сорок] франков. Это решило нашу участь. От такой «крупной» суммы я отказался и направился в «École des arts decoratifs»¹⁰. Профессор спросил меня, что я способен делать. «Я хочу начать, я еще ничего не умею». — «Сколько вам лет?» — «Восемнадцать». — «Поздно. Чтобы стать скульптором, надо начинать с семилетнего возраста». Мне удалось упросить директора принять меня. Я попал на конкурсную неделю, и, несмотря на то, что начал свою работу позже всех, я оказался первым, а через два месяца получил медаль. Директор [профессор Н. Lemaître]¹¹ обратил внимание на мои работы и рисунки. В здании школы [он] устроил мою выставку и предложил

даже выхлопотать стипендию. Но я отказался, предпочитая выбиваться своим трудом. В мастерской я научился работать на мраморе. Мысль, что в любое время могу заработать на хлеб, придавала мне бодрости.

Я остался в Париже до 1894 г[ода]. Затем вернулся домой отбывать воинскую повинность. Два года потерял, возвратился в Париж в 1896 г[ода], и начались мои новые испытания.

Начало

Мне было семнадцать лет, когда я полетел в Париж. Вспоминая то время, каждый поймет, что «полетел» — это метафора для обозначения крыльев моей мечты. На самом деле я сидел в вагоне третьего класса комфортабельного поезда, который в течение сорока восьми часов должен был пересечь границу между родным городком Креславой и столицей мира. Я был глубоко погружен в мои ослепительные мечты... Париж!.. В своей теплой (и абсолютно смешной) зимней одежде, сделанной для меня моей любящей матерью, я не мог подавить дрожь нетерпения и сопутствующего ему тревожного опасения. Мой случайный попутчик вывел меня из этих противоречивых размышлений, вынудив меня к разговору. Я описал ему все те трудности, которые я должен был преодолеть, чтобы, наконец, иметь возможность держать в руках волшебный железнодорожный билет с невероятной надписью — «Вильна — Париж». Обрадовавшись возможности поговорить, я поведал этому чужому человеку мои мечты и надежды и предвкушение чудес, ожидающих меня в Париже, — все, что наполняло сердце семнадцатилетнего юноши, влюбленного в искусство и совершенно ничего не знающего о жизни. Я рисовал ему картины моих мечтаний, которые почти превращались в реальность в эту незабываемую ночь под ритм колес несущегося поезда.

Когда случайный попутчик понял, что его восторженный спутник едет в Париж, имея при себе денег всего на несколько дней весьма скудного существования, он удивленно спросил: «Как же вы, черт побери, думаете там прожить?» Нисколько не смутившись, я ответил: «В Париже можно жить, просто вдыхая воздух Франции». Хотя мой ответ навсегда врезался мне в память, я до сих пор не могу понять, что же я имел в виду. Конечно, это было сказано в состоянии больших ожиданий,

но, может быть, я хотел сказать нечто более серьезное. Целая жизнь прошла с тех пор, полная больших и горьких разочарований и безнадежных ежедневных попыток достичь вечного. Я спрашиваю себя, богаче ли моя жизнь сегодня или беднее, чем те сорок восемь часов, прожитых тем юношей, несущимся вперед в том ночном поезде, стремясь как можно быстрее достичь Парижа.

В царской России¹²

В 19... году я был приглашен Петербургской Императорской Академией Искусств¹³ принять участие в ежегодной весенней выставке¹⁴.

Я был уверен, что организаторы выставки, пригласившие меня, займутся получением для меня права жить в столице на все время выставки. К сожалению, приехав в Петербург, я обнаружил, что для этого ничего не было сделано. Я далек от мысли обвинять моих старых товарищей в небрежности или в недоброжелательстве. Они просто не подумали обо всем этом. [Неевреи, образованные либералы в царской России забывали бездумно стыд гетто, который падал на них как обвинение.] В царское время либеральные и образованные русские интеллигенты охотно забывали о позоре черты оседлости, ложившемся на них как обвинение. Мне пришлось обратиться к ректору Академии Искусств графу Толстому¹⁵. Он был, что называется, человеком обязательным [доброжелательным], в самом широком и лучшем смысле слова. Такие люди встречаются редко. Я рассказал ему о своем двусмысленном положении. С чарующей готовностью он взялся сделать все необходимое, чтобы добиться для меня разрешения на пребывание в столице; ему это, видимо, представлялось чрезвычайно легким. Однако, когда я назавтра зашел к нему за ответом, сконфуженный и обескураженный граф объявил мне: «Я в отчаянии [крайне сожалею], но должен признаться, что мне ничего не удалось добиться [что мои усилия ни к чему не привели]». После этой неудачи профессор Беклемишев¹⁶ предложил мне поселиться в самой Академии, сопровождая свое любезное предложение веселой шуткой: «Надеюсь, что в помещении нашей Академии облавы устраивать не станут». [Надеюсь, что полиция не придет в мастерские нашей Академии.] В продолжение нескольких недель я прожил таким образом тихо и мирно [я прожил несколько беспокойных

недель], охраняемый престижем Императорской Академии Искусств, которая укрывала прятавшегося еврея... [которая стала соучастником в проделках еврея].

Однако комитет решил перевести выставку в Москву. Художнику Церетели и мне было поручено заняться этим. Приходилось снова подумать о разрешении на жительство, на этот раз для Москвы. Мне дали рекомендации к знаменитому историку Иловайскому¹⁷, который был на «ты» с великим князем Сергеем Александровичем, генерал-губернатором Москвы¹⁸. Иловайский со своей стороны охотно дал мне рекомендательное письмо к великому князю. Приехав в Москву, я оставил свой багаж на хранение и отправился прямо в канцелярию генерал-губернатора. Мне не повезло: в этот день великий князь был в отсутствии. Меня принял секретарь [один из его помощников], которому я и передал свое драгоценное рекомендательное письмо. Он оставил меня ждать в приемной. Через несколько минут он вернулся задать мне вопрос: «Что это за выставку вы организуете? Собак? Свиней?» Я ответил, что ни для кого не секрет, что Академия Искусств [художеств] не занимается ни собаками, ни свиньями, поелику эти животные не изображены на картинах. Кроме того, я упрекнул его за то, что он вскрыл письмо, адресованное не ему. «Хорошо, чем же я могу быть вам полезным?» — спросил молодой человек. «Верните мне письмо,— ответил я.— Я возвращусь, когда великий князь будет здесь». Очутившись на улице, я пробежал письмо, распечатанное секретарем. Между прочим, в нем стояло: «Хоть Аронсон и жид, но очень талантливый человек». Нечего говорить, что этой замечательной рекомендацией я, конечно, не воспользовался.

Я оказался в буквальном смысле на улице. Ранняя весна пахла еще зимой, а зима была очень суровая. В своем парижском пальто я дрожал от холода. Я был совершенно одинок в этом незнакомом городе и не знал даже, где провести ночь. На завтра мне предстояло встретиться с Церетели, адреса которого я не знал, — встреча должна была состояться в помещении, предназначенном для выставки. Я начал ходить из ресторана в ресторан, из чайной в чайную. Кажется, за этот вечер я выпил больше чая, чем обычно выпивал за месяц. Уже совсем поздно вечером я вдруг вспомнил об одном старом знакомом, художнике К.¹⁹, который жил в Москве. Счастливый, я бросился к нему, объяснил положение и прибавил: «Мне нужно только переночевать где-нибудь сегодня.

Завтра вечером я уезжаю из Москвы». Художник К. ответил мне буквально следующее: «Очень сожалею, но не могу ничего для вас сделать». Я немедленно ушел, не сказав ни слова. Это был единственный случай в моей жизни, когда я промолчал в ответ на ненависть к евреям или равнодушие к их судьбе. Я промолчал, потому что дело касалось меня самого. Когда дело касалось других евреев, я неизменно отвечал со всей горячностью своего возмущения на каждое оскорбление, на каждый укол. Уйдя от К., я возобновил свою нескончаемую прогулку по Москве, этому таинственному городу, настолько русскому, что еврей не имел права даже проспать там одну ночь.

Я снова пошел в ресторан, снова выпил чаю. Я умирал от усталости. Надо было принять какое-то решение. То, на котором я остановился, было отчаянным. В 2 часа утра я отправился в гостиницу, выбрав при этом ту, которая носила звучное название «Дворянская гостиница»²⁰. Я заказал себе самый лучший номер, оказавшийся, конечно, самым дорогим, и... велел прежде всего принести себе чаю. Несколько минут спустя коридорный постучал в дверь, и, едва он вошел, я заметил в его руках мой паспорт, который я, как полагалось, оставил у швейцара, прежде чем подняться в свою комнату. «Вы должны уехать от нас, у вас нет разрешения на жительство в Москве». Ужас перед возможностью снова очутиться на улице удвоил мое нахальство. Я спросил свысока: «Что вы в этом, любезный, понимаете? Отнесите мой паспорт в полицию, и там вам скажут, имею ли я право жительства в Москве». — «Вы что думаете, я посреди ночи побегу с вашим паспортом в полицию?» — спросил коридорный. «Как хотите, можете пойти завтра утром, дело не к спеху», — ответил я с ленивой небрежностью. Моя самоуверенность произвела впечатление, и меня оставили в покое. У меня привычка просыпаться рано. Однако наутро после всех этих приключений я довольно долго провалялся в постели, наслаждаясь ее удобством, столь удачно узурпированным мною. Я позвонил, и мне принесли завтрак, который подали со всей почтительностью, каковая следовала человеку, занимавшему самый дорогой номер в гостинице. Осмелев, я дал слуге квитанцию от багажа, и через час все мои чемоданы были мне доставлены.

Я отправился на свое свидание с Церетели, и мы немедленно занялись приготовлениями к открытию выставки. Только через четыре дня меня вызвали наконец в полицию. Секретарь встретил

меня очень любезно и заявил: «Я должен вам, к сожалению, сказать, что вам придется немедленно покинуть Москву, потому что у вас нет разрешения на жительство здесь». — «Я прекрасно знаю, что мне сюда и приезжать было нельзя, — ответил я. — Меня удивляет, что вы меня вообще оставили в покое на целых четыре дня». — «Это уж распорядился полицмейстер», — сказал секретарь. «Ну хорошо, я уеду сегодня вечером. Не мог бы я поблагодарить полицмейстера за его любезность?» Меня ввели в кабинет полицмейстера, который поднялся навстречу, весело и сердечно улыбаясь мне. Это был высокий, сильный человек, так и пышущий жизнерадостностью. «Счастливи пожать вам руку, — приветствовал он меня. — Когда мне дали ваш паспорт, я немедленно вспомнил ваше имя. Я о вас много читал и слышал о ваших работах и даже видел кое-какие репродукции. Ну вот, хоть я и должен стоять на страже закона, но сознаюсь, что у меня рука не поднималась написать на вашем паспорте «Жительство в Москве не разрешается». Выслать вас, вас... Ну нет, это уж слишком. Но я не могу нарушать закон. Сегодня я вынужден просить вас покинуть Москву». Я горячо поблагодарил полицмейстера-мечената и, пожав ему руку, пообещал уехать из Москвы в тот же вечер. Полицеймейстер задержал мою руку в своей и сказал с обескураженным видом: «Если бы вы только знали, как мне тяжело, что вам необходимо уехать». Я весело ответил: «Это зависит от вас. Протяните еще немного, и все будет в порядке». — «Как долго?» — «Дней десять». — «Ладно». Мы расстались. В день открытия выставки я был гидом полицмейстера и водил его по всем залам. Через несколько дней я уехал из Москвы, куда вернулся лишь только после революции²¹.

Воспоминания о России²²

14 июля 1914 г[ода] я приехал в Россию для установки двух памятников: кн[яжне] Голиц[ыной]²³ и Ушинскому²⁴.

22 июля я поехал в окрестности Москвы лепить бюст кн[яжны] Голицыной. Когда явились в имение реквизировать лошадей, я узнал, что объявлена война. Немедленно я оставил работу, вернулся в Москву, чтоб уехать в Париж. Но уже было поздно — я остался в России до 1 апреля 1916 г[ода]. Почти два года присутствовал при новых ужасах, пережитых русским народом — евреями в особенности. Об этом не буду распространяться — все хорошо известно.

Один ужасный факт особенно запечатлелся в моей памяти: приказ, изданный Николаем Николаевичем²⁵, убрать евреев из прифронтовой полосы. В Петрограде я узнал, что галицийские евреи отправлены в заплombированных вагонах в Сибирь — проездом должны были остановиться в Вятке. Так как в этом городе жил мой брат с семьей, я немедленно туда поехал. Действительно, несколько дней спустя мы узнали, когда вагоны придут. Еврейское О-во [общество] добилося у губернатора разрешения открыть вагоны и накормить несчастных. Я присутствовал при этом и видел душераздирающие сцены. На полу лежали мертвые и полумертвые старики. Сумасшедшая молодая мать держала на коленях умершего ребенка. Многие распухли от голода. Я пробовал дать немного молока больному старику. Мои усилия оказались тщетны: мгновенье спустя старик закрыл глаза навсегда. Кто выдержал голод и ужасы путешествия, получил разрешение пойти в город. Местные жильцы взяли несчастных на поруки. Помню, как один молодой человек отказался от пищи, кот[орую] ему подали. «Я не заработал. Чужое есть не могу». Собравшиеся настаивали: «Покушайте, потом будете работать». Но молодой человек наотрез отказался. Тогда, чтоб создать видимость работы, ему было предложено вымыть несколько бутылок. За этой работой приезжий скончался. Над этими людьми издевался главнокомандующий за то, что они евреи.

В такой ужасной атмосфере я прожил почти два года. Когда стало невозможно, отправился к ген[ерал]-губернатору с просьбой разрешить мне уехать во Францию. Между нами произошел следующий разговор: «Скажите, зачем непременно в Париж?» — «Потому что там я воскрес. Мне исполнилось уже сорок три года, я на службе не состою». — «Ваши бумаги?» Я подал свой заграничный паспорт. Мне предложили предъявить воинскую книжку, несмотря на то, что в паспорте имелась необходимая отметка об отбытии воинской повинности. Я объяснил, что не могу достать воинск[ой] кн[ижки], так как мое местечко занято немцами. «В таком случае ничего не могу для вас сделать, нужно личное разрешение военного министра. Обратитесь к нему, попросите». Я так и сделал — отправился к министру. Объяснил, что больше не могу жить в этой атмосфере, что либо сойду с ума, либо совершу поступок, о кот[ором] впоследствии и я, и другие пожалеют. Министр возразил: «В настоящее время такие разговоры невозможны. Если бы передо мной был не Аронсон, а другой, я на

месте бы его застрелил. Делайте, что вам угодно, но больше ко мне не являйтесь». Пользуясь этими словами, пошел в канцелярию министра попросить выдать мне бумагу, что он не возражает против моей поездки за границу. «Это невысказано, — сказал секретарь. — Для родного брата я бы этого не сделал»... Моя настойчивость подействовала, и я получил необходимую бумагу. На следующий день я ее предъявил в канцелярии ген[ерал]-губернатора. «Не может быть! — воскликнул ген[ерал]-губернатор. — Я ведь пошутил, когда это сказал. Каким образом вам выдали эту бумагу? Ну что ж, пишите паспорт!» — последовал приказ. Усердная чиновница попросила метрич[еское] свидетельство, без кот[орого] нельзя выдать паспорт. Опять обратился к ген[ерал]-губернатору — после долгих объяснений и просьб я паспорт получил. В нем значилось: русский подданный, родился ли в России — неизвестно. Несколько дней спустя я уже был в Париже²⁶.

К моему пребыванию в Киеве²⁷⁻²⁸

С тех пор я посылаю цветы, но не ношу их никогда.

Я шел с роскошным букетом роз на званый обед к генеральше Л. Не успел пройти квартал, как выпал дождик. Остановился в подворотне. Издали донесся стон: женщина жаловалась сквозь слезы, дети плакали, мужской голос кого-то утешал. Голоса приблизились: я увидел перед собою бедную еврейскую семью. Я подошел к несчастным: у них не было права жительства. Отца, мать и четверых детей полицейские сопровождали на вокзал. Я посмотрел на свои цветы, увидел себя и подумал: как мало люди заботятся о других! Я ведь такой же человек, как и эти гонимые, иду сытно пообедать, в то время когда их, голодных, посылают неизвестно куда.

Памятник Алек[сандру] II в Киеве

В Висбадене я познакомился с генералом Лохтиным²⁹, кот[орый] однажды спросил меня, поставил ли бы я памятник Алек[сандру] II. Я ответил согласием, т. к. это был единственный император, кот[орый] неплохо относился к евреям. На следующий день после этого разговора генерал вскользь спросил, не пошел ли бы я на уступки. Я понял его намек³⁰ и возразил, что как художник и еврей слишком горд для того, чтоб продать свою душу. Генерал попросил извинения, прибавив, что не ждал

другого ответа. Спустя приблизительно два месяца Киевский ген[ерал]-губернатор Трепов³¹ пригласил меня приехать в Киев и осмотреть место для памятника.

В Киеве я сделал несколько набросков, и на собрании К-та [комитета] ген[ерал]-губ[ернатора] я дал необходимые объяснения. Мой проект понравился. Я получил официально заказ, подтвержденный просьбой сделать макет. На следующий день я был у ген[ерала] Лохтина. «Скажите, а сколько будет нам?» — обратился он ко мне. Я не понял, в чем дело, — думал, что это шутки. Не дав ответа, я попрощался и вскоре уехал в Париж. К условленному времени я сделал макет по проекту, кот[орый] дал на заседании ген[ерал]-губ[ернатору]. Этот макет я сам отвез в Киев. Но в городской думе меня ждал сюрприз: я узнал, что назначен конкурс. Я не хотел принимать в нем участия. Мне об этом ничего не сообщили, и я решил отобрать свой макет, но мне его не вернули. Первоначально конкурс был назначен к 15 мая, но впоследствии был отложен. Комитет ждал приезда итальянца Кименеса³², который позже привез другой проект моей композиции³³. Этот художник знал, «сколько будет им».

Примерно прошел год. Однажды я получил заказ[ное] письмо, подписанное всем комитетом по постановке памятника гр. Суворова. В этом послании комитет обратился с просьбой принять участие в конкурсе памятника. Если это предложение я отвергну, без всякого конкурса мой проект будет принят. Если же в данное время я занят, меня очень просят сделать некоторые эскизы, за которые будет уплачена любая сумма, кот[орую] я потребую. Я ответил тоже заказным письмом. Я им писал, что, как мне ни дорога память Суворова, я не желаю принимать участие в работе в России; что слишком горжусь своим происхождением для того, чтоб иметь дело с черносотенцами, и когда заглохнут в России «Колокола» и настанет настоящее «Новое время» для творческой работы в пользу родины, я, как сын русской земли, к этой работе примкну³⁴.

В ответ на мое письмо я прочел статью в «Колоколе», озаглавленную «Жид Аронсон», и в этом же роде — в «Нов[ом] вр[емени]». Мое послание оказалось очень неудобоваримым. Наградой за это выступление была полученная мной открытка из глухой провинции: автор, пожилой еврей, тронутый моим поступком, спешил выразить мне свою благодарность.

Мое пребывание в Петербурге

Русское правительство звало меня в Петербург ставить памятник³⁵. Но это приглашение не дало мне отнюдь права на въезд в столицу для изучения топографии. Чтоб получить «право жительства», я обратился к моему знакомому литератору П.³⁶, который был хорошо знаком с Витте³⁷. Некоторое время спустя мой друг известил меня, что его старания увенчались успехом, право жительства имеется для меня на месте — следовательно, могу приехать. Мне предназначалась квартира, в которой жил Дорошевич³⁸. Это помещение и соответствующий участок были указаны градоначальнику в письме Витте. Я отправился в Петербург. После приезда дал свой паспорт дворнику. К моему удивлению, дворник скоро вернулся из участка с заявлением, что пристав просит меня немедленно уехать, т. к. нет для меня права жительства. Я дал дворнику три рубля и переночевал. Все надеялся, что на следующий день пристав получит необходимое разрешение от градоначальника. Но опять надежды меня обманули, дворник опять получил трешницу, и я остался. На третий день, когда я мирно ужинал с М. Сувориным³⁹, скульптором Трубецким⁴⁰, Протапенко⁴¹ и др., неожиданно пришел дворник и передал, что меня срочно вызывают в участок. Я был вынужден оставить моих гостей, извинился перед ними и отправился к приставу. Он набросился на меня, точно бешеная собака, угрожая отправить меня этапным порядком с жандармами, если добровольно в тот же вечер не уеду из Петербурга.

Вернувшись домой, я рассказал моим приглашенным о случившемся, но никто не предложил мне переночевать на своей квартире. Я остался у себя и на следующий день пошел к градоначальнику. Всюду праздники — приема не было, я с трудом добился секретаря. Он меня любезно принял и посоветовал на день-другой съездить в Царское; в данный момент он ничего не мог сделать, т. к. бумаги сумеет получить только после праздников. На мое возражение, что и в Царском мне нельзя жить, он ответил, что ничем помочь мне не может. Я вернулся домой.

После праздника я получил повестку от пристава. Явился к нему. На этот раз он дал мне подписать расписку о получении временного права жительства, затем подsunул мне еще одну бумажку. Я ее прочел: это было отношение градоначальника. Я посмотрел, когда оно было отправлено, [и] с удивлением заметил, что две недели назад. Градоначальник в письме просил пристава

не беспокоить меня, пока законным образом не пройдет ходатайство о разрешении двухнедельного пребывания. Пристав же, в надежде получить взятку, всячески меня преследовал и даже грозил высылкой. Я хорошо понял его политику.

Выставка в Льеже

В 1905 г[оду] я был приглашен русским комитетом принять участие на Всемирной выставке в Льеже. Все расходы по доставке экспонатов должен был покрыть комитет. Русский комиссар очень со мной считался, предоставил мне большую залу. Все было условлено. К сожалению, я немедленно должен был вернуться в Париж, не мог присутствовать на открытии выставки. Я вернулся два дня спустя: своих экспонатов я не нашел. Оказалось, что русский комитет обратился ко мне не из любви к еврейству, а лишь потому, что не было других художников. Они подождали, пока придут работы из Петербурга, которые прибыли как раз за день до моего отъезда. Я поднял большой скандал и выиграл, т. к. получил одну из лучших зал только для моих экспонатов.

Когда явились король с королевой, они обратили внимание на мои работы. Уже уходя, королева вернулась в мой зал еще раз посмотреть на мои труды. Королевская чета позвала русского комиссара выставки, которого просила передать свою благодарность Аронсону. Обо всем этом мне передал бельгийский комиссар, а не русский. Чтоб вернуть мне мои экспонаты, несмотря на письменное соглашение о доставке за счет организаторов, комитет отправил все наложенным платежом. Мне пришлось обратиться в суд, и только тогда я получил свои произведения. Вскоре мне прислали из Бельгии диплом о присуждении золотой медали. Я ее не получил: ее сохраняет до сих пор русский комиссар.

Лекция Брешковской⁴²

В 1917 г[оду] в Париже, в Доме ученых под председательством Н. В. Чайковского⁴³ состоялся доклад Брешко-Брешковской о России. Речь ее была направлена против большевиков. «Бабушка» революции призывала создать фонд для борьбы с большевиками, и у нее сорвалась фраза — «мы потом отдадим». В ответ кто-то крикнул по-французски: «Раньше платите — потом дадим!» И вдруг из зала раздался возглас: «Паршивый жид!» ...Никто не двинулся с места. Я вскочил, вскарабкался на эстраду, подошел к Брешковской со словами: «Надеюсь, что вы не приехали с целью

устраивать здесь погромы. Поэтому настаиваю, чтобы вы немедленно попросили извинения у публики, среди которой много евреев. Все должны знать, что вы не имеете ничего общего с этим негодяем, который крикнул «паршивый жид». Прошу вас потребовать удалить этого человека из зала, иначе я вам не дам возможности продолжать ваш доклад». Тогда Чайковский попросил меня позволить довести лекцию до конца. Я не согласился, пока Брешковская публично не попросит извинения. «Дайте окончить,— возразил председатель.— Я вам даю слово, что после доклада Брешковская это сделает». «Бабушка» подтвердила это честным словом. Лекция возобновилась. После окончания я опять взошел на эстраду и напомнил о данном мне обещании. «Если хотите делать еврейские собрания,— сказал Чайковский,— устраивайте их в синагоге». — «Вы погромщики,— сказал я вне себя,— все, что случилось, по заслугам⁴⁴, еще вам хуже будет, скоро это почувствуете». Пока происходила перепалка на эстраде, в зале публика из-за меня дралась...

О моем детстве

Я родился в маленьком городке в России по названию Краслава. Боже! Как красива она была с ее старыми домами, улицами, полными приключений, и ее жителями, уверенными в собственной ценности. В глазах маленького мальчика, каким я был, этот городок моего детства был сказочным городом, полным света и очарования. Хотя он казался огромным, я ощущал его своим, потому что любил все его сокровища: старые дома, леса и холмы и был горд гордостью собственника. Когда приезжали гости из соседних городков, чтобы насладиться «моим» солнцем, «моим» зеленым лесом, запахом «моих» каштанов и цветов, я бывал бесконечно польщен и жаждал показать им все, убежденный в том, что больше нигде на земле солнце не сияло так, как Краславой, что запах акаций нигде не был так сладок, а сирень не имела такого разнообразия и богатства оттенков. Никакие последующие воспоминания не жили во мне с такой силой, как эти первые впечатления, и когда бы я ни думал о тех днях, воздух вокруг меня становится более прозрачным, и я чувствую опять запахи, бывшие частью моего детства. Сердце мое начинает биться сильнее, когда я вспоминаю берега моей Двины, этой неповторимой реки. Ни одно из морей, которые я видел во все

последующие годы, не может сравниться с этими воспоминаниями.

После каждого нового путешествия по свету с его знаменитыми и прекрасными местами воспоминания о моем маленьком городке возвращаются ко мне со все возрастающим чувством ностальгии. В то же время я никогда не возвращался туда, боясь, что реальность разрушит мои впечатления, боясь, что война и революция разрушили тонкую патину чуда и что время состарило людей, которых я знал, и лишило меня уверенности в их мудрости. Я также боялся самого себя, того, что глаза, видевшие уже так много, потеряли способность воспринимать красоту простых вещей.

Портрет моего деда

Мой дед. Хасид, высокий крупный мужчина, прячущий за суровым взглядом большую доброту и бесконечную человечность. Я помню его крепким и очень живым стариком с длинной бородой, который внушал всем благоговение. Он никогда никого не обидел и делал добро, где только мог. Каждому, кто его знал, было известно, что за его сумрачной внешностью и авторитетным тоном, не нуждающимся в ответе, скрывалось золотое сердце. Но люди боялись его. Даже только звуки его шагов заставляли всю семью замереть в молчании. Почему все боялись этого человека, моего дедушку?

Может быть, это было потому, что никто никогда не видел его слабости, а его внешняя совершенность была легендарной. В ночь перед своей смертью он призвал моего отца, своего единственного сына, и сделал свое устное завещание. Он в деталях распорядился о своих похоронах, а через несколько часов скончался так же просто, как и жил.

Мой дом

Есть такие воспоминания, которые навсегда остаются как осязаемые, как живое ощущение вкуса и запаха. Таким воспоминанием для меня навсегда остался канун Пасхи в доме моих родителей. Это был огромный дом. Комнаты были настолько большими, что я с трудом мог разглядеть противоположную стену. У нас также был огромный двор с сараями и сад, который доставлял столько удовольствия в длинные летние дни. Во дворе было множество всяких построек, куда можно было заглядывать, когда надоедали все другие игры. И сам дом, и двор, и сад, и все

постройки [выскребали] накануне Пасхи. Я вижу мужчин, моего дедушку и моего отца, их просветленные лица, сбросившие маски повседневной жизни. Я вижу женщин, мою бабушку и мою мать, очень занятых, хлопочущих, но уже готовых наслаждаться блаженством праздника.

Я помню большие корзины, наполненные мацой, последние моменты очищения дома от «хомец»⁴⁵, когда хлеб изгонялся из дома, и мою мать, тщательно проверяющую каждый угол, заглядывающую в каждую щель, чтобы не упустить ни крохи хлеба, затерявшейся в каком-нибудь уголке. Маца уже по праву заняла свое место, но мы не имели пока права до нее дотрагиваться. На завтрак мне давали чай и картошку.

Я помню тщательную предпраздничную уборку и, наконец, наступление самого праздника, который вступал в сверкающий дом с его свежевывмытыми окнами и белоснежными занавесями, с до блеска натертыми полами. Все это вместе и составляло особый аромат кануна Пасхи.

Я был одновременно далек и близок от всех этих приготовлений. Я смотрел в окно, вдыхал запахи пробуждающейся весны в российской деревне, опьяняющий запах земли, которая освобождается от тающего под солнцем снега. Я глядел на мой сад, где прошлогодние маргаритки улыбаются мне после долгой лютаргии зимы. Я бессознательно впитывал в себя чудо просыпающейся природы и хлопоты людей, которые готовятся отмечать праздник истории своего народа, народа, чье величие я ощущал, даже не осознавая его.

Пастер

В начале июля 1914 г[ода] я покинул Париж с намерением вскоре вернуться. Целью моей поездки было изучение топографии двух памятников в Петербурге.

В глухой деревне, где я лепил бюст княжны Голицыной, я узнал, что вспыхнула война. Бросив работу, я помчался в Москву, но уже было поздно, нельзя было уехать за границу [Париж]. Пришлось остаться в России, и только в мае 1916 г[ода] мне удалось пробраться в Париж⁴⁶.

Друзья, которых я встретил, настаивали, чтобы в доказательство моей симпатии (преданности) Франции я соорудил памятник одному из выдающихся генералов. На это предложение я возразил: «Франция не нуждается в моей симпатии, которую,

впрочем, я доказал с риском для жизни⁴⁷. Симпатия всего мира на стороне Франции, потому что эта страна дала людей, творящих в пользу жизни, а не смерти. Я нахожу, что сейчас подходящий момент создать бюст Пастера, а не генералов».

С этой мыслью я отправился в Версаль к дочери и зятю Пастера — г-же и г-ну Valerie Radeau. Моя идея их очень тронула. Я получил три документа, кот[орые] должны были помочь моему проекту. Немедленно приступил к делу. Усиленно работал, создавал многочисленные бюсты, которые всегда вызывали похвалу окружающих. Но внутренней удовлетворенности не было. Я понимал, что для г-жи Radeau — [мой] [Pasteur] [был] бюстом ее отца, а мне воображение рисовало Пастера сверхчеловеком, таким я хотел его создать.

Мои искания продолжались пять лет. [И вот] в 1922 г[оду] подошли празднества, связанные со столетием рождения Пастера. Как раз в это время я заканчивал последний бюст, который должен был меня удовлетворить. Неожиданно, по поручению г-жи Roux, директора Пастеровского института, явился ко мне один американец, член Академии, с целью заказать бюст Пастера к годовщине для New York'a. Я показал последний бюст. Посетитель был в восторге, тем более что [был] лично знаком с Пастером. Мы условились, я обещал приготовить бюст в течение трех недель, чтоб успеть к назначенному сроку. С этим мы расстались. Два дня спустя, когда за бюстом пришли отливщики, в последний момент мне показалось, что еще чего-то не хватает. Я дотронулся — и произошло нечто невероятное: буквально в несколько минут я все уничтожил. Смертельно бледный, велел всем удалиться. [Вернулся домой в сопровождении] мой друг-пианист, [которого просил] остаться со мной. [Между нами легла грозная тишина.] Несколько часов мертвящая тишина царил в студии. Лишь на рассвете я сказал: «Я не жалею о свершившемся. Теперь ясно сознаю, в тот момент, когда я с яростью разрушил, я почувствовал несколько движений, которые должен был сделать». Я выпил крепкий кофе и сидел молча, [крепко], больно сжав руки, ожидая дневного света. Когда первый луч проник в комнату, [я бросился на пол, как безумец]. Не помню, сколько длилось это состояние. Когда я наконец поднялся, ничего не сознавая, я схватил глину и в течение двадцати минут я создал бюст, признанный всеми как гениальное творение. В этот момент я не принадлежал себе, так же как и Пастер в минуты вдохновения.

Некоторое время спустя ко мне явилась комиссия, избранная по устройству пастеровских празднеств. Среди многочисленных лиц находились г-н и г-жа Radeau, несколько сенаторов. Когда я открыл бюст, г-жа R. вскрикнула: «Это мой отец! Я не могу его здесь оставить!» Она почти лишилась сознания. Когда [пришла] в себя, позвала мужа и указала ему некоторые детали. «Посмотри на форму черепа — это ведь в точности его голова. А прядь волос сзади, на макушке — она всегда была у отца, когда он волновался». Почтенные сенаторы окружили меня, поздравляли и благодарили за то, что возвратил Франции ее гения. Так в двадцать минут я создал бюст Пастера. Мной руководила творческая интуиция: без нее я бы ничего не мог сделать... если б даже затратил долгие месяцы размышлений. На этом же собрании мне было поручено воздвигнуть памятник для открытия празднеств. Он находился в Пастеровском институте. Впоследствии я узнал, что перед посещением моей студии вышеозначенная комиссия обошла многочисленные ателье артистов⁴⁸. Все они приготовили бюсты Пастера и работали специально, имея в виду памятник.

Открытие памятника не обошлось без инцидента. Мг. Radeau не мог перенести мысли, что автором памятника был еврей-иностранец. За несколько дней до празднеств Мг. Radeau явился ко мне от имени института и передал, что бюст будет поставлен в институте. «А когда же будет открытие памятника?» — я спросил с удивлением. «Мы решили, что открытия не будет». — «В таком случае вы бюста не получите. Я получил заказ от правительства, с вами лично не имею дела. ...бюст будет готов не скоро, м. б., через два года». — «За это вы ответите. Вас ждут репрессии, м. б., и высылка». — «Мне нечего возразить на ваши угрозы. Благоволите оставить мастерскую». Наш неприятный диалог закончился. Накануне открытия празднеств ко мне пришел директор [музея] изящных искусств⁴⁹ — просить бюст на торжественное открытие, на котором он сам будет говорить и директор института... Во время празднеств, как [принято], были розданы награды принимающим участие в праздн[ике]. М. Radeau мое имя вычеркнул из списка. Несмотря на это, я получил письмо некоторое время спустя от сенатора, кот[орый] был членом комиссии по пост[ановке] памятника, и просит, чтоб я ничего не имел против него, т. к. он, не спрашивая меня, просил для меня орден Почетного Легиона, который я в июле получил (действительно, вскоре я получил это отличие)⁵⁰.

Время шло. Полгода спустя ко мне явились неожиданно М (месяе) и М-ме Radeau. Целью их визита была просьба поставить памятник Пастеру в *Nog Roy*, колыбели семьи Пастера, кот[орый] был поставлен в ...году¹.

---

¹⁻² Сергиевский Николай Александрович (1833—1900) — попечитель Виленского учебного округа, тайный советник.

³ Можно предположить, что Аронсон имеет в виду свое нежелание учиться в Академии из-за плохого отношения к евреям. Ср. с тем, что он говорит об этом в эссе «Юность».

⁴ Тругнев Иван Петрович (1827—1912) — русский художник академической школы, известный педагог.

⁵ Аронсон, видимо, ошибся, говоря, что директор завтракал, так как речь идет о том же дне и о времени после занятий, то есть после полудня.

⁶ Аронсон прямо говорит об антисемитизме как о причине своего нежелания ехать в Академию.

⁷ Зибер-Плятер Адам Степанович — виленский губернский предводитель дворянства.

⁸ После этих слов на полях пометки: «газетн[ая]», «стат[ья]», «Сегодня». Видимо, автор собирался отослать читателей к статье И. Е. Гутмана «Путь скульптора Аронсона с берегов Даугавы на берега Сены» (Сегодня вечером. Рига, 1938. № 185).

⁹ Название статьи написано по-французски неразборчиво. Непонятно, о каком заработке идет речь.

¹⁰ Аронсон не упоминает о том, что одновременно с «*École des Arts Decoratifs*» он посещал частную школу F. Colarossi. См.: М. Колпакчи (Скульптура и рисунки скульпторов конца XIX — начала XX века. М., 1977. С. 229).

¹¹ В тексте стоит многоточие. Аронсон ошибается, называя профессора скульптурного класса Г. Ламэра директором.

¹² Эссе было впервые напечатано в ежемесячном литературно-художественном журнале «Новоселье» (под ред. С. Прегель; 1943. № 6. С. 33—39). В редакции материал был подвергнут значительным сокращениям. Важные и интересные из этих пропусков воспроизведены в данном тексте в квадратных скобках.

¹³ Аронсон имеет в виду Петербургскую Академию художеств.

¹⁴ Предположение, что речь идет в данном случае о выставках 1901—1902 гг., косвенно подтверждается следующими словами Рахили Вишницер-Бернштейн: «В Ясной Поляне его (Аронсона.— М. Г.) приняли очень радушно... В Питере налаживается выставка, Аронсону удастся собрать и показать сорок своих вещей» (см.: *Вишницер-Бернштейн Р.* Наум Львович Аронсон. Из речи, произнесенной на вечере, посвященном памяти Н. Л. Аронсона в Союзе русских евреев в Нью-Йорке 18 ноября 1943 года // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. 2. С. 396). Известно, что скульптор приезжал к Л. Н. Толстому в 1901—1902 гг.

¹⁵ Толстой Иван Иванович (1858—1916) — граф, археолог, нумизмат, вице-президент Академии художеств (1893—1905), министр просвещения (1906). Известен своей деятельностью в защиту евреев.

¹⁶ Беклемишев Владимир Александрович (1861—1920) — скульптор, ректор Высшего художественного училища Академии художеств.

¹⁷ Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920) — историк, автор многих учебников по истории для средних учебных заведений. Известен антисемитскими взглядами.

¹⁸ Романов Сергей Александрович (1857—1905) — великий князь, брат Александра III. С 1891 г. — генерал-губернатор Москвы и командующий войсками Московского военного округа. Инициатор массового выселения евреев из Москвы в 1891—1893 гг. Убит эсером И. Каляевым.

¹⁹ В одном из вариантов этого эссе Аронсон прямо называет имя художника-живописца Константина Коровина (1861—1939), с которым был хорошо знаком.

²⁰ В одном из вариантов гостиница называется «Дворянское гнездо».

²¹ Аронсон скорее всего ошибается. Известно, что в феврале 1914 г. он был в Петербурге на торжественном открытии памятника В. Ф. Комиссаржевской его работы. К тому же в эссе «Воспоминания о России» он пишет, что 14 июля 1914 г. он по приглашению приехал в Россию для установки двух памятников — кн. Голицыной и Ушинскому. Этот факт и то, что из-за начавшейся войны Аронсону удалось возвратиться в Париж только в апреле 1916 г., подтверждается в эссе «Пастер».

²² Эссе подтверждает факт приезда Аронсона в Россию в 1914 г. См. прим. 21.

²³ Аронсон имеет в виду некую княжну Голицыну, но не удалось установить, кого именно.

²⁴ Речь идет о памятнике Константину Дмитриевичу Ушинскому (1824—1870/71) — педагогу, основоположнику научной педагогики в России.

²⁵ Романов Николай Николаевич (1856—1929) — великий князь, главнокомандующий войсками Гвардии и Петербургского военного округа; с начала первой мировой войны до августа 1915 г. — Верховный Главнокомандующий; затем — наместник на Кавказе.

²⁶ В очерке «Пастер» Аронсон пишет, что из России в 1916 г. ему удалось выбраться с риском для жизни.

²⁷⁻²⁸ В доступных мне источниках я не нашла сведений о том, когда и сколько раз Аронсон был в Киеве. Владимир Шлеев пишет, что скульптор участвовал в конкурсе на памятник Т. Г. Шевченко, в связи с чем приезжал в Киев, но не называет даты этого события. Открытым остается вопрос, был ли это один и тот же визит в Киев, или речь идет о двух разных посещениях города (см.: *Шлеев В.* Парижский скульптор Наум Аронсон и его связи с художественной жизнью России // *Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992.* Вып. 1. С. 424).

²⁹ Сведений о нем не найдено.

³⁰ Можно предположить, что речь идет о крещении.

³¹ Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906) — нет сведений как о губернаторе Киева. Однако Д. Ф. Трепов с 1896 по 1905 г. был московским обер-полицеймейстером, после 9 Января, с 11 января 1905 г., — петербургским генерал-губернатором, затем товарищем министра внутренних дел и еще позже был назначен дворцовым комендантом. Возможно, именно на этой должности он и должен был отвечать за такое важное мероприятие, как установка памятника императору Александру II.

³² Сведений о нем не найдено.

³³ В данном случае непонятно, что имеет в виду Аронсон.

³⁴ Н. Аронсон использует игру слов: «Колокол», вышедший в С.-Петербурге в 1905—1916 гг., — газета, отличавшаяся крайним антисемитизмом. «Новое время» (1868—1916) — одна из крупнейших и влиятельных газет. С начала 80-х гг. XIX в., под руководством А. С. Суворина, находилась на националистических, в том числе на антисемитских, позициях.

³⁵ Не удалось выяснить, о каком именно посещении Петербурга и о каком заказе идет речь.

³⁶ Возможно, это Н. С. Поморин, через которого Витте осуществлял свои связи с печатью.

³⁷ Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — граф, с 16 августа 1903 г. — председатель Комитета министров. Первый председатель Совета министров до середины апреля 1905 г. После отставки — член Государственного совета.

³⁸ Вероятнее всего, речь идет об известном журналисте Власе Михайловиче Дорошевиче (1864—1922), много писавшем об искусстве.

³⁹ Суворин Михаил Алексеевич (1860—1936) — журналист, издатель, сын А. С. Суворина — известного публициста и издателя газеты «Новое время».

⁴⁰ Трубецкой Павел (Паоло) Петрович (1867—1938) — скульптор. Воспитывался и жил в Италии. В конце 90-х гг. приезжает в Россию и преподает в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. Автор памятника Александру III в Петербурге (1909).

⁴¹ Скорее всего имеется в виду популярный в те годы писатель Игнатий Николаевич Потапенко (1856—1929).

⁴² Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — активная участница революционного движения в России с начала 70-х гг. XIX в., член народнических организаций 70—90-х гг. С 1874 по 1896 г. находилась в тюремном заключении, на каторге, а затем в ссылке. После амнистии 1896 г. вернулась в Европейскую Россию. Одна из создательниц Партии социалистов-революционеров, в том числе ее «Боевой организации». С 1907 по 1917 г. вновь находилась в тюрьме и ссылке. С 1917 г. — член ЦК Партии социалистов-революционеров, сотрудница аппарата Временного правительства. Депутат Учредительного собрания. С 1918 по 1919 г. находилась на Урале и в Сибири, участвовала в антибольшевистской борьбе. С начала 1919 г. — в США. В 1920 г. выступала с лекциями во Франции, Германии и Чехословакии. Описанный Аронсоном эпизод мог происходить в начале 1920 г. во время ее лекционного турне по Франции. Реакция аудитории на просьбу о финансовой поддержке борьбы с советской властью скорее всего связана с острой в то время проблемой отказа от возвращения российских долгов.

⁴³ Чайковский Николай Васильевич (1850—1926) — участник революционного движения в России с конца 60-х гг. XIX в.; с 1874 г. находился в эмиграции в США, Франции, Великобритании. Член руководства Партии социалистов-революционеров. В конце 1905 г. вернулся в Россию; активный деятель кооперативного движения. После февраля 1917 г.— член исполкома Петроградского совета, депутат Учредительного собрания, один из организаторов и руководителей антисоветской борьбы на Севере России. После переворота, совершенного адмиралом Колчаком, покинул Россию. С января 1919 по март 1920 г. находился во Франции и принимал участие в работе Политического совещания. С марта 1920 г. жил в Великобритании.

⁴⁴ Не совсем понятно, что имеет в виду Аронсон; может быть, то, что эти революционеры оказались в изгнании, вдали от своей родины.

⁴⁵ Хомец — вся непасхальная еда, особенно дрожжевые хлебные изделия.

⁴⁶ См. прим. 26.

⁴⁷ См. там же.

⁴⁸ Слово «артист» Аронсон употребляет в значении «художник».

⁴⁹ Непонятно, о директоре какого учреждения идет речь.

⁵⁰ В некоторых источниках утверждается, что Аронсон получил орден Почетного легиона только в 1937 г. за работы на Всемирной выставке в Париже (см., напр.: *Dlugowski M. Dreams in Marble // The American Hebrew. 1941. 21 November. P. 7*).

⁵¹ Речь идет о копии, поставленной в небольшом городке Natzeroy (Аронсон ошибся в названии места).

*Вступительная статья, публикация и комментарии М. ГЛАНЦ
(Дэвис Центр Русских исследований при Гарвардском университете,
Кембридж, Массачусетс, США).*

РЕЦЕНЗИИ

А. Локшин

Der Erste Zionistenkongress von 1897 — Ursachen, Bedeutung, Aktualität. S. Karger AG, Basel, 1997. The First Zionist Congress in 1897: Causes, Significance, Topicality. Edited by Heiko Haumann in co-operation with Peter Harber... [et al.]. Karger, Basel, 1997. 402 p. Index P. 396—400.

Первый Сионистский конгресс в 1897 г.: Причины, значение, актуальность. Базель, 1997. 402 с.*

Титульный лист представляемой читателю книги открывается исполненной факсимильно знаменитой цитатой из дневника Теодора Герцля: «...in Basel habe ich den Judenstaat gegundet» («...в Базеле я основал еврейское государство»). Сама книга, статьи, собранные в ней, в немалой мере являются своеобразным академическим путеводителем по выставке, происходившей в Базеле летом 1997 г. Устроители выставки не ограничились презентацией события, происшедшего в этом городе сто лет тому назад, а именно Первого Сионистского конгресса, сами заседания и решения которого показались тогда одному царскому дипломату в Швейцарии «обыкновенным жидовским гешефтом». Материалы выставки, как и статьи рецензируемого сборника, касаются очень широкого спектра вопросов: предыстории сионизма, причин и обстоятельств, приведших к его возникновению, результатов и последствий сионистского движения, его влияния на еврейский мир и на ситуацию на Ближнем Востоке. В сборнике также представлены статьи, посвященные различным течениям и направлениям в сионистском движении.

Тематика разделов сборника говорит сама за себя: История возникновения сионизма; Первый Сионистский конгресс в Базеле; Портреты сионистских деятелей; Евреи в Базеле и регионе: их положение и возникновение сионизма; Развитие сионизма со времени Первого Сионистского конгресса вплоть до создания государства Израиль; и, наконец, Сионизм сегодня — точка зрения. Большинство статей подготовлено членами «исторического семинара» Базельского университета под руководством профессора Х. Хауманна, а также гостями семинара из Германии, Израйля, России и других стран.

Как отмечается во Введении к изданию, оно прежде всего ставит не академические цели, а стремится познакомить современного читателя с результатами и следствиями события, происшедшего в Базеле ровно сто лет назад. Значительная часть материалов, опубликованных в книге, является своеобразным путеводителем по выставке и одновременно

---

* Первоначальная версия книги вышла на немецком языке. В рецензии цитируется английский вариант издания.

знакомит читателя с проблемами еврейской истории, реакцией на возникновение сионизма как в еврейском обществе, так и в нееврейских кругах. Несмотря на в целом популяризаторский характер сборника, в нем отразились и современные тенденции в развитии зарубежной историографии в целом. Например, значительное внимание уделено роли женщин в сионистском движении или такой теме, как восприятие сионизма и его идеологием в современном израильском обществе. Не смотря на юбилейный характер мероприятия, составители сборника не стремились обходить «острые углы», уделив внимание тем спорам, которые ведутся молодым поколением израильских историков, стремящихся по-новому взглянуть и оценить некоторые, утвердившиеся в годы основания еврейского государства, оценки ряда событий как древней, так и новейшей истории еврейского народа. Весьма показательно внимание и отношение сионизма к палестинской проблеме.

Ряд публикаций рецензируемой книги имеет концептуальный характер. Это прежде всего статья Хауманна «Иудаизм и сионизм», в которой автор отмечает, что сионизм смотрел на себя как на часть еврейской традиции, стремящейся окончательно реализовать мечту о возвращении в Сион и мессианском освобождении (с. 2). Этот взгляд, как видно из контекста статьи, в значительной степени разделяется и ее автором. Хотя, как известно, в историографии имеется на этот счет и иная точка зрения, рассматривающая сионизм как «революцию», радикально порвавшую с еврейской традицией, согласно которой *«геула»* — избавление и спасение, возвращение народа в свою страну — будет исходить от перста Божьего, а следовательно, не может быть делом рук человеческих. Обращаясь к корням сионизма, Хауманн представляет их примерами таких персонажей еврейской истории, как Давид Реувени, Саббатай Цви и Яков Франк. Однако, если уж видеть в сионистской идеологии закономерное продолжение еврейской истории, может быть, здесь уместнее было бы вспомнить деятельность Йосефа Наси и Грации Мендес, направленную на воссоздание в Эрец-Исраэль еврейского политического центра в середине XVI столетия. Автора статьи трудно обвинить в том, что возникновение сионизма он рассматривает как просто эволюционный процесс. Эмансипация, аккультурация и ассимиляция среди евреев Западной Европы привели к серьезной оппозиции идеям еврейского национального возрождения. Однако, как верно замечает Хауманн, «корни радикального изменения» такой позиции «лежали в Восточной Европе» (с. 6). Автор отмечает, что для развития сионизма важную роль сыграло различие условий, в которых находились евреи Восточной и Западной Европы. Если для восточноевропейского еврейства образ Сиона был исключительно связан с Эрец-Исраэль, то для евреев Западной Европы колонизация Палестины не рассматривалась как решение проблем еврейства. В XIX в. евреи в Западной Европе получили юридическое равенство и добились значительного улучшения

своего социально-экономического положения. Отсюда различное отношение к сионизму среди евреев Восточной и Западной Европы. Если сионизм для широких кругов восточноевропейских евреев был символом национального возрождения, то для некоторых западных евреев сионизм означал влияние на международную политику и даже использование будущего государства для укрепления своих позиций в странах своего проживания и на международной арене. Разумеется, этим не ограничивались различия политических концепций сионистов Запада и Востока. Но вместе с тем нельзя не сказать, что показ «культурного недопонимания» (с. 10), возникшего между сионистами различных частей Европейского континента,— одна из несомненных удач книги. В заключение своей обширной статьи Хауманн пишет, что «сионизм никогда не был закрытым движением и идеологией. Он (сионизм.— *А. Л.*),— считает исследователь,— изменил иудаизм и тем не менее — в соответствии с различными направлениями в самом движении — занимает свое собственное место в этой традиции... *Шоа* привело к «нивелированию» различных форм еврейского самовосприятия, хотя в конечном счете разнообразие и различия остались. Вот почему еврейская история еще продолжает развиваться как собственно история еврейского народа» (с. 21).

Весьма интересны статьи (Н. Г. Биасини, П. Кюри, Б. Зеугин и других авторов), рисующие общественно-политическую обстановку в Базеле и отношение в местной еврейской общине и в христианском обществе кантона к сионистской активности в этом швейцарском городе. Нельзя забывать, что из двадцати двух сионистских конгрессов, которые проходили в Европе до основания государства Израиль в 1948 г., десять, включая последний в 1946 г., состоялись в Базеле. Разумеется, это не было случайностью. Одной, хотя и не единственной, причиной этого являлось благожелательное отношение к еврейскому национальному движению руководства городского совета кантона.

Разумеется, организаторы выставки и авторы сборника не могли обойти вниманием такой выигрышный сюжет, как отражение в культуре и искусстве сионистской идеи. Этот вопрос рассматривается в заметках Э. Петри и К. Рингер «Иконографические аспекты сионизма» и Д. Малиновского «Еврейское национальное искусство: идеалы сионизма в искусстве польских евреев».

Характеризуя сборник в целом, мы, очевидно, не ошибемся, если отметим, что книга представляет собой западный, точнее, западнцентричный взгляд на сионистское движение и его деятелей. Об этом может свидетельствовать уже само перечисление персон, деятельности которых посвящены самостоятельные биографические эссе. Это, разумеется, Теодор Герцль, а также Давид Вольфсон, Макс Нордау, раввин еврейской общины Базеля Артур Кон, «пионер сионизма в Швейцарии» Давид Фарбштейн, Натан Бирнбаум, Израиль Зангвилл. Единственным исклю-

чением из этого списка является очерк об Ахад-Гааме, написанный П. Марколли. Такие яркие фигуры «русского» происхождения, без которых невозможно представить возникновение и развитие сионизма, как Нахман Сыркин, которого современный израильский политолог и философ Шломо Авинери характеризовал как «своего человека как в западной, так и восточноевропейской культуре», Бер Борохов, Владимир Жаботинский... прошли мимо внимания редакторов и авторов книги. Аналогичная ситуация и в освещении истории сионизма в различных странах. Хотя регион охвата достаточно обширен: Швейцария, Германия, Англия, Франция, Османская империя и Балканы, Соединенные Штаты...

Российская империя в контексте тематики данного сборника занимает маргинальное место. А какие-либо упоминания о подпольном сионистском движении в Советской России в 1920-х гг. и борьбе еврейских активистов и «отказников» за право на репатриацию в 1960—1980-х гг., составивших, без преувеличения, эпоху в сионистском движении, в книге вообще отсутствуют.

Представление о рецензированном издании будет неполным, если не сказать о 190 иллюстрациях, помещенных в книге. Это в основном фотографии. Абсолютное большинство из них публикуется впервые. Они органично дополняют и раскрывают содержание многих статей сборника.

Евреи в духовной жизни Молдовы: Страницы истории и современность. Кишинев: Лига, 1997. 195 с.

Рецензируемый сборник статей составлен на основе докладов научной конференции, проходившей в столице Молдовы в мае 1995 г. Данное издание является одним из последних итогов академической деятельности созданного в 1991 г. в Кишиневе отдела истории евреев Молдовы Института национальных меньшинств Академии наук Республики Молдова. Названная структура — первое, как отмечает автор предисловия к сборнику проф. Я. Копанский, в истории Молдовы научное подразделение в области иудаики. Первыми работами отдела стали сборник статей «Кишиневский погром 1903 года» (1993), монография Я. Копанского «Джойнт Бессарабии. Страницы истории» (1994) и другие исследования.

Материалы, опубликованные в последнем сборнике, достаточно разнообразны и даже разнолики. Они касаются как жизни евреев современной Молдовы, так и некоторых исторических аспектов. Открывает книгу статья руководителя отдела проф. Я. Копанского «Возрождение еврейской национальной культуры — фактор демократизации духовной жизни Молдовы». Статья представляет собой обзор деятельности различных культурных, образовательных, просветительных, научных и религиозных еврейских организаций Молдовы, возникших в самые последние годы существования Советского Союза, и особенно после обретения независимости. Основное внимание автор уделяет духовной жизни молдавского еврейства, и прежде всего Кишинева, которую оценивает, как видно уже из самого названия статьи, как «возрождение». Вместе с тем он справедливо замечает, что «пик развития еврейской национальной культуры приходится на 30-е годы нынешнего столетия» (с. 8), то есть в тот период, когда Молдова являлась частью Румынии. В статье представлена краткая характеристика творчества видных деятелей еврейской культуры: писателей, поэтов, деятелей музыкального и театрального искусства, творивших в Бессарабии вплоть до советской аннексии 1940 г.

В своей статье автор также касается такого вопроса, как попытка еврейского культурного возрождения в Молдавии в 1960-х и в самом начале 1970-х гг. Приведя ряд интересных фактов и мемуарных свидетельств, Копанский замечает, что «попытка еврейского национального возрождения не увенчалась тогда успехом. Ей не дали превратиться в устойчивый успех» (с. 15).

Глубокое и тонкое проникновение в тему отличает вошедшее в сборник переведенное с идиша эссе старейшины еврейской литературы в Молдове Ихила Шрайбмана «Мысли о бессарабской еврейской литературе». «Парадокс нашей истории,— отмечает автор,— с одной стороны, ужасный кишиневский погром, который своими зверствами взбудоражил весь мир... а с другой — братское сплетение еврейских мелодий с молдавскими мелодиями, еврейских поговорок с молдавскими поговорками» (с. 33).

Своеобразным продолжением этого очерка стали литературоведческие заметки поэта Моисея Лемстера «Молдова в произведениях еврейских писателей, выходцев из Бессарабии». Помимо основной темы, обозначенной в названии статьи, исследователь касается такого малоизученного сюжета, как лексический строй идиша в Бессарабии, обращается к вопросу о так называемых «молдовенизмах» — молдавских словах, фразах и идиомах, встречающихся в произведениях молдавских еврейских авторов. Вместе с тем отметим, что в статье Лемстера рассматриваются в основном работы писателей, творивших на идише; творчество ивритоязычных писателей и поэтов, например таких известных, как Иегуда Штейнберг или Яков Фихман, затрагивается лишь попутно.

Непосредственно изучению еврейской истории в Бессарабии посвящены статьи И. В. Табак и Б. П. Коварской. В исследовании Табак, несвободном от ряда ошибок и неточностей, проанализирована динамика численности и особенности расселения евреев в Бессарабии и на левобережье Днестра в XIX — начале XX в. Статья опирается на сравнительно широкий круг опубликованных источников, но ее автор практически незнаком с зарубежными исследованиями. Книга Ф. Канделя «Очерки времен и событий. Из истории российских евреев», на которую несколько раз ссылается Табак как на мнение «израильского историка», является не более чем талантливо написанными научно-популярными очерками израильского русскоязычного писателя и публициста. Вряд ли можно считать корректным ссылки на данную работу в научной статье сотрудника академического института.

Еврейские исследования в Молдове, так же как в России, Украине, Беларуси, странах Балтии, после десятилетий подавления начинают возрождаться, а если быть более точным — фактически создаются на пустом месте заново. Большинство историков, этнологов, демографов, религиоведов, культурологов, обратившихся в наши дни к исследованию еврейских сюжетов, еще совсем недавно занимались иными темами. В области иудаики, они, как правило, слабо знакомы с работами своих предшественников и тем более со взглядами и концепциями современных зарубежных исследователей. Нарождающаяся иудаика на постсоветском пространстве, к сожалению, почти не вписана в существующую достаточно разнообразную и репрезентативную современную зарубеж-

ную историографию (прежде всего израильскую и американскую). Можно сказать, что это не вина, а беда исследователей, пишущих о еврейской истории и культуре, в России и ближнем зарубежье¹.

Весьма характерной в этом отношении может считаться, пожалуй, самая интересная статья в рецензируемом сборнике — «Кишиневское еврейское общественное училище (1839—1850)». Автор статьи... доктор физико-математических наук Б. Коварская. В основу статьи положены документальные материалы Национального архива Республики Молдова, Государственного архива Одесской области, которые впервые вводятся в научный оборот. Коварская открывает, по сути, новую, неизвестную страницу из ранней истории Гаскалы в России. Интересны сведения об участии одесских маскилов в организации кишиневского училища. Автор называет и имена местных сторонников Гаскалы, поддержавших идею открытия училища. Крайне интересны биографические данные о преподавателях и первых выпускниках этого еврейского учебного заведения нового типа. Однако история возникновения и развития нового образовательного института в Бессарабии рассматривается автором как чисто местное явление, вне связи с таким важнейшим явлением в истории восточноевропейского еврейства, как Гаскала. В своей статье автор даже не пользуется этим понятием.

В заключение хотелось бы отметить, что сборник «Евреи в духовной жизни Молдовы» может быть рассмотрен еще в одном ракурсе. Для будущего историка еврейских общин в Восточной Европе посткоммунистического периода данная книга, как, впрочем, и подобные издания в других местах, может служить весьма информативным источником, раскрывающим ряд характерных сторон общественной и культурной жизни евреев на постсоветском пространстве на исходе столетия.

---

¹ Приведем неполную библиографию литературы, посвященной еврейской истории и культуре, изданной за последние годы только в российской провинции: Евреи в Самаре. Самара, 1992; Сибирский еврейский сборник. Иркутск, 1.1992, 2.1996; Евреи Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1993; Корни: Вестник народного университета еврейской культуры в Центральной России и Поволжье. Саратов; Нижний Новгород, 1994. 1, 2; 1995. 3-4; 1996. 5-6; 1997. 7-8.

ХРОНИКА

Й. Порат

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИУДАИКЕ В МОСКВЕ

3—5 февраля 1998 г. в Москве состоялась Пятая Международная ежегодная конференция по иудаике, организованная Московским центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Центром славяно-иудаистических исследований Института славяноведения Российской Академии наук; Международным центром университетского преподавания еврейской цивилизации (МЦУПЕЦ); Еврейским Университетом в Иерусалиме при поддержке Американского еврейского объединенного распределительного комитета («Джойнт»).

В конференции приняли участие представители различных научных и высших учебных заведений Азербайджана, Беларуси, Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы, России, Украины, а также Великобритании, Израиля, Канады, Румынии, США.

Открытие и пленарные заседания конференции проходили в Голубом зале Президиума РАН. С приветственным словом выступили: главный раввин Москвы Пинхас Гольдшмидт, советник по культуре посольства Государства Израиль в РФ г-н Шаммай Голан, советник по культуре г-н Ральф Гольдман («Джойнт»), проф. Виктор Хорев, зам. директора Института славяноведения РАН.

С приветствием выступил впервые принявший участие в конференции «Сэфера» новый председатель Академического совета МЦУПЕЦ, проф. Хаим Авни, сменивший на этом посту проф. Нехемию Левциона и пожелавший успеха конференции также и от его имени. Проф. Й.-Т. Ассис, директор Института иудаики (Еврейский Университет в Иерусалиме), приветствуя конференцию также и от имени ректора Еврейского Университета в Иерусалиме проф. Менахема Бен-Сассона, остановился на проекте создания нового высшего еврейского учебного заведения в России в сотрудничестве с Еврейским Университетом в Москве. Р. Морис Корзон, президент Фонда Векснер, подчеркнул стремление Фонда к оказанию возможной поддержки ценным начинаниям в СНГ. От имени Российского еврейского конгресса конференцию приветствовал г-н Борис Ушеренко, от имени Ваада России — г-н Роман Спектор, от имени Еврейского агентства — г-жа Алла Злобинская. Директор «Сэфера» Виктория Мочалова, процитировав начало Книги Бытия, отметила, что Г-дь предоставил и нам возможность создать «нечто из ничего» — иудаику как новое направление в отечественной науке.

Программа конференции включала несколько тематических пленарных заседаний:

1) «Государство Израиль и народ Израиля накануне следующего столетия» (председатель — д-р Арна Голан) — здесь с докладами выступили: Р. Гольдман

(Нью-Йорк) «Давид Бен Гурион — один из основателей и первый премьер-министр Израиля»; А. Милитарев (Москва) «Библейские инновационные идеи как определяющие идеологемы западной цивилизации. К происхождению идеи человечества»; Ю. Винер (Хайфа) «Сабры Израиля и еврейская диаспора: будущность взаимоотношений»; М. Членов (Москва) «Израиль в сознании советского еврейства»;

2) «Еврейская жизнь в диаспоре» (председатель — проф. Гурам Лордкипанидзе) — здесь были заслушаны следующие доклады: Й.-Т. Ассис (Иерусалим) «Евреи Средневековья и проникновение греко-арабской культуры в европейскую цивилизацию»; Х. Авни (Иерусалим) «Плюрализм и отделенность — основные условия еврейской жизни в диаспоре»; А. Вайс (Иерусалим) «Юденраты: проблема выбора позиции»; Э. Мерчи (Лондон) «Выставка, посвященная Холокосту, в Имперском военном музее: экспозиция к новому тысячелетию»;

3) «Некоторые аспекты еврейской мысли в конце XX века» (председатель — проф. Михаил Гиршман): Б. Зелехов (Торонто) «О «еврейском образовании» и «новом мышлении»: что такое еврейское мышление?»; А. Ковельман (Кингстон) «Пушкинский дом» А. Битова как мидраш.

В рамках пленарных заседаний были также представлены деятельность издательства «Гешарим», Иерусалим (д-р Михаил Гринберг), публикация «Материалов Второй ежегодной студенческой научной конференции по иудаике — «Тирош» (Матвей Членов, Москва) и продемонстрирован созданный по материалам трофейных документов Особого архива (ЦХИДК) телевизионный фильм «Архивы: Terra Incognita» (проф. Ефим Пивовар, Анна Симонова).

Особый интерес на ежегодных конференциях по иудаике в Москве вызывают секционные заседания, где ученые, в том числе и зарубежные, получают возможность представить и обсудить результаты своих исследований в профессиональном кругу. Поэтому, помимо общих пленарных заседаний, программа конференции включала в себя пять секций, внутри которых проводились и так называемые мини-семинары, состоящие из основного доклада и дискуссии по нему. Впервые эта форма научных заседаний была введена на прошлогодней конференции, вызвав значительный интерес, что побудило продолжить этот удачный опыт.

На секции «Библистика и семитология» (сопредседатели — д-р А. Милитарев, д-р С. Тищенко) было заслушано 12 докладов и проведен мини-семинар д-ра Сеймура Эпштейна (Иерусалим) «Пристальное прочтение «Бытия» (2:18–24) с точки зрения отражения в Библии человеческой сексуальности».

На секции «Еврейская мысль» (сопредседатели — проф. Д. Фролов, проф. М. Гиршман) выступили 10 докладчиков и состоялось 2 мини-семинара — Зеева Элькина (Иерусалим) «Спор о прошлом, или Прошлое, родившееся в споре: караимская историография и караимско-раввинистическая полемика в Средние века» и проф. Бернарда Зелехова (Торонто) «Что такое еврейское мышление: анализ сочинений Франца Розенцвейга».

Заседания наиболее обширной секции «История еврейского народа» проходили в рамках тематических подсекций:

а) «Древний период и Средние века» (председатель — проф. Василий Кузицин) — заслушано 5 докладов и проведен мини-семинар проф. Йом-Това Ассиса (Иерусалим) «Евреи в Средние века. Подходы и методы исследования»;

б) «История евреев Восточной Европы — XIX–XX вв.» (сопредседатели — проф. Александр Степанский, д-р Дмитрий Эльяшевич) — 25 докладов и мини-

семинар проф. Хаима Авни (Иерусалим) «Современное еврейство как предмет университетского преподавания».

в) «50-я годовщина создания Государства Израиль» (председатель — д-р Нина Семенченко) — 13 докладов.

На секции «Еврейская этнология, социология и демография» (сопредседатели — проф. Владимир Собкин, проф. Владимир Шапиро) было заслушано 22 доклада и проведен мини-семинар д-ра Чарльза Хоффмана (Иерусалим) «Послевоенная еврейская жизнь в украинских местечках: методологические вопросы при воссоздании утраченной главы из истории советского еврейства».

Заседания секции «Еврейская культура» (сопредседатели — д-р Леонид Кацис, д-р Александр Крюков) были разделены по тематическому принципу на подсекции:

а) «Литература», где было заслушано 10 докладов и проведено 2 мини-семинара: проф. Аркадия Ковельмана (Кингстон) «Греко-римский плутовской роман и агадическая литература» и проф. Джанет Хадды (Лос-Анджелес) «Исаак Башевис Зингер: поиск восточноевропейской еврейской семьи»;

б) «Языки» — 3 доклада;

в) «Искусство», где наряду с 3 докладами был проведен мини-семинар проф. Альфреда Фишера (Кингстон) «Путь Шенберга: еврейство, отказ от него и возвращение к нему»;

г) «Культурная политика и образование», где было заслушано 7 докладов.

В рамках конференции под председательством д-ра Леонида Мациха и д-ра Михаила Селезнева состоялась также презентация сборника статей «Библейские исследования» (составитель — д-р Барух Шварц), первой переводной антологии посвященных еврейской Библии научных работ ведущих зарубежных ученых, изданной при поддержке «Джойнта». Хаим Авни призвал собравшихся применять это ценное издание в процессе университетского преподавания. Все присутствовавшие на презентации получили экземпляры сборника, который будет в дальнейшем распространяться Центром «Сэфер».

В программе конференции особое место было отведено обсуждению за «круглым столом» проблем изучения и преподавания иудаики в различных вузах бывшего СССР, представленных участниками из Москвы и Петербурга, Екатеринбург и Томска, Иркутска и Тюмени, Ростова и Таганрога, Саратова, Тулы и Твери, Киева и Львова, Запорожья и Донецка, Одессы, Черновиц и Ровно, Минска и Витебска, Риги, Кишинева, Вильнюса, Каунаса, Клайпеды, Баку и Тбилиси.

Представители литовских вузов на отдельной встрече с председателем Академического совета МЦУПЕЦ проф. Х. Авни обсудили предстоящий семинар в Вильнюсе, посвященный включению различных аспектов истории евреев Литвы в общие университетские курсы.

Члены Международного попечительского совета «Сэфера», присутствовавшие на конференции, — Х. Авни, М. Браун, Р. Гольдман, Д. Хадда, Д. Клир, Х. Ньюман, Й. Порат, а также члены его Академического совета — Р. Капланов, Л. Мацих, В. Мочалова, Д. Фролов на специальном заседании обсуждали возможную роль мировой научной общественности в развитии иудаики в СНГ.

Еще до открытия конференции состоялась специальная встреча ее зарубежных участников со студентами Еврейского Университета в Москве, Института стран Азии и Африки МГУ, Государственной еврейской академии им. Маймонида и Центра библеистики и иудаики (ЦБИ) РГГУ. продемонстрировавшими широту своих научных интересов, включающих историю советского еврейства, изучение

иврита и арабского языка, историю караимов, средневековую еврейскую историю, археологию, русско-еврейские литературные взаимосвязи, проблемы антисемитизма и др. Среди присутствовавших на этой встрече были и студенты, которым была предоставлена возможность заниматься научными исследованиями в рамках проекта Эшнав — летней школы, организованной в Иерусалиме летом 1997 г. Выступивший перед собравшимися Й.-Т. Ассис выразил надежду на большое будущее исследований в области иудаики в странах бывшего СССР.

Следующим заметным событием, связанным с участием студентов в конференции, стала презентация сборника материалов Второй ежегодной студенческой конференции 1997 г. «Тирош» («Молодое вино»). Й. Порат («Джойнт») выразил общее мнение собравшихся преподавателей и гостей, сказав студентам: «Мы верим в вас». Большой успех имела и демонстрация упоминавшегося телефильма «Архивы: Тегга Incognita», один из авторов которого — недавняя выпускница ЦБИ РГГУ А. Симонова.

В заключение конференции был проведен «круглый стол» «5 лет журналу «Вестник Еврейского университета в Москве» (1992—1997 гг.)» (председатель Марк Куповецкий, РГГУ). Данный «круглый стол» привлек внимание подавляющего большинства участников и гостей конференции. Главный редактор «Вестника Еврейского университета в Москве» Марк Куповецкий в своем вступительном слове подвел основные итоги работы редколлегии, отметив, что журнал, являясь единственным периодическим научным изданием в области иудаики на постсоветском пространстве, в крайне непростой ситуации становления иудаики в бывшем СССР смог занять в этом сложном процессе достойное место. Функционально «Вестник Еврейского университета в Москве», с одной стороны, стал трибуной российских и зарубежных исследователей, занимающихся преимущественно проблемами истории и культуры евреев бывшего СССР, а с другой — выполнял роль академического издания, ориентированного на ревитализацию национального самосознания русскоязычных евреев. Именно эта двуединая задача определяла редакционную политику журнала за прошедшие годы. В выступлениях участников «круглого стола» был отмечен несомненный успех «Вестника Еврейского университета в Москве», но наряду с этим прозвучали и отдельные критические замечания, связанные преимущественно с ориентацией журнала на проблемы истории и культуры русскоязычных евреев. Наиболее отчетливо данная позиция была выражена ректором Еврейского Университета в Москве Александром Милитаревым, в выступлении которого среди прочего было отмечено, что данная проблема может быть преодолена в результате превращения журнала в издание, ориентированное прежде всего на классические разделы иудаики. А. Милитарев отметил, что это потребует изменения состава редколлегии, прежде всего за счет включения в ее состав зарубежных, преимущественно израильских, ученых, расширения круга зарубежных авторов, публикации переводов наиболее важных работ в области иудаики, вышедших за рубежом. Такая точка зрения вызвала неоднозначную реакцию участников «круглого стола», выразивших сомнение, что изменение характера журнала благоприятно скажется на развитии иудаики в бывшем СССР, поскольку подавляющее большинство русскоязычных исследователей концентрируют свои усилия именно на проблемах истории и культуры евреев бывшего СССР.

CONTENTS

RESEARCH

Sociology

L. GUDKOV. **Anti-Semitism in Russia. 1990—1997**

History

D. ELIASHEVITCH (St. Petersburg). **Jewish censors in Russia. 1797—1917.**

S. KOLINCHUK (St. Petersburg). **Pavel Akselrod, Lev Deitch and others...
(Jewish populists and the pogroms of the 1880's).**

S. BRIMAN (Haifa). **The Jewish questions in the context of the parliamentary
discussions of the First Duma.**

M. GON (Rovno). **The Zionist movement in Western Ukraine (late 19th
century to 1929).**

D. ROMANOVSKY (Jerusalem). **The relationship between Jews and non-Jews
in the occupied Soviet territories through the eyes of Jews: the example
of Northeastern Byelorussia and Western Russia.**

Culture

G. AGRANOVSKY (Vilnius). **The first Jewish secular schools in Lithuania.**

M. GONCHAROK (Jerusalem). **From the history of the Jewish anarchist
movement press.**

B. FREZINSKI (St. Petersburg). **The Jewish theme in I. Ehrenburg's memoirs
«People, years, life» in letters to «Novyi Mir» magazine from 1961.**

ESSAYS. HISTORICAL PORTRAITS

R. GENZELEVA (Jerusalem). **Ruth Zernova. The path to Jewish self-identity.**

ARCHIVES

Publications

Letters from L. B. Yaffe to M. O. Gershenzon. *Published by B. Horowitz.*

A. PERELMAN. **«Evreiskii Mir» (Chapter from memoirs).** *Published by
E. Rabinowitz.*

N. ARONSON. **Autobiography (based on materials in the Aronson family
archive in New York).** *Published by M. Glantz.*

REVIEWS

- A. LOKSHIN. **Book Review of: The First Zionist congress of 1897: Reasons, meaning, pertinence. Basel, 1997.**
- A. L. **Book Review of: Jews in the spiritual life of Moldova: Historical and contemporary excerpts. Kishinev: Liga, 1997.**

CHRONICLE

- J. PORAT. **The Fifth Moscow annual International conference in Jewish Studies.**

SUMMARY

L. CUDKOV

Anti-Semitism in Russia. 1990—1997.

The article is based on sociological research from all over Russia done in October 1997 at the request of the Russian-Jewish Congress. The author analyzes the attitude to Jews in Russia, and ethnic Russians in particular, as well as changes that have taken place in this regard in comparison with previous times. This work is a continuation of the research of L. Gudkov and A. Levinson which was published in the Journal of Jewish University of Moscow (in 1992 № 1 and 1993, № 4).

D. ELIASHEVITCH

Jewish censors in Russia. 1797—1917.

The author, based on his studies of over 200 archival sources in St. Petersburg, Vilnius, Kiev, Zhitomir, Odessa and New York, has put together a «Chronological list of censors published in the Jewish languages, 1797—1917». It is worth mentioning that this list of censors active in Riga, Vilno, Kiev, Zhitomir, Tiflis and St. Petersburg are categorized for the first time in a scholarly.

S. KOLINCHUK

Pavel Akselrod, Lev Deitch and others... (Jewish populists and the pogroms of the 1880's).

The article analyzes the under-studied problem of the reflection of the Jewish question in the ideology of Russian populism and the attitude the Jewish populists the Jewish pogroms of the 1880s in Russia.

S. BRIMAN

The Jewish question in the context of the parliamentary discussions of the First Duma.

The article is dedicated to the discussion of the Jewish question in the First Duma (1906). The speeches of the deputies from various political parties and fractions are analyzed (in particular the cadets, octoberists and Jewish deputies) regarding the problem towards equality for the Jews.

M. GON

The Zionist movement in Western Ukraine (late 19th century to 1929).

The article is based on materials located in the State archives of the Lvov region, the Lvov Central Government Archive, the government archive of the Ivano-Frankovsk region and also on materials found in periodicals. The article looks at the little-known problem of the foundation and development of the Zionist movement in Western Ukraine from late 19th through 20th century.

D. ROMANOVSKY**The relationship between Jews and non-Jews in the occupied Soviet territories through the eyes of Jews: the example of Northeastern Byelorussia and Western Russia.**

Analyzing materials in the Yad Vashem, the author looks at the more salient aspects of the interaction between Jews and non-Jews in the occupied Soviet territories of Northeastern Byelorussia and Western Russia. The article is a continuation of a work published by the same author previously in the «Journal of Jewish University of Moscow» (1995, № 2; 1998, № 1).

G. AGRANOVSKY**The first Jewish secular schools in Lithuania.**

The author, studying materials found in the Lithuanian Historical Archive, analyzes the history of the foundation and activities of Jewish secular schools in Lithuania from the 1820s to the 1850s.

M. GONCHAROK**From the history of the Jewish anarchist movement press.**

The article is dedicated to the little-known problem of the foundation and activities of magazines and newspapers of the Jewish anarchist movement in Europe, America and Israel. The article focuses on the newspapers «Arbeiter friend» (London), «Die freie arbeiter Stimme» (New York), the magazine «Germinale» (London), their publishers and editors. The article also provides a list of the most famous anarchists writing in Yiddish from late 19th to third early twentieth century.

B. FREZINSKI**The Jewish theme in I. Ehrenburg's memoirs «People, years, life» in letters to «Novyi mir» magazine from 1961.**

From looking at letters to the editor of the magazine «Novyi mir» which are kept in the Russian Government Archive of Literature and Art, the author characterizes the relationship of the readers to the Jewish themes in the memoirs of I. Ehrenburg.

Лицензия № 30528 от 7.05.1998.

Адрес редакции: Москва, Моховая, 9.

Сдано в набор 20.06.98 г. Подписано к печати 28.09.98 г.
Формат 60×90¹/16. Бумага офс. № 1. Печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 19,3.

Тираж 1 000 экз. Заказ 4457

Типография «Наука». Москва, Шубинский пер., 6.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Статья представляется в редакцию в двух машинописных экземплярах (1 и 2 экз.) либо в виде четких компьютерных распечаток (формат страницы и количество знаков на ней должны соответствовать машинописной странице). На странице должно размещаться 28—30 строк, напечатанных через 2 интервала, количество знаков в строке — 59—60. Объем статьи 1,5—2 а. л.

Список используемой и цитируемой литературы и архивных источников с комментариями должен быть помещен в конце статьи и пронумерован. Номера ссылок приводятся в тексте над строкой. Библиографическое описание источников дается по действующему стандарту, так, как это принято в современной научной литературе.

К статье прилагается краткое резюме объемом не более 0,5 стр.

Наш адрес: 103009, Москва,
ул. Моховая, 9, комн. № 329
Еврейский университет в Москве
Тел. 203-34-41.

